
БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ

ВЫПУСК

4

**БОЙЦЫ
ВСПОМИНАЮТ**

**Пермское
книжное
издательство
1991**

Уважаемые читатели! Вы держите в руках очередной, четвертый по счету, сборник воспоминаний участников Великой Отечественной войны «Бойцы вспоминают». Три предыдущих вышли соответственно в 1982, 1985, 1988-м годах.

Авторы их — носители солдатской правды о войне. О своих фронтовых буднях в этих книгах поведали представители разных воинских специальностей: летчики, пехотинцы, военные журналисты, артиллерист, снайпер, пулеметчик, медсестра...

Из небольших по объему воспоминаний, опубликованных в разное время в сборниках «Бойцы вспоминают», выросли впоследствии такие книги, как «От Перми до Праги» (1983 г.) А. Дюженкова, «Друзья моих военных лет» (1988 г., — 1-е изд. «Летать, всегда летать», 1985 г.) И. Юхнова, «Солдаты милосердия» (1987 г.) Л. Буткевич.

Очень надеемся, что и новый сборник привлечет ваше внимание. История Великой Отечественной, уверены в этом, должна писаться не только военачальниками. «Окопная» правда, может быть, более горька, более жестока, но ведь военная жизнь состояла не только и не столько из побед. Были в ней и соленый солдатский пот, и кровь, и слезы...

СНЕЖНЫЕ ПРИЗРАКИ

*Посвящается
лыжникам Перми*

Степан Савельевич Зубарев. Родился в селе Полетаево Сосновского района Челябинской области. В Великую Отечественную воевал лыжником, пехотинцем на Волховском, Северо-Западном, Воронежском, 1-м Украинском фронтах. Демобилизовался в 1945 году по трем ранениям. Награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени. В настоящее время живет на станции Полетаево Челябинской области. Является секретарем совета ветеранов уральских лыжных батальонов, в которых воевали тысячи пермяков.

К нам, в совет ветеранов уральских лыжных батальонов, поступают десятки писем. Пишут родственники погибших в боях и без вести пропавших. Пишут из всех городов Советского Союза. Спрашивают о дедах, мужьях, сыновьях, братьях.

Легкоподвижные маневренные лыжные подразделения предназначались в годы войны для ведения боевых действий в зимних условиях. В любое время дня и ночи, в любую погоду, зачастую по бездорожью, совершали они рейды по тылам противника, уничтожая вражеские гарнизоны, взрывая склады, мосты, пуская под откос эшелоны с живой силой и техникой противника.

На Урале лыжные части начали формироваться в августе 1941 года в Кирове, Перми, Свердловске, Челябинске, Кургане. В Пермской области они формировались в Бершетских и Нытвенских лагерях, в пермских Красных казармах. А уже в ноябре 1941 года три лыжных батальона прибыли из Перми на Волховский фронт. Им были присвоены номера: 45, 46, 47-й.

Изданный 31 декабря 1941 года по 22-й запасной лыжной бригаде приказ гласил: «Не позднее 2 января 1942 года отправить маршевые лыжные батальоны:

от 19-го полка в город Тутаев Ярославской области: 169, 161, 162-й ОЛБ.

Все последующие — в Рыбинск:

От 277-го полка: 163, 164-й лыжные батальоны.

От 278-го полка: 165, 166-й лыжные батальоны.

От 69-го полка: 167-й лыжный батальон.

От 279-го полка: 168-й лыжный батальон.

От 40-го полка: 169, 170, 171-й лыжные батальоны.

От 280-го полка: 172, 173, 174-й лыжные батальоны.

В каждом батальоне по штатному расписанию 578 человек».

К 1 февраля 1942 года все пермские лыжные батальоны были на Волховском фронте.

В 1942 году в Прикамье были сформированы 19, 20, 21, 22 и 23-я отдельные лыжные бригады. Все они воевали на Северо-Западном фронте. Всего из Перми и области в составе лыжных частей ушло на фронт 16 тысяч человек.

Действия лыжников наводили на фашистов ужас. Не случайно враги называли их «белыми призраками», «снежными призраками», «белой смертью». В захваченных немецких штабных документах говорилось: «На фронт прибыли части из Сибири и Урала, отличающиеся большой стойкостью и умением».

Но жизнь лыжных батальонов была недолговечна. Через два-три месяца боевых действий в них, как правило, насчитывалось по 20—30 человек.

Все лыжные батальоны, сформированные в Пермской области, участвовали в первой попытке прорыва блокады Ленинграда. Прошли «Долину» и «Коридор смерти».

Исключительно тяжелое положение Ленинграда требовало решительных мер. 7 января 1942 года войска Волховского фронта начали активные боевые действия. Три дня пытались прорвать вражескую оборону, но результата не добились. По решению военного совета наступление было приостановлено, проведена перегруппировка частей.

13 января 1942 года войска Волховского фронта возобновили наступление, но успех сопутствовал только 2-й ударной армии. Ей удалось захватить несколько плацдармов на западном берегу реки Волхов. Расширяя их, части армии устремились к главной линии обороны противника в Мясном Бору, вдоль железной и шоссейной дороги Новгород — Чудово. За Мясной Бор разгорелись ожесточенные бои. Поселок несколько раз переходил из рук в руки. 25 января Мясной Бор наконец был взят частями 2-й ударной армии. Образовался 4-километровый коридор. В него был введен 13-й кавалерийский корпус под командованием Н. И. Гусева, а следом части армии, укомплектованные лыжными батальонами. 2-я ударная армия устремилась на Любань — Ленинград, расширяя и закрепляя фланги.

Условия наступления были крайне тяжелыми. Обильные снегопады, сорокаградусные морозы, болотистая местность. Однако, несмотря ни на что, наши войска, обойдя Любань с запада, углубились на 60—80 километров.

Армия приковала к себе до 16 фашистских частей, сорвала предполагаемый штурм Ленинграда. Приходилось очень тяжело. Войска ощущали острый недостаток в боеприпасах и продовольствии. Так, у артиллеристов была установлена норма — два снаряда на пушку. Подвоз и того, и другого был крайне затруднен. И не только из-за плохих дорог. Положение усугублялось главным образом тем, что фашисты постоянно перекрывали образовавшийся у Мясного Бора коридор, ширина которого доходила до

300—800 метров. Чтобы не оказаться в полном окружении, приходилось отвлекать большие силы, помогая 59-й армии, которая специально держала этот коридор, действуя с востока, и вела непрерывные тяжелые, кровопролитные бои.

Создались обстоятельства, вынудившие 2-ю ударную армию перейти к обороне. Это была героическая оборона. При скудном запасе снарядов и патронов, оказавшись практически на голодном пайке, наши бойцы вели активные боевые действия, сражаясь насмерть с вооруженным до зубов, сытым противником. Участвовали в этих боях и лыжники. Газета «Фронтальная правда» от 11 февраля писала:

«Смело идут вперед советские лыжники по снежной целине, по лесам, по болотам. Для них везде дорога. Они внезапно нападают на врага, расстраивают его боевые порядки, беспощадно уничтожают живую силу и технику».

Лыжники 45, 46, 47-го батальонов приняли боевое крещение в ноябре 1941 года южнее Тихвина. 25-я кавалерийская дивизия прорвала оборону фашистов и совершила рейд в глубокие тылы. Лыжные батальоны закрепляли фланги кавалеристов. Позднее 45-й и 46-й лыжные батальоны были передислоцированы к Мясному Бору, а 47-й занял оборону у Грузино...

Вспоминает старшина 3-й роты 172-го пермского лыжного батальона Геннадий Иосифович Геродник:

В деревнях, примыкающих к Мясному Бору, шли тяжелые бои... Мы держали путь к деревне Ольховке, но ввиду чрезвычайного положения батальон был задержан и введен в бой у деревни Земницы.

Знакомимся с обстановкой. Фашисты сидят в крестьянских домах, которые срублены из толстых бревен. В большинстве домов подызбицы — что-то вроде высоких подвалов с окнами. Там немцы установили пулеметы. Между домами поясные траншеи, соединяющие все огневые точки.

Хорошо бы разбомбить немецкие позиции, но мало самолетов, а артиллерия из-за бездорожья застряла где-то в пути. Надо брать штурмом. Таков приказ командования. Создаем штурмовые группы, в снегу проделываем проходы. Фашисты следят за нами, время от времени открывают огонь. На виду у немцев обозначаем ложные проходы, штурмовые же траншеи делаем скрытно. В боях за Мясным Бором фашисты сражались с упорством фанатиков. За каждый отвоеванный метр мы платили дорогой ценой — жизнями товарищей.

После выполнения задания батальон продолжал путь. По прибытии в 4-ю гвардейскую дивизию мы вели бои за Ольховские хутора. На подступах немцы соорудили двухметровый снежный вал и залили его водой. При штурме наши саперы делали проходы в валу с помощью взрывчатки. Болота давали о себе знать даже в феврале, в тридцатиградусные морозы. Многие не замерзли даже зимой. Пехота, конница, артиллерия, обозы проминали снег, попадая в зыбуны и топи. За всю зиму мы не имели ни одной землянки, жили в еловых шалашах.

Нельзя было рыть даже полупрофильные траншеи. Ставили два плетня, между ними набивали хворост, землю, торф. Вот такая стенка и прикрывала от пуль и осколков. В зоне сильного обстрела делали две такие стенки, получалась траншея.

У фашистов на флангах оборона была очаговая. Наш батальон также занимал очаговую оборону, между взводами — неохраемые участки. Если ночью пройдет через такое «окно» немецкая разведка, устраивали за ней погоню.

Как-то я с двумя помощниками вез ночью на волокуше продукты. Из-за метели сбились с пути. Прошли через «окно» в своей обороне, пересекли

немецкую. Покружив у них в тылу, проскочили через их «окно» и пришли в батальон не с юга, а с севера.

Многие дни у нас не было продуктов, приходилось добывать «подножный корм». Собирали на болотах клюкву — северный виноград. Весной наши силы поддерживал березовый сок. Однажды подходим к старой березе, к зарубу подвешен котелок, и сок, наполнивший котелок, стекает на землю, а у основания ствола лежит солдат. Подошли... а он мертвый. Умер, видать, от истощения.

Не думал, не гадал тогда, что придется вести пропаганду среди немцев. По рекомендации политотдела нашему комиссару Емельянову предложили подобрать рупориста, и выбор комиссара пал на меня. Я получил рупор, окрашенный в белый цвет, и книжицу карманного формата с фразами для передачи. Такими, например: «Спасайте свою жизнь!», «Сдавайтесь в плен! Зачем стреляете в нас! Мы такие же рабочие и крестьяне, как и вы!», «Зачем умирать за Гитлера! Переходите к нам! Мы пленных не расстреливаем!»

Так у Мясного Бора я овладел азами диалога с немцами. Работу эту я называю диалогом, а не монологом, потому, что слушатели с той стороны вели себя активно, открывали огонь из автоматов, пулеметов и минометов.

Рупористу нельзя располагаться у ориентиров, нельзя прерывать передачу, если даже рядом рвутся мины. Прекращение передачи означало, что цель рядом. При выходе на сеанс со мной всегда было два ассистента, на случай если меня убьют или ранят.

В батальоне воевали хорошие ребята. В нашей роте служил молодой паренек из Перми Александр Вахонин. Тихий, трудолюбивый солдат. Он вынес

с поля боя более 60 раненых солдат, я тоже обязан ему жизнью. Когда я подорвался на mine, он вытащил меня на волокуше в медсанбат. Вахонин первым в батальоне был награжден орденом Красной Звезды.

После Великой Отечественной войны Геннадий Иосифович Геродник стал писателем, из-под его пера вышло несколько книг. Одна из них — «Моя фронтовая лыжня», в ней повествуется о боевых буднях солдат-лыжников 172-го пермского лыжного батальона.

В главе «Встреча живых с мертвыми» Геродник описывает такой трагический эпизод:

Далеко впереди раздался одинокий взрыв. В чем дело: неужели кто из лыжбатовцев нарвался на мину... Видим: головная застава, штаб, первая и вторая роты делают остановку, лыжбатовцы что-то рассматривают на льду... Добрались и мы до загадочного места. От восточного и до западного берега скованный льдом Волхов усеян телами убитых в белых халатах. Большинство без валенок, у многих даже портянки и носки сняты... Мы сошли с лыж и ходим по полю боя. Подавленно-приглушенные разговоры иногда перекликаются отдельными возгласами:

— Как и мы, лыжники...

— Конечно, только не наши. Из 280-го мы — первые. Может, из 40-го?

— Поглядите: все убитые головой на запад лежат. Значит, не вдоль реки шли, а от правого берега к левому. И не просто шли — атаквали, вон тот бугор штурмом брали.

— А нешто в лоб, на рожон лезли.

Единственный прямой путь с Малой Вишеры на Селищи и Мясной Бор был через Красный Поселок. 13 января 1942 года этот поселок брал наш 44-й лыжный батальон.

Штурм продолжался целый день. 1-я и 3-я роты полегли на волховском льду, и только в 17.30 две резервные роты с ходу ворвались в Красный Поселок. В последующие дни части 2-й ударной армии шли через Красный Поселок на Мясной Бор, а затем на Ленинград.

Вспоминает рядовой 172-го лыжного батальона Дмитрий Яковлевич Ознобишин:

Бои местного значения. Сколько их было в нашей фронтовой жизни. Бои, которые ежеминутно, ежесекундно уносили жизни наших боевых товарищей.

В начале февраля 1942 года наш батальон занимал оборону в районе Ольховки. Правее нас в нескольких километрах стоял артиллерийский полк, который поддерживал нас огнем, но снаряды ложились почти на нашей линии обороны. Вот тут-то и вызвал меня командир батальона. Поставил нам четверым — мне, Шарапову, Тихомирову и Шашову — задачу пробраться в полк и сообщить точные наши координаты. Мы благополучно дошли до артполка, выполнили задание и тронулись в обратный путь. Вдруг на одном из участков леса заметили фигуры, услышали приглушенную немецкую речь. Немедленно рассредоточиваемся вокруг небольшой поляны.

Фашисты, как мы решили, шли в разведку в наш тыл. Их было 15 человек, двое в головном дозоре. Когда все фашисты вышли на поляну, мы открыли по ним огонь из автоматов. Положили всех. Одного раненого офицера, с полевой сумкой, взяли в плен, доставили в штаб. В сумке оказались ценные документы.

В другой раз немцы вышли из окружения и неизвестно где сосредоточились. Нам, группе разведчиков, командование приказало найти место нахождения врага. Вышли на задание. Обнаружили

противника у железной дороги Новгород — Чудово. Когда стемнело, зашли к немцам в тыл и захватили в плен одного офицера. Тот в штабе рассказал, что недалеко в поселке расположилось на ночлег пополнение, свежие силы противника. Командование выделило две роты. Они внезапным ударом наголову разгромили фашистов, захватили пленных.

9 марта 1942 года я был тяжело ранен и после госпиталя получил инвалидность.

Вспоминает заместитель политрука 2-й роты Захар Игнатович Гладышев:

Свою службу я начал в поселке Новоильинском, в 172-м лыжном батальоне. Командиром батальона был старший лейтенант Шкир, комиссаром — батальонный комиссар Корольков (бывший парторг цеха Мотовилихинского завода), командиром нашей роты — лейтенант Зимин, политруком — Мельчаков. Командиры взводов: Бражкин, Фокин и Колегов.

Наш батальон в Малой Вишере попал под бомбежку, были малые потери. Дальше следовали в Большую Вишеру, дошли до реки Волхов. Наши части вели бои за совхоз «Ударник», Мясной Бор. Наш батальон прикрывал фланги в Мясном Бору, когда кавалеристы генерала Гусева начинали прорыв на Любань. Участвовали в боях за поселок Земницы, за Ольховские хутора. Мы выполняли разные боевые задачи: совершали рейды в тыл противника, участвовали в эстафетной связи, ходили в разведку.

На фронте происходило всякое. Вспоминаю, например, такой случай.

Возвратился как-то с задания, зашел в землянку, там в это время много народа собралось, сел

на лавку у стола. Вдруг через открытую дверь влетает снаряд и плюхается прямо к ногам. Немного покрутился, как юла, и остановился головкой в мою сторону. Я сгоряча-то схватил снаряд и вынес его из землянки, бросил в сторону. Только после этого почувствовал бессилие — ноги прямо отказались повиноваться. Когда нес снаряд, заметил, что у снаряда боеголовка была завернута с перекосом.

Солдаты двое суток ходили мимо снаряда, косились на него, боялись какого-нибудь сюрприза.

Через два дня в наше расположение приехал командир полка Филиппов. Он сделал нам разгон и приказал своему ординарцу отнести снаряд подальше. Тот взял снаряд и поднес к воронке от авиабомбы. Бросил. И тут звучит оглушительный взрыв. Бедного связного разнесло на части.

Когда батальон пришел к Ольховским хуторам, получили приказ занять исходные позиции. Утром атака. Морозно. Снег выше колен. Бредем еле-еле, ни дать ни взять — движущиеся мишени. Падают раненые и убитые. Стреляю из-под ольхи. Неожиданно кончились патроны. Меняю диск. Вдруг чувствую удар по руке. Вскрываю на ноги, оборачиваюсь назад, думаю: «Кто это ударил меня сзади?» В это время удар по голове. Из глаз искры. Падаю лицом в снег. Очнулся — рука не сгибается, мозжит, в рукавице мокро, голова раскалывается от боли. Начинаю ползти с поля боя, отталкиваясь ногами. Меня прикрывает огнем командир 3-го взвода Степан Бражкин. Из медсанбата был эвакуирован через Малую Вишеру в город Горький. В госпитале пролежал три месяца. В мае выписываюсь с заключением врачей: «К строевой службе не годен». Направление дали на санитарно-транспортное судно, на должность старшины. Плавали по маршруту: Калинин — Горький, а в

июле 1942 года к Сталинграду. Вскоре был направлен в Саратовское пехотное училище, в автоматный батальон. Учились недолго. Быстрые сборы, и в вагоны. Едем — не знаем куда, но не на Сталинград, а куда-то на север. Приехали на Ладогу — станция Адово. Посадка на суда, и в осажденный Ленинград. Участвовали в прорыве блокады под Ново-Сергиевской, Большим и Малым Манушкиным. Переброска в Колпино. 9 февраля занимаем Красный Бор, Степановку, Феклистово, Чернышево; на этом наступление закончилось, в составе 55-й армии перешли к обороне. Начались три месяца тяжелейших боев. Попытка весеннего наступления — и от бригады осталось одно воспоминание. Сливают с 33-й бригадой охраны города, образуется 98-я дивизия. На катерах нас перебрасывают на Ораниенбаумский пятачок. Готовимся к полному снятию блокады, к уничтожению петергофской группировки немцев. Входим в Приморскую оперативную группу под командованием генерал-майора Останина. Участвуем в боях за Ропшу, Лугу, Кингисепп, Нарву, Таллинн. Получил медаль «За отвагу», был еще дважды ранен. Пролежал на больничной койке три месяца и был направлен десантником в 1-ю Ленинградскую танковую бригаду. Долгожданную Победу встретил в Вене.

Вспоминает младший сержант Петр Сергеевич Сергеев:

Наш 173-й лыжный батальон формировался в Перми, на Новоильинском сплавном рейде. Во время движения эшелона перед Бологим — на станции Медведево — попали под бомбежку. Еще до фронта не доехали, а уже появились убитые и раненые. Второй раз наш батальон попал под бомбежку в Большой Вишере, снова жертвы.

Дошли до станции Гряды, далее марш к реке Волхов. Шли по поселкам вдоль Волхова, но видели только одни печные трубы — дома все сожжены. В середине февраля 1942 года прошли Ямно, совхоз «Ударник», Мясной Бор, вошли в горловину прорыва и прибыли в Ольховские хутора. Только расположились, приготовили завтрак из сухого пайка, начался обстрел нашего района. Весь день нас бомбила фашистская авиация. Когда наступил вечер, батальон двинулся на северо-запад.

23 февраля участвовали в освобождении Красной Горки. Рано утром заняли исходные позиции. День был пасмурный, холодный — более 40 градусов. Началась артподготовка — стреляло несколько орудий. Дали всего несколько залпов. Слышу команду: «За Родину! Вперед, на Ленинград!» Многоголосое «ур-а!» раскатывается по лесу. Только начали выходить из леса на опушку, как противник обрушил на нас смертоносный огонь. Лыжники падали, как скошенные. Ко мне подбежал связной командира роты и передал приказ командира младшего лейтенанта Богатикова: «Броском вырваться вперед!» Я подаю команду: «Отделение, броском вперед!» Устремляемся к немецким дзотам. Нашему примеру следуют остальные лыжники батальона. Фашисты уже знали о бесстрашных уральских лыжниках, не зря же нас называли «белой смертью», и, не оказывая особого сопротивления, отступили. Мы захватили несколько дзотов.

Через несколько минут противник перешел в контратаку и восстановил утраченное положение. Мы вынуждены были отойти на прежний рубеж. Во время немецкой контратаки я был ранен в ногу, товарищи донесли меня на перевязочный пункт. Оттуда отправили в госпиталь, в Боровичи...

Вспоминает командир отделения связи минометной роты Юрий Георгиевич Соловьев:

Наш 163-й батальон формировался в Перми в 277-м запасном лыжном полку. 7 января 1942 года прибыли на станцию Малая Вишера. Дальнейший путь батальона — на Спасскую Полисть. Занимались мы в основном тем, что куролесили по тылам противника: отрезали ему, когда наши войска действовали в наступлении, пути отхода из населенных пунктов.

В мою задачу входило выдвижение к условному ориентиру, установление телефонной связи со штабом и корректирование огня наших минометных и артиллерийских батарей. В это время батальон выдвигался вперед и занимал оборону, позднее на смену ему приходили стрелковые части. Батальон отходил на отдых. Подобные ответственные задания выполняли в течение января и февраля.

В ночь с 24 на 25 февраля наш батальон перебросили на новый участок фронта. После залпов «катюш» взломали немецкую оборону и углубились на 15 километров. Вместе с нами в этой операции участвовали минометный батальон, рота противотанковых ружей и Кировский лыжный батальон. Завязался бой за какую-то станцию. На рассвете фашисты предприняли мощную контратаку и, расчленив нас на отдельные части, завязав в «мешок», приступили к уничтожению. Я был ранен в руку еще в первые часы нашей блокады, и товарищи успели вывезти меня на волокуше через горловину «мешка». Наш комбат лейтенант Николай Окулов собрал оставшихся в окружении около 80 боеспособных солдат. Ночью они смяли фашистов на одном из участков и вышли в расположение основных сил. Сам командир при выходе

был тяжело ранен в ногу, которую ему в медсанбате отняли.

Так прекратил свою боевую жизнь 163-й лыжный батальон. А для меня в 1942 году закончилась война. Три месяца пролежал в госпиталях, но руки не смогли сохранить — ампутировали.

Вспоминает Федор Артемьевич Носков:

В начале января 1942 года на Волховский фронт выехал 174-й лыжный батальон, в котором мне довелось принять боевое крещение. Сформирован он был в Перми, в районе поселка Каменный Рейд. Командовал им старший лейтенант Лавров.

По прибытии в Малую Вишеру совершили марш к линии фронта, через Большую Вишеру, затем к реке Волхов. Перешли его. Дальше наш марш был через Мясной Бор. В районе Александровской колонии прикрывали фланги конницы генерала Гусева, потом наш путь пролегал через Ольховку, Финев Луг, на Красную Горку. Там наш батальон вошел в подчинение командира 22-й стрелковой бригады. Во время боев под Красной Горкой я был ранен в руку и попал в медсанбат. Через две недели возвратился в свое подразделение, стал связистом.

Наш батальон участвовал в освобождении деревень Ручьи, Тигода, Лука. В этих боях я был снова ранен, выходил из окружения.

В дальнейшем попал в артиллерию и воевал на Ленинградском фронте. Там-то я снова встретился с 22-й стрелковой бригадой. Мы поддерживали ее огнем.

В 1944 году служил в составе 4-й гвардейской танковой армии на 1-м Украинском фронте в 430-м гвардейском артиллерийском полку. С ним дошел до Берлина, потом до Праги.

Вспоминает Георгий Павлович Жугов:

Из Перми 170-й лыжный батальон выехал на фронт в декабре 1941 года. Прибыли в Малую Вишеру. На лыжах двинулись к фронту, перешли Волхов и с ходу вступили в бой. Батальон участвовал в освобождении Дубовика, Поддубья, Малого Елгино, Горок, станции Каменка, Родофиниково, где должны были встретиться с войсками Ленинградского фронта. Нас всегда выдвигали на передний край. Ночью подползаешь близко к фашистам, а утром начинаешь их брать на мушку и отправлять в преисподнюю.

Во время боевых действий лыжники проявляли героизм. О смерти думать было некогда, шли вперед. Частенько отправляли печальные письма родным наших погибших друзей. Хочу рассказать о невероятном случае в моей фронтовой жизни. А было это так. В одном бою батальон продвинулся на несколько километров, но противник оказал отчаянное сопротивление, и мы вынуждены были перейти к обороне. Во время атаки каждый солдат устремляет свой взгляд вперед, на противника, и часто не замечает, как рядом, сраженный пулей, падает сосед. Так случилось и со мной в этом бою. Только после того как наша атака захлебнулась, ищу взглядом и не нахожу своего товарища пермяка Виктора Мерзлякова.

Когда подали команду: «На обед!», — я пошел назад по той тропе, по которой пришлось наступать. Мерзлякова увидел неожиданно. Остановился. Он лежит без признаков жизни. Погиб, решил я. Чтобы труп не обезобразили птицы или звери, оттащил его в сторону с тропы и зарыл в снег. Так и считал Мерзлякова погибшим. Сам же продолжал свой боевой путь. В феврале 1942 года был тяжело ранен, потерял сознание. Пока лежал, обморозил пальцы на правой ноге. Был направлен в

госпиталь, провалялся там до апреля и снова на фронт. 17 июня 1942 года — опять тяжелое ранение. Восемнадцать осколков попало в легкие. После госпиталя был признан негодным к строевой службе. Приехал в Челябинск, здесь записался добровольцем в 181-ю танковую бригаду, с ней выехал на фронт. Был еще несколько раз ранен, после войны возвратился в Пермь. Начал работать на судоремонтном заводе.

Прошло 20 лет. Иду как-то по улице, смотрю, стоит легковая машина, а за рулем... Мерзляков. Но он же погиб! Подхожу, спрашиваю: «Ты ли это, Виктор Иванович?» Он отвечает: «Как видишь, я!»

Как выяснилось, Виктора откопали и доставили в полевой госпиталь санитары. 11 суток лежал он без сознания, но все-таки выжил.

После «смерти» Виктор Иванович Мерзляков прожил еще 46 лет, умер он в 1988 году.

Вспоминает командир роты лейтенант Борис Александрович Носков:

Когда наш 45-й лыжный батальон прибыл из Перми под Тихвин, город был уже освобожден от фашистов. Нашему батальону пришлось участвовать в преследовании отступающего противника вплоть до реки Волхов. До конца декабря 1941 года наш батальон использовался для разведки глубоких тылов противника, захвата «языков».

В начале января 1942 года нас направили под Малую Вишеру. Когда 2-я ударная армия прорвала оборону противника на Волхове, наш батальон вошел в ее подчинение. Он использовался для нанесения противнику фланговых ударов.

Последний бой, в котором мне довелось принимать участие, был за Новую Деревню. В ночь на 30 января 1942 года мы ее освободили. В бою, по-

мимо нас, участвовали другие лыжные батальоны и стрелковые подразделения.

Архивные документы так свидетельствуют о совместных действиях стрелковых подразделений с лыжными батальонами.

«Начальнику штаба 2-й ударной армии.

57-я отдельная стрелковая бригада после прорыва оборонительной полосы на реке Волхов и овладения Высоким, Коломно, Кузино понесла значительные потери. 27 января 1942 года была сосредоточена в поселке Бор, где на пополнение бригады были влиты четыре лыжных батальона: 42, 45, 46, 49-й. При достижении Ольховки 42-й лыжный батальон был изъят из подчинения командира 57-й бригады».

Из боевого распоряжения от 29. 1. 42 г.:

«45, 46, 49-й лыжные батальоны участвовали совместно с 87-й кавалерийской дивизией 13-го кавалерийского корпуса в овладении населенным пунктом Новая Деревня и отметки 47,8 северо-западнее Новой Деревни. В результате проведенной операции Новая Деревня была взята с ходу... В дальнейшем при развитии операции лыжные батальоны принимали участие в отражении контратак на Новую Деревню и в атаке на Кривит и Ручьи».

Действительно, после взятия нами Новой Деревни противник предпринял попытку восстановить утраченное положение. 31 января силами до трех рот немцы, поддерживаемые тремя танками, пошли вперед. Было отбито несколько контратак. Во время одной из них я был тяжело ранен в ногу, руку и грудь и отправлен в госпиталь. По излечении получил инвалидность и возвратился к мирному труду.

К 28 февраля 1942 года лыжные батальоны насчитывали в своем составе: 45-й — 17 человек, 46-й — 25, 49-й — 12 человек. 24 марта 1942 года они были расформированы. В марте — апреле расформируются также 39, 50, 166, 169, 170, 171-й лыжные батальоны.

Так были ликвидированы все лыжные батальоны, действовавшие со 2-й ударной армией. Оставшийся личный состав входил в стрелковые части, в которых действовал в небывалом трагическом сражении более 150 суток.

В марте 1942 года двум стрелковым дивизиям были присвоены почетные наименования: 366-й стрелковой — 19-й гвардейской и 111-й — 24-й гвардейской.

В апреле заболел командующий 2-й ударной Клыков, и на его место из штаба фронта прибыл Власов, предательство которого впоследствии почему-то легло пятном на всех воинов 2-й ударной.

О трудностях повседневной солдатской жизни на Любанской Малой земле рассказывает старший политрук 1102-го стрелкового полка 227-й стрелковой дивизии, которая в конце операции прикрывала планомерный отход частей к Мясному Бору, Павел Васильевич Кухленко:

Наша батарея находилась в «мешке» за Мясным Бором. Проходящий транспорт обстреливался противником с обеих сторон. Внутри «мешка» мы сами настилали лежневую дорогу по болотам. Это удавалось с большим трудом. От недоедания наши силы убывали с каждым днем. По ночам с самолетов нам пытались сбрасывать мешки с сухарями. При падении мешки разрывались, а сухари разлетались по глубокому снегу. Сильно сказывался недостаток соли, появились массовые заболевания цингой. Медики порекомендовали запаривать хвою, и мы стали пить отвар. Этим спасли зубы и поддерживали свое общее состояние. Но удивительно, что и в такой трудной обстановке среди нас не было нытиков.

Весной в пищу пошла крапива, березовый сок. Ввиду отсутствия лошадей и техники орудия с позиции на позицию таскали на себе, боеприпасы и раненых тоже. И это по топям-то, по болотам!

В апреле Волховский фронт был преобразован в Волховскую оперативную группу с подчинением Ленинградскому фронту, но положение не улучшалось. Нам стали сбрасывать листовки за подписью М. И. Калинина, ЦК ВЛКСМ и Политического управления. В них говорилось: «Стойко сражайтесь до конца!» Сообщалось, что страна идет на помощь. Однако обстановка ухудшилась. Фашисты бросили против нас свежие части, очень активно действовала их авиация.

25 мая был получен приказ на планомерный отход частей к Мясному Бору, а далее на Большую землю. Коридор же был закрыт.

Наша дивизия прикрывала отход частей армии. В сумерках мы оставили свои позиции у Красной Горки, заняли оборону у Финева Луга. Отход был тяжелым. Пушки, боеприпасы, амуницию — все тащили на себе. Дошли до железной дороги Новгород — Ленинград. Здесь обнаружили вагонетки. Погрузили на них орудия и амуницию и перекатали в Роговку. Сразу же стали укреплять позиции, но стрелять было почти нечем — оставалось по 3—4 снаряда на орудие.

Размеры «мешка» значительно сократились. Кроме воинских частей, здесь оказалось много гражданского населения. Всюду бродили дети, женщины, старики, просили хлеба, но мы сами были без пищи. По местам скопления людей фашисты вели артиллерийско-минометный огонь. Каждый участок земли у них был пристрелян.

Круглосуточно бомбила авиация противника. После бомбежек и обстрелов на месте леса, среди

сплошных болот, оставались высокие расщепленные пни, на которых висели клочья одежды и куски человеческого мяса.

Начали отводить мирных жителей и раненых к Мясному Бору. Мы же обороняли Финев Луг и Роговку. Немцы захватили последнюю посадочную площадку самолетов, слева шла многочасовая рукопашная схватка, в которой участвовали с обеих сторон тысячи солдат.

Фашисты угрожали захватом Роговки, и мы отошли к Водокачке, а затем к Новой Керести. Комиссар 1100-го полка просил огонька, но у нас остались последние снаряды, на крайний, критический случай.

Нам удалось подключиться к телефонной связи. В то время начальник штаба армии вел разговор с командиром 19-й гвардейской дивизии, указывая пути отхода. Это помогло нам сориентироваться, и мы пошли к узкоколейной дороге. Но паровоз и вагоны были выведены из строя, все снаряжение мы тащили на себе.

Продолжая отход, у Старой Керести вошли в густой лес. Здесь размещался армейский госпиталь. В нем много раненых, некоторые уже скончались. Раненые размещались на чем попало: на ветках из хвои, платформах, подмостках из разных материалов. Мертвых мы похоронили, не выясняя личности, выкопав траншею глубиной в один штык лопаты, дальше была вода.

Фашисты шли по пятам. Настало время отходить к Мясному Бору. Пришел командир, 1100-го полка Сульдин и передал распоряжение командира дивизии Антюфеева оставить восемь человек для прикрытия лежневой дороги. Оставить на верную смерть.

Вскоре у Мясного Бора, среди сплошных болот, сосредоточилась вся армия 2-й ударной.

10 июня нашим командованием к Мясному Бору были подтянуты три воинских соединения. Бои продолжались целый день, но прорвать оборону противника советские войска не смогли.

Наконец 19 июня советские воины опрокинули фашистов, пробили коридор шириной 300 метров и, пройдя около пяти километров вглубь, соединились с частями 2-й ударной армии. В этих боях был полностью обескровлен 244-й кавалерийский полк 87-й кавалерийской дивизии. В живых осталось 35 человек.

Начался вывод из «мешка» мирных жителей и раненых. Следом выходили части армии. Люди шли сквозь сплошной кинжальный артиллерийский, минометный, пулеметно-автоматный огонь. Падали, поливая кровью каждый метр земли. И так по всему пятикилометровому коридору.

К вечеру 24 июня фашисты снова замкнули «мешок». К утру коридор был опять пробит и укреплен позициями танков по обеим сторонам. Утром 25 июня продолжили выход окруженных частей. Противник прямой наводкой вел огонь по нашим танкам и солдатам. К вечеру немцам удалось ликвидировать коридор.

На северо-западе от Мясного Бора наступила тишина. Но выход из окружения наших солдат продолжался и позднее. Выходили поодиночке и группами, самостоятельно и с помощью партизан.

После окончания войны в районе бывшего «Коридора смерти» было собрано около 800 килограммов гильз с каждой пулеметной точки. Пули, выпущенные с них, достались воинам 2-й ударной армии. По данным печати, здесь погибло 6 тысяч человек. Только в Мясном Бору в трех братских могилах похоронено 4,5 тысячи человек, а сколько

безвестных героев осталось лежать в лесных трясинах и болотах! До сих пор комсомольские поисковые отряды находят в «Долине Смерти» останки наших погибших солдат.

Теперь настало время поведать о героическом подвиге 47-го Пермского лыжного батальона. Рассказ составлен по свидетельствам немногих, чудом оставшихся в живых ветеранов.

Вспоминает Сергей Кузьмич Мальцев:

Командиром батальона был старший лейтенант Александр Акимович Ерастов, комиссаром Федор Ильич Фомин.

По прибытии под Тихвин в начале ноября 1941 года наш батальон принимал участие в прорыве 25-й кавалерийской дивизии в тыл противника. Мы прикрывали ее фланги, а также преследовали отступающего противника. После этой операции батальон был передислоцирован в Грузино, где стоял в обороне.

В январе получили задачу занять плацдарм на западном берегу реки Волхов. Стояла холодная погода, снег лежал метровым слоем, идти было очень трудно. Двигались в направлении деревни Зеленцы, придерживаясь деревьев или кустарников, но стоило только выйти на опушку леса, как противник обнаружил нас и открыл шквальный огонь. Наступление сорвалось.

Только в марте удалось захватить плацдарм площадью до двух квадратных километров. Наш передний край был в 80 метрах от железной дороги Чудово — Новгород, находившейся в руках фашистов. Они никак не хотели мириться с нашим близким соседством, но в течение всей зимы не смогли сломить стойкую оборону пермских лыжников. Батальон имел прочную связь с тылами своей дивизии.

Мы готовились к решающим боям, завезли на плацдарм все необходимое с двухмесячным запасом. Батальон был усилен пушками, минометами, пулеметным взводом под командованием старшины Криницына, взводом саперов, радистами с радиостанцией. Для транспортной связи за нами было закреплено два катера.

Фашисты выжидали, когда наступит ледоход, чтобы опрокинуть лыжников в свирепую стихию буйного Волхова. А Волхов весной действительно грозен. Из-под Новгорода сюда немецкое командование перебросило полк «Голубой дивизии».

Мы твердо удерживали оборону. Одновременно выполняли другие боевые задачи: вели разведку, добывали «языков». В одной операции по захвату «языка» я участвовал вместе с моим земляком Евгением Зориним. Задание выполнили успешно, доставили пленного в штаб, но при возвращении оба были ранены. Меня направили в госпиталь. По излечении снова возвратился в свой пулеметный взвод, но Криницына в нем уже не было, командиром стал Юркин...

Наступила весна. Лучи солнца все чаще стали пробиваться сквозь черные тучи копоти и дыма, пригревать продрогушую за долгую зиму землю. Снег таял, образуя потоки. Вся масса воды стекала в Волхов, затопляя лед.

Защитники плацдарма на западном берегу Волхова не могли тогда знать, что почти всем им осталось жить совсем недолго, что их судьба — погибнуть, погибнуть героически, не сделав шага назад с плацдарма. Не могли тогда они знать, что живыми останутся лишь те раненые, кого отправят на катере за двое суток до полной гибели батальона. Только они расскажут нам о последних днях «плацдарма Ерастова».

21 апреля начался ледолом. Волхов проявил всю свою силу и мощь. 30 апреля на наш дозор вышел немецкий перебежчик, которого доставили в штаб батальона. Он сообщил, что фашисты готовятся к ликвидации нашего плацдарма. А. А. Ерастов приказал мне доставить пленного в штаб дивизии. На единственной лодке нас переправили на восточный берег Волхова. Я сдал пленного в штаб и возвратился назад, к реке. В это время услышал канонаду, взрывы и пулеметно-автоматные очереди. Понял, что фашисты перешли в наступление. На плацдарме шел бой. Попросил начальника береговой охраны перевезти меня на плацдарм. Он выделил мне бойца, и мы поплыли на лодке. Примерно на середине реки в лодку ударила мина, но не разорвалась, а расколола нашу посудину, и мы покинули ее. Я поплыл к островку. Выбравшись, разулся, снял некоторую одежду и поплыл дальше. Но плыть было трудно, течение относило в сторону, холодная вода сковывала движения рук и ног, и они отказывались повиноваться мне. Несколько раз уходил под воду с головой, но, прилагая невероятные усилия, всплывал. Постепенно силы оставляли меня, и я начал кричать, звать на помощь.

Противник повторял атаки, наседая на пулеметчиков. Порой не было слышно собственного голоса. Я плыл недалеко от позиций пулеметчиков, где сражались с врагом мои соратники Юркин, Отрадный, Гриценко, Фертиков, Векслер и другие. В момент затишья ребята слышали мой крик, побежали к реке, помогли вылезти из воды: «Ты откуда, Сергей?»

Я рассказал друзьям о том, что со мной произошло.

В это время противник снова пошел в атаку.

Мы быстро побежали на огневой рубеж, прихватив с собой, сколько могли, боеприпасов. В туманной дымке снежной пыли вырисовывались фигуры фашистов. Вскоре они стали хорошо видны нам. Подпустив немцев на близкое расстояние, мы открыли по ним огонь из всех видов оружия. Оставив на поле боя более десятка трупов, фашисты отступили.

О начале боя рассказывает Павел Васильевич Работнов:

Узнав намерения фашистов, комбат приказал отойти на запасной рубеж. 30 апреля рано утром фашисты начали мощную артиллерийскую подготовку, которая продолжалась два часа. На плацдарм были обрушены тонны смертоносного металла. Снаряды и мины рвались сплошь, земля вздрагивала от взрывов.

После интенсивного артобстрела немцы смело пошли вперед. Батальон вернулся на передовой рубеж и открыл огонь по врагам. Атака фашистов захлебнулась. Однако их попытки взломать нашу оборону следовали одна за другой вплоть до позднего вечера.

На следующее утро фашисты повторили артиллерийскую подготовку, но командование батальона предвидело это. Мы снова отошли. Когда батальон возвратился на свои позиции, рубеж был неузнаваем: все было в буквальном смысле перепахано. Вскоре немцы без всякого опасения пошли в атаку. Они, по-видимому, были уверены, что перемешали защитников плацдарма с землей. Батальон обрушил на противника ураганный огонь. Фашисты панически отступили на исходный рубеж. Однако их атаки продолжались до самого вечера. Силы были неравные. Противник потеснил нас на некоторых участках. Командир батальона А. А. Ерастов был

ранен в руку, но категорически отказался покинуть поле боя. Ему сделали перевязку, и он продолжал руководить боем. Над плацдармом сгустились сумерки, и враг прекратил атаки. Мы все время были начеку, ожидая очередной вылазки со стороны немцев. Время тянулось мучительно долго. Казалось, ночи не будет конца. Нам не спалось. Каждый думал: что же принесет новый день боев. Иллюзий мы не строили, понимали, что будет еще тяжелее, чем вчера. Понимали и то, что многим из нас жить осталось считанные часы...

Над плацдармом вставал ленивый рассвет, из-за деревьев и кустарников уползала сонная темнота ночи.

Фашисты снова начали атаковать отдельными группами, а у нас не было сплошной обороны, очаговая.

Рассказ продолжает Сергей Кузьмич Мальцев:

1 мая мы отбили 6—7 атак, 2 мая — 4 атаки, а 3-го наш фланг был совсем оголен. Под вечер я был ранен в ногу осколком. Товарищи сделали перевязку и помогли дойти до санитарного пункта, который находился недалеко от подбитого танка. В 19 часов послышался топот ног, кто-то бежал к нам. Это был один из командиров взводов. Он торопливо заговорил: «Товарищи, кто может держать оружие, за мной! Немцы возобновили атаки и теснят нас». Кто как мог, поползли, застыляли на передовой рубеж. Подоспели вовремя, натиск противника был отбит. В тот день он больше не предпринимал атак. Часа в два ночи подошел бронекатер и забрал всех раненых.

Вспоминает Евгений Алексеевич Чуркин:

Я был связным командира батальона, и все последние дни был при комбате. Наш командный пункт находился у подбитого танка, там же был

перевязочный пункт. Но с самого первого дня боев комбат А. А. Ерастов и комиссар Ф. И. Фомин находились в первых рядах защитников плацдарма. Когда комбат был ранен, я перевязал ему руку. 2 мая по цепи передали: ранен комиссар. Я подполз к Федору Ильичу Фомину и сделал ему перевязку, уйти с поля боя он отказался. 3 мая фашисты отсекали нашу третью роту, и Ерастов мне приказал: «Провести группу лыжников и помочь выйти из окружения!» Мы пробирались по-пластунски и пришли вовремя. Рота несла большие потери. Внезапной атакой мы привели врага в смятение, в результате рукопашной схватки одолели фашистов и все вместе вышли в расположение батальона.

Командование 288-й стрелковой дивизии предполагало, что наш батальон продержится от силы два-три дня, но вот наступил четвертый, а плацдарм все еще был в наших руках.

К концу четвертого дня нас осталось 35 человек, — продолжает рассказ Павел Работнов, — разбиты пушки, минометы. Противник наседал со всех сторон. Пулемет противника не давал поднять головы. Думали, скоро конец. Но в это время комиссар Фомин со связкой тола пополз к пулеметной точке. Фашисты заметили его и решили взять живым. Когда они оказались рядом с Фоминым, раздался взрыв. Смолкла огневая точка, распластались вокруг комиссара фашисты.

Лыжники продолжали отбивать бесконечные атаки врага. 35 человек почти трое суток стояли насмерть.

Героическому подвигу смельчаков поэт Чивилихин посвятил поэму «Тридцать пять».

Готовят немцы фланговый удар,
Связной подумал: «Видно, дело плохо».

«Бывало хуже», — молвит комиссар.
Его не раз спокойствие спасало.
Зов комиссара, слово коммуниста —
Вот что на подвиги ведет.
Он знает все: тропа войны терниста,
Он знает: путь к победе каменист,
Но непреклонна воля коммуниста,
За то он и зовется — коммунист.

— На плацдарм я прибыл 30 апреля, — рассказывает Иван Кириллович Квитка. — Командовал взводом саперов из 577-го саперного батальона. Познакомился с Ерастовым. Это был человек большой храбрости, энергии и души. Решительный и мужественный командир. Он пользовался большим авторитетом среди бойцов.

Под стать командиру был и комиссар Ф. И. Фомин. Помню, как-то в перерыве между атаками фашистов он обратился к бойцам: «Дорогие мои товарищи! Настало время испытания нашей стойкости и верности Родине. Нам не на кого надеяться, нам никто теперь не поможет. Перед нами противник, во много раз превосходящий нас и вооруженный до зубов. За нашей спиной — разбушевавшийся Волхов. Наша Родина с надеждой смотрит на нас!»

А. А. Ерастов и Ф. И. Фомин не раз ходили с бойцами в контратаки. Комиссар лично уничтожил 14 фашистов.

Радисты на плацдарме погибли в первые же дни боев, — вспоминает бывшая радистка Вера Арсентьевна Даутова. — Обстановку, которая складывалась на западном берегу, доложил начальнику управления связи Мезенцев. Он переплыл Волхов в нательном белье. Командование приняло меры по оказанию помощи батальону. Туда были посланы два радиста с радиостанцией. Когда они переправлялись через Волхов, в лодку попал снаряд. Снова

послали двух радистов. Они благополучно добрались до плацдарма. По прибытии в батальон один из радистов — Лычев — доложил: «Шифровки уничтожены. Буду передавать открытым текстом!»

Во время передач с плацдарма он все время запрашивал «ласточки» — самолеты и артиллерию.

В последние дни никакой линии обороны не было, — вспоминает Евгений Иванович Зорин из Перми. — Противник просачивался отдельными группами, и нам приходилось отражать его атаки со всех сторон. Ходили в рукопашную, применяли гранаты.

На правом фланге сражались пулеметчики, которыми командовал в последние дни коммунист Василий Отрадный. Наконец Отрадный остался вдвоем со своим вторым номером. Они продолжали отбиваться от наседавших врагов. Косили фашистов огнем, забрасывали гранатами. Под конец были тяжело ранены и потеряли сознание. Фашисты захватили пулеметчиков в плен. Их привели в чувство, долго пытали и расстреляли на берегу Волхова. Они умерли, сохранив до последнего вздоха верность Родине.

Батальон противостоял огромной силе противника, — вспоминает Павел Васильевич Работнов. — Он противопоставил врагу мужество, отвагу и героизм. Командир роты лейтенант Черепанов из противотанкового ружья подбил немецкий танк.

Богатырь В. Г. Шадрин заколол штыком 11 фашистов. Умело работали прикладами, ножами и гранатами красноармейцы Е. Садовый и Г. Иванов.

На шестой день в строю вместе с ранеными осталось десять человек. Командиру батальона перебило вторую руку.

В тот день, — вспоминает Евгений Алексеевич

Чуркин, — радист Лычев передавал в штаб: «Снова начался бой. Иду в атаку! Атака отбита! Дайте «ласточки»!»

Боеприпасы подходили к концу. Командир пишет донесение. Трех раненым, в их числе был и я, приказывает доставить пакет в штаб дивизии. Мы связали два бревна колючей проволокой, легли на них животами и, гребя руками, переправились через Волхов. Из штаба дивизии нас отправили в госпиталь.

Позднее я узнал исход боя. Когда мы отправились с пакетом, у защитников плацдарма кончились боеприпасы. Ерастов приказал оставшимся солдатам отойти к реке и попытаться переправиться на восточный берег. Сам же продолжал отстреливаться. Фашисты обтекали его со всех сторон. Последний патрон комбат израсходовал на себя.

В конце боя Лычев передал: «Комбат убит, второй радист убит. Прощайте, товарищи!»

О последнем дне сражения на плацдарме рассказывает начальник разведотдела 4-й армии Я. И. Ермолаев:

5 мая фашисты всеми своими силами, до двух полков, перешли в наступление против лыжного батальона, с целью полного его уничтожения. Батальон был отрезан с трех сторон водой, потерял связь с НП. Оказать огневую поддержку мы ему не могли, так как неизвестна была линия обороны батальона. Да и была ли она вообще? Батальон вел бой с превосходящими силами противника, неоднократно переходя в контратаки, вступая в рукопашную.

5 мая в 12 часов штаб 4-й армии получил по радио донесение: «Веду бой в окружении, в расположении командного пункта. Погибнем, но не сдадимся! Не считайте предателями! Да здравствует Советская Родина! Ерастов». Фашисты считали ба-

тальон коммунистическим и даже раненых расстреливали.

Подвиг 47-го Пермского лыжного батальона не забыт.

За проявленный героизм и отвагу старший лейтенант Александр Акимович Ерастов был посмертно награжден орденом Ленина, а Федор Ильич Фомин — орденом Красного Знамени. В поселке Красный Форфорист, что недалеко от Чудово, в местной школе создан музей. Лучшему пионерскому отряду присваивается наименование «Отряд имени Ерастова».

В летние каникулы учащиеся многих школ посещают плацдарм, собирают экспонаты для своих музеев.

В заключение несколько свидетельств о боевом пути лыжных бригад, сформированных в 1942 году.

Вспоминает Иван Петрович Костин:

В октябре 1942 года меня перевели в 23-ю лыжную бригаду. А в ноябре — в 21-ю лыжную.

В январе 1943 года нас направили на фронт. В Бологое покинули вагоны и маршем по азимуту двинулись ближе к фронту. Была команда: «Без шалашей! Костров не разводите!» Это было своего рода первой проверкой нашей прочности. Шли через Осташков к реке Ловать. 15 марта прибыли в распоряжение 1-й ударной армии. Меня назначили офицером связи в оперативном штабе армии. Наш батальон в боевых действиях не участвовал, также, как и бригада. В мои функции входила срочная доставка пакетов с разными приказами, распоряжениями в свой батальон. В основном это были приказы на перемену места дислокации.

19 апреля 1943 года наш батальон был выведен на исходный рубеж атаки. Через некоторое время на взмыленной лошади прискакал связной офицер по особым поручениям и передал приказ об отмене атаки. Необходимо было совершить марш в распоряжение 4-й десантной бригады. В приказе предпи-

сывалось: «27 апреля прибыть на станцию Саблаго около Осташково». Марш был очень трудным. Глубокие снега, короткие привалы, во время которых люди сразу падали в снег и моментально засыпали. 26 апреля прибыли на место и влились в 4-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию. Меня назначили дежурным в штаб 9-го десантного полка.

2 мая 1943 года погрузились в эшелоны и через Москву, Касторное прибыли на станцию Горшешная. В начале июля начался марш на запад до станции Поныри.

Рано утром 5 июля началась Курская битва, наша дивизия вступила в бой в 17 часов.

В конце июля я был ранен в живот, от смерти спас ремень.

В составе 21-й лыжной бригады из Перми на фронт выехал Алексей Иванович Горбунов. Он рассказал интересный эпизод из жизни на фронте:

Когда освободили совхоз «Красный пахарь», бригаду перебросили к Демьянскому перешейку. Вот там и произошел этот случай. По распоряжению командира взвода старший сержант Васильев учил рядового Пинаева ходить на лыжах. Видимость была плохая, шел густой снег, вьюжило. Каково же было их удивление, когда они увидели вблизи двух всадников. Пригляделись и глазам своим не поверили. Немцы! Один — офицер, второй — солдат. Наших лыжников они не заметили. Решили взять фашистов в плен. Васильев хорошо владел арканом. Метнул его в сторону офицера и сдернул с лошади, солдата захватил Пинаев. Привели пленных в свое расположение. Выяснили, что это заблудившийся начфин немецкого полка и его вестовой.

Впоследствии Васильев и Пинаев были награждены орденом Красной Звезды.

Владимир Захарович Князев. Родился в деревне Дедово Истринского района Московской области. В октябре 1941 года призван в Советскую Армию. С апреля 1942 года воевал в составе 139-й, а с сентября — 379-й стрелковой дивизии (сформированной в Прикамье), в 934-м артиллерийском полку. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны I степени, Славы III степени, медалями «За отвагу», «За оборону Ленинграда». После демобилизации живет и работает в городе Ступино Московской области.

В. З. КНЯЗЕВ

НА ОБАГРЕННОЙ ЗЕМЛЕ

Об одном прошу тех, кто переживет это время, не забудьте! Терпеливо собирайте свидетельства о тех, кто пал за себя и за нас. Придет день, когда настоящее станет прошедшим, когда будут говорить о великом времени и безымянных героях, творивших историю. Я хотел бы, чтобы все знали, что не было безымянных героев. Пусть же павшие в бою будут близкими Вам, как друзья, как родные, как Вы сами.

Юлиус Фучик

Зима 1941/42 года выдалась холодная и снежная. Конни — основная тягловая сила артиллерии — закуржавились на морозе, и кажется, что это двигаются сугробы. Бойцы, идущие за пушками, в заиндеветых шапках-ушанках, шинелях, полушубках, ватниках похожи на белых призраков. Повозки, нагруженные артиллерийскими снарядами, издают протяжный успокаивающий скрип, под звук которого клонит ко сну. Замыкает колонну походная кухня на колесах. Она не знает отдыха ни днем, ни ночью. Здесь варится пища. Она издает приятный аромат, возбуждая у солдат аппетит и вызывая воспоминания о родном доме.

Позади остались тяжелые, кровопролитные бои, а впереди неизвестность фронтовых дорог.

За передовой боевой колонной нескончаемым потоком двигаются повозки и машины с боеприпасами и провиантом, медсанбаты, дорожно-строительные батальоны, вереницы местных жителей, возвращающихся в освобожденные деревни, села и города.

Утром остановились на отдых. Но не надолго. Получили боевой приказ о наступлении.

Нашему артполку приказано поддержать атаки стрелковых полков, которые должны освободить населенные пункты Дьяково, Колицыно, Абушево, Чапаево. Огневые позиции расположили у деревни Звягино. В небе — зарево подожженных противником в своем тылу деревень. Дым пожаров в морозном воздухе виден издали. А морозы в конце декабря завернули сильные, даже уральцам и сибирякам было не по себе.

Выдвинули пушки на прямую наводку: цели были уже разведаны, и данные переданы на батарею. Надо было подавить доты противника и четыре минометные батареи, три пулеметных гнезда, три наблюдательных пункта. Задачу эту выполнили. Мы очень хотели новый, 1942 год встретить в Дьяково.

Деревня Звягино, где мы стояли, была полностью разрушена. Единственную уцелевшую избу занял штаб полка,

а остальные расположились на свежем воздухе. Командиры через каждый час будили солдат, проверяли, не обморозились ли они.

Предновогоднюю ночь мы провели на снегу, возле пушек. По Дьяково вели огонь 1-я и 4-я батареи. Особенно тщательно обстреливали дороги, чтобы помешать фашистам передислоцироваться. В полночь дали три залпа из гаубиц по деревне Верейки, где располагались основные силы немцев. Это был наш новогодний «подарок» врагу. Фашисты сначала отмалчивались, но потом стали отвечать.

О том, какой ущерб мы принесли врагу, нам было неизвестно. А вот немцы за первые три дня нового года, стреляя по нашим тылам, вывели из строя много наших однополчан. Было убито 10 и ранено 25 человек. Погиб начальник штаба 1-го дивизиона Акатьев, ранены начальник разведки Берестовой и командир 2-й батареи Забубенин.

Несмотря на ожесточенное сопротивление противника, мы проломили его оборону, и пехота пошла на Ржев. Двигались вдоль железной дороги к реке Деруса, в район Погорелое Городище. Наша задача оставалась прежней: не допускать скопления противника и обхода наших стрелковых подразделений с флангов, поддерживать артиллерийским огнем наступление танков и пехоты.

За прорыв обороны противника в районе Дьяково частям, участвовавшим в этом бою, командование Калининского фронта объявило благодарность.

В деревне Дорожное, через которую мы проходили и где хотели помыться в бане, не осталось ни одного дома, а было когда-то 211. Так что попариться нам не пришлось. Все было разрушено, сожжено. В Погорелом Городище мы воочию увидели результаты своего прицельного огня: от штаба немцев в здании сельской школы осталась груда кирпича. Местные жители рассказывали, что никто отсюда не вышел живым. В развалинах мы нашли искореженную

пишущую машинку, различные документы, и везде трупы, трупы, трупы...

С тяжелыми боями мы продвигались на запад и наконец вышли к Ржеву. Целых три месяца преодолевали мы это расстояние, которое теперь по новому шоссе Москва — Шаховская — Ржев можно проехать за два часа. В этих боях мы понесли много потерь, и в наши поредевшие ряды влилось первое пополнение, в основном с Урала. По возрасту эти ребята были намного моложе нас. С большим вниманием отнеслись к новобранцам в гаубичной батарее. Мастера своего дела Гуничев, Жуманов делали все, чтобы молодежь побыстрее освоилась.

Опытные разведчики Потеряев, Мельников, Хрычев, связисты Данилов, Петров, Федотов тоже взяли шефство над новичками. Кроме уральцев, в пополнении были бойцы и из других регионов. К сожалению, уже в первых боевых действиях среди новичков появились потери. Под Ржевом погиб студент-второкурсник Пермского пединститута Турчак. Его похоронили в деревне Овсянниково вместе с нашим старым бойцом, тоже пермяком Щелкуновым. В одну могилу, рядом легли два человека разных поколений, по возрасту отец и сын.

К тому времени немец уже стал не такой наглый, как летом 1941 года. Местные жители рассказывали, что, удирая, фашисты приговаривали: «Кальт, кальт, холодно, холодно», «Рус злой пошел». В одном населенном пункте бойцы из взвода управления пошли к стогу за сеном для лошадей и обнаружили там немца. Он не стрелял, но попытался скрыться в лесу. Пуля догнала его. И мы все ходили посмотреть на него. Немец был молодой, светловолосый.

У Ржева сделали небольшую остановку. Морозы все жали. Зашли погреться в небольшую избушку, там уже полно спящих бойцов. Между ними ходила старушка крестьянка. Кому водички даст, кого укроет потеплее, кого перекрестит и прошепчет: «Сыночки, сыночки, сохрани вас

бог». Видно, у самой дети на фронте, вот она и страдает за всех. Один солдат из пополнения не спал и спросил меня:

— Не холодно в такой мороз в шинели?

Объяснил ему, что наша дивизия обмундирована так с первых дней войны. Ничего, в наступлении мерзнуть некогда.

Здесь, на Ржевщине, мы впервые увидели предателей, которые служили немцам. Случилось это в деревне Усово. Нам рассказали, что здешняя учительница прятала раненого летчика. Староста выдал его немцам. Пошли посмотреть на того старосту. Оказалось, что это старикашка лет 70, жалкий на вид.

В расположение нашего полка вышла группа окруженцев — человек двадцать пять. Все молодые, зеленые. Видать, бросили их, необстрелянных, толком не обученных, на вооруженного до зубов врага. Среди них только один в военном, остальные — в штатской одежде.

В очередной деревушке, через которую мы проходили, санинструктор вручил одному из солдат свою сумку и попросил его на время заменить, а сам побежал в санбат. Свежеиспеченный «медик» вошел в избу погреться. В одной комнате помещался штаб, а в соседней несколько женщин хлопотали возле больной девочки. Солдат дал ей аспирин. Девочке стало лучше. Через несколько дней, при переходе на другие позиции, батареец снова заглянул в знакомую избу. Его узнали. Что тут поднялось! Стали угощать чем только могли.

Интересно, что в 1978 году «доктор» и его бывшая пациентка Раиса Сергеевна Шуйкова (Борисова) встретились в городе Клин.

Эта история опровергает распространенное мнение, дескать, на войне судьба одного человека — ничто. Именно на войне завязывались человеческие отношения, которые не могли разорвать никакие испытания, даже испытание

временем. Случайной, мимолетной была эта встреча больной девочки и нашего однополчанина. Но оба они через всю жизнь пронесли память о ней.

Наступил январь 1942 года. Чем большим становился наш боевой стаж, тем мы все более убеждались в том, как изобретателен и коварен враг. Вспоминается такой эпизод. Вслед за танкистами мы вошли в деревню Колицыно. На наблюдательный пункт командира полка А. А. Белякова пришел из политотдела комсомольский работник Н. С. Столяров. Он был дотошным парнем и обратил внимание, что под лестницу тянется какая-то проволока. Обследовав это место, мы обнаружили, что там лежит заминированная винтовка. Позвали саперов, они обезвредили мину.

И все же командир полка А. А. Беляков пострадал от мины. Как говорится, от судьбы не уйдешь. В освобожденной деревне под Ржевом наблюдательный пункт расположился в одном из уцелевших домов. Капитан попросил адъютанта разжечь огонь в печи, чтобы согреться. Тот поджег солому, которая лежала в печи, а сам пошел за дровами во двор. В это время раздался взрыв. Как потом выяснилось, в соломе были гранаты, которые и взорвались. С тяжелым ранением командир был отправлен в госпиталь. Политработники после этого случая провели беседу со всем личным составом о бдительности.

В том, что она необходима, мы убеждались часто. Както к нам со стороны немцев пришел молодой парень в маскировочном халате. Он клялся, что бежал из плена и хочет мстить врагам. Нас насторожило то, что он весьма отдаленно походил на изможденного, много пережившего человека. К тому же при переходе линии фронта немцы по нему не стреляли. На допросе перебежчик сознался, что он должен был отравить солдатскую еду, бросив в котел какие-то порошки.

В другой раз в наше расположение вышли двое штатских. Сказали, что они — местные жители, что, насмотревшись на зверства фашистов, решили, не дожидаясь осво-

бождения, пробраться к своим. При проверке оказалось, что они диверсанты.

Фронтовой быт, накапливаемый опыт постепенно сделали нас бывалыми бойцами, бдительными и предусмотрительными.

Суровая зима, глубокий снег, постоянное пребывание под открытым небом сказывались не только на людях, но и на нашей четвероногой тяге. Лошади выбивались из сил, так как кормить их было нечем. На привалах ломали ветки, снимали солому с крыш. Самим же нам приходилось питаться сухим пайком, так как кухни отставали и догоняли нас иногда дня через два-три.

Наступил момент, когда и люди, и лошади измотались настолько, что еле двигались по глубокому снегу. Командующий нашел выход. Часть наших пушек была на механической тяге — тракторах. Он приказал дать отдых лошадям, а пушки тянуть тракторами. Так мы вышли из тяжелейшего положения.

В середине февраля почти десять дней шли ожесточенные бои у деревни Шатаново, где фашисты устроили довольно хитроумную круговую оборону, использовав обледенелые снежные валы, объединенные в систему дзотов. Взять в обход этот опорный пункт противника не удалось. Брели в лоб, но потеряли много товарищей и вымотались до предела, поэтому были выведены в резерв фронта. Получили пополнение и были включены в состав 30-й армии.

После отдыха снова двинулись на передовую, северо-западнее Ржева. Первая неделя марта была очень трудной. Мы приняли участие в прорыве обороны и захвате плацдарма на правом берегу Волги, в верхнем ее течении. Главной нашей задачей было отогнать врага подальше от Москвы. Мы прорвали две его укрепленные линии, вышли на шоссе Ржев — Осташков, заняли несколько деревень, закрепились на достигнутом рубеже, перешли к активной обороне.

Во время этой операции нам часто приходилось пере-

мещаться из первого эшелона во второй. Тогда-то и обратили внимание на то, что во втором шуме и грому больше, чем в первом. Нашли и объяснение — во втором эшелоне стоит тяжелая дальнобойная артиллерия, от нее-то и весь шумовой эффект.

В те дни, когда гитлеровцы, разъяренные неудачей, беспрерывно вели артогонь по нашим окопам, пехота придумала трюк, который вызвал смех во всех частях. На фанерном щите нарисовали Гитлера и выставили его из окопа. Немцы, растерявшись, разом прекратили стрельбу. А потом метким огнем подрезали портрет снизу, не затронув физиономии своего фюрера.

В этих боях мы захватили много пленных. В тыл их всегда отводил красноармеец Крашенников из Кунгура. Он обладал огромной силой, был спокойным и уверенным в себе. Как-то Крашенников конвоировал группу фашистов в тыл. Когда вернулся, то рассказал, что в одной из деревень женщины узнали среди пленных палача, державшего в страхе всю округу, и хотели учинить над ним самосуд. Так Крашенников еле успел завести немцев в избу и вызвать помощь. От своих же русских баб спасал.

Выйдя к Волге, мы задержались у Ванеева. Противник снова и снова бросался в атаки, пуская в ход артиллерию, танки и авиацию. Нам приходилось отбиваться. Наши штурмовые орудия находились в боевых порядках пехоты. Поступил приказ взять деревню Усово. Задание выполнили, но потом вновь отошли к Ванееву. Фашисты пытались отбросить нас дальше, но после двухдневных атак выдохлись. От огня наших батарей они понесли большие потери.

Был уже конец марта. Зима начала отступать. На Волге появились промоины, и переправляться по льду было опасно. Воронки наполнялись водой. С наступлением теплых дней трупы немцев начали разлагаться. Воду мы брали из колодцев, но туда стали стекать таявшие воды, и для того, чтобы напиться, в котелок приходилось бросать таблетку хлорки или другие дезинфицирующие средства.

Чувствовалась острая нехватка продуктов. Приходилось копать прошлогоднюю картошку и печь из нее уральские шанежки, пошла в ход и конина.

Весна была уже в полном разгаре. Самолеты противника группами по 20—30 штук делали по два-три захода над расположением наших войск. Нам дали указание сразу же вызывать истребительную авиацию. В эфир летела радиограмма о том, что нашей стрелковой дивизии требуется помощь истребителей. И тут же из-за леса появлялись красноезвездные «ястребки».

Однажды под Ржевом был сбит вражеский самолет. Этому предшествовали события, свидетелем которых мне довелось быть. Саперы наводили переправу через Волгу. В воздухе появился немецкий самолет-корректировщик. Он обнаружил наведенный мост. Огнем вражеской артиллерии мост был разбит. К утру саперы восстановили его, но днем он опять был уничтожен. Командир 2-го дивизиона капитан Е. А. Лебединцев стал думать над тем, как предотвратить следующие попытки взорвать переправу.

— Чем занимаешься, «бог войны»? — спрашивает подошедший к Лебединцеву инструктор политотдела по комсомолу Н. С. Столяров.

— Да вот нащупали слабое место и летают безнаказанно, бомбя переправу, людей много погибло. Вот я и хочу встретить их огоньком наших батарей, — отвечает Лебединцев.

Приспособили наши орудия к стрельбе по воздушным целям.

Ранним утром, едва забрезжил рассвет, в небе появился корректировщик. Расчеты быстро подготовили орудия. Звучит команда:

— Батарея, к бою! По фашистским стервятникам фугасным — огонь!

Залп батареи потрясает всю округу. Самолет накренился набок и пошел в штопор, за ним потянулся черный шлейф дыма. Из самолета выбросились на парашютах два

летчика и начали медленно опускаться на землю. Немцы открыли по ним минометный и оружейный огонь. Одного летчика ветром отнесло в сторону противника, и он опустился на нейтральную зону. Когда наши разведчики хотели подползти к нему, немцы открыли сильный огонь. Весь день шла перестрелка. На рассвете летчика на старом месте не оказалось, видимо, под покровом темноты он отполз к своим.

Второй немец приземлился ближе к нашим позициям. Бойцы разоружили его и привели в штаб. После некоторого запирательства он стал давать показания.

Вопрос: — Ваше воинское звание?

Ответ: — Обер-лейтенант.

Вопрос: — За что получили Железный крест?

Ответ: — Этот — за Францию. — Показывает на один из имеющихся Железных крестов. — А этот — за Польшу.

Начальник политотдела К. В. Иванов бросает ему реплику: «А за Советский Союз получил ссадину на голове».

Вопрос: — За что вы воюете?

Ответ: — Я — солдат.

Вопрос: — Хорошо ли стреляет наша артиллерия?

Ответ: — Да, ваша артиллерия стреляет хорошо. Меня подстрелили с третьего выстрела. Это бывает очень редко и свидетельствует о хорошей стрельбе.

Когда пленному пояснили, что он был сбит из наземного орудия, а не из зенитного, он был очень удивлен.

Немецкий летчик рассказал и показал на карте, где находятся огневые точки вражеской артиллерии. Начальник артиллерии П. Я. Воропаев отдал распоряжение подготовить точные данные и сделать артиллерийский налет по указанным пунктам.

После налета с наблюдательного пункта сообщили, что у немцев переполох. Загорелись склады с боеприпасами.

Пленному сказали, что его показания подтвердились. Он успокоился и попросил, чтобы ему дали возможность

обратиться к немецким солдатам по радио. На наш вопрос, о чем он хочет говорить, пленный ответил:

— Я хочу сказать немецким солдатам о том, что русские с пленными обращаются очень гуманно. Нас обманывают, что русские убивают всех попавших в плен. Я вижу, что это неправда.

За сбитый самолет Е. А. Лебединцев получил орден Отечественной войны II степени. Были награждены и другие артиллеристы.

Противник с каждым днем совершенствовал оборону. Он хотел задержать нас здесь надолго.

В подразделениях полка под руководством комиссара Столярова, парторга Чепурных и комсорга Григорьева проводится партийно-политическая работа. Многие солдаты в это время вступили в ряды партии и комсомола. Политруки батарей С. А. Чекерлан, И. Н. Болотов, З. К. Кабжанов организуют политинформации по сводкам Совинформбюро.

Время наступления приближалось. Необходимо было хорошо подготовиться к этому ответственному моменту, настроиться на отражение контратак противника, на борьбу с танками, авиадесантом.

Наша оборона перед форсированием Волги проходила по ее левому берегу. Крутой берег разделял глубокий овраг, на дне которого находились наши землянки, траншеи, огневые точки. Волга в этом месте была шириной метров тридцать. А в верхнем течении она разделялась на два рукава. Образовавшийся островок был покрыт ивовым кустарником, а на одном участке росли редкие березки и сосны. Центр обороны противника проходил по низменности, а фланги находились на возвышении и взаимно поддерживались автоматнo-пулеметным и артиллерийско-минометным огнем. В больших масштабах противник применял бомбардировочную и истребительную авиацию.

Наши подразделения наступали в направлении деревни Знаменское, расположенной северо-западнее Ржева. После

сильной артподготовки наши танки и пехота пошли вперед, но на их пути оказалась тщательно замаскированная вражеская батарея. Она хорошо видна с наблюдательного пункта командира 2-й батареи старшего лейтенанта Н. Н. Нестеренко, а место это пристреляно артиллеристами. Они открывают по врагам уничтожающий огонь. Дальнейший путь для танков свободен. Они устремились вперед, увлекая за собой и пехоту.

Наступление развивалось успешно. Но вскоре немцам удалось приостановить наше продвижение. Противник предпринял правее нашего участка контратаку, имея цель отрезать наши наступающие подразделения. Однако она была сорвана. Орудия прямой наводкой подбили головной танк, который закрыл дорогу другим, затем удалось поджечь еще два танка. Немецкая пехота залегла.

Теперь в бой вступили два наших танка. Пулеметным и орудийным огнем они поливали врага. Атака немцев захлебнулась. Однако они всеми силами пытались удержать свои позиции. Немцы имели здесь долговременные огневые точки, инженерные сооружения и проволочные заграждения, минные поля, как противотанковые, так и противопехотные.

Передние траншеи противника плохо просматривались с нашей стороны. Для того чтобы уничтожить огневые средства врага и его живую силу в первых траншеях, надо было как-то выдвинуть наблюдательный пункт на нейтральную зону. Недалеко от немецкой траншеи стояли три подбитых танка. Командир батареи Н. Н. Нестеренко со своим разведчиком Трубицыным протянули телефонную связь до одного танка и залезли в него. При помощи перископа весь передний край противника виден как на ладони. В течение трех дней отсюда шло корректирование огня батареи. На третий день немцы обнаружили наш наблюдательный пункт и открыли по нему стрельбу прямой наводкой. Пришлось покинуть танк.

Однако вскоре в результате боевых действий на господ-

ствующей высоте был захвачен немецкий блиндаж. Он стал хорошим наблюдательным пунктом.

На следующую ночь были взяты деревня Горбово и высота 205. Наши подразделения очистили от немцев северо-восточный берег Волги, а затем форсировали ее и захватили плацдарм на юго-западном берегу. Артиллерийские батареи своим огнем сопровождали наступление пехоты, уничтожали живую силу и огневые средства противника. Немцы несколько раз пытались ликвидировать наш плацдарм. Но им так и не удалось это сделать.

Приказом от 16 сентября 1942 года командир батареи Н. Н. Нестеренко за образцовое выполнение боевых заданий был награжден орденом Красной Звезды.

Тем временем мы переходим в ударную группу 30-й армии по овладению городом Ржев, который фашисты считали трамплином для последующего наступления на Москву.

Задача дивизии совместно с 28-й танковой бригадой и 3-м батальоном 171-го механизированного полка состояла в том, чтобы прорвать фронт противника на участке отметки 203,0, овладеть деревней Космариха, а в дальнейшем развивать наступление на Горбово — Лазарево северо-западнее окраины Ржева. Справа наступала 111-я стрелковая дивизия в направлении Горы — Казеки, слева — 16-я гвардейская стрелковая с задачей прорвать фронт на участке деревни Дешевка, развивать наступление на деревни Рамено и Полунино.

В 4 часа утра началась артподготовка. Наши части прорвали укрепленную оборону противника и подошли ко второй линии обороны города Ржев в районе Горбово — Федорково — Мурылево. Отсюда уже отчетливо были видны заводские и фабричные корпуса и трубы.

Немецкое командование в это время лихорадочно готовилось к весенне-летнему наступлению. Не скрывая, оно объявило об этом всему личному составу. Необходимо было сорвать замысел врага.

Наша артрязведка ведет постоянное наблюдение за противником. На всех наблюдательных пунктах организовано круглосуточное дежурство.

В наступательных боях за Ржев было применено по тем временам новшество — подвижные наблюдательные пункты. В соответствии с приказом командования и Главного маршала артиллерии в нашем 934-м артполку тоже был создан такой подвижной наблюдательный пункт. Его расположили в танке командира танкового батальона, поддерживавшего наши подразделения. С этой целью была разработана специальная кодированная карта целей противника, имевшаяся в артдивизионах и батареях полка и на передовом подвижном наблюдательном пункте. С помощью этой карты вызывался огонь батарей с подвижного наблюдательного пункта в любом направлении.

Находясь в головном танке, командир батальона 28-й танковой бригады и заместитель командира дивизиона старший лейтенант А. Н. Бойцов с помощью танковой радиостанции корректировали огонь наших батарей.

К сожалению, после 40-минутного боя в результате прямого попадания немецкого снаряда в машину танковая радиостанция была выведена из строя, и наш передовой наблюдатель был вынужден продолжать бой в качестве башенного стрелка танка.

В ходе этого боя наш танк КВ подбил 6 немецких танков, уничтожил 3 противотанковых орудия, подавил несколько огневых точек. Командовал танком лейтенант Осадчий.

Таким образом, и артиллеристы, и пехотинцы способствовали достижению успеха нашего наступления. Все члены танкового экипажа были награждены орденом Ленина. К такой же награде был представлен и А. Н. Бойцов.

Движение на запад продолжалось. Ударная мощь полка нарастала с каждым днем. Советские воины все более и более обретали уверенность, так необходимую им после кровопролитных оборонительных боев 41-го.

Б. В. ЛОБОДА

ХОЛМЫНСКОЕ ПОДПОЛЬЕ

Борис Васильевич Лобода родился в селе Перелюб Черниговской области. В период Великой Отечественной войны принимал участие в партизанско-подпольном движении на Украине. Награжден орденом Отечественной войны II степени, многими медалями. Член Союза журналистов СССР. После войны около 30 лет прослужил в органах МВД СССР. В настоящее время — полковник внутренней службы в отставке, пенсионер. Живет в Перми.

В Холмынском районе, что расположен на Черниговщине, на границе с Брянской и Гомельской областями, с первых дней фашистской оккупации образовался один из крупнейших центров сопротивления врагу на Украине. Здесь возникли и сражались с неприятелем пять партизанских отрядов, впоследствии ставших соединением, которым командовал дважды Герой Советского Союза секретарь Черниговского подпольного обкома партии Алексей Федорович Федоров.

В Холмынском районе не давало покоя фашистам комсомольско - молодежное подполье. Руководил им подпольный райком комсомола, который

возглавляли колхозный зоотехник Петр Шутько и бухгалтер сберкассы Прохор Денисенко.

В рядах партизанско-подпольного движения Черниговщины было немало подростков. Война лишила их детства, юности, вместе со взрослыми они разделяли тяготы и лишения войны, вместе погибали. Обычно ребята становились разведчиками, связными, взрывниками. В минуты сложной боевой обстановки и смертельной опасности они проявляли отчаянную смелость и отвагу, смекалку и находчивость.

Меня иногда спрашивали: как я, тринадцатилетний подросток, стал подпольщиком, связным-разведчиком партизанского отряда? Какой, мол, ты вояка был, ведь ты пешком под стол ходил.

Таких, как я, были сотни. Подростки тем и ценны были в партизанской борьбе, что успешно могли справиться с теми задачами, которые не под силу взрослым.

Например, грязному оборвышу-пацану свободно можно было проникнуть во вражеский гарнизон. На него меньше падало подозрений при посещении конспиративных квартир, явочных встреч...

Старшие товарищи доверяли нам, наверное, еще и потому, что страшное военное время, когда стоял вопрос прямо: «Жизнь или смерть?» — делало нас не по возрасту самостоятельными.

Хорошо помню: июль 1941 года стоял теплый и ласковый. Изредка проходили дожди. Зрел богатый урожай. Наше село Перелюб утопало в буйной зелени. Пышно цвело разнотравье на лугах. Но эта красота природы никого не радовала. Уже шла война. Люди жили в тревоге. Эта тревога передавалась и нам, подросткам.

Мы тогда пасли скот за селом, в копанках. Разговоры у нас сводились к одному — о войне.

— Я их, падлюков, бить буду! — махая кулачком в сторону запада, кричал Андрюша Цыганок.

А второй мой дружок — Егорка Батюк — предлагал:

— Мы, хлопцы, создадим тимуровский отряд, вооружимся и будем с ними воевать.

Тем временем в Перелюбе создавался настоящий партизанский отряд. Но до поры до времени о нем никто не знал. В лесу, на Пархомовой горе, будущие партизаны скрытно рыли землянки, погребя.

Но разве от мальчишек что-то утаишь? Разве их проведешь?

Первым об этом узнал Цыганок. Прибегает ко мне и шепотом говорит:

— Боря, пойдем к Балабаю проситься в отряд.

Цыганок уже знал, что директор нашей школы Александр Петрович Балабай — командир отряда.

Долго мы охотились за Балабаем, чтобы встретиться с ним один на один и поговорить о деле. Наконец такой момент подвернулся.

Подходим и без всяких там вступлений начинаем:

— Александр Петрович, возьмите нас в партизаны!

Балабай долго смотрел на нас, наверное, соображал, как нам ответить. По всей видимости, мы застали его врасплох.

— Хлопчики, хлопчики, — отвечает Балабай, — понимаете ли вы, что это не военная игра, которую мы устраивали в школе? Это, милые, настоящая война. Тут могут и убить. Так что в лес мы вас пока не возьмем. Вы пригодитесь здесь. В нужное время с вами свяжется наш человек и скажет, что делать.

— Но дайте мне пионерское слово, — продолжал Балабай, — что вы будете держать язык за зубами и строго выполнять приказы старших. О нашем разговоре — никому ни звука. Поняли?

Вскоре после этого разговора с Балабаем мы получили подробный инструктаж и пароль от бухгалтера Яценко, который работал на пенькотрепальном заводе.

В конце августа наше село захватили немцы. А дней через десять меня встречает пионервожатый школы Анд-

рей Пуд и неожиданно произносит слова пароля, которые дал нам Ященко:

— Ручки у тебя не найдется?

Я ответил:

— Ручки нет, а карандаш можно поискать.

— Давай карандаш.

Это значит, что передо мной стоял свой человек, с которым можно иметь дело, как учил нас Ященко.

Андрей достал из кармана сверток листков из ученической тетрадки и сунул мне за пазуху.

— Это листовки. Вам с Цыганком надо распространить их в своем колхозе. Смотрите, Ященко наказывал, чтобы осторожнее были.

Окрыленный, я побежал разыскивать Андриюшку, чтобы скорее выполнить задание. Наконец я его нашел.

На сельской площади в это время остановилась автоколонна с немцами. Тогда они непрерывно двигались в сторону фронта. Несколько солдат бегали по хатам, искали сало, мед, яйца, молоко. Остальные валялись на траве в церковной ограде, ели, пили шнапс, горланили песни.

Машины стояли на улице без присмотра. Немцы чувствовали себя в безопасности. Они не знали еще толком тогда, что такое партизаны, а может быть, и вовсе не слышали о них.

Вот тогда и пришла нам в голову дерзкая мысль: среди бела дня расклеить листовки на вражеских машинах.

В ближайшем саду наскребли липкого вишневого клея. С оглядкой пробрались к автомобилям и налепили на них листовки. Сами спрятались в кустах палисадника и наблюдаем, что же будет дальше.

Пообедав, немцы собрались ехать. Заметив на машинах и бортах белые листки, зашумели, загалдели. Кто-то, видимо, переводчик, начал громко читать, а вокруг него столпились солдаты, слушают.

А в листовках было написано: «Смерть немецким оккупантам!», «Товарищи колхозники, не падайте духом, немец

будет разбит, как и француз в 1812 году!», «Оккупанты, убирайтесь вон с нашей земли!»

Как и следовало ожидать, листовки немцам не понравились. Они посрывали их, залезли в кузова и минуты две стреляли по ближайшим хатам и садам. Затем уехали.

Мы здорово перепугались. Постепенно к нам пришло раскаянье, стало стыдно за свое мальчишество, за то, что так бездарно пропал труд, что листовок не увидели перелюбцы. Толку-то с того, что их прочитали немцы, рассуждали мы с Цыганком. Они и без того злые, как у деда Пятака собака.

Мы страшно переживали за свою промашку. Ведь приказ-то не выполнили: листовки не расклеили в селе, а отдали прямо в руки фрицам. Чего же стоит наша пионерская клятва, которую мы дали командиру отряда?

Эта операция с листовками была моим боевым крещением. А всего в Черниговской области за годы фашистской оккупации было распространено среди населения и гитлеровских войск около трех миллионов экземпляров антифашистской литературы, изготовленной в подполье и присланной из советского тыла. Работу эту проводили в основном ночью. Не зря тогда говорили: «Ночь — союзница партизан. Луна — партизанское солнце».

Подполье действовало во взаимосвязи и по единому плану с партизанским командованием. Еще до появления захватчиков вопросы организации будущего подполья обдумывались самым тщательным образом. Еще бы! Ведь дело касалось жизни людей.

Несколько слов о руководителях партизанско-подпольного движения.

28-летний Балабай — бывший директор средней школы, вдумчивый педагог. Яценко же имел всего два класса приходской школы. В годы гражданской войны он прошел суровую закалку в комсомольском подполье на Украине. Теоретические знания одного и практический опыт другого помогали им находить наиболее разумные решения.

И Балабай, и Ященко чувствовали, что наши люди, особенно молодежь, горят лютой ненавистью к фашистам и готовы, как говорится, с ходу броситься в бой. Но они понимали и другое: у этих людей нет опыта подпольной борьбы.

После долгих раздумий было решено разбить все подполье на «пятерки». Прямой связи между «пятерками» нет, члены этих групп знают только своих командиров. Командир группы-«пятерки» выходит на руководителя организации. В целом подпольную организацию, ее людей должен знать крайне ограниченный круг руководителей партизанско-подпольного движения.

Ященко говорит: «Тысячу имеешь друзей — и того мало. Одного имеешь врага — и того много». Речь шла о строгом подборе людей.

Еще до прихода немцев Балабай и Ященко подготовили восемь явочных квартир. В подпольной организации насчитывалось около сорока человек, которые жили в Перелюбе и ближайших хуторах и селах.

Обо всем этом я узнал только после освобождения села. А тогда даже мне, связному командира отряда, мало что было известно. Некоторых перелюбцев, например, я считал предателями, подлецами, а они, как позже выяснилось, были подпольщиками. Таковы условия конспирации.

Фашисты придавали большое значение пропагандистской обработке населения. Йозеф Геббельс изрекал: «В газовую камеру зараз уместится лишь несколько сотен человек, а ловко состряпанной ложью можно отравить миллионы».

Однажды стены комендатуры, управы и других зданий облепили довольно красочные плакаты. Они рассказывали о «райской» жизни украинцев и русских, уехавших на работу в Германию. Сами люди якобы писали о «счастливой» жизни на оккупированной земле.

— Во как брешут! — возмущился вдумчивый Егорка Батюк. — Мы же своими глазами видим, какое тут счастье!

У смуглолицего Цыганка засверкали глазенки. Неугомонный и смелый, он тут же предложил:

— Давайте заберемся вовнутрь и на их плакаты наклеим свои.

У входа в комендатуру круглосуточно стоял часовой. Пробравшись садом с обратной стороны, мы выставили стекло. Егорка остался «на часах», а мы с Андрюшей залезли в помещение. По столам, в папки рассовали свои листовки, наклеили их на стены.

Когда полезли обратно, беспокойный Цыганок наступил на стоявшее под окном стекло. Оно громко зазвенело — часовой услышал и начал стрелять по саду. На ноги был поднят весь гарнизон. Но темная ночь помогла нам скрыться.

А вот одна из следующих операций, связанная с распространением листовок, закончилась трагически.

В конце 1941 года около села Погорельцы упал наш бомбардировщик, подбитый немецкой зениткой. В самолете оказались несколько мешков листовок, предназначенных для вражеских войск. Летчики не успели их выбросить.

Партизаны Балабая забрали листовки. Вскоре подпольщик, учитель немецкого языка Гавриил Тимофеевич Базилевич получил задание распространить их в немецких гарнизонах, в том числе и в Чернигове, где располагался штаб мадыарской дивизии, эсэсовский и чехословацкий полки и прочие вражеские части.

Базилевич был высокий пожилой человек с большими усами, говорил размеренным густым голосом. Мне он напоминал Максима Горького.

В помощь Базилевичу дали Андрюшу Цыганка. Проводил я их до леска, что за Рогатыми ровчаками (глубокие лога). Оба были одеты плохо, по-деревенски. Один высокий, согнутый, второй — маленький, юркий. Подслеповатый старик с поводырем. За плечами — кайстры (сумки). Ищут пропитание — такая легенда. Много тогда бродило разного люда.

Мне и в голову не пришла тогда мысль, что я больше никогда не увижу закадычного дружка, милого Андриюшу Цыганка.

Настоящее его имя мало кто знал. Сын испанского коммуниста, он был вывезен в СССР в 1937 году, когда в его родной республике началась гражданская война.

На вторые сутки подпольщики пришли в древний Чернигов. Изучив обстановку, Базилевич и Цыганок поняли, что оккупанты чувствуют себя здесь в безопасности. Правда, въезды в город и выезды из него перекрыты. По городу ходят патрули, проверяют документы. Ну, это обычное явление того времени.

Где только ни оставили они листовок. Начали с железнодорожного вокзала. Затем оклеили ими кинотеатр в центре города. С десятков листовок Цыганок положил рядом с окошком кассы. Поработали они и на центральных улицах, вблизи Красного хутора, где в казармах квартировались вражеские части.

На второй день в Чернигове неожиданно поднялись невообразимый шум и суматоха. Машины с солдатами гоняли по улицам. По городу прокатилась волна облав, обысков.

— Дело табаком пахнет, Андриюша, — сделал вывод Базилевич, — давай сматываться.

По задворкам, огородами они выбрались из города и двинулись в сторону Перелюба. Базилевич решил по пути домой заглянуть в город Щорс, где стоял немецкий гарнизон, и там разбросать оставшуюся часть листовок.

Обстановка в городишке нашим подпольщикам показалась спокойной. На улицах преобладал люд в большей части такой, как и они, сельские оборванцы.

Но первое впечатление оказалось обманчивым. Еще на вокзале они попали на глаза шпику и были задержаны.

После изуверских пыток, так и не добившись от Цыганка признания, немцы расстреляли его в лесу за Щорсом.

Гавриила Тимофеевича продолжали мучить. Он все отрицал. Сказал, что мальчишку не знает, случайно встретились с ним в пути.

Придя в себя после очередной пытки, Базилевич решил заговорить с гестаповцем по-немецки. Это заинтересовало следователя. Он решил ближе познакомиться с арестованным и перевел его в тюремную больницу.

Базилевичу повезло. Здесь работала медсестрой щорсовская подпольщица Надежда Полещук. Со своими товарищами она устроила Базилевичу побег. Так Гавриил Тимофеевич остался жив.

По плану «Ост», разработанному гитлеровцами, предусматривалась германская колонизация СССР. Коренное население намечалось в основном уничтожить и незначительную часть «онемечить». Захваченную территорию, вплоть до Урала, заселить немецкими колонистами, а местный народ превратить в рабов. Гитлер раскроил Украину на четыре административные части. Черниговская область, как самая неблагонадежная, была включена в особую зону, которой управляло военное командование. Поэтому ей досталось больше других. Например, за два с лишним года оккупации фашисты уничтожили здесь около 130 тысяч человек, в том числе 12 тысяч детей.

...Жуткое, страшное наступило время для многострадальной Украины. Все заборы пестрели беспощадными приказами, объявлениями, предупреждениями. Хлеб не сдал — расстрел. Избежал угона на каторжные работы в Германию — расстрел. Вот один из приказов военного коменданта Холмов:

«1. Запрещается ходить в лес. Кто не подчинится этому, будет расстрелян.

2. Кто поддерживает связь с партизанами, дает им питание или помещение, будет расстрелян.

3. Кто не сообщит ближайшей немецкой военной единице фамилию и местонахождение партизан, будет расстрелян.

4. Кто имеет оружие или какое-нибудь военное снаряжение, будет казнен.

5. Кто распространяет неправильные сведения, будет казнен.

6. Кто не мешает саботажу, когда это возможно сделать, тот будет казнен».

Всеми силами фашисты разжигали националистические чувства среди народов, населяющих нашу страну.

В городе Ровно, который фашисты сделали столицей Украины, начала выходить националистическая газета «Гайдамак». Некоторые экземпляры ее изредка попадали и в наши отдаленные от «столицы» места.

Помню, один номер затаскали до дыр. Газета ходила из рук в руки, из села в село. В ней Иисус Христос лично предупреждал народ о том, что близится конец света по вине большевиков-безбожников. Но дело еще поправимо, писал «Христос», надо только помогать новой власти, которая пришла от бога.

В одном из номеров атаман Бульба провозглашал: «Немецкое правительство во главе с ясновельможным паном Адольфом Гитлером поможет нам построить самостоятельную украинскую державу...» Новоиспеченный пророк призывал сотрудничать с фашистами и выполнять требования «нового порядка».

Пока Бульба разглагольствовал, другой атаман — Степан Бандера, чтобы не упустить «исторический» момент, попытался было создать во Львове правительство Украины во главе с самим собой. Однако «ясновельможному пану» Гитлеру эта затея не понравилась, и он разогнал кабинет Бандеры.

В противовес оголтелой фашистской пропаганде, небывалой жестокости массового террора и грабежа Черниговский подпольный обком партии обратился к населению с призывом: «Украинцы, потомки славного Богуна и Наливайко, Щорса и Боженко! Становитесь в ряды борцов за освобождение родного края от немецких захватчиков. Всеми средствами помогайте Красной Армии! Все на разгром врага! Время не ждет... Смерть немецким оккупантам!»

И люди слышали обращенные к ним слова. Кто мог держать оружие — шли в отряды. Старики, женщины, дети помогали партизанам продуктами, собирали оружие, распространяли листовки...

Вчерашние колхозники, пастухи, учителя, студенты, школьники — все, от мала до велика, вступили в единоборство с ненавистным врагом.

В райцентре Холмы начала действовать комсомольско-молодежная организация «Так начиналась жизнь», которой руководил Николай Еременко. На общем собрании организации каждый член принял присягу. Вот ее текст:

«Вступая в ряды подпольной комсомольской организации «Так начиналась жизнь», я перед лицом своих товарищей, перед Отчеством, перед всем моим многострадальным народом даю клятву: вести смертельную борьбу против лютых врагов — фашистов, бороться против них не жалея своей жизни, пока земля наша не будет свободной от немецкой погони. Клянусь честно выполнять все поручения, возложенные на меня подпольной организацией, и лучше умереть, чем предать товарищей».

А. Ф. Федоров в своей книге воспоминаний «Подпольный обком действует» пишет: «Ценным есть то, что в Холмынском районе руководители сельских групп были связаны между собой и с центральной организацией в Холмах. Они регулярно приходили к нам в лес и работали по общему плану обкома».

Казалось бы, что такая система противоречит законам конспирации, но в то же время она способствовала оперативному и одновременному осуществлению разрабатываемых операций. Правда, говорят, что высший закон конспирации как раз в том и заключается, чтобы его умело нарушать. Но и риск должен быть разумным.

Холмынские ребята имели радиоприемник и печатную машинку. Они принимали сводки Совинформбюро, писали листовки. Холмынская организация являлась связующим

звеном между руководством партизанско-подпольного движения области и низовыми группами в районе.

В начале своей подпольной деятельности, кроме всего прочего, комсомольцы-холмынцы занимались и диверсиями. Они подорвали машину с немецкими солдатами на трассе Чернигов — Новгород-Северский, напали на легкового с офицерами у села Рейментаровка.

Но потом им запретили заниматься этим. Ребята сильно переживали. А тут еще немцы расстреляли отца 12-летнего Володи и 15-летнего Сашу Омеляненко. Братья решили мстить. Вооружившись автоматами, пистолетами и гранатами, они устраивали засады на лесных дорогах. Сделав по несколько точных выстрелов, скрывались. Вскоре то же самое повторялось километров за пятнадцать в другой стороне. В одном месте, где дорога проходила по глубокой впадине между высокими крутыми выступами, ребята умудрились забросать вражеские машины с живой силой гранатами и уйти невредимыми.

Фашистам и в голову не могло прийти, что такие дерзкие нападения совершают сельские хлопчики.

Встревоженные «создавшейся обстановкой», немецкие власти заставили людей вырубать лес вдоль оживленных дорог.

Свои вылазки на врагов Сашко и Володя скрывали от товарищей по организации. На заседании комитета Еременко предложил установить, кто же эти смельчаки. Только тогда Омеляненко-старший сознался.

— Сколько же можно терпеть! — говорил в волнении Саша. — Они каждый день расстреливают наших, а мы все листовочки расклеиваем, призываем...

Сомнения мучили и самого Еременко. Своими мыслями Николай поделился с секретарем райкома Петром Шутько и командиром партизанского отряда Водопьяном. После серьезного совета подпольщики получили разрешение совершать диверсии и другие боевые операции. Николай Еременко и Федя Резниченко прошли подготовку по дивер-

сионному и минно-подрывному делу. Они в свою очередь обучили других подпольщиков.

Все чаще и чаще загремели взрывы на дорогах. В течение последних месяцев 41-го и в начале 42-го подпольщики подорвали до десятка вражеских машин с солдатами, боеприпасами, горючим...

Гестаповцы всполошились. Они сбились с ног, разыскивая «бандитов». Им удалось выследить холмынских подпольщиков. В начале марта 1942 года почти все члены организации были схвачены.

После зверских истязаний патриотов расстреляли. Они умерли героями, не склонив юных голов перед палачами.

Секретарь подпольного райкома комсомола Прохор Денисенко вспоминал: «После освобождения Холмов я побывал в камере, где сидели подпольщики. На стене обнаружил надписи: «Здесь сидели комсомольцы Еременко Н., Ткаченко Л., Резниченко Ф., Внукова Ф., Омеляненко А., бабка Дарья Дьяченко (хозяйка конспиративной квартиры. — Авт.). Нас подвергают нечеловеческим пыткам, подвешивают за ноги и руки, колют иголками под ногти. Больше всего терзали Николая. Мы ничего не сказали. Утром нас расстреляют. Погибаем за Родину. Вечное проклятие фашизму! Прощайте, дорогие товарищи!»

Фашисты рассчитывали, что после ликвидации холмынского подполья в районе станет спокойно. Однако они ошибались. Огонь ненависти к врагам разгорался с новой силой.

К тому времени в районе действовали одиннадцать групп и организаций, а также десятки отдельных патриотов. Всего в рядах подпольного сопротивления насчитывалось около двухсот человек.

В селе Жукля подпольную группу возглавлял учитель Савелий Емельянович Маложон. Всю жизнь он пописывал для себя стихи. И в борьбе с оккупантами учитель широко использовал свое любимое занятие.

Злые частушки Малождона передавались из уст в уста.

Они печатались в лесной типографии обкома и распространялись среди населения.

В то время особую известность получила «Песня на бой с фашизмом». Много шуму наделала листовка, посвященная начальнику полиции левобережной Украины пану Добровольскому, резиденция которого находилась в Соснице.

При распространении ее в самой Соснице схватили активного члена группы, племянницу Савелия Емельяновича Ирину Маложон. Фашисты казнили девушку.

Перед смертью она передала из тюрьмы две записки Савелию Емельяновичу.

«Дорогой дядя, я не боюсь смерти, только очень жаль, что мало пожила на свете, мало сделала для своей Родины». «Дядя, я уже привыкла, я здесь не одна, нас много. Не знаю, отпустят ли домой. Возможно, и не отпустят. Но я все равно не боюсь смерти, и умирать мне не страшно. Скажите матери, пусть она не плачет, у меня своя дорога. Пусть мама спрячет хлеб, а то немцы заберут его. Прощайте, ваша племянница Ирина».

После войны эти записки были опубликованы в Италии в книге П. Мальвецци и Дж. Пирелли «Письма обреченных на смерть борцов европейского сопротивления».

Пусть горит земля под ногами оккупантов! Этот клич был услышан страной. Борьба с врагом стала поистине всенародной...

Помню, по нашим селам и хуторам бегала худенькая, среднего роста девочка с пухлой ветеринарной сумкой на боку. Она охотно отзывалась на просьбы селян и лечила их скотину.

Для меня, связного-разведчика, постоянное задание было — прислушиваться и приглядываться к людям. Я запомнил эту слабенькую, на первый взгляд, девушку, но никак не мог предположить, что тогда для нее главным было другое занятие. Уже после войны она сама мне об этом поведала.

Звали девушку Настя Патенок. Жизнь у нее сложилась

нелегко. Отец умер рано, и мать, колхозную активистку, в 1934 году убили кулаки. Кроме Насти, в семье остались меньшие братик и две сестрички.

Жили на хуторе. Летом ребята пасли скот, зарабатывая на кусок хлеба, а зимой бегали в Рыбинскую школу. Сироток поддерживала и молодая сельхозартель.

Любовь к животным привела Настю в Прилукский ветеринарный техникум. Закончила она его в 1941 году. Молодым специалистам второпях выдали дипломы и отпустили на все четыре стороны, так как немцы были на подходе.

Неожиданно Настю, комсорга курса, пригласили в горком партии и предложили остаться на подпольной работе в городе.

Настя прошла инструктаж, получила пароль, адреса явок. Но когда немцы захватили Прилуки, то указанных ей для связи людей на месте не оказалось. Настя вернулась в свой хуторок Лесовой.

О существовании подпольной организации в районе она не знала и начала действовать самостоятельно. От руки писала листовки и расклеивала их на видных местах в окрестных селах. Подписаны они были: «Райком партии», «Красные мстители», «Неуловимые». Посылала Настя и записки предателям. Пусть ее листовки были наивные, не всегда убедительные и точные в оценке фактов и событий, но они поднимали немалый переполох.

Однажды ночью в январе 1942 года в хате Патёнок появились два вооруженных партизана. Одного из них Настя знала.

— О тебе знает наше командование. Приходи завтра в восемь вечера в Лупасово. Около свинофермы тебя встретит женщина (партизаны сообщили ее приметы). Ты ей скажешь: «Добрый вечер, я из Гомеля». Она ответит: «Добрый вечер, я из Орска. Иди за мной». Эта женщина приведет тебя куда надо.

Настя была удивлена и даже немножко испугалась,

когда на явочной квартире у Веры Высоцкой увидела Алексея Федоровича Федорова, первого секретаря Черниговского обкома партии, которого она знала в лицо, и секретаря Холмынского райкома Ивана Маркияновича Курочку. Приветливый тон Федорова успокоил девушку.

— Мы давненько наблюдаем за тобой, дочко. И вот решили встретиться, обговорить, как будем действовать дальше. Предлагаем тебе, Настя, устроиться участковым ветфельдшером в селе Сядрино.

— На работу к немцам? — возмутилась Настя. — Лучше возьмите меня в отряд.

— Дочко, нам нужен в Сядрино свой человек, — ответил Федоров. — Устраивайся. О тебе по селам идет хороший слух, это поможет делу. И еще: создавай подпольную организацию из комсомольцев и молодежи. И других можно вовлекать...

Так Настя стала работать у немцев. Получила пропуск с правом передвижения по селам участка.

Девушка создала организацию из девяти человек. Название ей дали «Борьба с фашизмом». Приняли клятву и утвердили пароль «Юнак» (Юноша). В урочище Кобыльня обустроили «почтовый ящик», куда от партизан поступала литература и взрывчатка.

У организации было много добровольных помощников, которые официально в нее не входили.

Молодые подпольщики начали активную деятельность. Они торжественно отметили годовщину Октябрьской революции. Ночью с 6 на 7 ноября разбросали праздничные листовки в хуторах и селах. На видных местах прикрепили красные флажки. В те же праздничные дни на ближайших шляхах взорвали две мадьярские машины с горючим и электростанцией.

Под носом у полицаев на волостной управе прикрепили газеты «Правда» и «Комсомольская правда». Петя Олейник смастерил баночку с хитрым переплетением проводков и надписал рядом: «Заминировано».

Несколько дней висели газеты. Местные власти не сме- ли докладывать начальству и в то же время боялись тро- гать «мину». Ее «обезвредили» проезжающие мадьяры.

В организации состояла подружка Насти по школе На- таша Осадчая. Она работала медсестрой в районной боль- нице, обеспечивала партизан медикаментами, вела агита- цию среди казаков, власовцев, полицаев, которые прохо- дили здесь лечение.

Кое-что удалось сделать. Несколько десятков бывших вояк из РОА и казаков переправили в отряд через лупа- совского подпольщика Иосифа Ананенко.

Как-то Наташа сообщила Насте о готовящейся реквизи- ции животных у населения для нужд гитлеровской армии. Посоветовавшись с секретарем райкома партии Курочкой, Настя начала выдавать владельцам крупного рогатого ско- та справки о болезни животных туберкулезом.

Возникшая «эпидемия» насторожила немцев. Они вы- звали Настю в комендатуру и устроили допрос. Затем бро- сили девушку в камеру и предупредили:

— Посылаем специалиста. Если он скажет, что скот здоров — тебя расстреляем.

Трое суток просидела Настя в ожидании смерти. Ее темно-русые волосы стали седеть. На четвертые сутки ее вызвали и сказали:

— Получай на складе медикаменты, поезжай и лучше лечи животных.

Настя так и не узнала, кто был тот специалист, что им руководило, когда он подтвердил «диагноз» участкового ветфельдшера Патенок.

Кроме групп и организаций, в районе действовали де- сятки патриотов-одиночек. Они нередко шли на большой риск.

Когда я вспоминаю о тех днях, мне всегда приходит мысль, что человек, защищающий свою землю, свое право свободно жить на ней, способен на многое.

В апреле 1942 года в райцентре Холмы фашисты аре-

ставали более 50 человек из партизанских семей, активистов Советской власти.

По счастливой случайности осталась на свободе тринадцатилетняя девочка Аня, которую искали, но не нашли. Ее мать схватили немцы, а отец воевал в отряде. Аня была связной командира партизанского отряда.

Переодевшись в плохую одежку, Аня пошла на разведку. Ей надо было узнать, где задержанные и что их ждет. Выяснилось: под усиленной охраной они находятся в деревянном сарае. В воскресенье немцы думают согнать со всех Холмов народ и на его глазах сжечь сарай вместе с арестованными.

Была пятница. С первыми сумерками девочка побежала к партизанам, которые стояли в лесу в 15 километрах.

Получив тревожное сообщение, А. Ф. Федоров немедленно собрал членов бюро и командиров отрядов для обсуждения сложившейся ситуации. Большинство высказалось за то, чтобы наступать на Холмы, освободить обреченных и как следует проучить немцев.

После долгих и тяжелых раздумий Федоров сказал: — У нас хватит сил разгромить холмынский гарнизон. Но после этого они двинут из Чернигова и Киева большие силы, сотрут с лица земли село и уничтожат тысячи невинных людей. Это же любимая тактика фашистов, была бы зацепка. Давайте, товарищи, пойдем на хитрость, применим нашу партизанскую дипломатию. Напишем письмо-ультиматум, если, мол, вы устроите расправу, тогда и вам не будет пощады...

В ту же ночь в Холмы отправилась группа партизан для вручения ультиматума властям.

По пути партизаны зашли в хутор Славино, где жил связной Андрей Павлович Еременко. Советами 67-летнего колхозника, участника гражданской войны, часто пользовались партизаны. И на этот раз они решили поговорить со своим связным.

Идея с ультиматумом Андрею Павловичу понравилась.

Только, мол, передать его надо из рук в руки, а не подбрасывать.

— Но вам появляться в Холмах — значит идти на верную смерть. А вы еще молодые, жизни не видели, — заключил Еременко. — Доверьте это дело мне.

— Андрей Павлович, но ведь и вас может постигнуть та же участь, — возразили ему.

— Я уже жизнь прожил, детей вырастил. За святое дело не страшно и умереть. Давайте письмо, утром в Холмах буду.

Наклонившись к свече, Андрей Павлович прочел партизанский ультиматум:

«Пану бургомистру села Холмы Макару Кириченко.

Вы, пан бургомистр, наверное, не думаете о том, что Советская власть в Холмах установлена Октябрьской революцией на вечные времена, и другой власти не будет. Помните: партизанское движение повсеместно и повседневно набирает все большую силу. Красная Армия начинает громить фашистские полчища. Недалеко тот день, когда гитлеровцы будут добыты в их собственной берлоге.

Ваши руки в крови наших граждан. За эти злодеяния вы понесете ответственность перед Советской властью. Но у вас есть возможность облегчить свою участь. Мы требуем немедленно освободить наши семьи и активистов Советской власти. Если вы этого не сделаете и расстреляете хоть одного человека, партизаны окружат Холмы. И тогда не будет ни пощады, ни спасения ни вам, ни вашим фашистским хозяевам».

— Хорошо написано, складно, — одобрил Андрей Павлович. — Ну, что ж, давайте прощаться, дело не терпит.

Он надел рыжую домотканую свитку, положил в карман кисет с табаком и кресало с ватой, в картуз сунул письмо. Жена его, Ганна Макаровна, заплакала.

...В Холмы связник входил, когда рассветало. У крайней хаты Еременко заметил вооруженного полица — это гарнизонный пост.

— А ты кто такой и куда прешь в такую рань? — спросил часовой и поманил Еременко к себе.

— Я из Славина, к пану бургомистру дело имею.

— Какое еще такое дело?

— Письмо от партизан несу.

— Что ты мелешь, мужик, а ну показывай твое письмо!

Андрей Павлович достал из картуза бумагу и отдал полицаяу. Прочитав партизанский ультиматум, полицай крикнул в сторону караульной хаты:

— Митя, Митя-я, давай сюда!

Волоча винтовки, из хаты выбежали заспанные полицайи.

— Чего тут стряслось?

— Да вот, задержал, письмо несет бургомистру, говорит, от партизан.

Старший поста сосредоточенно прочитал письмо, повертел его, распорядился:

— Веди его к Кириченке, да смотри, чтоб не сбежал.

Еременко ввели в кабинет. За столом сидел средних лет полный человек с толстыми обвисшими усами, в бараньей папахе и в казацком нарядном чекмене, из-под которого выглядывала вышитая украинская рубашка. Напыщенный, суровый, всем своим видом он стремился показать высокую сановную власть. Это и был бургомистр Кириченко.

— Кто ты такой? — басовито спросил он.

— Еременко Андрей Павлович, колхозник из Славина.

— Это ты принес? — бургомистр небрежно потряс перед собой письмом.

— Я. Только разрешите мне, пан бургомистр, присесть, ноги побаливают.

— Садись. Кто тебе вручил письмо?

— Партизаны.

После этого слова у бургомистра задергались усы.

— Кто командует этой, э-э, партизанской бандой?

— Партизанской армией командует генерал Орленко (под этой фамилией тогда воевал Федоров. — Авт.).

— Армией, армией, — уже помягче проворчал бургомистр, — а сколько же народу в этой, э-э, армии?

— Только через наш хутор проходило не меньше пяти тысяч. Одеты с иголки. Оружием всяким обвешаны, говорят, что снабжаются они прямо из самой Москвы, — складно врал Еременко.

В это время в кабинет влетел одетый в черный мундир начальник жандармерии Кукуюк, до войны работавший судебным исполнителем.

— Значит, бандитский посланец, — зло бросил он, заглядывая Андрею Павловичу в глаза. — Что он там принес? Покажи, Макар.

Кукуюк прочитал ультиматум. На его худом, желтоватом лице заходили скулы.

— Ну, и что ты ждешь от нас, партизанский парламентар? — сказал он.

— От вас ждет ответ командование партизанской армии.

— Скажи-ка, Макар, чего они захотели! А вот этого ты не хочешь испробовать? — Кукуюк выхватил пистолет и дулом ткнул в зубы Еременко. У того изо рта побежал алый ручеек. Он вытер кровь и поднял глаза на жандарма.

— Зачем же так, господа, я ведь человек нейтральный, получил приказ — вынужден выполнять. У них — оружие, у вас — оружие, а я человек подневольный. Садитесь, да давайте поговорим ладом. Как скажете — я так и передам. Мое дело такое, ничего не прибавлю, не убавлю.

— Слышишь, Макар! Старый хрыч предлагает нам вести с ним переговоры. Ты мне сначала выложишь все о подпольщиках и партизанах. А потом я подумаю, отпустить тебя или за спиртзавод увести — и в расход. Посмотрю на твое поведение. Понял? А сейчас рассказывай, кто тебе вручил письмо.

— Я ничего не знаю, господа, мое дело вручить вам

письмо и получить от вас ответ. Не дадите ответа — я так и скажу — нет ответа. Мое дело — сторона.

Еременко держался прежней «легенды».

— Заставим тебя кое-что вспомнить! Не придуривайся! Значит, к тебе по ночам партизаны не ходят? А кто в хуторе связан с партизанами? Ты не знаешь? Кто вручил тебе письмо? Не знаешь? Надо полагать, ты ничего не знаешь о тех, кто вредит новому порядку, — орал Кукуюк, размахивая пистолетом перед стариком.

— Ну, конечно, господа, я ничего такого не знаю. Откуда мне знать — я с печки не слезаю, ноги болят. Заставили — пошел, как не пойдешь, когда на тебя оружие направляют...

— Все ты врешь, старая дрянь! Раз ничего не знаешь — тогда получай наш ответ, — Кукуюк дважды выстрелил в Андрея Павловича. Старик упал.

Из комендатуры со своей свитой прибежал гебитско-миссар лейтенант Фогель, которому кто-то сообщил о случившемся.

Ознакомившись с письмом, Фогель пришел в замешательство. Как поступить? Для проведения операции он выпросил в Чернигове сотню солдат и две бронемашин. Сделав дело, они уедут, а ему оставаться здесь, в этой глуши, с горсткой мадыарских солдат, которые ночью боятся нос высунуть из казармы.

В самом деле, может, не стоит обострять обстановку до лучших времен. Эти большевики никуда не денутся. Не сегодня, так завтра будут уничтожены.

Фогель распорядился всех задержанных освободить.

...Не дождавшись мужа, в понедельник жена Андрея Павловича пришла в Холмы его разыскивать. Кукуюк учинил ей допрос. На все вопросы женщина отвечала: «Не знаю». Здесь же, в камере пыток, ее и расстреляли.

Осиротела хатка на хуторе Славино. Но зато во многих холмыньских хатах живут спасенные люди и их потомки. Они носят цветы на могилу партизанского связника и его

жены. А девочка Аня — теперь Анна Ивановна Рудяк (Маложон) рассказывает людям о подвиге героя.

В сентябре 1943 года под натиском Советской Армии оккупанты отступали по полям и лесам Черниговщины. Они уничтожали все на своем пути: жгли мирные села, грабили и убивали жителей.

Население Барановки спасалось в лесу. Получилось так, что на последней подводе ехали из села 14-летний Коля, его парализованная бабушка и трехлетний братик Петя.

До леса оставалось рукой подать. В это время из села застрочил пулемет. Упала убитая лошадь. Воз остановился на пыльной дороге. На легковой машине к ним подкатили немецкие офицеры.

— Показывай дорогу на Каменский хутор, — один из военных направил пистолет на бабушку. Она прижала к груди ребеночка и объяснила, что не может ходить.

— Матка, не поведешь — убьем и деревню жечь будем, — орал гитлеровец и бил бабушку пистолетом по голове. Затем потащил ее с воза. Старуха заплакала, маленький Петя закричал.

— Пан офицер, она больна, у нее ноги не ходят. Я покажу дорогу на Каменский хутор, — сказал Коля, соскакивая с подводы. — Я хорошо знаю дорогу и проведу вас как надо, аж до самого хутора проведу.

Коля видел и понимал: немцы удирают. За лесом, около Орлыковки, идет бой. Наши рядом.

У мальчика вмиг созрел план: завести врагов в болото, то самое страшное Царево болото, куда ребята бегают за утиными яйцами.

Коля вел немцев по извилистой глухой лесной дорожке.

Уже смеркалось. Немцы почувствовали неладное. Офицер строго спрашивал:

— Где Каменский хутор?

Мальчик спокойно отвечал:

— Ещё немножко по болоту пройдем, там хорошая до-

рога пойдет, и хутор скоро будет, а за ним — хороший шлях.

Немцы с тревогой поглядывали назад. Колонна двигалась медленно. Впереди ее шел Коля. Рядом шагали офицер и солдат.

Вместо дороги под ногами пузырилась зыбкая топь. Колеса машин и орудий утопали по ступицы. Солдаты рубили молодые деревья и бросали под колеса.

— Я пристрелю тебя, если не выведешь нас на дорогу! — закричал офицер и ударил Колю по лицу.

— Пан офицер, дорога вот тут должна быть, это я точно помню, что тут, если не ошибся из-за темноты, — жалобно ответил Коля.

Наступила ночь. Немцы боялись зажигать огни, чтобы не обнаружить себя.

Мальчишка был уверен: немцам не пробиться вперед. А назад колонна не развернется. Теперь его беспокоила мысль, как самому сбежать.

Конвоир внезапно провалился в яму. Солдаты кинулись к нему на помощь, а Коля, воспользовавшись суматохой, шмыгнул в темноту. Немцы пытались было бежать за ним, но отстали.

Утром он вернулся в Барановку, уже занятую передовыми частями Красной Армии.

Парнишка все рассказал командиру и показал, как лучше взять немцев. Вражеское подразделение — около пяти-сот человек с боевой техникой и боеприпасами — очутилось в ловушке. Немцы вынуждены были без боя сложить оружие и сдаться в плен.

За этот подвиг Коля Молчанов был награжден боевой медалью «За отвагу».

Так мой друг детства, с которым до войны мы учились в одной школе, вошел в историю Великой Отечественной войны.

Как же сложилась судьба перелюбского подполья?

Организатор и руководитель подполья Яценко (настоя-

щее имя — Михаил Ильич Нахаба) вынужден был уйти в отряд: его случайно узнали на улице.

Руководителем подполья утвердили завхоза школы Петра Смалеху. Но и ему не повезло. Полицаи выследили его, когда он передавал партизанам собранное оружие. Смалеху с женой расстреляли летом 1942 года. Погибли и многие другие подпольщики.

Летом 1942 года соединение черниговских партизан вынуждено было уйти в Брянские леса. Балабай и Нахаба потеряли связь с подпольщиками.

А немцы и их пособники лютовали, уничтожали людей. В селе Прибынь живыми сожгли в хате 38 человек.

В эти тревожные дни в доме комсомольца Николая Ермоленко собрались его друзья Павел Коваль, Гриша Мацко и Вася Хроленко.

Ребята обговорили создавшееся положение, объявили себя руководящим комитетом. Секретарем утвердили Гришу Мацко.

Они знали или догадывались о причастности к подполью многих перелюбцев. Как ни стремились Балабай, Нахаба и Смалеха строго соблюдать конспирацию, практически это не всегда удавалось.

Борьба перелюбского подполья продолжалась. Подпольщики разбрасывали листовки, выводили из строя связь, подрывали машины, спасали от угона в Германию молодежь, не давали отбирать у населения сельхозпродукты.

По заданию партизанского и подпольного руководства проверенные люди работали в районных учреждениях и в волостном старостате. Член комитета Вася Хроленко пошел служить в полицию.

Бедовый и смелый был Вася. Всякую работу выполнял быстро и чисто. Поэтому к нему прилипла кличка Веник. Его и в глаза так называли, и он на это не обижался.

В феврале 1943 года Вася-Веник сообщил, что всю полицию перелюбской волости перевели на казарменное положение. Полицейские живут в помещении бывшего сель-

совета. Привезли ручной пулемет, гранаты, около двух тысяч патронов. Что-то назревает, вроде бы готовится наступление на партизан.

Вася предложил обезоружить полицию и придумал такой план. От безделья стражи «нового» порядка режутся в карты и пьянствуют. Самогонку достают в селе. Поэтому надо в одну из хат притащить самогон. А он намекает полицаям об этом. Вася знал, что после попойки вся полиция крепко спит. Дисциплина у них — никудышная. Часовой стоит у входа в помещение. Когда все уснут, Вася откроет окно в сад и подаст сигнал.

Для осуществления операции создали группу во главе с Павлом Ковалем. В нее вошли Андрей Ермоленко, Коля Семенов, Егор и Коля Батюки и я. Егор и Коля, самые маленькие и шустрые, залезли в здание, остальные ребята остались под окном принимать оружие, а я стоял на страже. Мы были вооружены пистолетами.

Егорка и Коля подали пулемет, несколько винтовок. Положили в мешки патроны и гранаты и снимали затворы с других винтовок.

Но в это время часовой зашел в помещение попить воды. Был он под хмельком и уронил ведро. Некоторые полицая проснулись, но часовой их успокоил. Я вовремя подал сигнал. Ребята тихонько ускользнули, а Вася сумел закрыть окно на шпингалет.

Насчет кражи оружия власти почему-то не распространялись.

Позднее мы узнали, что немцы действительно готовили большое наступление на партизан Федорова в Елинском лесу. В марте там был большой бой. Эта операция усилила подозрения полиции и гестапо. Вскоре стало известно, что готовятся массовые аресты в селе. В это же время пришел из Холмов Леня Щербак, который поддерживал связь холмынцев с другими подпольщиками района. Леня подтвердил тревожную весть: готовятся аресты лиц, которые «не дают покоя и пакостят властям».

Гриша Мацко немедленно собрал членов комитета. Приняли решение: оповестить всех и уходить в лес.

В час ночи 8 марта 1943 года на кладбище по дороге на Прибынь собралось 37 человек. Все были со своим оружием. У многих сохранились комсомольские билеты. Фельдшер Федя Хроленко захватил лекарства и медицинский инструмент.

Подпольщикам, конечно, хотелось попасть в свой, перелюбский партизанский отряд. Но отряд вместе с соединением находился где-то на Брянщине.

В это время из Хинельских лесов Сумской области мимо Перелюба проходило рейдом на запад партизанское соединение Я. И. Мельника. Наша группа влилась в его состав.

Мужественно дрались с врагом молодые перелюбцы. Из 37 человек, ушедших в партизаны, только 11 вернулись домой. Остальные сложили головы в боях с фашистами.

Где-то в Приднепровье затерялась могила юного разведчика, бесстрашного Егора Батюка. Погибли члены комитета Николай Ермоленко, Павел Коваль и Вася Хроленко.

Мужественная земля наша черниговская, земля седая, оваянная легендами древности, подвигами минувших веков, начиная с Киевской Руси.

И село наше Перелюб древнее. Может быть, оно — ровня по годам Киеву, Чернигову или соседу нашему — Новгороду-Северскому. Кто знает! Легенды ведают, что князь Игорь с дружиною как-то возвращался с похода в свой престольный Новгород-Северский. Утомленные ратники остановились у речушки передохнуть. Один воин набрал шлемом водички, попил и сказал: «Какая прелюбая водичка». Так и стали называть речушку Перелюбкой. А отсюда получило название Перелюб и возникшее здесь селение.

В центре села такая же древняя сельская площадь. На ней стоит старая церковь, обросшая старыми липами.

Многое на своем веку повидала старая площадь и о многом может рассказать. В 1905 году под руководством вольнодумных народных вожаков здесь собирались бурные крестьянские сходы.

В гражданскую войну эта площадь видела первые вооруженные группы борцов за народное дело, из которых наш земляк Мыкола Щорс создал партизанский отряд, явившийся ядром первой украинской революционной дивизии.

На этой площади не раз бывал прославленный партизанский командир Великой Отечественной Алексей Федорович Федоров.

Много радостного и печального повидала площадь. В братской могиле покоятся здесь погибшие партизаны и подпольщики. Постоишь у могилы, посмотришь на застывших в бронзе партизана и партизанку, слезу смахнешь: ведь они тоже были молоды и жить хотели...

Вспомнишь и про памятник жертвам фашизма, там, где была деревенька Речечка. Была деревушка с таким ласковым названием. Мирно жили в ней исконные хлебопашцы. При отступлении фашисты согнали жителей Речечки в сарай и сожгли. Просто так, со злости, за неудачи на фронте. Полностью уничтожили они деревушку, которой так и не суждено было возродиться.

На месте Речечки, где стоит вечная перевозданная тишина, люди поставили памятник погибшим. Две огромные каменные руки, выросшие прямо из земли, держат плиту: «Родимые! Вы слышите нас, мертвых? Мы жить хотели, радовались солнцу. Но вот мы стали лесом и травой. Запомните, живые, берегите спасенный мир во имя жизни светлой».

Вениамин Владимирович Берлин. Родился в Перми. В августе 1942 года призван в Советскую Армию. Воевал в минометной роте 57-го гвардейского стрелкового полка на Юго-Западном фронте. Награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями. В октябре 1943 года демобилизован после тяжелого ранения. После войны работал изыскателем. В настоящее время на пенсии. Живет в Перми.

В. В. БЕРЛИН

ЗАЛИМАНСКИЙ ПЛАЦДАРМ

**Записки
рядового
минометной
роты**

ДЛЯ СПРАВКИ

Залиманский плацдарм — один из многих-многих плацдармов Великой Отечественной. Это полоса земли по фронту двенадцать и в глубину до семи километров. Донец здесь течет в широкой пойме, с трех сторон омывая низину и гряды высот с населенными пунктами Залиман, Норцовка, Доброхотовка (Мирная Долина), Мосоров Байрак, Ветровка, Чепель, Щуровка, Червона Гусаровка и другие.

Сюда, к этим высотам у берегов Северского Донца, в конце февраля 1943 года устремилась прибывшая из Франции в район Днепропетровска и усиленная танковым гренадерским полком и мотострелковым полком 3-й танковой дивизии 15-я немецкая пехотная дивизия*.

А в то же самое время навстречу врагу, с задачей любой ценой закрыть образовав-

* Центральный архив МО СССР, ф. 20-й гв. с. д., зап. 1, д. 20, л. 16.

шуюся во фронте брешь и удержать высоты на правом берегу Северного Донца, шли полки 20-й гвардейской дивизии*.

5 марта завязались кровопролитнейшие бои за овладение плацдармом и его удержание. Враг был силен и значительно превосходил нас в вооружении. (Достаточно сказать, что в ротах у немцев было по 12 пулеметов, много автоматов. Мы же имели в основном винтовки.)

Только за пять дней, с 5 по 9 марта, потери 20-й гвардейской составили 2252 человека. Но... Вот выписка из приказа. Его подписали 6 марта 1943 года комдив генерал-майор П. Я. Тиханов и начальник штаба гвардии полковник Б. А. Лимонт.

«...Ни шагу назад!! Кто уйдет от реки Северного** Донца, тот предатель и изменник. И таких — расстреливать на месте»***.

За ходом мартовских боев на Залиманском плацдарме следила Ставка Верховного Главнокомандования. Сюда приезжал командующий фронтом Р. Я. Малиновский. Дело в том, что потеря плацдарма ставила бы наши войска в тяжелое положение. Открывался выход дивизиям Манштейна в тыл нашей 6-й армии. Тем самым создавалась прямая угроза ее окружения.

Дивизия удерживала плацдарм до 7 сентября, то есть до момента общего наступления войск Юго-Западного фронта.

*...Залиманский плацдарм,
Залиманский плацдарм!
Здесь навек моя юность
осталась.*

24 января 1943 года с воинской платформы станции Пермь II отправился на Западный фронт эшелон с вось-

* 20-я гвардейская стрелковая дивизия (бывшая 174-я) была сформирована в 1940 году в Челябинской области. С первых дней войны сражалась в составе 22, 29, 30 и 31-й армий. В конце января 1943 года пополнена курсантским составом из четырех уральских военных училищ (в том числе и Пермского пулеметно-минометного) и переброшена с Западного фронта четырнадцатью эшелонами на станцию Купянск. За двое суток, покрыв расстояние в 70 километров, вышла к реке Северский Донец, где была включена в состав 4-го гвардейского стрелкового корпуса 6-й армии Юго-Западного фронта.

** Так в приказе.

*** ЦАМО, ф. 20-й гв. с. д., зап. 1, д. 189. л. 21.

мистами курсантами пулеметно-минометного училища... С войны вернулись очень немногие. В списках ветеранов значится двадцать девять человек...

...В излучине Северского Донца, позже названной Залиманским плацдармом, навечно осталось большинство моих товарищей. Да что там! Почти все курсантское пополнение 20-й дивизии, прибывшее из уральских военных училищ, выбыло здесь из строя в первые же дни мартовских боев 43-го.

Очень коротким оказался их боевой путь! А война впереди была еще бесконечно долгой...

Любой, пожалуй, а тем более рядовой 18-летний солдат, каким был тогда я, мог там, рядом со смертью, видеть и понимать лишь малую долю происходящего в полку, в батальоне и даже в роте. Больше узнавалось по «солдатскому телефону», а он часто искажал действительность. И поэтому правильнее будет описать только увиденное и пережитое лично (пусть не посчитают это однопольчане за нескромность).

Замечу еще: неверно будет сказать, что события тех далеких дней вспоминаются. Нет. Ведь они никогда и не забывались.

...Сухиничи, Мичуринск, Тамбов. От станции Балашов нас круто поворачивают на юго-запад: Поворино, Лиски...

Ровно месяц эшелоны дивизии проталкивались по разрушенным бомбежками и обстрелами прифронтовым железным дорогам. В ночь на 2 марта на станции Купянск мы, наконец-то, покидаем теплушки.

В крошечной тьме чувствуется небывалое скопление людей. Курить не разрешают. Что, если начнется бомбежка? Нам уже довелось испытать, что это такое, где-то между Лисками и Валуйками. И вот теперь мы спешим уйти подальше от станции.

Окраина города. Тихие улочки. Палисадники. Ставни домов плотно закрыты. Купянск спит...

Рассвело. Спускаемся к берегу. Это Оскол. Мост взо-

рван, и металлическая ферма его одним своим краем лежит в реке. Лед еще крепок, но на нем вода.

Западный берег. Дорога уводит в заснеженные поля. На фронт! На фронт!

...Выходят в бой
суровые уральцы,
Огнем горят
каленные штыки-и-и,
За свой народ,
за честь и славу драться
Идут вперед уральские полки-и-и!

Эта песня из родного края еще звучит в душе. Правда, сейчас никто не поет. И винтовки почему-то все без штыков. А мне и такой не досталось. Но настроение пока боевое.

Наша минометная рота придана 57-му гвардейскому стрелковому полку. В роте шестьдесят два человека. Старый состав — двадцать шесть. Из них четверо — лейтенанты. Командир роты — гвардии старший лейтенант Скачков. На вид ему лет двадцать пять-тридцать. Симпатичный, молчаливый. С ним у нас уже была стычка. Где-то, кажется в Поворино, в наш вагон попросились двое девчат — учительницы. Сказали, что направлены на работу в освобожденные районы Воронежской области... А утром другого дня они обнаружили у себя пропажу... двух банок консервов. Не верится, что кто-то из наших польстил, хотя суточный рацион давно уже составлял два сухаря и полкотелка баланды (когда грузили продукты в Сухиничах, никто не рассчитывал на такой долгий путь). Учительницы пожаловались. И вот на станции построена вся рота. Скачков взбешен и грозит пистолетом:

— На фронт приедем, дознаюсь, своей рукой пристрелю! Позор на всю дивизию!

...Ни начала, ни конца не видно нашей колонне. Машин нет. Имеются, да и то в небольшом количестве, лишь подводы да волокуши: это подобие легких широких лодочек. В них минометы с боекомплектом, лопаты, противога-

зы, мешки. Попеременно впрягаемся по двое в постромки и тянем, тянем...

Я благодарен судьбе за то, что нам так и не успели присвоить звание. Распоряжаться людьми, которые старше и опытней, командовать ими... Да никто и слушать не станет!

Ну, а в себе-то я не сомневаюсь. Буду не хуже других. И ничто нам не страшно!..

...Ура-ал, сыны твои клянутся,
Что будут все героями страны-ы-ы,
Ура-ал, с победою вернутся
В родимый край отважные сыны-ы-ы...

Нас выстраивают на обочине. Будет посвящение в гвардейцы. Становимся на колено. Вот-вот вдоль рядов должны пронести знамя.

— Во-оздух!!!

Над нами «юнкерсы». Они разворачиваются и заходят в пике.

— Ложись!!!

Нарастающий свист, разрывы, треск, грохот. Тяжко сотрясается земля. Страх сковал меня. Уткнулся лицом в снег.

После бомбежки торжественная церемония не возобновляется. Продолжаем движение. Темнеет. Усталость дает себя знать, клонит ко сну...

Вторые сутки на исходе. Тепло. Дорога раскисла. Многие сменили валенки на сапоги. Те, кто пил воду в дорожных колеях, совсем не могут идти. Все лишнее — противогазы, стеклянные фляжки и даже каски — полетело в придорожные кусты...

Ночуем в селе. Ели гречневую кашу.

...4 марта. Шагать стало легче. Попривыкли, да и местность ровнее. Высокое плато. Привал. Санинструктор стрижет желающих под нулевку. Сажусь на ящик перед ним. Только он заехал спереди в мои космы, ручка у машинки

хрусть... и остался я с прокосом от лба до темени. Хорошо еще, что можно прикрыть шапкой.

Подходит старшина.

— Откуда сапоги?

— Из училища.

— Придется сдать. Командирам сапог не хватает.

Взамен получаю итальянские трофейные ботинки, обмотки. До чего же узкие у итальянцев ноги!..

Политрук отозвал в сторонку коммунистов и нас — комсомольцев.

— Где фронт, точно не знаю. В любой час будьте готовы к встрече...

Вечером входим в поселок. Это станция Савинцы. Восточный берег Северского Донца. Между Изюмом и Балаклеей.

Где-то впереди, справа от нас, небо вдруг загорается. Яркие вспышки, ослепительный фейерверк. Треск пулеметных и автоматных очередей, какая-то «молотьба». Скоро все стихает. Ночь темная-темная; ночь перед неизвестностью. Мы не знаем еще, что во фронте брешь и перед нами нет наших войск.

Кажется, только задремали, а уже подъем. Переправа. По бревенчатому настилу переходим на тот берег.

Идем уже больше часа. Темно и тихо кругом. Что же так опасаются командиры?!

За ночь подморозило. Под ногами хрустит ледяная корочка. На полях местами высокая стерня, редкие скирды...

Развиднелось. Впереди, меж тонких стволов голой рощицы, проступает бугор с довольно крутым склоном. И по этому склону наперерез нам поспешно спускаются люди — человек пятнадцать. Полощутся полы шинелей. У переднего на плечах длинный ствол немецкого пулемета.

Сразу как-то и не подумалось, что это враг. Первым вышел из оцепенения командир роты:

— Немцы!!!

Мы пробегаем несколько десятков метров вперед, вылетая к этой рощице, и падаем к меже на границе пашни.

Стрельба идет отовсюду. Немцы залегли, их не видно, но они тут, над нами. Треск автоматов не стихает. Щелкают наши винтовки. Справа поставили минометы. Вражеский пулемет такой скорострельный! Сплошное рычание. У минометов кто-то валится навзничь.

— Политрука убило!

Рядом, слева бьет из винтовки Коля Дунаев. Коля в каске. Он как-то странно, медленно подгибает под себя голову... Кровь! Широкой неудержимой струей она заливает Колино лицо. У меня закладывает уши... Беру его винтовку, но ничего не вижу перед собой, кроме торчащих в снегу сухих желтых стеблей...

Возле меня командир расчета. Нужны мины. Они за скирдой — на подводе.

— Волокушу бери!

До скирды метров полтора от открытого поля. По полю дорога — полоса истоптанного кровавого снега, заваленная телами... Бегу левее. Снег здесь глубокий и нетронутый. Волокуша ничего не весит. За скирдой несколько бойцов. Мины — на санях. Два ящика на волокушу. Двадцать мин хватит.

Обратно волокушу тащим вдвоем; сзади ее толкает маленький пожилой сержант. Идти тяжело. Зато сгибаешься низко. Если попадет, то хоть не в живот.

Теперь мы идем по другую сторону от дороги. Она от нас справа. Пулеметные очереди брызжут в снег. Отсюда хорошо виден и сам пулеметчик. Вот он привстал у пулемета. Сколько до него? Ложимся, ставим планку на двести. Прицелиться поточнее, под яблочко... И снова вперед. Быстрее, быстрее.

Вот это да! Ну и картина! Двое наших ползут на животе по дороге. Толкают перед собой волокушу с минами, прячутся за ящиками. Одного из них я знаю. Такой вроде

всегда был лихой и бесстрашный, ходил всегда гоголем. Они растерянно глядят на нас и продолжают отчаянно толкать свою волокушу.

Мы у минометов. Дотащили! Но фрицы уже не стреляют.

...Склон бугра. Снег в неглубокой ложбинке истоптан, раскидан разрывами мин. Кровь, бинты. Лежит на спине немец. Бледные впалые щеки с редкой щетиной. На ногах наши серые подшитые валенки. Молитвенно сложил руки: просит доктора... Почему же они его бросили?..

Сколько времени прошло с момента первого выстрела? Часа три? Нет, наверное, не больше получаса. А наша рота уменьшилась наполовину. Меня не покидает чувство какой-то ошалелости, пустоты и досады...

Но день еще только начался. Незнакомый младший лейтенант сейчас поведет нас — двенадцать новичков (всех оставшихся из тридцати шести) — на пополнение стрелковых рот.

Здесь, наверху — пять минут ходу, — деревня Мосоров Байрак. В Мосорове сильная группа противника, а приказ — взять деревню с рассветом — все еще не выполнен.

Гуськом поднимаемся по дну небольшой балочки. Прижимаемся к нависающему сбоку плотному, пахнущему морозцем снежному гребню. Передний уже достиг вершинки. Но только он показался наружу, как в снег ударила пулеметная очередь. Вторая попытка — и опять неудача. Лейтенант ведет нас в обход.

Выходим на поле метрах в трехстах от прежнего места.

— Вперед!!!

Засвистели, зачиркали немецкие пули.

— Вперед! Приказ в полчаса взять деревню!

Вот один споткнулся в снегу, другой. Еще. Кто-то зовет:

— Санитары!!!

Все ниже и ниже пригибаемся к земле. Лишь бы в живот не попало! Почти бежим по глубокому снегу, не стреляем. А лейтенант все кричит:

— Вперед-ед!

Впереди и по сторонам, по всему широкому полю лежат наши серые шинели. Вот и лейтенант ткнулся лицом в снег. Убило?!

Мы в изнеможении падаем и... все исчезает.

Скажи кто-нибудь раньше, что можно спать на ходу или вот так — во время боя, — ни за что не поверил бы.

Прошло, наверно, несколько часов, потому что вдруг стало смеркаться. Да и ноги замерзли. Слева коротко простучал ручной пулемет. Фрицы отвечают длинными очередями. Справа, чуть впереди, в плоской низинке с редкими тощими кустиками, стоят два «максима». Пулеметчиков возле них почему-то нет.

Заметно темнеет. Решаю спуститься, запастись патронами. Где-то здесь, внизу, должен быть склад боеприпасов. В большой воронке сидят командиры. Наверное, совещание.

А вот и знакомая ложбинка. Лежит тот самый немец в валенках. Вытянулся, как по стойке «смирно».

Склад — глубокая квадратная яма с полуразрушенными кирпичными стенками. Ящик на плечо — и наверх. Навстречу спускается боец. Бережно поддерживает залитую кровью левую руку.

Он стягивает с плеча плащ-палатку: «Бери». Теперь ящик можно тащить волоком. Разжиться бы еще соломой. На глаза попадается брошенный кем-то карабин. Он короче и удобней винтовки. А сделан грубо. Приклад и ложа без лакировки. Воронение плохое. Выбито: «1943 г.»

Посылаю пулю за пулей в сгустившийся сумрак, пока ствол не раскалется. Громко бухают наши редкие винтовочные выстрелы. Одолевает дремота.

...Морозно. Темноту ночи с треском прошивают яркие цепочки трассирующих пуль. Надо пострелять.

Опять потерял счет времени. Наверное, о нас все забыли.

...Просыпаюсь от сильного толчка в бок. Это сосед.

— Живой? Кухня приехала.

Протягивает мне сухарь.

Возле нас появляется какой-то капитан с золотыми зубами. По виду грузин. Велит помочь одному бойцу. У парня обмерзли ноги.

Снова стреляем. И опять провал... В испуге просыпаюсь от автоматной очереди над головой. Золотозубый будит:

— Не спать!

И к пулеметчикам:

— Не спать!

И вновь ко мне:

— Давай поближе к дороге. И стрелять, стрелять!

Надо перенести на новое место плащ-палатку и солому. У дороги одни мертвецы! А снега здесь меньше. Сгреб его с боков. Собрал винтовки. Получился накат. Защита. Не от пуль — от ветра.

Густо, крупными хлопьями повалил снег. Белое покрывало тихо ложится на зловещее поле. Какая длинная ночь!..

И вдруг впереди начинает страшно рваться. «Катюши»? Снопы раскаленных осколков, искр, пламя пожара. Отчаянные крики. Слышны пронзительные женские вопли. На фоне пылающих хат мечутся тени. Фрицы грузятся на автомашины.

И вся эта обезумевшая черная лавина устремляется по дороге в нашу сторону.

Теперь не надо никого будить. Бьем по колонне. Фашисты дико орут и строчат из автоматов. В последний момент я не выдерживаю и плотно вжимаюсь в снег. Постепенно

отдаляется, стихает натужный рокот грузовиков. На дороге замерли две подбитые машины...

Никто не поднимается на страшном поле. Тишина. Серый холодный рассвет. Отдельные редкие выстрелы...

Все тот же золотозубый капитан:

— Давай все, подъем!

Но где же наши гвардейские роты?! Живых едва набирается человек двадцать. Подбираю новенький ручной пулемет «Дегтябрь». Не проходить же мимо! Карабин теперь ни к чему. Брезентовый ремень плотно облегает плечо. Вес — одиннадцать триста...

Улица — односторонка. Капитан не дает задерживаться, торопит к тому краю деревни. Какие-то люди показались на поле. Немцы или наши? Вот они залегли. Плотный низкорослый казах с бронзовым лицом широко шагает за околицу. Машет вкруговую каской и орет:

— Ура-а-а! Ура-а-а!

Поднимаются, кричат что-то в ответ, идут сюда, к нам. Это бойцы из лыжного батальона.

Десяток догорающих дымящихся развалин — вот и все, что осталось от деревни. Уцелели только четыре хаты. У изгороди приткнулась самоходка. Несколько крытых грузовиков, разбитая штабная машина. Трупы в зеленых шинелях и френчах тонкого сукна. На фрицах крепкие кожаные сапоги с короткими широкими голенищами, подметки подбиты гвоздями с гранеными шляпками. Тут же ранцы с верхом из коровьей кожи, пустые консервные банки и бутылки. В неглубокой траншее кипы байковых одеял.

Трофеи... Ничего бы не надо брать — в судьбу, в приметы верит в душе, наверно, каждый. Но соблазняют безопасная бритва и плоский котелок с крышкой.

Из груды обломков обвалившейся хаты торчит печь с чугунным шестком; прикрыта заслонкой. У ребят — немецкий хлеб. Буханки без корок, запакованы в плотный пергамент. Выпечка — 1939 года. Суррогат, вкуса никакого.

Оказывается, немцы после залпа, обрушившегося на них, опасаясь нашей атаки, выгнали из погребов женщин. Заставляли их кричать. Чтобы русские не стреляли.

Что за напасть! Снова нестерпимо клонит ко сну. Втро-ем забираемся на сеновал...

Сколько же мы проспали?! Вокруг непроглядная темень. Спускаемся на ощупь. Улицу не узнать. Пушки, машины и даже танки. Шумно и многолюдно. Остаток ночи здесь и протолкался.

Надо искать свою роту. Тревожит мысль, что в роте отберут пулемет; спросят, куда дел винтовку.

Вот оно, это самое поле. Сразу же за немецкой траншеей цепями лежат наши ребята. За двое суток их припрошило снегом. Намело плотные сугробики за сидорами, затылками, локтями.

Сколько же их!!! Только теперь до сознания дошла вся страшная картина происшедшего. Меня бьет озноб... Пять с половиной месяцев нас муштровали: «Левое плечо вперед! Марш!» Учили: «Минометный взвод в наступлении, в обороне...» Кормили как на убой!..

Так вот почему сидели тогда в воронке командиры! Им просто нечем было командовать!

Померк заката луч багровый
Под неумолчный гул войны.
Спят в буераках Мосорова
Отчизны верные сыны.
Вам не услышать грохот взрывов
И не узнать желанных встреч.
В снегу, в тени крутых обрывов,
Всем суждено навеки лечь.

...Рота стоит на прежнем месте. Из нас — двенадцати, что ушли позавчера наверх, никто, кроме меня, не вернулся. Меня ни о чем не спрашивают. Все готовятся к выступлению. Идем в Ветровку, ту самую деревню, куда прорвалась группа из Мосорова. В Ветровке уже началось, и нам приказано спешить.

Колонна наша выглядит внушительно — человек триста. Все — из разных батальонов. Настроение боевое. Верю в судьбу! Надеюсь на удачу! И пулемет — это все-таки не винтовка!

Низом прошли открытое место. Дальше дорога лесом. Нас подгоняют. Впереди уже слышно, как «молотит». В пулементно-автоматную трескотню вплетаются глухие взрывы и удары: «Дай! Дай! Дай! Н-а! Н-на! Н-на!...»

Навстречу — раненые:

— Скорее, идите скорее!

«Музыка» впереди постепенно затихает. Лес редет. Мы останавливаемся, а колонна уходит к опушке.

Командир роты, по трое из каждого расчета вместе с минометами остаются в лесу. Остальные, и я в их числе, пойдут в атаку. Нас совсем мало. Ведет группу младший лейтенант.

Тепло. Тает. Там, где дорога выходит из леса, стоят командиры. Пожилой майор (командир полка?) что-то сказал на прощание. Расслышалось только — «минометчики». Глаза у него красные и слезятся. Мы молча проходим мимо...

Пересекли ложок. Деревни пока не видно. Дальше белым покатым куполом открытое поле. Бежим по этому полю среди внезапно взметающихся вверх черных разрывов.

А что, если прямое попадание? Нет, лучше об этом не думать.

За полем глубокий просторный лог. Но что это? На выходе из лога нас прижимает к земле плотный автоматный огонь. Там стена какого-то строения.

Пулемет в дело! Очередь, вторую... Затихло. Оборачиваюсь на младшего лейтенанта. Он зачем-то грозит мне пистолетом.

Поднимается с автоматом Агеев (у него медаль «За боевые заслуги») и картинным жестом руки зовет за собой. Но огонь возобновляется. Жму пальцем на спусковой крю-

чок. Очередь обрывается внезапно. А-а, черт! Кончился диск!

Только полез в карман за патронами — сильный удар в правое плечо. Слово сухим поленом по голому телу. Намокает рукав. Навесить пулемет на плечо, зажать ремнем рану...

В роте меня бинтует санитар. Сквозное пулевое.

— Пальцы шевелятся? Ну, парень, счастливый ты!

Оттуда приходит еще один. Сержант. Раздроблена powyше локтя рука.

— Обошли нас фрицы по логу. Лейтенант и ребята там остались.

Ветровка, Ветровка! Сколько наших сгнуло в полях и логах возле этой деревни! Сколько раненых осталось на занятом врагом пространстве!..

Страшно потерять жизнь. Страшно, если покалечит. Но самое страшное — пропасть без вести.

* * *

Тогда, 9 марта, нас, нескольких легкораненых, забрал из-под Ветровки шофер порожней полуторки. Еще не прошло чувство радостного возбуждения, свойственное людям, только что избежавшим неминуемой, казалось, гибели. И досада, и осознание горькой реальности придут немного позднее.

— В Ветровке почти всех положили. Ни за грош положили. Село-то не взяли.

— «Катюши» не играли. Нет снарядов.

— Четыре танка с пехотинцами пустили — без толку.

Один раненый не слышит и не говорит. Контузия. С гордостью показывает трофей — золотые часы.

А мне-то как повезло! Не полез в карман за патронами, и пуля пробила бы не плечо, а голову.

За разговором не заметили, как оказались на левом

берегу Донца. В Савинцах шофер остановил машину. Сразу все разбрелись кто куда.

Солнечный весенний день. Острый, какой-то особый запах оттаивающей украинской земли. Как хорошо жить!

Теперь основное движение в восточном направлении. До госпиталя, говорят, километров тридцать.

Темнеет. Впереди замаячила деревня. Бедная, неприбранная хата. Тусклый свет фитиля. Печь, лавки, неровный земляной пол. Хозяйка заводит со двора телушку. Видно, ночь будет морозной.

Утром — снова в путь. К полудню по дороге движется уже сплошной поток. По раскисшей, перемешанной со снегом грязи бредут в госпиталь красноармейцы. Некоторые все еще в валенках. Иногда проезжают повозки, санитарные машины.

В деревнях к раненым относятся сердечно. Жалеют. Кормят чем могут.

Маленькая, чисто побеленная хатка. Соломенная крыша ровно подстрижена, как челка на голове.

— Проходите.

Крепкая молодая женщина сыплет на плиту семечки подсолнуха.

— Ось теж поранений, — кивает она на спящего в углу смуглого красноармейца. Из-под шинели торчат его длинные ноги, ботинки без шнурков и обмоток.

Она ставит на стол миску с кукурузной кашей.

— Сидайте. Такий хлопець! Вин каже, а я не бачу, що це таке.

Она стоит, прислонившись к косяку, и ловко кидает в рот поджаренное семя. Шелуха непрерывной струйкой сползает с ее губ.

Ночью к ней кто-то пришел. Они вполголоса переговариваются за перегородкой. Шуршит солома. Почему-то он мне представляется высоким горбоносым худым интендантом, с черными усиками.

— А як тебе звати?

— Максим.

— А жинку?

— Сима.

Она тихо повторяет:

— Максим — Сима, Максим — Сима, Максим — Сима...

11 марта. Село Бугаевка. Армейский ППГ (полевой передвижной госпиталь) расположился в здании школы — большом деревянном доме с портиком и колоннами. Похоже, бывшая помещичья усадьба. Повсюду полно нашего брата. Под голыми ветвями деревьев — брезентовые палатки. Тут же, возле палаток, вновь прибывающих смотрят и перевязывают.

Рубленая изба на отшибе — палата легкораненых. За дверью — спертый махорочный дух и многоголосье. На полу, застеленном соломой, лежат и сидят бойцы. Спят, курят, бьют вшей, травят анекдоты.

— Садись где стоишь!

И верно, сесть некуда. Разве что у порога.

В дверях старшина:

— В охрану госпиталя кто согласен? — И добавляет: — Квартировать отдельно.

Сразу же поднимаются несколько человек. Подымаюсь и я.

У нас три круглосуточных поста: территория госпиталя, генеральская хата и дорога. Каждую машину, идущую в тыл, приказано задерживать для отправки раненых.

— Не остановится — бей по колесам! — наставляет старшина.

Во дворе, возле школьного сарая, вырыта глубокая яма — квадрат десять на десять метров. В холода умерших от ран не хоронили, а складывали в сарае. Прежде-то в нем, наверно, держали парты, а теперь почти до самого верха штабелями лежат мертвецы. Худые и страшные, в бинтах и гипсах.

...Служба моя в охране закончилась через двенадцать дней. 23 марта на перевязке врач осмотрел рану и сказал:

— В части долечат.

Я обомлел. Уже всё?! Хотелось добавить:

— Там быстро «долечат».

Медсестра бинтов не жалеет, крутит от плеча и вокруг шеи. Врач взглянул сердито, велел все убрать и сделать заклеюку.

Справка о ранении и продаттестат на руках. Можно отправляться. Напишу-ка прежде домой. Дам знать хотя бы, на каком я участке фронта. Пропустит ли военная цензура? Должна.

«23/III-43 г. Здравствуйте, дорогие папа, мама, Галя и Еничка. Не знаю, дождусь ли от вас писем, так как они сюда идут не меньше месяца. Как вы живете, все ли здоровы? Все ли в порядке?

Сегодня отправляюсь в свою часть — на фронт, на передовую. В госпитале я пробыл около двух недель. Дальше лечиться некогда. Нужно идти и бить, уничтожать проклятого коварного врага. Он рвется в Харьков, мечется, как раненый зверь, чувствуя свой конец.

Верьте же, что конец этот близок.

Крепко целую. Веня».

Написал передать привет всем родным и знакомым и зачеркнул. Как-то не могу, да и не хочу никого приветствовать. И в близкий конец войны не верю. Все это — детские сказки. «Бить и уничтожать...» Не знаю пока еще, чего больше у меня — ненависти или страха? Конечно, понимаю, вопрос стоит так: кто кого? Не ты его, так он тебя. Что верно, то верно. А страх есть, и еще какой! Один вид фашистов, их глубокие с четким вырезом каски чего стоят!.. После обеда сразу же и пойду.

...Бугаевка осталась позади. Сделалось как-то не по себе — в руках-то ничего нет. Не надо было сдавать винтовку. А какая здесь вязкая земля! К ботинкам так и липнут тяжеленные комья.

Иду, а мозги точит один вопрос: «Остался ли еще кто живой в роте?» Командир роты все-таки стариков бережет.

Они ему нужнее. В атаку наперед новичков посылает. Все, наверное, так делают. И мне привелось...

Воюют в основном деревенские. Они и с лошадьми могут, и обувь починить! И сметка, и хватка у них другая. Не чета нам — горожанам. Нет, теперь я буду умнее. Буду хитрым и ловким, расчетливым и осторожным. Никакой бесшабашности и бравады. Побольше спокойной уверенности. Понимать, знать, уметь — вот что самое главное! Разведчик и снайпер — вот образцы для подражания!

В первой же деревне мне здорово повезло. На завалинке, за оторванной доской у белой стены подобрал две гранаты-«лимонки». И еще — сел на попутку. В кузове полуторки лейтенант. Летчик. Спрашивает: кто, куда, откуда? Им нужны механики. Сердце забилося в надежде. В моторах я понимаю. Как-никак закончил авиатехникум. И специальность подходит. Но от мыслей до дела далеко. Не решаюсь. Еще сочтут дезертиром...

Машина сворачивает на проселок. Прошу шофера остановиться. С легким сердцем шагаю своею дорогой. Нет, не назовут меня тыловой крысой! Фамилии своей не опозорю!

Шли по степи
полки со славой громкой.
Шли день и ночь
со склона и на склон...

Поет моя душа!

...Навстречу стали попадать группы красноармейцев. С оружием и без. Многие в бинтах, серых от грязи. Измученные дорогой, давно небритые, они идут в Купянск, на переформировку.

За глухой стеной мазанки на солнышке тепло и сухо. Трое сняли гимнастерки, разулись.

— Ну, земляк, поверили мы в бога. Ад был кромешный. Чудом вышли.

— Фрицы, как гребешком, лес чесали, едят тебя мухи!..
Хозяйка молчит, хмуρο поглядывает исподлобья. Толь-

ко что со старшим лейтенантом пришли человек десять. А тут еще и еще. На крыльце ругань, злые голоса:

— Некуда! Проходи дальше!

— А я тебе приказываю!

В ответ отборная матерщина и другой приказ:

— Васюков! Стань к дверям с автоматом!

Рано утром приходили из особого отдела. Лазили на чердак. Кого-то или что-то искали. Оказалось, ночевали в хате немецкого полицая.

Последний переход, и к концу дня увидел, наконец, савинцовские тополя и крыши. Сейчас здесь много свободных домов. Фронт. Местные жители выселены. Пустой желудок заставляет пошарить по хатам. Но ничего путного не попадает.

Случайно выхожу на позицию артиллеристов. Сидят ребята и дуются в карты. Говорят, если разрешат в штабе, можно у них остаться.

Часовой у входа загородил было дверь винтовкой, но отступился.

Дежурный вопросительно смотрит на меня. Объясняю все по порядку, мол, так и так.

— Нужны связисты.

— Мне бы в расчет.

— Тогда ждите командира. Будет утром.

И вот утро 25 марта. На освещенном солнцем том берегу гром и частые разрывы. Игрушечными коробочками появились на высотке и поползли по склону танки. Холера! Сукины дети! Немцы опять атакуют.

В штабе майор глянул в мою красноармейскую книжку.

— Двадцатая гвардейская? Так мы ее и поддерживаем.

Немного раздосадованный спускаюсь к Донцу. Навстречу подвода. Знакомое лицо! Старшина из нашего 57-го! Ну, теперь с голода не подохнем! Еду с ним на продсклад.

В обмен на аттестат кладовщик выдает мне большую банку консервов (800 граммов) и буханку пшеничного хле-

ба. Полагалась еще соль. И пока он ходит за ней, в мой мешок «попадает» еще одна душистая буханка.

Из-за Донца в Савинцы прилетают снаряды. Но разрывы редки и отдаленны. И здесь, на мягкой меже, в пустом подсыхающем огороде, с раскрытой банкой тушенки я чувствую себя снова счастливым...

Отсюда до Залимана, где штаб полка, три километра. Из штаба со связным идем в батальон.

Вся эта открытая ровная низина — пойма Донца — просматривается с бугра и простреливается. Идем напрямик по пашне в полсотне шагов друг от друга. Вот и деревня. Это Норцовка.

Штаб батальона в подвале рубленого деревянного дома. Комбат с телефонной трубкой в руке. Сильно расстроен. Ночью в тыл просочилась группа автоматчиков. В минометную роту сейчас не попасть. Вот под вечер к ним повезут мины... тогда. Выхожу пока что на воздух. Пронзительный свист падающей мины. Улицу перебегают бои. Разрыв! На дороге, в том месте, где он только что был, — гарь и смрад. А у плетня дымится кусок телогрейки — все, что от него осталось. Прямое попадание!

Ближе к вечеру с минами в роту идет подвода. Возле опушки, из придорожных кустов, нас окликают:

— Стой! Пропуск!

В лесу, между Ветровкой и Мирной Долиной, на небольшой поляне — две землянки. Возле дубов ящики и минометы. Поблизости домик лесника и надворные постройки. На северной опушке вырыт круглый окоп для пулемета с оставленной в центре земляной площадкой. От окопа к лесу — извилистый ход сообщения. Отсюда хорошо видны склон бугра и двести-триста метров низины. Удобная позиция для флангового огня.

Назначили в боевое охранение. В землянке вздремнуть не приходится. И в дозоре нельзя. А спать хочется постоянно. Борешься, как можешь, но не всегда успешно...

В нашем лесу нередко бывает слышна чужая немецкая

речь. Ребята задержали и привели человека. Одет в гражданское. Шел со стороны немцев. Отправили в штаб полка, в Залиман...

Стреляем из минометов. Огонь корректируется с наблюдательного пункта. Провод туда протянут по самой чаще.

29 марта. С утра особенно беспокойно. Около двадцати «юнкерсов» начинают разворот прямо над нами. Бомбы рвутся где-то в районе Норцовки. Заходят снова. Теперь удары ближе — у Мирной Долины.

— Будет работа!

Лица ребят озабочены и напряжены. Молча, дыша с надсадой, бегом перетаскивают плиты, накалившиеся стволы, двуноги с одной позиции на другую.

По командам с НП бьем из всех шести минометов от сарая у лесного кордона, с поляны, и беглым прямой наводкой с опушки.

Отсюда видно, как спустившиеся на равнину танки на большой скорости устремляются в глубь нашей обороны, на позиции артиллеристов и бронебойщиков. Мы отсекаем пехоту. Немцы залегли и отвечают в нашу сторону очередями. Разрывные пули щелкают по дубам, осыпают кусты и прошлогодние стебли осоки. Сухая трава загорается. Нельзя дать огню перекиннуться на деревья. Захлестываем его чем попало и гасим. Снова к домику лесника... И обратно к опушке...

Наконец все кругом затихает в изнеможении. Закончился тяжкий рабочий день войны.

Труднее, видно, пришлось ротам, оказавшимся на острие удара, где врагу все же удалось улучшить свои и без того выгодные позиции на бугре.

Со временем я понял: 29 марта решалась судьба нашего плацдарма.

...Прислали пополнение. Из запасного полка. Разных возрастов. Мой напарник в дозоре — худой, как скелет, беззубый красноармеец. Ему больше тридцати лет. Сапер.

Коммунист. Воевал на Ленинградском фронте. Голодал. Заработал цингу. Истощение третьей степени и восемь месяцев госпиталя. Показывает фотокарточку: жена, дочь. Самого трудно узнать. К нему сразу же пристала кличка Скелет.

Скелету всегда холодно, и он не спит. Когда приезжает кухня, берет оба котелка и идет за обедом. Бедняга жаден на пищу. На днях, вот так, возвращаясь, он не заметил меня, остановился рядом. Смотрю: вытаскивает пятерней из моего котелка мясо и, не прожевав, глотает.

Днем совсем тепло. Под ногами шуршит подсохший лист, а воронки и ямы заполнены еще ледяной водой.

Лес полон опасности, но все же, в сравнении с первыми днями на плацдарме, сейчас благодать. Правда, немного вши досаждают... Рана на плече подсохла. Повязка слетела.

Если что-нибудь не случится, два раза в день приезжает кухня. Утром суп, каша, гвардейская норма хлеба (900 граммов). Вечером только каша.

...Повар сворачивает «козью ножку», прикуривает от зажигалки, берет черпак. Ребята подставляют кто котелок, кто каску. Плюхается большой кусище. Кто-то позавидовал:

— Везет же! — ...и ухватил кончиками пальцев за торчащий из супа... хвост.

— Хомяк!!!

Покачал его перед поваром и бросил в толпу. Шум, хохот...

Первые дни апреля принесли наводнение! Мы отрезаны от полка. В лесу вода. Она подходит к поляне.

Третий день живем на острове. Одну землянку уже затопило. Из Норцовки пригнали лодку-долбленку, привезли котел и продукты. Боевое охранение снято. Теперь высыпаясь вволю.

Получили приказ оставить позиции. Под покровом темноты уезжают первые трое и... возвращаются, промокшие и

злые. Лодка перевернулась, утопили и не нашли миномет. Решено переправляться днем.

Затоплена вторая землянка. Остается совсем небольшой клочок сухого места. Последнюю ночь спал на ящиках с минами.

Наконец приходит наша очередь. Отправляемся вчетвером. На острове остаются трое последних.

Медленно продвигаемся против течения. Отталкиваемся шестью. Дорога превратилась в бурливую реку. Шумит вода между стволами.

Вот и берег. Но там, в лесу, еще трое.

Обратно лодку несет течением. Только успевай отталкиваться от деревьев на поворотах.

Сумрачно. Ни ветерка. Пошел мелкий частый дождь. Уже должна быть наша поляна. Лес неожиданно кончается. Впереди бугор. Сквозь сетку дождя видны накрытые чехлами пулеметы.

Вода выше пояса. Не чувствуя холода, цепляясь руками за ветки, тяну лодку обратно в лес...

Стало темнеть, когда показался, наконец, костерок на поляне.

— Жаждались!

Уже в полной темноте наша лодка уткнулась в берег, и... время оборвалось. Будят. В руках чья-то снайперская винтовка. Молча идем с полкилометра во тьме. Ровное поле. Приказ — до утра окопаться.

Копаем с сержантом. Лопата одна на двоих. Пока он снимает на штык землю, я сплю. Потом меняемся местами. Надавил неаккуратно, и сломалась трубка. Чувствую в темноте взбешенный взгляд сержанта.

— Под пулями, да под осколками теперь...

К счастью, нас снимают с этого гиблого места. Идем около километра. Заметно светает. Здесь по склону бугра поднимается ложбинка. Как раз то, что нам надо. В нижней части ложбинки, выходящей на равнину, несколько десятков деревьев. Вверху прудок с двумя развесистыми

осокорями у края плотины. Да это же место нашей первой встречи! Только зимой все здесь казалось другим.

В первую же ночь отправляемся наверх. Помогаем закрепить 7-й роте. Роем траншею совсем близко от немцев. Восемьдесят — сто метров. Они тоже копают. Почти рядом с треском взвиваются их ракеты. Ослепительно яркие вблизи трассирующие пули рвут воздух.

...Сколько земли перекопано за эти дни! У нас готовы землянки, окопы для минометов. Их теперь девять — полный комплект, как положено. С наводнением немцы оставили попытки наступать на нашем участке.

Какие темные на Украине ночи! Руки своей не видно. И невдомек нам, что это куриная слепота.

Стало плохо с едой. Это понятно. Ведь на весь Юго-Западный фронт одна железнодорожная ветка. А сколько надо всего! Людей, техники, боеприпасов... Нет ни сахара, ни табака. Крупа из крестьянских закромов — с мышинным пометом. Разбавленную мутную водку получаем нерегулярно.

Часами кружит над позициями «рама» (двухфюзеляжный корректировщик). Пули не берут ее, а зенитчики не хотят себя обнаружить. Наши самолеты прилетают только ночью. Вот зависает «кукурузник». К нему с земли — фейерверки пулеметных и зенитных трасс... В небе висит яркая ракета — «фонарь»... Две-три бомбы, очередь из пулемета на прощание, и до завтра!

Слышен рокот близко подошедшей самоходки. Сейчас начнет бить.

...Ночь. Немец кидает ракеты. Где-то далеко на левом фланге, над лесом — отсветы пожара, всполохи. Вспыхнет — погаснет, вспыхнет — погаснет. Цепочки трассирующих пуль, одна навстречу другой. Бледными звездочками вдали и яркими, ослепляющими, — вблизи.

За правым флангом — приглушенные расстоянием грозные раскаты грома. Кто-то замечает:

— На Чугуев прет!.. С-сука!

Немцы простреливают все дороги, подходы к логам. Стреляем и мы, но экономней. Хотя на складе нет недостатка в патронах. Бронебойно-зажигательные — бордовая головка. Разрывные — розовая. Тяжелые (дальность полета до 5 километров) — желтая.

Долго с одного места стрелять нельзя — фашист засекает и начинает отвечать.

С рассветом перестрелка затихает. До прихода кухни можно соснуть.

...Перед полуднем там включают громкоговоритель:

— Что дал советскому народу сталинский режим?

— Мы воюем против большевиков и евреев!

— Переходите на нашу сторону. Давно пора закончить эту кровопролитную, никому не нужную войну!

Листовки из шрапнельных агитснарядов, листовки с самолетов, с фотографиями и рисунками. Вот группа наших пленных. Надпись на листовке гласит: «Дружным смехом ответили они на вопрос: «Хотите ли вы снова вернуться в сталинский рай?»

«Старшему комсоставу сохраняется ординарец, среднему — один на двоих».

Листовка-книжечка «Кто такой Гитлер». Фотографии. «Вот он жмет руку матери одного рабочего...», «Гитлер сам из рабочих».

На фотографии поющих под гармошку: «После хорошей работы хорошо и отдохнуть». Или: «Маляр снова взялся за кисть, столяр — за рубанок». «Обеспечивается работа по специальности».

В углу каждой листовки текст в рамке: «Каждая листовка может служить пропуском при переходе на нашу сторону. Можно переходить и без пропуска. Стоит только поднять руки и крикнуть: «Сталин капут!» или «Штыки в землю!»

Еще снимок. Группа генералов. Сняты в полный рост. В центре — худой, высокий, в очках — генерал-лейтенант

Власов. А с краю маленький, толстый — генерал-майор Малышкин.

А вот еще: «Южнее Харькова в феврале — марте 1943 года окружено и уничтожено 242 тысячи русских. Две армии перестали существовать. Немецкий Сталинград».

Там играет губная гармошка. Крутят наши пластинки. «Катюшу»... И вдруг частые глухие удары, вой, переходящий в свист. Одна за другой обрушиваются вокруг десятки тяжелых мин. Готов влезть в землю. Часто-часто колотится пульс. Шестиствольные минометы.

Перед рассветом наверху вдруг закричали «ура». Это штрафники. Почти без выстрелов заняли первую немецкую траншею. Но продержались там недолго. И назад мало кто вернулся.

Постепенно редет и наша рота. Не стало и Скелета...

Теперь, бывает, приходится одному управляться с минометом. Чаше стреляем на 400—600 метров. Но иногда ставим на мины дополнительные заряды (дальность до трех километров).

Команда:

— К бою!

Открыты ящики по обе стороны от миномета.

— Прицел четверта! Угломер семь-двадцать!

— Третий готово!

— Пять мин беглым! Огонь!!!

Ложбинка заволакивается дымом. Бьют все девять минометов. Случается, мина не вылетает. Перекос или вышибной патрон не сработал. Снять ствол и вытряхнуть мину — минутное дело. Осторожно придерживаешь ее свободной рукой так, чтобы не коснуться «папироски» взрывателя.

Когда близко бьют несколько минометов, можно не заметить, вылетела или нет мина. В стволе дым. Смотри не смотри — ничего не увидишь. Во втором батальоне недавно спустили мину на мину. Ствол разорвало. Минометчики погибли.

В ротах совсем мало людей. Редко, через тридцать-сорок метров, сидят в ячейках бойцы. Многие из них спят. В ночной траншее можно споткнуться и пройти по мягкому еще, уснувшему навсегда...

В тоненький пехотный перископ из стрелковой траншеи видно, как фриц в пилотке выскочил из окопа. Бежит сюда. Что-то установил в земле и назад. Где же наши снайперы?!

Укрепляется и наша оборона. Кое-где установлены минные поля, проволочные заграждения. На выходе из оврага стоит огнемет.

Варим конину. В батарее полковых минометов не уберегли лошадей. Фадеев бегал туда с топором. Никогда не ел еще столько мяса!

Скоро 1 мая. Настроение отличное, хотя идут дожди.

Старшина ведет нас за Донец — в баню! Она устроена в колхозном фруктохранилище. Санинструктор — казах — забирает в охапку белье и несет в «прожарку».

— Минометчики, все из карманов убирай! Гранаты, патроны, запалы!

Когда начало тлеть — вот-вот загорится, — он полез за брезент. И в этот момент там взорвалось... Ну и вид был у него, когда он выскочил оттуда и набросился на нас с руганью! Но от дружного хохота не удержались. Смеялся и виновник, хотя у него оставленными в кармане гранатными запалами порвало и прожгло гимнастерку.

Скачкова наградили орденом Красной Звезды. Он теперь гвардии капитан. Сержанту Горбатову присвоено звание младшего лейтенанта.

В дивизионной газете про нас статья. «...Минометчики гвардии капитана Скачкова только за неделю боев метким огнем своих минометов уничтожили до двух взводов пехоты противника, вывели из строя четыре автомашины и разбили немецкую кухню...». Внизу стояла моя фамилия, хотя статью я не писал, тем более не мог давать таких данных.

Военкор накануне спрашивал меня лишь о комсомольцах роты. Ребята качают головами:

— Ну и ну!..

Кому-то в голову пришла «идея»... Приволокли бочку из деревни, хмель; на змеевик сняли трубки со сбитого самолета... Скирда с пшеницей, правда, уже давно обмолочена нами и съедена. Но есть еще одна — просо... Все было вначале хорошо, пока в уже прокопченную землянку не угодила фугасная мина.

Оказывается, нам идет денежное довольствие — 90 рублей в месяц. Писарь заносит деньги на вкладную книжку.

Снова получили противогазы. Строим новый блиндаж командира роты. Двери должны быть герметичными.

Спилили тополя вверху у пруда. Кто-то сообразил, что они — ориентиры для врага.

Событие! Идем смотреть кино! Глубокий овраг. Расселись по его дну и по склонам. Стемнело. В небе ярко горят звезды. Показывают звуковой фильм «Котовский». Впечатление от всего этого необыкновенное! Фрицы немного стреляют, но все перелеты.

Ходил в штаб полка за боевыми листками. Видел «каюши», длинные цилиндрические снаряды пуда на два веса, со стабилизаторами.

Впервые видим здесь звено наших штурмовиков. Они, как разозленные осы, вьются за передним краем немцев.

Да, жить стало веселее. Тепло. Почти лето. Вот только этот сладковатый запах отовсюду! Даже в обмелевшем прудке, из которого мы пили, обнаружили трупы. Торчат колени, руки с растопыренными заостренными пальцами. Выкопали в трех метрах от воды яму-копань. Теперь черпаем из нее. Но лучше сбегать на ключ. Сразу же позади нашей боевой траншеи — овраг, густо заросший лесом. Тут сочится чистая холодная водичка. Сюда же, к ключу, ведет ход сообщения из немецкой траншеи. По молчаливой договоренности здесь пока не стреляют. Ни мы, ни они.

В первый раз я ходил туда с сержантом. Взяли ведра, несколько фляжек и — в траншею третьего батальона. Ту самую, которую копали ночами еще в апреле. Она тянется параллельно немецкой линии обороны, вплотную прижимаясь к западной кромке оврага, и спускается в него вблизи сгоревшего хутора. Дальше — несколько десятков метров по дну оврага.

Нелегко даются эти метры по нейтралке, когда понимаешь, что каждый шаг может стать роковым. Вспомнилось, как еще там, в лесу, до наводнения однажды почему-то не стало связи с НП. Надо было проверить возможный обрыв. Со мной пошел парень из только что присланного пополнения. Еще не обмундированный, в пиджаке и кепке. Идет беспечно, как на прогулку. Это злит меня, но я молчу.

Чтобы не потерять из виду провод, местами продираемся прямо через чащу кустарника. Нас видно и слышно. А что, если в лесу засада? Перерезали провод, сидят и ждут? (Я всегда больше всего боялся плена.) Мысль эта не дает мне покоя. И чем дальше мы уходим, тем она больше овладевает сознанием, сковывает движения.

— Стой!

Рву провод, пробую на язык. Щиплет! Значит, связь есть. Все хорошо, что хорошо кончается.

Так и теперь, с сержантом. Раздвинули кусты. Затаились. Сержант молча указывает на выход к ключу. Он в каких-то пятнадцати метрах от нас. И вот фриц в своей глубокой каске появляется на краю оврага. Нам отчетливо виден жесткий профиль его лица, плечи. Он прислушивается с минуту, вглядывается в зелень кустарника и уходит.

Ключ бьет из глубины. По краям играют желтые песчинки. Какая благодать припасть пересохшими губами к этой живительной влаге, лучше которой нет ничего на свете!

...Мы давно уже обходимся без санитаря. И вдруг прислали деваху.

...Штаб полка перевели из Залимана. Он сейчас ближе к передовой, в большом овраге.

Сколько войск стало теперь за нами! Вторая, третья линии обороны. Повсюду, в рощицах и балочках, запрятаны танки, орудия и минометы, «катюши». В прибывших частях давно уже носят погоны. А на переднем крае оборона по-прежнему держится малыми силами. Зато и потерь меньше.

В роте у нас 24 человека. В последнее время пошли разговоры: «Двадцатую на колеса». Наверное, отведут на переформировку и перебросят на другой участок.

По вечерам часто слышен характерный вибрирующий гул. На большой высоте линию фронта пересекают десятки «юнкерсов». К ним устремляются с земли мерцающие в вечерних сумерках трассы. Но все так же спокойно, не нарушая строя, фашисты летят на восток.

Хорошо бы иметь свою зенитку! Принесли чугунное колесо от тачки. Спилили на высоте груди грушу. К колесу за сошку укрепили мой пулемет. Приклад подперли веткой. Правда, не все одобряют эту затею.

Зачем-то роем траншею по дну нашей лощины. Говорят, от танков. Но теперь нас будет хорошо заметно сверху.

Настроение что-то испортилось. Бывает, испытываешь чувство какой-то безысходности. Хотя все мы в письмах домой и повторяем успокоительные газетные строчки: «Войне скоро конец. Гитлеровская военная машина разваливается». А «машина»-то эта еще ох как сильна!

1 июня. По случаю смерти командующего армией объявлен траур... С правого фланга быстро приближается грохот. Стрельба идет из всех видов оружия. Молчат лишь «катюши». Доходит очередь и до нас. Все заволакивает дымом. У немцев долго стоит тишина. Ни выстрела в ответ...

Вторые сутки фрицы словно взбесились. Один за другим выбывают из строя гвардейцы — защитники плацдарма.

С 14 июля в обороне на Залиманском плацдарме временно оставался только один полк — 60-й. Два других полка дивизии — 55-й и наш 57-й — были отведены с позиций и приняли участие в форсировании Северского Донца в районе поселка Червоный Шахтер. (Изюм-Барвенковская наступательная операция 17—27 июля 1943 года.) Но мне в этих боях участвовать уже не пришлось, лежал в госпитале.

В последние дни немцы стали часто появляться над нами. Поначалу летали три самолета, теперь осталась пара. Они не бомбят, а обстреливают из пушек и пулеметов.

В тот злополучный день ходил в штаб полка за боевыми листками; готовили стенгазету. После почистил и смазал пулемет. Диск набил тяжелыми пулями. До прихода кухни еще есть время. Можно написать письмецо домой.

Два «мессера» внезапно прошли один за другим на небольшой высоте вдоль лощины. Гулко простучали их крупнокалиберные пулеметы.

Возле меня запыхавшийся командир взвода Горбатов.
— Пулемет!!!

Мчимся с ним к груше. Фрицы показались опять. Лейтенант в спешке ставит пулемет мне на плечи.

— Пригнись!

Зачем? Эх! Не так, не так надо! Поздно. Он дает короткую очередь, еще и швыряет в сторону пулемет. На нас полого пикирует «мессер»...

Потом, на госпитальных койках, я не раз буду, искусно замаскированный, ждать его — этот самолет, — плотно прижавшись спиной к стенке бокового хода траншеи. И в тот момент, когда он окажется над головой, буду длинной очередью на всю катушку бить с многократным опережением ему в хвост. «Стервятник» неминуемо задымит и врежется в землю!

А сейчас... едва успеваю соскочить вниз, как сверху сыплется частый горячий град. Разрыв на бровке. От сильного удара в спину растягиваюсь на дне траншеи. Пикирует второй. Очередь хлещет где-то впереди. Встаю сгоряча и задыхаюсь. Из бокового хода поднимается Горбатов. Глядит на меня вытаращенными глазами, тяжело дышит.

— Ох и прижало! Ты чего?

Не могу ответить. Не хватает воздуха. Еще несколько неверных шагов, и валюсь в соседнюю землянку. Совсем теряю силы. Больно дышать.

Сестра стаскивает с меня продырявленную в нескольких местах на спине гимнастерку. Бинтует, неловко переваливая с боку на бок. В животе булькает, словно выпит не один ковш воды. Нутро заполняется горячей кровью. Кто-то укладывает меня на плащ-палатку, и все исчезает...

Очнулся на телеге. Лошадь несет галопом. Трясет. Сверху режут пулеметными очередями. Самолет! Добить вернулся, стерва! Санитар бросает вожжи, бежит в сторону от подводы... Провал...

Рядом кто-то мечется, кашляет, стонет...

Снова прихожу в себя в кузове автомашины. С обеих сторон лежат люди. Смутно различается черная фигура на левом борту...

Плавно покачиваются носилки. Проплывают узкие сени, дверной проем. Тускло горят три спаренные лампочки над длинным столом-топчаном. Белые халаты.

— Фамилия, имя, номер части.

— Красноармейская книжка в кармане.

— Крови нет в аптеке.

— Не опускай руку. Держи на локте.

Маска. Эфир. Дышать стало легче...

Большая брезентовая палатка. Медсестра на краю носилок.

— Пи-ить!

Ушла и вернулась с врачом.

— Пить будешь — помрешь.

Вместо воды — уколы физраствора.

В противошоковой палатке нас шестеро на носилках. Мой сосед слева — тот беспокойный парень, что метался на телеге, — умер. По другую сторону — майор-штрафник. Наступил на мину. Оторвана нога, много мелких осколочных ранений. Один — с капельницей, без сознания. И еще двое, молчаливые в своем поединке со смертью.

Первая перевязка. Ой-ой-ой! Живот-то распластан и не защит почему-то! В рану закладывают тампоны с черной мазью. Пахнет дегтем. Что-то на спине. Наконец, бинтуют. Надевают новое, совсем новое белье.

Прошло, по моим подсчетам, семь дней. Хотя Настя (операционная сестра) сказала, что не семь, а десять. Был без сознания, в шоке, кровопотеря — больше двух литров.

Вечером к нам заглянул хирург Иван Ионыч. Подошел ко мне.

— В счастливой рубашке ты родился, — он улыбнулся, потрепал мою рыжую шевелюру. — Завтра отправим. Самолетом.

Еще до рассвета нас двоих вынесли в поле, за деревню. Мы тепло укрыты мягкими байковыми одеялами.

Стало светать, а самолета все нет. Теперь уж, видно, не прилетит. Значит, придется тащиться на лошадях.

Длинный обоз тянется по дороге. В селах сердобольные женщины суют пироги, домашнюю колбасу, ватрушки. Но это не для меня. Есть пока строго запрещено.

Тяжело дались мне эти тридцать пять километров до ХППГ (хирургического полевого передвижного госпиталя). Растрясло, поднялась температура.

Врач простукивает ребра.

— В операционную.

В руках у него толстенный шприц. Миска постепенно наполняется пенистой кровью.

Носилки в саду под яблоней. Сестра вслух читает «Воскресение» Толстого.

Купянск. Низкое кирпичное здание у станционных путей. Большая, ярко освещенная палата. Койка у окна. Прсыпаюсь от пронзительного свиста. Удар. Треск. Крики. Взрывной волной выносит раму, соседей сбрасывает с коек. Гаснет свет. В ночном небе — удаляющийся пульсирующий гул мотора. Высокий подоконник и батарея отопления оказались для меня надежной защитой.

В двухосном товарном вагоне в два яруса вмещаются шестнадцать носилок. Двое из них занимает старик-чапаевец. Ноги у него широко развинуты распоркой; от щиколоток до горла — гипс, как панцирь. По гипсу, там, где пояс, застегнут кожаный ремень — «подарок самого Василия Ивановича».

Пятыс сутки качаются на мягких пружинах носилки. Жарко. Раны под гипсом гноятся, и в них черви.

На улицах Миллерово дома с пустыми проемами. Щербатые стены. Битое стекло хрустит под ногами у санитаров.

Полуразрушенное строение с низкими арочными сводами. Носилками уставлена вся площадь перед зданием. От Купянска с нами едет фриц. Голубоглазый красавец с пышными белокурыми кудрями. Он — из разведки. Перебиты в перестрелке ноги. Санитарки и сестры им интересуются. Забегают поглядеть. Наконец, несут пищу. И первому — ему. Столько внимания фашисту?! Один из ребят не выдержал, и в немца полетела миска с кашей.

Миллеровский госпиталь в полуразбитом двухэтажном здании. Все окна заделаны кирпичом. Свет проходит в палату через оставленные в верхнем углу проемов дыры — форточки. Каждый раз ровно в два ночи немцы бомбят станцию. Все, кто может передвигаться, спускаются в подвал. От тяжелых фугасок сотрясается наш верхний этаж.

И снова мы на колесах. За широкой вагонной дверью — выжженная солнцем степь.

Город Камышин. Госпитальная палата — зал. В нем сто

коек. Моя с краю, у стенки. Здесь день за днем прошел месяц.

Отлогий песчаный берег. Пассажирский пароход у причала. На верхней палубе зенитные пулеметы. Плыдем только ночью. Днем пароход прячется в тени обрывистых берегов.

Наконец-то я перешел в разряд ходячих. Обследовал второй, третий, четвертый классы. Всюду полным-полно раненых. Заглянул в трюм. Там — битком! Пароход страшно перегружен. И как это мы не тонем?!

Операционная в помещении ресторана. Кругом зеркала. Когда меняли повязку на спине, впервые увидел рану. Голова закружилась. Там нет ребер!

...Позади остался Саратов. Конечный маршрут — родной город Пермь. Но после Куйбышева стало известно: едем в Казань.

От пристани, вдоль заполненного зеленой водой канала, нас перевезли на трамваях, а там до госпиталя всего два квартала.

Солнечный, теплый день. Люди останавливаются и молча смотрят. Вид у нас жалкий. Кого-то ведет под руки санитарка, другие на костылях или же опираются на товарищей.

Меня впереди ждали еще две нелегкие операции. Вернуться на фронт больше не довелось.

О дальнейшей судьбе 20-й гвардейской узнал много позднее, уже после войны. Боевой путь ее закончился в австрийском городе Грац.

Девять командиров дивизии сменилось за годы войны. Большими были потери личного состава, который многократно пополнялся и обновлялся. Сколько воинов сражалось всего под ее знаменами? Никто не может назвать пока точной цифры. Знаем — свыше ста тысяч. Многие из них навечно остались лежать на берегах рек, в полях, лесах и болотах, на подступах к городам и населенным пунктам, в братских могилах под обелисками; еще и еще где-то или

лашов, Дмитрий Иванович Густокашин, Ханиф Галимзянов, Шафар Гафуров, Петр Яковлевич Катаев, Михаил Иванович Кашин, Павел Иванович Колодин, Виктор Михайлович Лепешкин, Эмилий Ефимович Любкин, Леонид Егорович Нилогов, Александр Федорович Паньков, Николай Иванович Пермяков, Виктор Константинович Пестов, Василий Федорович Порсев, Федор Антонович Савельев, Дмитрий Павлович Сибиряков, Василий Иванович Сысолетин, Тимофей Якимович Федосеев, Матвей Иванович Чакилев, Николай Иванович Шаврин, Василий Павлович Ягодин. В Могилеве живет Степан Андреевич Кузнецов, в Киеве — Федор Владимирович Береговой, в Бугульме — Николай Михайлович Ларионов, в Московской области — Борис Иванович Михеев, в Кургане — Петр Никифорович Ташлыков. Среди наших земляков еще шестеро однополчан по 20-й гвардейской: Иван Федорович Кананович, Андрей Данилович Мизев, Александр Иванович Ставров, Анатолий Пантелеймонович Стародубцев, Григорий Иванович Струнин, Василий Тихонович Теплоухов (не исключено, что список этот будет еще пополнен).

Из нашей минометной роты известны лишь двое. В Киеве живет Антон Григорьевич Кузьминский. В Свердловске встречался Фадеев.

Удалось повидать и медиков — работников дивизионного медсанбата. Врач-хирург Иван Ионович Елистратов жил в Чебаркуле Челябинской области (умер в 1983 году), врач-хирург Софья Матвеевна Фетисова (прежде Шулаева) живет и работает в Курске, бывшая операционная сестра Анастасия Михайловна Глушич (Романько) — в Минске, военврач Александр Николаевич Герасимов — в Свердловске, военфельдшер Виктор Семенович Зуев — в Стерлитамаке, Степан Федорович Дунюшкин — в Уфе, Петр Федорович Попов — в Москве. Всем им и еще многим и многим (фамилий, к сожалению, не помню) обязан я вторично подаренной возможностью жить, работать, иметь детей и внуков.

Евгений Иванович Фокин. Родился в селе Сараи Рязанской области. В октябре 1942 года добровольно вступил в ряды Советской Армии. С марта 1943 года на фронте. В действующей армии служил в подразделениях общевойсковой разведки вместе с пермяком Героем Советского Союза В. А. Дышиным. Награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны I степени, медалями. В настоящее время инженер-геодезист, кандидат технических наук. Живет в городе Мытищи Московской области.

Е. И. ФОКИН

ОХОТНИК ЗА «ЯЗЫКАМИ»

В канун 40-летия освобождения Кривого Рога от фашистских захватчиков приехали на торжества, посвященные этому событию, и мы, бывшие воины специального отряда 37-й армии, непосредственно принимавшие участие в боях на заключительном этапе.

В конце октября 1943 года наши войска подошли к городу. Начались кровопролитные, ожесточенные бои, которые в сводках Совинформбюро именовались как «бои местного значения».

Немцы умело использовали имеющиеся капитальные здания рудников, промышленных предприятий, гигантские отвалы породы, скопившиеся за десятилетия, даже об-

рушения над выработками и создали мощную систему обороны, состоящую из системы опорных пунктов, искусно связали их огнем.

В январе — феврале 1944 года войска 3-го Украинского фронта выбили немцев из Никополя и, преодолевая упорное сопротивление противника, хотя и медленно, но продвигались вперед. Севернее нас войска 2-го Украинского фронта к середине февраля завершили Корсунь-Шевченковскую операцию. На повестке дня стояло освобождение Кривого Рога. Но отдавать его фашисты не хотели — им как воздух нужна была криворожская руда с ее высоким содержанием железа.

Однако немецкое командование сознавало, что им не удержать продвижения наших войск, что их хозяйничанью здесь приходит конец. Город — не вещь, в эшелон не погрузишь. Тогда они решили осуществить злодейскую акцию.

Мы и не предполагали, что нам, разведчикам, придется участвовать в операции по спасению города. Все началось с того, что взятый нами 16 февраля пленный сапер из 23-й немецкой танковой дивизии на допросе заявил, что в последнее время их часть занималась минированием в городе важных в хозяйственном отношении объектов, в том числе плотины на реке Саксагань и электростанции имени Ильича. Это сообщение подтвердили и подпольщики.

Противник заранее готовился к тому, чтобы в критический момент, когда наши войска пойдут на штурм города, взорвать эти объекты, уничтожить энергетическое сердце города, а вода, вырвавшись на свободу, довершит начатое ими черное дело. Специалисты подсчитали, что взрыв плотины позволит затопить почти всю восточную часть города вместе с рудниками, промышленными объектами и жилыми массивами. Кроме того, враги рассчитывали на большие потери в наших войсках. Поэтому информация, полученная от пленного, через представителя Ставки в штабе 3-го

Украинского фронта Маршала Советского Союза А. М. Василевского пошла наверх. Поступил приказ принять меры по устранению угрозы затопления города.

Комфронта командующий 37-й армией генерал-лейтенант Шарохин принял решение о формировании специального отряда, которому надлежало перейти линию фронта, пройти, минуя населенные пункты, по территории, занятой противником, захватить гидротехнические сооружения и удерживать их до подхода наших войск.

Исходя из сложности и трудности выполнения предстоящего задания, командование приняло решение сформировать отряд из добровольцев.

Тогда, в середине февраля, нас было 186 человек. Теперь осталось совсем немного. И вот мы на братском кладбище, что расположено около рудоуправления имени Орджоникидзе. Обнажив головы, молча стоим перед невысоким надгробием из темно-серого гранита, отполированного до зеркального блеска, под которым вечным сном спят наши однополчане.

На кладбище по-армейски просто и строго. В первом ряду слева покоится прах одного из бесстрашных разведчиков нашей дивизии. На фасадной стороне выбито:

Герой Советского Союза
Дышинский В. А.
1923—1944

Да, не все дошли до Победы. Но в нас, вышедших из той кровопролитной войны, живет чувство неоплатного долга перед оставшимися навечно на полях былых сражений. Хотя и прошло свыше сорока лет, но память о войне жива. Мы помним о ней и никогда не забудем.

И оживают перед глазами лица друзей, живых и павших, тех, с кем не раз брал «языков», делил холод и голод, порой укрывался одной шинелью, ел из одного котелка.

С Дышинским нас свела полная опасности жизнь фронтовых разведчиков. Хорошо помню нашу с ним первую встречу, которая произошла в начале мая 1943 года на курской земле во время формирования дивизии. Войдя группой в просторный крестьянский двор, мы увидели 12—15 оживленно беседующих разведчиков. Они прекратили беседу и, как по команде, дружно поднялись. Первым к нам подошел и представился стройный, среднего роста, худощавый разведчик с нашивками старшего сержанта. Это и был Дышинский. На слегка выгоревшей гимнастерке, ладно сидевшей на нем, рубиново поблескивал орден Красной Звезды. Память навсегда сохранила его интеллигентное лицо, прямой, аккуратный нос, высокий лоб и по-девичьи тонкие брови. Говорил он четко, ясно. Глаза у него были улыбочивые, чувствовалось, что в них бьется живая мысль.

Потом мы видели, как от операции к операции росло воинское мастерство Дышинского, узнали лучше его как человека. Работа на грани жизни и смерти быстро обнажает душу человека до самых ее глубин, натура каждого становится предельно ясной. Дышинскому были присущи исключительная смелость, умение мыслить и принимать нестандартные решения в условиях жесткого лимита времени.

Мы, разведчики, знали, что нет людей, которые ничего не боятся. Дышинскому тоже наверняка не раз было страшновато, но вида он не подавал. Он умел это скрывать, прятать в себе. А под началом такого командира и нам становилось не страшно. Сама опасность была лакмусовой бумажкой по проверке нашей стойкости.

...Пока мы стояли перед массивными плитами, под одной из которых покоится прах бесстрашного однополчанина, нашего командира взвода разведки, перед моим взором, как кадры кинохроники, промелькнули события военной поры, связанные с его боевой деятельностью, очевид-

цем которых я был или о которых пришлось узнать со слов товарищей.

* * *

Едва поднятый в глухую полночь по тревоге взвод построился, Дышинский, почти невидимый в темноте, молча походив перед строем, наконец произнес:

— Кто готов идти со мной за Днепр, за «языком»?

Наш командир отделения старший сержант Скляренко опередил всех:

— Товарищ младший лейтенант! Доверьте это выполнить моему отделению.

Немного подумав, Дышинский ответил:

— Согласен! Готовьтесь. Через полчаса выходим.

Итак, нам предстояло добыть «языка» с того берега. Но прежде, чем добраться до него, надо переплыть реку. Мы, еще не нюхавшие пороха, толком не представляли, как и на чем будем переправляться: на плотках, бочках или плащ-палатках, набитых соломой. Всеми владело только одно неумное желание — переплыть, а на чем — безразлично. Что под рукой окажется, лишь бы удержаться на воде.

Шли долго. Одеты были легко, без шинелей, но в наброшенных на плечи плащ-палатках. Гранаты, патроны, запасные магазины — в вещмешках.

Уже на рассвете вышли на тропинку, которая вывела нас на бахчу. Осмотрелись. В конце бахчи, впритык к камышу, возвышалось плетеное сооруженье с островерхой соломенной крышей высотой метра четыре. Дышинский направляется к ней. Быстро осмотрел эту сторожку сначала снаружи, потом изнутри. Коротко бросил:

— Располагайтесь!

Пока мы курили, он успел обойти окрестности, походил по камышам. По-видимому, довольный осмотром, собрал нас и объявил:

— Рядом, за камышом, Днепр. Лучшего места нам не

найти. Пока туман, считаю необходимым развести костер и обсушиться. Потом надо найти лодку, а лучше две; хорошо изучить противоположный берег. И, наконец, отдохнуть. Впереди будет нелегкая ночь. Отдыхать по очереди.

В небольшом хуторке, расположенном поблизости, Дышинскому удалось найти рыбака, расспросить его о реке. Тот показал притопленные им две лодки. В это время Скляренко обустроил удобное место для наблюдения.

Похвалив Скляренко за проделанную работу, командир приступил к наблюдению. По карте Дышинский определил наше местоположение, которое находилось чуть ниже острова Молдован. С крыши сторожки остров был виден очень хорошо. На нем, поросшем кустарником, засели немецкие пулеметчики, они постоянно вели обстрел нашего берега.

Много времени заняло у нас изучение реки, ее течения. Взводный поочередно расспрашивал нас об увиденном. Доложили, что на другом берегу были замечены небольшие группы немецких солдат, которые без опаски подходили к Днепру, умывались, набирали воду.

Дышинский отнесся к услышанному и увиденному очень серьезно. Для него не существовало мелочей.

Во второй половине дня перед нашими лодками, которые мы усердно приводили в порядок, выросла знакомая фигура дивизионного инженера с командиром роты саперного батальона. Побеседовав с Дышинским, они втроем полезли на наш наблюдательный пункт. Минут через десять спустились вниз, снова постояли около лодок, и, наконец, инженер, обращаясь к нам, пояснил:

— Эти лодки заберут наши саперы. Вас на тот берег переправим с комфортом. Вам приказано не только добыть «языка», но и в первую очередь осуществить захват плацдарма.

Вскоре после ухода инженера вошедший в сторожку сапер доложил, что лодка доставлена. Она оказалась вместительной, напоминала морскую шлюпку и нам понравилась.

Солнце тем временем уже клонилось к закату. Вздвонного вызывали к высокому начальству.

А время бежит. Направляемся к лодке и приступаем к укладке в нее ящиков с гранатами и патронами. Они здесь же вскрываются и аккуратно укладываются на дно.

Готовимся к броску и сами. Нижнее белье снято. Поясные ремни с подвешенными к ним ножами, сумками с гранатами и снаряженными магазинами надежно охватили голое тело, прикрытое гимнастеркой. Сапоги тоже сняты, тесемки брюк развязаны. После этого командир придирчиво осматривает каждого, дает советы, напоминает еще раз порядок высадки и действий на берегу. Истекают последние секунды нашего пребывания на этом берегу, среди своих. Все желают нам удачи. Наконец, Дышинский отдает команду:

— По местам! — И мы направляемся к лодке, садимся. Провожающие дружно отталкивают лодку от берега. Приглушенно заработал мотор. Корпус лодки мелко задрожал, и она, с каждой минутой набирая скорость, понесла нас к острову Молдован. С него беспрерывно бьет пулемет, но пока, слава богу, не по нам. Летящие над водой светлячки трассирующих пуль в темноте служат единственно верным ориентиром. Иногда очереди проходят так близко, что, кажется, до них можно дотронуться рукой. В общем, жутковато. Казалось, все затаилось, прислушивается к чему-то, и только разрывы мин на воде нарушают зыбкий покой.

Дышинский командует, лодка делает резкий поворот. Выскакиваем из-за острова на второй стрежень реки. Седой Днепр подхватил нас и понес к противоположному берегу. Мотор теперь не работает, и мы веслами помогаем лодке. Где-то близко должен быть и берег. Тишину вспарывает пулеметная очередь, вслед за ней гремит другая. Отчетливо видим, как с дульца пулемета срываются огоньки выстрелов. Снова ракета. В эти мгновения хочется сжаться в комочек, стать невидимкой. Неужели заметили? Приги-

баемся. Внутри все напряглось, замерло. Что-то сейчас будет? С берега гремит еще очередь, но она проходит за кормой. Не заметили. Как говорят, пронесло. И вот, наконец, по обоим бортам лодки мягко зашуршали камыши. Пытаюсь веслом достать дно, но не тут-то было.

Хотя и медленно, но приближаемся к невидимому еще берегу. Становится мельче. Прыгаем в воду и толкаем, соблюдая осторожность, лодку перед собой. Наконец, ее днище мягко зашуршало по песку. В лодке остаются только саперы, а мы с оружием наизготовку идем к берегу. Пока тихо, но не обманчива ли эта тишина? Осторожно выходим из реки и рассредоточиваемся. Ложимся на песок. Всматриваемся в темноту. Но не видно ни зги. Принимая все меры предосторожности, ползком, почти на ощупь, обследуем песчаную полосу. Постепенно переносим из лодки все боеприпасы, и она вскоре покидает нас.

Итак, мы одни. Пути назад нет. Да мы об этом и не думаем. Дышинский приказывает врыться в землю. Опасности следует ожидать со всех сторон. Вон справа от реки начинает бить пулемет. Командир отдает приказ, и вот уже группа в составе четырех человек ползет к вражеским пулеметчикам. Минут через пятнадцать Скляренко докладывает Дышинскому: пулемет в наших руках, а ракеты будут бросать пока наши разведчики.

Первый успех окрылил нас. Подошли лодки с пехотой. С нашей помощью стрелки рассредоточились, постепенно расширяя плацдарм. Это был первый кусочек отвоеванной нами советской земли на правом берегу Днепра.

К сожалению, пулеметчиков живыми взять не удалось, а нам нужен «язык». Дышинский договаривается с офицерами о сигналах связи, и наша группа покидает берег, идет вглубь.

Двигаемся с большой осторожностью. Стало слегка сереть. Сквозь затканное тучами небо начала выглядывать луна. Вначале мы ее основательно поругивали, теперь ее появления ждем с нетерпением. Впереди, справа, изредка

лаяли собаки — там деревня Дериевка. Мысль, где искать фрицев, — не дает нам покоя. Полежав на верху кручи, послушав сторожкую предутреннюю тишину, Дышинский шепотом излагает свой план действий. Решаем двигаться в сторону Дериевки. Соблюдая осторожность, идем очень медленно. Метров через триста Дышинский делает знак рукой. На поляне, у кустов, замечаем что-то подозрительное. Присели на корточки, пригляделись. Немцы! Спят! И не один-два, а много — человек сорок-пятьдесят. Наблюдаем. Около спящих неторопливо прохаживается, затягиваясь сигаретой, часовой.

Вот они, «языки»-то, под боком. Только бери. Но как? На такие размышления разведчикам отпускается несколько секунд. И ими надо распорядиться умеючи. А они бегут. Думай, командир, думай и принимай решение!

Сориентировавшись в создавшейся ситуации, Дышинский ставит каждому задачу. Не словами — только жестами. Вдвоем с командиром, крадучись, подбираемся к отдельно спящей группке. Немцев трое. Они спят, укрывшись одеялами. Под головами ранцы с верхом из телячьей шкуры. Дышинский с пистолетом в руке наклоняется над спящими фашистами и по-немецки говорит:

— Встать! Руки вверх! Молчать!

Головы лежащих поднялись почти одновременно. Ближайший ко мне предпринимает попытку что-то выхватить из-под ранца. С силой опускаю винтовку на его голову. Остальные два немца вскакивают на ноги и молча бросаются на командира. Меня спросонья еще не замечают. Небольшую фигурку взводного из-за них и не видно. Идет борьба. Дышинский почему-то не стреляет. Не пойму, чего он ждет? Почти как на занятиях по рукопашному бою, прикладом бью сзади одного по плечу. Потом набрасываюсь на второго. Ударом приклада по лопаткам отбрасываю его от командира и валю на землю. Он вскрикивает от боли и, пролепетав: «Гитлер капут!» — вскакивает на ноги, поднимает руки вверх. Второй немец следует его примеру. Ды-

шинский кричит: «Вперед!» — и мы с пленными бросаемся в кусты.

Тотчас томительная тишина раскололась. По спящим в упор ударили автоматы, полетели гранаты. Фейерверк неплохой, но нам не до созерцаний. Не давая врагу опомниться, мы с пленными бежим; спотыкаемся, поднимаемся и снова бежим. А за нами по пятам мчатся товарищи. На бегу меняем направление. Отбежав метров сто-сто пятьдесят, останавливаемся и ждем своих. Вот и они. Скляренко докладывает, что все в сборе, потерь нет. Дышинский выхватывает из кармана ракетницу и стреляет. Не успела еще ракета долететь до верхней точки своей траектории, как со стороны Днепра вверх ударили и уперлись в небо две светящиеся трассы. Это наш ориентир. Там наши. И мы снова бросаемся вперед. Сбоку раздается гортанный окрик немцев. Он тонет в автоматной трескотне. Над нами зло защелкали разрывные пули. Один из пленнх начинает валиться на бок, его подхватывают под руки. Отход группы продолжается.

Через несколько минут мы среди своих, на берегу. Раненый пленный скоро затих — рана оказалась смертельной.

Переправляться назад пришлось почти засветло. Над рекой — клочковатый туман. Разместились в двух лодках. Едва выскочили из плавней, как были обнаружены. Вокруг заплясали разрывы, засвистели осколки. Вода заходила бурунами. Лодки швыряло, заливало водой. Едва успевали вычерпывать. И среди этого ада до нас доходил голос Дышинского: «Спокойно, хлопцы, спокойно! А ну, навались! Еще разок! Еще другой!» И мы гребли веслами, гребли руками. Гребли изо всех сил. Пот заливал глаза, но не было возможности смахнуть его. Вновь и вновь опускались в воду весла, они приближали нас к желанному берегу.

Сколько времени мы плыли — сказать трудно. Только оказавшись на берегу, наконец-то осознали, что живы, и все происшедшее — не сон. За истекшую ночь не раз были на волосок от смерти, однако вернулись в роту без потерь.

Наш немец был первым «языком», взятым войсками 57-й армии из-за Днепра.

* * *

Начало октября 1943 года. Ведя тяжелые бои, наши войска теснили противника, отжимали его от Днепра. Теперь оборона немцев была несплошной. Сбитые с днепровских круч, они спешно подтягивали резервы, производили перегруппировку сил. Бои по-прежнему носили ожесточенный характер. Фашисты дрались с отчаяньем обреченных. Для выяснения обстановки в стане врага нашему командованию срочно требовался «язык». А взять его надлежало в ближайшем тылу противника, в районе Лиховки.

В поиск Дышинский отобрал никогда не унывающего Юру Канаева, Васю Бутина, выделявшегося среди нас копною огненно-рыжих волос; белобрысого, худенького, слегка угловатого Володю Сидоркина; плотного, кряжистого, с вечным ежиком торчащих из-под пилотки иссиня-черных цыганских волос Протасюка, сибиряка Юру Серова и меня.

Еще засветло группа добралась до окопов боевого охранения. Стрелки, к сожалению, заслуживающей информации о противнике не дали. Поэтому Дышинский, не теряя время, принялся неторопливо изучать в бинокль вражеские позиции, замечая и четко фиксируя ориентиры, по которым ночью будет двигаться группа. Его внимание привлекает заросшая кустарником балка с боковым ответвлением, которое тянулось в северо-западном направлении.

С наступлением темноты группа спустилась в балку, а часа через два хода по ней вышла в тыл противника. Теперь Дышинский вел своих разведчиков по полю, придерживаясь взятого направления по компасу. Темно, под ногами от прошедшего недавно дождя грязно и слякотно. Над головой все отчетливее проступает алмазная россыпь звезд.

Спустившись в очередную балку, вышли на проселоч-

ную дорогу. Постояли, послушали. И тут настроженное в тягостной тишине ухо улавливает далекий стрекот мотора.

— Мотоциклист! — только и произносит Серов, чей изумительный слух не раз поражал нас. Звук нарастал, приближался.

— Всем вниз!

По размякшей дороге бесшумно скатываемся на дно балки, где упираемся в совсем маленький мостик. Настил солидный, но положен наспех, ходит ходуном под нашими ногами.

— Будем брать его здесь, у моста, — шепотом говорит взводный. — Мотоциклиста не скоро хватятся, успеем оторваться. Возможно, едет офицер. А если и солдат-тыловик, тоже неплохо. Он располагает бо́льшей информацией, чем пехотный фельдфебель.

Осмотрев мост, Дышинский предлагает слегка раскатить бревна, а одно положить посредине настила, наискосок. Как только эта операция выполнена, в кустарнике около моста взводный организует засаду. Вот когда потянулись длинные-предлинные минуты томительного ожидания встречи с врагом. Пофыркивание приближающегося мотоцикла отдается толчками в наших сердцах. Вот он, наконец, подъезжает к мосту, сбрасывает скорость, и под его колесами «заговорил» настил моста. Немец едет медленно, вот он почти останавливается, вглядывается в настил, отыскивая место, где удобнее преодолеть небольшое препятствие, устроенное нами.

Дружный бросок вперед. Не давая водителю возможности опомниться, рывком отрываем его от руля мотоцикла, заламываем руки назад. В следующее мгновение его запястья надежно перехвачены прочным канатиком, извлеченным запасливым Протасюком из своего бездонного кармана.

Дышинский спрашивает у немца пароль, тот поспешно кивает головой и называет его.

— А не проскочить ли нам передний край с ветерком,

на мотоцикле? — размышляет вслух командир. — Кому придет в голову, что кто-то способен на такую наглость? А что, это мысль! И неплохая. И не такое уж это безрассудство. Риск? Да, риск! Но вся наша работа — риск.

Дышинский с сожалением посмотрел на взошедшую, хотя и ущербную луну. Пленный особого беспокойства не проявлял.

— Поедем на мотоцикле, — наконец решает Дышинский. — Протасюк, в случае чего будь готов заменить немца. Договорились?

Командир подходит к пленному, снимает с него камуфлированную плащ-палатку и укрывается ею. Потом осматривает мотоцикл. Немец, наблюдавший за его действиями, начинает, по-видимому, догадываться о намерениях разведчика.

— Развяжите ему руки, — просит командир. — Заводи! — приказывает он немцу. Тот послушно подошел к мотоциклу, потирая на ходу затекшие от веревки руки, бегло осмотрел его, постучал по баку, нажал на стартер. Мотоцикл завелся сразу.

Дышинский что-то говорит пленному. Видимо, предупреждает, как тому необходимо себя вести. Потом обращается к разведчикам:

— Поднимемся наверх — все в коляску! Пилотки снять и убрать. Поедем пока медленно. Будьте начеку. Огонь — по моей команде.

Он трогает немца за рукав. Мотоцикл вздрогнул и, легко взяв с места, выехал на дорогу. Деловито урча мотором, полез вверх. Через несколько минут балка остается внизу, и все разведчики забираются в коляску.

Ни выстрела, ни всполоха ракет. Но дыхание опасности ощущается почти физически. Пока тихо. Но эта тишина давит на нервы, заставляет напрягаться каждую жилку.

Внезапно, хотя этого момента все ждали, в свете фары появились двое. Что-то сейчас будет? Они идут нам навстречу. Приближаемся. Автоматы наготове. Ждем коман-

ды. Немцы что-то кричат. Дышинский привстает, отвечает им и освещает лица фонариком. Сильный луч слепит немцам глаза. Мотоциклист прибавляет газу, и мы проносимся мимо.

Бежит, бежит из-под колес дорога. Скоро должна быть передовая.

— Приготовиться, — тихо, но внятно, не поворачивая головы, командует взводный. — Приближаемся.

Но по-прежнему нас обволакивала темнота, чуть расsvеченная отсветами близких ракет.

Вскоре из темноты в свете фары, словно из-под земли, выросли фигуры трех фашистов. Они стояли у траншеи, перекрывающей дорогу. С каждой секундой враги приближались, становились все больше и больше. Один из немцев что-то кричал нам и размахивал руками, двое других взяли наизготовку автоматы. Наш мотоцикл, не снижая скорости, продолжает мчаться на них.

— Хальт! — удается разобрать сквозь треск.

— Огонь! — кричит Дышинский.

Мотоцикл резко рванул в сторону, и на миг высветился конец траншеи. Бьем по немцам почти в упор. Их крики тонут в грохоте автоматных очередей. Немцев как ветром сдуло. То ли убиты наповал, то ли успели укрыться. Пленный без команды выключает свет. Вверх поползли вражеские ракеты. Их дугообразные траектории сходились где-то вверху, над нашими головами. В огненных всполохах ожил передний край врага. Но было уже поздно. В полной тишине мы несемся под гору. Мотоциклист успевает только выворачивать руль то вправо, то влево, по наитию выбирая нужный путь.

Над головой по-прежнему высвистывали свои разбойничьи трели пули, но для нас самое опасное было уже позади, дорога вперед открыта.

— Стой! Стрелять буду! — этот хриловатый окрик часового звучит для нас почти как музыка.

— Зови командира! — выдыхает Дышинский. — А то еще натворишь бед.

Подбежавшая к нам пехота в изумлении. Еще бы! Представьте себе картинку на передовой. Мотоцикл. За его рулем испуганный, озирающийся по сторонам фриц, а в коляске — сплошная, сбившаяся, оцетинившаяся оружием масса, то есть мы.

Трофейный «Цундапп» еще не один месяц добросовестно служил нам, пока не был разбит при бомбежке.

...20 октября в разведоте был начальник разведки дивизии майор Матвеев. Он-то и сообщил очень радостную для нас новость: командованием дивизии за руководство операциями по захвату пленных под Дериевкой и из-под Лиховки младший лейтенант Дышинский представлен к присвоению звания Героя Советского Союза.

* * *

Однако далеко не всегда нам, разведчикам, сопутствовала удача. Не раз, возвращаясь после неудавшегося поиска, мы приносили тела погибших друзей, а завтра снова на задание. И так до тех пор, пока не возьмем «языка». После этого два-три дня отдыха, да и то не всегда, а потом командование будет настаивать на захвате «контрольного» пленного. Подчас, чтобы притащить полудохлого фрица, мы теряли по десять, пятнадцать боевых друзей. Сколько же их не вернулось с нейтральной полосы?

...Подходы к обороне противника в районе рудника Красногвардейский на отдельных участках затруднялись наличием провалов и обрушений. Они возникли над пустотами, которые появились в процессе многолетней добычи руды. Эти труднопреодолимые естественные препятствия перед своими траншеями немцы не преминули использовать. Казалось, что вся их оборона спряталась, притаилась

среди руин шахтных построек, груды пустой породы, вздыбленного, покореженного взрывчаткой железобетона.

Второй день мы заново, метр за метром, изучаем знакомую до деталей вражескую оборону, кропотливо выбираем объект для ночного поиска.

— А почему бы нам не попытаться счастья на этом участке? — делился Дышинский своими мыслями с разведчиками. — За этими провалами они сидят, как за каменной стеной, рассчитывая на свою безопасность. Здесь они, по-видимому, уж никак нас не ждут. Давайте-ка к этому месту приглядимся.

В процессе ночных наблюдений по вспышкам выявили пулемет, который находился на краю кромки обрушения у полуразвалившейся стены кирпичного здания. Днем немцы пулемет не использовали, убирали. Взвесив все, решили его и избрать объектом атаки.

Разработали детальный план проведения поиска группой в составе семи человек, не считая саперов, проиграли его сначала днем, а потом ночью.

Едва за ломаной линией горизонта померкли последние отблески вечерней зари, мы уже на переднем крае. На этом участке местности после неоднократных посещений мы чувствовали себя старожилками. Последний перекур, последние напутствия, и командир, наконец, тихо произносит:

— Пора, ребята!

Первыми без спешки и суеты за бруствер поползли разведчики: Неверов, Канаев, Шапорев, Юсупов... Последними траншею покидают саперы.

Ветер играючи разогнал по небу облака и обнажил мерцающие, дрожащие над головой звезды. Все говорит о том, что ночь будет не из теплых. К тому же дует пронизывающий ветер. А передний край живет своей обычной беспокойной жизнью. Почти непрерывно взлетают ракеты, освещая мертвенно-бледным светом нейтралку, уже за-

терявшуюся в вечерних сумерках. Изредка, как из бочки, дудукает крупнокалиберный пулемет.

Стрелка часов приближается к семи. По распорядку дня через час у немцев должен начаться ужин. Надо использовать этот момент. А пока мы ползем. До чего же ровная местность! Даже лежа при свете ракеты не удается зацепиться глазом за какую-либо неровность. Вот и долгожданный провал. Осторожно скатываемся, страхуясь канатом, вниз и замираем. Теперь мы в укрытии, хотя соседство с зияющей слева ямой нас не особенно радует. Ползем дальше. Ракета, взлетевшая неподалеку, на этот раз позволила более четко рассмотреть вражеские позиции. Наконец заговорил и «наш пулемет». До него метров тридцать-сорок, но они — самые трудные. Пулемет изредка бьет короткими очередями, а мы лежим, наблюдая, как с его дульца срываются огненные всплески. Есть ли мины в провале? Это нам неизвестно. Надо проверить. Дышинский шепотом отдает приказ, и саперы уползают вперед. Ох, как медленно идет время! А тут еще холод набрасывается и стискивает тело. Наконец, саперы возвращаются и докладывают о проделанном проходе. Группа ползет дальше, приближаясь к пулемету. Наши движения медленны и осторожны. Даже сквозь круговерть поземки четко различаю впереди бесформенные нагромождения кирпича, бетона и металлических конструкций. То ли порода, то ли снег под нами предательски сползает вниз. Железный хлам, который попадаетеся нам под снегом, постанывает, поскрипывает.

Порывистый ветер раскачивает из стороны в сторону висящую непонятно на чем арматуру, которая периодически издает тягуче-жалобный звук, а где-то сбоку хлопает, скребет рваное железо. Этот шум нам на руку. А у меня почему-то на душе от такой симфонии становится тоскливо. По-прежнему бьется об ощерившиеся развалины ветер. В провале, по склону которого мы ползем, он вообще неистовствует: крутит и бросает в лицо жесткий, колючий снег

и мелкую пыль, подхваченную с терриконов. Донимает и мороз. Он безжалостно лезет под телогрейку, хватая за ноги.

Поднимаю голову вверх, хочу осмотреться и... вижу перед собой пулемет. Иван Неверов дополз до края провала и замер. Дышинский делает знак рукой, и мы, не дыша, приближаемся к нему.

Вихреватые потоки поземки, пробегающие по нашим спинам, надежно укрывают нас, делая невидимками.

А пулемет — вот он, совсем рядом. Теперь нельзя перекинуться даже словом и не дай бог кашлянуть. Обмениваемся жестами. Пулемет стоит на открытой площадке, около стены здания. Если приподняться, сделать несколько шагов и протянуть руку вверх, то можно дотянуться до его ствола. А вокруг все по-прежнему. То взлетит осветительная ракета, то прошелестит мина, то прогремит над головой очередь.

Отчетливо слышу чужую речь. Немцы переговариваются. Я же нахожусь рядом и не могу понять, о чем разговор. А ведь несколько лет учил в школе немецкий.

Драгоценные секунды бегут... Наконец Дышинский, как дирижер, делает знак — приготовиться. Наши фигуры напряглись, сжались. Потом следует короткий и резкий, как выстрел, взмах руки взводного. Вся группа как один человек броском устремляется вперед. Мы уже наверху. Рывок Шапорева на себя, и вражеский пулемет в его руках. Немец от неожиданности истошно закричал. Хватаем его за руки и тащим из окопа. Но в следующий миг из-за ближайшего поворота траншеи, находящегося у торца кирпичного здания, летит граната. Она попадает прямо в окоп пулеметчика. Взрыв. Резкий запах тротила бьет в нос. Немец обмяк и выскальзывает из рук. Возможно, он уже мертв. А нам нужен «язык» — живой и здоровый. Команда Дышинского, и мы стремглав несемся в траншею. Немец, бросивший гранату, убегает, но мы успеваем перекрыть траншею. Ему удастся прошмыгнуть в блиндаж. Мы

врываемся за ним следом. После короткой схватки Иван заламывает немцу руки и, как куль, бросает его на свою широкую спину.

Иван бежит с пленным, мы пытаемся помочь ему. Траншея глубокая, но узкая, и наша помощь малоэффективна.

— Иван, наверх! — хрипит Дышинский.

Траншея кончается, и Неверов начинает выбираться из нее. Наконец, общими усилиями вытаскиваем фрица из траншеи, и Иван, не останавливаясь, бежит к провалу. Не задерживаясь, прыгает вместе с пленным вниз, на снег. Мы с Канаевым следуем за ними.

За нашими спинами разгорается схватка. Во вражеских траншеях рвутся гранаты. В бой вступила группа прикрытия. Шапорев уже пустил в ход трофейный пулемет. Сквозь грозную какофонию звуков слышны отрывистые, чеканные слова команд взводного.

На бегу замечаю: Неверов и пленный ранены, но сейчас не совсем удобный момент для оказания им первой помощи.

Немцы всполошились. Перед тем как выскочить из надежного укрытия, с ходу бросаемся в снег и осматриваемся — все ли в сборе. Вот с Дышинским подбежала и плюхнулась рядом в снег группа прикрытия. Затаиваемся. В любой момент нас могут здесь легко обнаружить. Надо отходить и как можно быстрее. Сейчас думаем об одном: как сохранить целым и невредимым пленного. Иван по-прежнему не выпускает его из рук.

— Вперед! — шепотом командует Дышинский нам и поворачивается к бойцам из группы прикрытия. — Ваша задача — подавить противника или вызвать огонь на себя!

Две ракеты, выпущенные Дышинским и Шапоровым, поползли вверх. И тотчас за нашими окопами глухо вздохнули минометы, и в сторону врага пошли мины. Мы бросаемся вперед, а по дороге ни одного укрытия, где можно было бы переждать настильный огонь врага, особенно сейчас, когда мы видны как на ладони.

Бежим, расстояние до нашей траншеи почему-то сокращается нестерпимо медленно. А вслед нам хлещут пулеметные очереди. Проходит еще несколько минут кошмарного бега. Нас покидают последние силы. Спотыкаемся, поднимаемся, снова спотыкаемся, подхватываем раненых товарищей, тянем их волоком. Вперед, только вперед, к своим траншеям!

Я не вижу ничего вокруг, но каким-то шестым чувством ощущаю — на позициях врага, которые мы только что покинули, с грохотом рвутся наши мины.

На пятой точке, вслед за ранеными, молниеносно скатываемся в нашу траншею. Теперь мы в относительной безопасности, хотя все вокруг свистит, грохочет, вздрагивает.

Приступаем к перевязкам.

— Маленько задело, — стеснительно, как бы оправдываясь, комментирует свое ранение Неверов. Я посмотрел на Ивана, когда ему бинтовали кисть руки, пораженную осколками гранаты. Она мелко дрожала. Русый чуб его взмок, губы беззвучно шевелились, словно пытаюсь что-то сказать. Возбужденным был и взводный. Лицо бледное, взволнованное. Ранен в голень и пленный, перевязываем и его. Бинтовать тяжелораненых помогает пришедший на помощь фельдшер батальона.

На следующий день, рано утром, «языка» — члена гитлерюгенда, курсанта школы 23-й танковой дивизии — на машине увезли в штаб армии.

* * *

Мог ли представить еще в начале 41-го года Володя Дышинский — студент металлургического факультета политехнического института в Свердловске, — какую науку ему вскоре придется осваивать?

О своем страстном желании учиться он пишет в то время домой: «Мама! Вы и представить себе не можете, как здесь хорошо, какие аудитории, как все оборудовано, ка-

кие читальные залы, библиотека. Я только теперь начинаю понимать жизнь... Хочется жить, учиться и работать!»

Однако начавшаяся война нарушила все планы. В это тревожное и тяжелое для страны и народа время комсомолец Дышинский пишет: «Мама! Больше не могу. Не могу сидеть в аудитории, когда душа просится в бой».

23 ноября 1941 года он получает повестку и старшим команды направляется в город Каменск-Уральский, а домой сообщает: «Нахожусь на службе в РККА, но не в регулярных частях, а в стройбате». Володя живет мыслью о фронте. В марте 1942 года его переводят в Еланские лагеря, а в апреле направляют в Таллиннское военно-пехотное училище, расквартированное в Тюмени.

Учеба в военном училище Дышинскому давалась без особого труда. Быстро привык он к армейскому порядку. Несмотря на большие нагрузки в училище, ему даже нравилось, что здесь все расписано по минутам.

А положение на фронте день ото дня становилось все неутешительнее. Враг рвался в глубь страны. Оккупировал Украину, угрожал Кавказу, железным кольцом охватил Ленинград, подходил к Сталинграду.

В сентябре размеренная курсантская жизнь была нарушена. В один из вечеров курсанты спешно погрузились в эшелон. Ехать пришлось недолго — через сутки они уже выгружались в Сухом Логу. Здесь, в основном из курсантов пехотных училищ и моряков-тихоокеанцев, формировалась 93-я отдельная стрелковая бригада, которая в середине октября заняла оборону на южной окраине Сталинграда — в Бекетовке.

Вскоре из тех, кто вместе с Дышинским вступил в бой, остались единицы.

В своем письме к матери он писал: «Пробыл на фронте всего 15 дней. 31 октября был ранен. Очень и очень жаркие бои. Вся земля перерыта снарядами, бомбами, минами. Здесь я узнал, что такое война. Правда, нужно сказать, что особо выдающегося геройства не проявил, но

всегда старался быть впереди. И это, может быть, спасло меня».

Так скромно писал он матери о своем участии в этих боях. А ведь мог рассказать о многом.

Уже потом, после войны, я попросил Андрея Пчелинцева, одного из тех, кто был свидетелем рождения Дышинского-разведчика, рассказать об этом. И вот что услышал:

«Мы тогда располагались в Бекетовке. Положение на фронте было тяжелое, напряженное. Дышинский пришел в роту вместе с пополнением отобранных в стрелковых батальонах солдат и сержантов на место выбывших из строя разведчиков. Сам он в то время был невысокого роста, худенький. Это уж потом возмужал.

В то время в роту прибыл начальник разведотдела нашего корпуса Герой Советского Союза майор Ватагин. Он перед нами поставил вопрос ребром — нужен «язык».

Время идет, людей теряем, а «языка» нет. Вот тогда-то и заговорили о Дышинском. Он новичок, а предложил место и план проведения поиска. Ротный на свой страх и риск назначил его старшим разведгруппы. В нее попал и я.

Когда стало смеркаться, подошли к передовой и по ходу сообщения прошли в первую траншею. По ней Дышинский, шедший впереди, и привел нас к тому месту, где нам предстояло действовать. Он предупредил нас, чтобы мы не выглядывали, не привлекали внимание противника. А чего нам выглядывать, когда не только это место, а практически весь передний край обороны бригады изучили как свои пять пальцев.

Когда основательно стемнело, Володя собрал нас. Сколько лет уже прошло, а вот те пояснения, что он нам давал, я хорошо запомнил. Вот эта полузасыпанная траншея, говорит, у которой мы сей-

час стоим, вам хорошо известна. Не так давно она была немецкой. К ней они начали рыть ход сообщения. Мы выбили их, и они отошли во вторую траншею, а этот недорытый ход сообщения оказался теперь на нейтральной полосе. И тогда его заминировали — немцы со своей стороны, мы со своей. Мне, продолжал он, рассказали, что на первых порах, еще до заморозков, смельчаки-пехотинцы пытались ее использовать и скрытно подобраться к немцам. Не получилось — подорвались. Было еще несколько попыток, но все безрезультатно. О траншее на некоторое время забыли. Да и немцы, со слов пехотинцев, успокоились, тоже считая ее, по видимому, непроходимой. Вот на нее я и обратил внимание и, взвесив все «за» и «против», решил действовать на этом участке. Сегодня ночью я побывал в ней, и мне удалось почти беспрепятственно подобраться по ней почти вплотную к немецкой обороне. От саперов стало известно: мины ставились в сырую погоду. После этого наступили холода, земля смерзлась, не раз выпадал снег. Я, говорит, убедился сам, что мины противопехотные, нажимного действия и не срабатывают.

Выждав немного, первыми по траншее поползли саперы, а через несколько минут и мы. До немецкого расположения добрались без приключений. Сделали засаду и через полчаса захватили пленного.

Дышинский с тех пор возглавил разведгруппу, а через неделю-полторы стал нашим помкомвзвода».

* * *

В последние дни 1943 года в жизни нашего командира произошли важные и радостные события. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 декабря 1943 года

ему было присвоено звание Героя Советского Союза. А в конце декабря 1943 года Дышинский стал членом партии. Тот день, когда в политотделе дивизии ему вручили партийный билет, он вспоминал позднее не раз. А в конце января 1944 года мы поздравляли командира с присвоением очередного воинского звания «лейтенант». От души радовались мы высокой оценке командования работы нашего взводного.

Как-то в это время мне пришлось зайти к командиру. Он теперь жил в небольшой комнатке. Выглядел не как раньше, а солидно. Одет был в новенькую офицерскую форму, талию туго перехватывал широкий ремень, на котором висел армейский нож в самодельных ножнах. Лицо чисто выбрито. Белый подворотничок резко контрастировал с продубленной морозом и ветрами, по-юношески тонкой шеей.

Новенькая форма, поскрипывающая при ходьбе португепя, отполированная до блеска кобура делали его строгим. Но по-прежнему внимательно смотрели не по летам серьезные глаза, а его улыбка располагала к беседе. Однако не всегда добрым и улыбчивым был наш командир.

Вспоминаю случай на Курской дуге.

Во время поиска меня и еще одного разведчика Дышинский выделил в головной дозор. При встрече с противником мы залегли и затаились. Группа отошла. Но у напарника не хватило выдержки, и он, не сказав ни слова, убежал, оставив меня одного около немецких позиций. Когда все улеглось, соблюдая все меры предосторожности, я пополз к своему переднему краю и вскоре вышел на своих товарищей. Напарник мой был уже здесь. С рассветом группа покинула передний край. Едва мы спустились в еще затянутую белесым туманом неглубокую балку, Дышинский остановил группу и построил нас в шеренгу по одному. Промерив несколько раз шагами пространство перед нашим маленьким строением, он вдруг остановился. Его мальчишески узкое лицо, казалось, застыло, губы побелели. Вы-

ждав минуту, он приказал мне и моему напарнику выйти из строя. Мы вышли.

— Расскажите перед своими товарищами, что у вас произошло? Почему вы вернулись не вместе? — сухо, не повышая голоса, но повелительно, произнес командир.

Я рассказал, как все было, ответил на вопросы. Напарник мой не проронил ни слова и не поднял головы. Вдруг Дышинский рывком выхватывает из своей кобуры пистолет и сует его мне в руки. Я машинально беру. Теперь не помню, что отвечал, но расстрелять человека перед строем, о чем он просил меня, отказался.

Я никогда не видел Дышинского таким: ни до, ни после этого случая. Он был возбужден до крайности. Внутри у него все кипело. Потом, правда, командир поостыл. Вскоре проштрафившийся был откомандирован из нашей роты.

* * *

В феврале 1944 года я вернулся из медсанбата, где находился на излечении, в роту. Она размещалась теперь на руднике Калачевский. Первое, на что обратил внимание, — «старичков» в роте осталось мало. Боевая работа разведчиков шла непрерывно, в любой обстановке. Лозунг «Без разведки — ни шагу» — был фронтовой заповедью. Полученные нами данные о противнике помогали командованию успешно решать боевые задачи, выигрывать бои меньшими силами. Ценой своих жизней разведчики сохраняли десятки, сотни, тысячи других жизней.

Пошел к Дышинскому. Он встретил меня приветливо, напоил чаем. Расспросил о доме, рассказал о своих. Он всегда располагал к себе. Всегда был открыт для нас. Постепенно разговор перешел на дела роты. Говорили долго и откровенно. Ну а кончилось все обсуждением конкретной задачи, стоящей перед разведчиками. Как всегда, нужен был «язык». Дышинский, слегка прищурившись, внимательно, испытующе посмотрел мне в глаза. Как бы говоря: вре-

мени на раскачку нет, втягивайся побыстрее в дела. На этом и расстались.

На следующий день часов в одиннадцать мы сидели за столом, на котором лежала потертая в сгибах, испещренная цветными карандашами схема, исполненная, ввиду отсутствия писчей бумаги, на развернутой странице газеты. Схема представляла собой кусочек переднего края, на котором предстояло вести очередной поиск.

Я, как зачарованный, смотрел на нее, мысленно подумывая, как это будет выглядеть там, в натуре. Перед глазами явственно вставали траншеи и ходы сообщения, выявленные огневые точки, укрытия для личного состава.

Началось обсуждение. Я переводил свой взгляд с одного разведчика на другого. Большинство их пришли во взвод во время моего отсутствия, я их не знаю. Но верю им. Верю, потому что знаю об одном принципе Дышинского. Наш командир считал, что быть хорошим разведчиком может не каждый солдат. Кандидатов в разведчики, новичков Дышинский проверял в процессе работы, в деле, а не в ходе беседы где-нибудь в штабе полка или дивизии. И кто успешно проходил это суровое испытание, для того он становился близким и отзывчивым. Но его расположение к человеку не переходило в панибратство, а органически сочеталось с требовательностью.

Он всегда прислушивался к мнению опытных разведчиков, уважал и высоко ценил их навыки и знания. Особенно поощрял наблюдательность.

При обсуждении плана поиска для Дышинского все равны. Ценится в первую очередь опыт, а не звание. Выслушав все идеи, он берет из них для дела все заслуживающее внимания, отбрасывает лишнее. Принятое решение командир проводит в жизнь решительно, без компромиссов.

— В поиск сегодня идут, — Дышинский начал называть: — Канаев, Соболев, Неверов... Мой заместитель — Неверов.

Поиск. Нигде так близко и так скоро не познаешь человека, как в разведке, где тебя со всех сторон подстерегает опасность. В такой ситуации человек быстро раскрывается. Характер каждого как на ладони. В разведке не спрячешься за спину товарища. Здесь каждый человек на виду.

На передний край пришли заблаговременно. Зашли на командный пункт батальона, договорились с минометчиками о сигналах и рубежах открытия огня. Решили вопрос с пулеметчиками об огневой поддержке.

Местность была мне незнакомой, и я с интересом осматривался. Смеркалось. Короткий зимний день догорал.

Слегка приподнялся над траншеей — и тотчас вжик... вжик... вжик... — просвистели над головой пули. Неприятный холодок пробежал по спине. За месяц пребывания на больничной койке я отвык от их разбойничьего посвиста. Никто, кроме меня, на мины и стрельбу не реагировал.

— Вперед, славяне! — не по-уставному командует Дышинский. — Пора!

Ползем. Пока тихо. Скоро скатываемся на речной лед. Морозы были небольшими, и лед, надежно укрытый снегом, еще не нарос, не окреп. Он под нами слегка потрескивает, но мы по одному, ползком, быстро преодолеваем реку Саксагань и устремляемся к берегу, под обрыв.

Пошел снег. Это хорошо. Сквозь белую круговерть удастся различить чернеющие на фоне снега по самой бровке берега проволочные ограждения врага. За ними, на удалении метров ста, проходит первая вражеская траншея.

Пулемет, намеченный нами как объект атаки, бешено мечет трассы огня, а мы лежим, молча наблюдая за происходящим. Пока ползли, было тепло, даже жарко. Теперь чувствую, как начинают мерзнуть ноги, холодно рукам, да и внутри, кажется, все заледенело. А вражеский пулемет не умолкает. Несутся наперегонки, перекрещиваются внахлест очереди. Они секут, прочесывают пространство.

Дышинский делает знак Канаеву, и тот пополз вдоль

кромки берега. Мы следуем за ним. Ползем медленно. Вот обрыв кончается, мы сворачиваем влево и начинаем медленно подниматься вверх. Наше продвижение по-прежнему исчисляется метрами. Дольше лежим, чем ползем. А пулемет все бьет и бьет. Его трассы проходят прямо над нашими головами.

Заграждения все ближе. Метр. Еще метр. Слышим глухие удары, обрывки фраз. Похоже на то, что рядом, неподалеку, кто-то работает. Тем временем наши саперы исследуют проволочные заграждения. Вскоре проход готов. Лежим не шелохнувшись. Выжидаем, вслушиваемся. В эти мгновения ничто не должно ускользнуть от чуткого, настроенного уха разведчика. Он — весь внимание!

Рядом с собой вижу такое знакомое до каждой черточки лицо Дышинского. Но это уже какое-то другое лицо: суровое и напряженное лицо командира. Его прищуренные глаза стараются разглядеть, что происходит там, в белой круговерти снега.

Переползаем через узкий проход в заграждении. С этого момента его будут охранять саперы.

Слева при свете ракет замечаем немцев. Это саперы. Они погружены в работу. Подползаем поближе. Немцев человек двадцать-двадцать пять. Одни подтаскивают крестовины, другие устанавливают их, третьи крепят, связывают между собой. Уверенные в бдительности своих наблюдателей, они, наверное, и мысли не допускают о возможности появления здесь русских разведчиков.

Дышинский что-то шепчет Неверову, и все мы в следующий миг на четвереньках быстро ползем в сторону вражеских траншей, потом резко принимаем влево и отрезаем немецким саперам путь назад. Наступает кульминационный момент. Дышинский шепчет:

— Моя группа берет «языка». Группе Неверова — при отходе подавить пулемет! Сбор — под обрывом!

Мы рассредоточиваемся и замираем. Ждем команды. Наконец Дышинский вскакивает, за ним поднимаемся и

мы. В висках стучит, по телу пробегает мелкая дрожь. Любой из нас в отдельности сейчас — песчинка, а вместе мы — коллектив. Коллектив единомышленников, в котором каждый верит в своего товарища, чувствует его поддержку и опору. Это цементирует нас. Мы как бы спаяны невидимыми, но прочными нитями.

Шаг за шагом приближаемся к немцам. Они по-прежнему поглощены ремонтом проволочных заграждений. До них остается каких-то двадцать метров. И в этот момент один из немецких саперов истошно кричит:

— Ру-у-с!

Остальные как по команде бросили работу и уставились на нас. От неожиданности они оцепенели.

Бьем длинными очередями почти в упор. Среди фашистов поднялась невообразимая паника. Они заметались и начали разбегаться в разные стороны. Но уже поздно. Скошенные очередями, враги тяжело оседают на снег. Воспользовавшись возникшей паникой, группа Дышинского набрасывается на одного из саперов, сбивает его с ног, тащит к проходу. Все это происходит в считанные секунды.

Из окопа, где находятся вражеские пулеметчики, одна за другой взлетают ракеты. Желтыми пятнами светятся они в снежном мареве. По-видимому, не разобравшись, что здесь происходит, пулеметчики успокаиваются.

Мы выигрываем еще несколько секунд, и их достаточно, чтобы добежать до окопа и забросать пулеметный расчет гранатами.

Не обращая внимания на отдельные выстрелы разбежавшихся саперов и беспорядочный огонь из передней траншеи, бросаемся вслед за группой Дышинского, уже преодолевшей проволочные заграждения. Встречаемся под обрывом. Теперь оборона немцев ожила как растревоженный улей. Все вокруг завывало и застонало. Об отходе в этот момент не могло быть и речи. Сигналы пулеметчикам и минометчикам, выделенным для нашего прикрития, Ды-

шинский решил не подавать. Он не хотел открывать противнику наше местонахождение.

Через полчаса огонь противника начинает потихоньку ослабевать, и командир дает команду на отход к своим траншеям.

* * *

Вторые сутки беснуется метель. Временами, словно обессилев, она успокаивается, чтобы передохнуть, затем с удвоенной силой вновь принимается играть миллиардами крупных, как комья ваты, и совсем мелких снежинок.

Начинается митинг. Его открывает командующий войсками 37-й армии генерал-лейтенант М. Н. Шарохин. Рядом с ним — член военного совета полковник С. И. Аношин и начальник разведки полковник В. И. Щербенко.

Вчера в разведроту приезжал командир нашей дивизии. До сих пор помню его обращение к нам: «Сынки! Вам предстоит выполнить важную операцию. Операция серьезная и трудная. Нужны добровольцы. В том, что вы все вернетесь в дивизию, я не уверен. Куда и зачем необходимо идти — об этом пока говорить не будем».

И вскоре 43 разведчика во главе с командиром роты гвардии старшим лейтенантом М. Д. Садковым, командирами взводов — гвардии лейтенантом В. А. Дышинским и гвардии старшиной Н. С. Култаевым — шли уже к месту сбора. Шли, одетые в добротные полушубки, хорошую обувь.

Теперь, на митинге, не только мы одни. Рядом саперы, автоматчики, коммунисты с армейских курсов парторгов и комсоргов батальонов, проводники. Всего нас 186 человек.

Командование напутствует нас на выполнение сложного, особо важного задания. Но ни слова, как и вчера, не говорится, куда идем и что нам предстоит выполнить. Потом Шарохин представляет нам командира отряда и его помощ-

ников. С ответным словом от имени разведчиков выступает Дышинский.

В заключение слова просит командир спецотряда подполковник А. Н. Шурупов. Он советует нам взять с собой как можно больше патронов, гранат, в том числе и противотанковых. Сообщает, что в поселке нас ждут подводы с оружием и боеприпасами. Выход — в 14 часов.

И мы брали, брали сколько кто может: по пять-шесть пачек автоматных патронов в упаковке по пятьсот штук, по двенадцать-пятнадцать ручных гранат, по две-четыре противотанковых гранаты. Все это тщательно укладывали вместе с продуктами в специально сшитые мешки. Вся наша экипировка весила до сорока килограммов.

В назначенное время вышли из района сбора и направились вдоль линии фронта, на юг. Говорили мало, шли в основном молча. А метель, разыгравшаяся еще вчера, продолжает буйствовать.

На коротких привалах бойцы, едва сойдя с дороги, валятся на снег и, подняв ноги вверх, отдыхают, дымят самокрутками. По пути следования не встретилось ни одного населенного пункта. Хотя передний край и недалеко, но до нас не долетают ни звуки стрельбы, ни разрывы снарядов. 20 февраля, под вечер, отряд подошел к Ново-Петровскому, где размещался штаб воздушно-десантного полка. Расположились на отдых. А тем временем в штабе командование отряда еще раз уточняло вопросы взаимодействия, согласовывало сигналы, кодировало карту и решало ряд других вопросов, не требующих отлагательства. С этого момента отряд переходил в оперативное подчинение штаба воздушно-десантной дивизии.

Вскоре Дышинский привел с собой девять саперов — группу инженерной разведки во главе со старшиной Вревкиным — и трех автоматчиков.

— Скоро будем переходить передний край, — информировал он нас. — При переходе строго соблюдать дисциплину и порядок движения. Мы идем первыми, остальные за

нами. На огонь противника не отвечать. Кто будет ранен — залечь, затаиться. Кто сможет двигаться — выходить самостоятельно. Тяжелораненых подберут санитары.

И снова в путь. Теперь представитель полка ведет нас к переднему краю. Вскоре останавливаемся у кромки высокого обрыва. Наши взгляды устремлены на запад, где желтыми пятнами сквозь белую кипень маячат ракеты, обозначая ломаную линию переднего края. Внизу, у наших ног, стелется поземка. Ветер стегает нас мелким снегом, рвет маскхалаты.

— Делай, как я, — предлагает нам сопровождающий, прыгая вниз. Наш взвод повторяет его маневр.

— За мной! Не отставать! — кричит на ухо Дышинский, и мы устремляемся за двумя проводниками.

Впереди, попеременно, то справа, то слева взлетают ракеты. Изредка снежную пелену прожигают трассы пулеметных очередей. Они красноватыми светлячками проносятся где-то рядом. Но мы бежим.

— Не отставать! Не растягиваться!

А как тут не растягиваться, когда в трех-пяти метрах трудно что-либо различить! Снег нещадно бьет в глаза, трудно дышать! А что делать, надо бежать! Вьюга играючи, словно пологом, укрывает, надежно маскирует наши следы.

Оборона немцев в этом районе несплошная. Она представляет собой несколько опорных пунктов, искусно связанных между собой системой огня. Маршрут, по которому мы идем, на участке 62-й немецкой пехотной дивизии, выбран не случайно. Он обеспечивает отряду внезапный выход в тыл противника, причем, что немаловажно, — кратчайшим путем. Проводники ведут нас в обход, вне дорог, минуя населенные пункты.

Наконец, попадаем в устье оврага. Здесь тише, но снега под ногами больше. Темп движения замедляется. Овраг довольно узкий. Его верхняя кромка почти не просматривается, теряется в мельтешащем перед глазами снежном

мареве. Каждый метр пути дается с трудом. Кажется, мы не идем, а плывем в снегу, пропахивая в нем глубокие борозды. Шаг за шагом отряд все дальше и дальше проникает во вражеский тыл. Идти очень тяжело. Вижу впереди Дышинского. Командир несет на себе груз не меньше нашего. Что он, десятижильный?

Чувствую, как по спине текут уже не капли, а потоки пота.

В полночь метель, намаявшись, стала постепенно стихать. Над головой в разрывах облаков начали перемигиваться звездочки. Стало резко подмораживать. Остановив нас, Дышинский распоряжается выдвинуть вперед головной дозор, организует также два боковых.

— Двигаться, — инструктировал он, — в пределах видимости друг друга. В случае обнаружения противника одному из дозорных вернуться в ядро, ко мне. Оставшиеся готовятся к бою. Мелкие группы противника, если не будет иного приказа, подпускать как можно ближе и уничтожать.

Разошлись. Я попал в правый боковой дозор. Отряд снова пришел в движение.

Передний край противника теперь остался далеко позади. Там по-прежнему край небосвода подсвечивался всполохами ракет.

Идем осторожно. Время от времени останавливаемся и прислушиваемся. Под утро выходим к очень высокому месту. Отсюда начинается резкий спуск на запад. Здесь проводник с Дышинским останавливаются, мы подходим к ним. Не дожидаясь команды, в изнеможении опускаемся на снег. Видим, как сюда же подходят другие подразделения. Скрип шагов наконец прекращается. Наступает звенящая, напряженная тишина.

Шурупов вызывает к себе командиров. Пока все идет четко. Без спешки и суеты отдаются приказы, напутствия, сверяется время. Подразделения направляются к исходным рубежам для атаки. Только теперь мы узнаём о стоящей перед нами задаче. По замыслу командования нашей

группе в составе взвода разведки и взвода автоматчиков предстояло захватить северную часть поселка Стахановский, плотину и посёлок Соколовка, расположенный севернее, на берегу водохранилища. Основные силы отряда должны были выбить немцев с южной, западной и восточной частей поселка Стахановский, перейти реку Саксагань и атакой во фланг и с тыла выбить противника из района, прилегающего к плотине с юга, то есть помочь нашей группе, а затем организовать оборону и любой ценой удерживать плотину до подхода наших войск. Для защиты отряда от внезапного удара с юга была выделена группа старшины А. С. Горбунова. Вместе с проводником Сашей отделяемся от отряда и направляемся к цели. Через полкилометра нас покидают автоматчики — они идут на Соколовку.

Замечаем, что слева, внизу, в южной части поселка, горят несколько домов. Вокруг тихо, словно все вымерло. Спустились. Тишину за спиной разрывают автоматные очереди. А мы пока белыми призраками бежим по ложине, постепенно все шире и шире развертываясь в цепь. На левом фланге саперы Веревкина, а далее мы — разведчики. Вот цепь докатилась до крайнего домика поселка, обтекает его и через огород, не замедляя темпа, движется дальше. Миновав домик, попадаем во фруктовый сад, от которого начинается пологий спуск к реке. В этот момент одновременно вверх поползли ракеты и дробно застучали по нам пулеметы. В отблеске ракет хорошо видны плотина и шлюзы.

Саперы быстро режут проволочные заграждения. Через образовавшийся проход левый фланг взвода устремляется вперед. И тут нас встречает ураганный огонь. Враг будто поджидал, когда мы окажемся на открытом месте. Бросаемся в снег.

— Вперед! — осипшим на морозе голосом кричит лейтенант. После такого изнурительного, более чем тридцатикилометрового марша поднимаемся, как говорится, через

не могу. Рой свистящего свинца прошивает все пространство, по которому мы движемся, кажется, будто мы попали в огненную ловушку, и фашисты бьют со всех сторон.

Краем глаза вижу, как справа и слева от меня, споткнувшись, опускаются на снег мои товарищи. За каждый шаг вперед мы расплачиваемся кровью.

— Плотина рядом! Еще рывок, и мы на ней! — подбадривает нас Дышинский. Бесперывно взлетают ракеты, свистят пули. Они буравят предрассветные сумерки, ищут нас. Мы быстро зарываемся в снег, но, к сожалению, пули находят нас и там. Особенно велики потери в середине цепи.

— Ложись! — кричит лейтенант, и мы снова валимся в снег, пытаемся сориентироваться в этом хаосе звуков.

Удается выявить пулемет, ведущий огонь из окна верхнего яруса водокачки. Два других бьют слева, из-за реки. Огонь косоприцельный, наиболее губительный. Различаю, что в пулеметную стрельбу вплетаются и автоматные очереди. Это огонь из траншеи, что протянулась вдоль плотины, поблизости от нас.

— Вперед! — снова командует лейтенант, и мы налегке, сбросив из-за спины изрядно надоевший нам груз, дружно поднимаемся во весь рост. Устремляемся к вражеской траншее, ощетинившейся огнем. Поливаем ее длинными очередями, пытаемся не дать фашистам возможности вести прицельный огонь. Но враги пристрелялись, они вновь нащупали нас и принялись прошивать цепь с двух сторон. И на этот раз наша дерзкая атака закончилась ничем.

По нам начала гвоздить артиллерия, а потом и минометы. Снова звучит команда лейтенанта, и, несмотря на огонь врага, центр взвода хотя и медленно, но продвигается вперед. Еще рывок, резкие хлопки рвущихся среди врагов гранат и, наконец, хотя и маленькая, но победа — вражеская траншея в наших руках. Но развить успех не удалось. Дышинский стал заметно нервничать. Он понимает, что заминка на главном направлении может сорвать

выполнение задачи всего отряда. И, как ни велико было желание овладеть плотиной, слишком дорогой ценой дается каждый метр продвижения к ней. Где же выход?

Ведя бой у плотины, разведчики прислушивались и к разгоревшейся стрельбе, что шла у нас за спиной, в южной части поселка Стахановский. Всех интересовал вопрос: а как там дела у наших соседей?

Скоро от нашего связного при штабе отряда Юры Канаева узнаем, что основные силы отряда ведут бой в поселке. С ходу овладеть им не удалось. Дома были приспособлены немцами к обороне. Особенно упорное сопротивление противник оказал в районе размещения своего штаба. Теперь враги под напором основных сил отряда отходят сюда, к плотине.

Захватив с десятков разведчиков, Дышинский бросается им навстречу. Разгоряченные боем, немцы спешно отходят по огородам. Их около двадцати. Они довольно хорошо видны на фоне пожарища. Подпустив фашистов метров на сорок, по команде Дышинского разведчики открывают внезапный огонь. Немцы заметались, но поздно. В короткой перестрелке они были все уничтожены.

Рассветает. Долгое пребывание на морозе постепенно дает о себе знать. Оценив создавшееся положение, Дышинский дает команду левому флангу взвода отойти к домам. Сделать это без потерь, к сожалению, не удастся. Часть людей располагается в недостроенном помещении, в сарае, часть — в отбитой у немцев траншее. Правому флангу взвода (группа Зайцева) удалось выскочить и даже захватить восточную часть плотины. Но губительный огонь врага заставил разведчиков залечь.

Если нам было чертовски холодно, то в каком же положении оказались тяжелораненые! Они нуждались в неотложной квалифицированной медицинской помощи и тепле. Все, что было в наших силах, мы делали. Но этого было явно недостаточно.

В полдень во взвод пробрался начальник штаба отряда

капитан Мясников. Среднего роста, в очках, подвижный, общительный.

Дышинский, тщательно изучив предний край противника, его огневые точки, предложил свой план захвата плотины. Мясников, однако, его отклонил.

— О положении на вашем участке доложу командиру. Без разрешения никаких действий не предпринимать!

Весь день противник беспокоил нас короткими, но интенсивными огневыми налетами, атаками мелких групп пехоты.

Короткий зимний день, казавшийся длинным-длинным, наконец кончился.

Первый день боя успеха отряду не принес. Однако кое-каких результатов все же достигли. На правом фланге были захвачены Соколовка и весь поселок Стахановский, то есть весь восточный берег реки Саксагань был в наших руках. Плотины и шлюз не захватили, но подходы к ним были надежно прикрыты нашим огнем. Теперь всех волновал вопрос: догадался ли противник о наших намерениях?

Под вечер автоматчики привели пленного, который на допросе показал, что по западному берегу, в районе Рабочего поселка, оборона немцев состоит из отдельных траншей и приспособленных для боя домов. Всего в районе между водохранилищем и безымянным ручьем — до пехотного батальона, усиленного орудиями и минометами. Перед ним поставлена задача задержать продвижение советских войск.

Едва начали густеть сумерки, Дышинский получил приказ обеспечить работу саперов. С помощью разведчиков саперы обезвреживают электровзрыватели. Теперь подорвать плотину электрическим способом нельзя. Но в ее теле остается взрывчатка, которую можно подорвать огнем, наиболее элементарным способом. Необходимо во что бы то ни стало не дать фашистам этого сделать. Из взвода Дышинского отзывается группа инженерной разведки Ве-

ревкина. Перед ней ставится задача найти и обеспечить переправу на тот берег автоматчиков и разведчиков. Не раз приняв ледяную купель, саперы Веревкина, несмотря на мороз, сумели справиться с этим трудным заданием.

Около полуночи передовая группа в составе разведвзвода Култаева и двух взводов автоматчиков с саперами под командованием капитана Мясникова переправилась на правый берег реки Саксагань. Незаметно подойдя со стороны огородов к Рабочему поселку, она без потерь захватила шесть домиков.

Часам к трем начштаба вернулся в отряд и доложил о результатах. Успех окрылил всех. Дышинский получает приказ частью сил взвода приблизиться к реке и быть в готовности прикрыть огнем переход основных сил отряда на другую сторону.

Добираемся до указанного рубежа, маскируемся.

Время идет. Характер огня противника с той стороны не меняется. Значит, переход наших подразделений на правый берег Саксагани остался для него незамеченным. Штаб отряда размещается в двухстах метрах южнее плотины.

И тогда Дышинский решает, что настал момент, которого он так ждал. Шлюзы рядом, до них рукой подать. Своим решением он поделился с нами.

— О чем речь, — за всех ответил Шапорев.

— Не впервой, — подхватил кто-то. — Вот покурить бы.

— Покурить? Хорошо, курите. Но учтите, ребята, рывок должен быть стремительным. Вначале будем ползти, метров двадцать-тридцать, а затем — бросок. Вы курите, а я еще понаблюдаю за фрицами.

Дышинский пополз от нас наверх, к гребню, чтобы еще раз острым, наметанным глазом осмотреть местность, уловить ритм огня.

Из траншеи, что находилась южнее плотины, немцы беспрерывно бросают ракеты и ведут автоматный огонь.

Лейтенант наблюдает. А мы сползаемся в укрытие, при-

куриваем. Жадно затягиваемся, но запаха махорки-горлодера не чувствуем.

Дышинский продолжает наблюдать, а над нашими головами беспрерывно проносятся пулеметные очереди. Словно немцы догадались о нашем намерении и хотят помешать его осуществлению.

И вдруг кто-то обратил внимание — взводный уткнулся головой в снег. Бросаемся к командиру. За ноги тянем лейтенанта вниз и видим: голова безвольно тянется по снегу. Поворачиваем его на спину — лицо в крови, левый рукав маскхалата у плеча порван.

— Ребята! Да он ранен! — наконец сдавленным голосом произносит Канаев.

Сколько раз Дышинский был под огнем, сколько раз судьба испытывала его на излом, и все обходилось благополучно. А здесь...

Дальнейшее произошло почти мгновенно. Не сговариваясь, хватаем за руки и ноги обмякшее тело командира и бежим от реки. Бежим в полный рост, не таясь, не думая об опасности. Немцы обнаруживают нас. Над рекой повисают ракеты, но нас не остановить.

Упал Шапорев, потом Соболев, опустился на снег Усачев, пулей обожгло руку Константинову. Но мы бежим. В голове только одна мысль: быстрее, быстрее вынести командира из-под огня.

Мы бежим, на ходу сменяя друг друга. Еще один поворот, и за ним находим надежное укрытие. Останавливаемся. Шапки на голове Дышинского нет — потеряли по дороге. Расстегиваем маскхалат, полушубок. При свете фонарика осматриваем лейтенанта. Две пули навывлет прожгли голову, чуть выше надбровных дуг. Раздроблено плечо, и посечена пулеметной очередью левая сторона груди. Гимнастерка от крови кажется черной. Смерть, по-видимому, наступила мгновенно.

— Все! Его нет! — выдавил санинструктор и, отвернувшись от нас, отошел в сторону.

Лицо командира не выражало ни страха, ни волнения. В нем лишь отразилась напряженная сосредоточенность человека, который должен был сделать определенную работу — сделать или погибнуть.

По нашим щекам текли слезы. Да, мы плакали, плакали, не стыдясь друг друга.

Смотрю на ребят — лица их изменились, напряглись. Да, нас осталось мало. Однако оплакивать потери на войне долго нельзя: не принято, да и не та обстановка.

Пока немцы с ожесточением обстреливали нашу отходящую с телом Дышинского группу, разведчики Култаева ударили им во фланг и вскоре захватили кирпичное здание конторы в Зимовском саду. Теперь подразделения отряда подошли к плотине и по правому берегу.

Утро 22 февраля началось яростными атаками врага на правобережье. Противник, к сожалению, разобрался, что силы отряда невелики, и, по всей вероятности, решил уничтожить переправившихся за Саксагань. Там, не умолкая, шел бой.

Связи у нас с правым берегом не было, и мы жили догадками. Только после обеда из-за реки пробрался к нам посланный командиром отряда связной Иван Гудзь. От него-то мы и узнали, что положение за рекой создалось тяжелое. Под непосредственной угрозой оказался штаб, и уже не раз его офицеры брались за оружие. Радиостанция работает, но связаться с соседями, с командованием армии не удастся. Ряды защитников плотины тают, а немцы наседают.

В конце концов противник вынудил обескровленные подразделения отряда отойти с захваченных в ночном бою позиций ближе к плотине, и теперь отряд удерживал только три дома.

Узнав об обстановке в районе плотины и больших потерях, командование армии понимает, что нам срочно нужна помощь. Предпринимаются попытки ускорить выдвиже-

ние дивизий, наступавших справа и слева. Но они сами обескровлены в предыдущих боях.

В сумерках нам, одиннадцати оставшимся из взвода, было приказано переправиться на ту сторону. Встретивший нас замполит отряда майор Нсфедов, переводя взгляд с одного на другого, сказал:

— От нас, ребята, зависит судьба плотины. Отступать некуда! Патронов почти нет, гранат тоже. Помните одно — надо стоять насмерть. Помощь скоро придет. Если будет кому помогать.

Немцы снова пошли вперед. Они ломились напролом, не считаясь с потерями. Однако и эту атаку врага мы все-таки отбили.

А вскоре к нам пробилось подразделение воздушно-десантного полка. С его помощью нам удастся в течение вечера 22 февраля отбить еще две ожесточенные атаки.

В качестве подтверждения того, насколько яростна была борьба за плотину, приведу строки из наградного листа на подполковника А. Н. Шурупова. Командование армии, высоко оценивая действия личного состава отряда, в частности, отмечало: «В течение 22.2.44 г. он вел ожесточенный бой с превосходящими силами противника, отбив в течение дня 8 контратак и 20 попыток противника взорвать плотину через реку Саксагань».

...Прошли годы. Но подвиг отряда не забыт. В канун Дня Победы 7 мая 1977 года в парке, близ бывшей плотины, был воздвигнут монумент. Его построили на общественных началах. На одной из граней монумента начертано: «Мужеством храбрых спасена плотина КРЭС».

И, как дань народной памяти подвигу бойцов и офицеров спецотряда, к его подножию круглый год ложатся живые цветы.

Именем нашего командира, славного сына Родины, Героя Советского Союза войскового разведчика В. А. Дышинского названы улицы в Кривом Роге, у стен которого он погиб, и в Перми, где он жил.

И. А. САФРОНОВ

**«ЧЕРНЫЙ
КРЕЙСЕР»**

Иван Андреевич Сафронов. Родился в селе Котловка Татарской АССР. В 1933 году поступил в Пермский речной техникум. После его окончания в 1937 году призван на Военно-Морской Флот. Всю войну служил на корабле «Конструктор» Балтийского флота. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями Ушакова, «За оборону Ленинграда». После окончания войны возвратился в Пермь. Работал штурманом, затем капитаном на пассажирских судах Камского речного пароходства. В настоящее время на пенсии. Живет в Перми.

Весной 1980 года советом ветеранов Дороги жизни я был приглашен на встречу. Собрались мы, балтийцы, 9 мая на берегу Ладоги у братской могилы боевых друзей, которых схоронили в 41-м.

Постояли на берегу озера, посетили музей «Дорога жизни», могильный холм у Осиновецкого маяка, повспоминали друзей-товарищей живых и уже ушедших, корабль свой, разрезанный в 1956 году на металлолом (полвека достойно прослужил он Отечеству), послушали шелест ладожской воды на заплеске и разъехались по домам.

В войну нас было на корабле более ста, на

встречу в год 35-летия Победы собралось восемнадцать, сейчас остались единицы. Вот тогда, у памятника, и запала в мою душу мысль хоть что-нибудь оставить на бумаге из своих воспоминаний.

Писал как было, с надеждой, что внуки наши когда-либо пожелают узнать о старом дореволюционном корабле, почти ровеснике «Авроры», о своих дедах и их военных судьбах.

1

Таранным штевнем разрезая волны бушующей Балтики, на полных парах, с клубами черного дыма из обеих труб, стремительно несется вперед эскадренный миноносец «Сибирский стрелок». Таким он запечатлен на старенькой, пожелтевшей от времени фотографии в моем фронтовом альбоме. Альбом прислали боевые друзья-ленинградцы, с ними во время войны защищали мы город-герой на Дороге жизни.

«Сибирский стрелок» был построен в 1906 году на верфи Гельсингфорса.

В 17-м году его экипаж, как и других балтийских кораблей, перешел на сторону революции, принимал участие в героическом штурме Зимнего дворца.

Механик Петр Александрович Можейко и мичман Захар Андреевич Новиков, со времен первой мировой войны плавающие на корабле, иногда, под настроение, рассказывали нам, молодым матросам, о боевых делах корабля.

В 1925 году «Сибирский стрелок» передали научному институту НИМТИ и тогда же присвоили новое название — «Конструктор».

Шли мирные годы, корабль занимался испытанием минно-торпедного оружия. За этим занятием и застала «Конструктор» Отечественная война.

В июле 41-го года корабль встал в Ленинграде к Ад-

миралтейскому судоремонтному заводу на переоборудование под сторожевик.

По палубам растянули провода, шланги, трубы, застучала пневматика, заискрилась сварка. После того как установили пушки, доукомплектовали экипаж, корабль перевели с Балтики на Ладожское озеро, включили в состав Ладожской военной флотилии. Здесь и выпало на мою долю служить в первой боевой части «Конструктора», занимая скромную должность командира отделения рулевых. Личный состав корабля состоял из кадровых балтийцев и только частично дополнялся запасниками.

В городе на Неве было беспокойно. Часто выли сирены, объявлялись воздушные тревоги. Одиноким немецким самолетам удавалось прорваться и сбросить бомбы на улицы и дома, ночами над городом взмывали серебристые аэростаты. Вместе с заводскими рабочими нас собирали на митинги. Говорили о том, что тогда тревожило всех: о внезапности нападения, о неудачах на фронтах, о серьезной угрозе, нависшей над Ленинградом. Ползли слухи, будто за городом ловят диверсантов. Мы, военные моряки, никак не могли понять, почему так быстро враг продвигается в глубь нашей страны. Еще недавно пели: «Чужой земли не надо, но и вершка своей не отдадим». Так почему фашист топчет нашу землю? Мы спрашивали об этом самих себя и не находили ответа. А враг наступал. Занял Ригу, Псков, Таллинн, захватил всю Прибалтику и вторгся в Ленинградскую область.

Пока мы довооружались на Неве у заводской стенки, многие матросы подавали рапорта и просились на фронт. Все мы рвались в бой, гнев и ненависть к захватчикам наполняли наши сердца.

Ленинград готовился к обороне. Шло формирование дивизий народного ополчения, в предместьях города строились оборонительные сооружения. С кораблей, зажатых в угол Финского залива, снимали матросов и формировали

из них бригады морской пехоты. Создавались истребительные отряды, которые сразу же уходили в бой с врагом.

Тогда еще мы, по своей наивности, не представляли, насколько серьезно положение, рассчитывали на быстрый разгром фашистских войск и скорое окончание войны, но, к сожалению, все повернулось иначе...

2

Боевое крещение мы приняли в начале августа, вступив в артиллерийскую дуэль с врагом и одновременно отражая налеты его авиации в северной части Ладожского озера, в районе Сортавалы.

Здесь уже был фронт: грохотали пушки и минометы, в небе кружили самолеты, в основном немецкие.

— Хоть бы один «ишак» прилетел, так ведь нет! И куда все делось? — спрашивает возмущенный Генка Тараканов.

— Пес их знает, где они пропали, — отвечаю ему, — наверное, на других фронтах летают.

— Может, у нас их мало или совсем нет?

— Как нет! Ты же слышал, Левитан рассказывал, как наши летчики фрицев бьют!

— А здорово мы вчера по лахтарям сыпанули. У Журова даже краска на стволе обгорела. Сегодня утром у боцмана кисти просит. Марافет, говорит, надо навести, а то старпом скажет: не любишь свою красавицу.

Противник все больше и больше прижимал наши войска к побережью, окружая их и сбрасывая в озеро. Обстановка в районе с каждым часом ухудшалась.

В составе группы кораблей «Пурга», «Селемджа», «Бира», а также «морских охотников» мы оказывали срочную помощь нашим окруженным войскам. Поддерживали их артиллерией, выводили из-под огня баржи с солдатами и техникой. Нужно было в кратчайший срок под интенсивным огнем противника эвакуировать из шхерных районов озера три дивизии.

Вывозили на чем только можно было вывезти. По ладожской воде туда-сюда сновали транспорты, «каземки», шлюпки, баржи, бронекатера, «морские охотники», другие суда. Все было брошено на вывозку прижатых к воде войск. Наш химист Евланов сутками колдовал у аппарата постановки дымзавес и по первому сигналу выпускал облако спасительного дыма, за которое в критические минуты мы прятались от вражеских снарядов.

Войска и материальную часть вначале было приказано перевезти в ближайшую промежуточную базу на остров Валаам, то есть за пределы досягаемости батарей противника.

Снаряды рвались у бортов, осколки летели на палубу, корабль вздрагивал и отходил на новые позиции, прикрывая караваны барж дымзавесами, затем, маневрируя между столбами взрывов, снова подходил поближе к берегу и громил врага. Это было в районах Лахденпохьи, Кексгольма и Сортавалы.

— Вот шельма! Лупит без передыху, и закурить некогда, — замечает рулевой Задорин, перебирая блестящие ручки медного штурвала.

— Не горюй, Степаныч! Успеем подымить, будет и на нашей улице праздник, — подходя к Задорину, говорит сигнальщик Петр Яшин.

...Все последующие дни августа и начала сентября наш корабль вместе с отрядом канонерских лодок занимался эвакуацией 168-й стрелковой бондаревской дивизии с Валаама в Шлиссельбург.

Один из рейсов выдался особенно жарким. Сопровождаемые транспорты с войсками и материальной частью шли в кильватер параллельным с нами курсом. Уставшие, измотанные бессонными ночами, солдаты размещались на теплые палубы и быстро засыпали.

Вначале озеро было спокойное, затем потянул ветерок, образовывая рябь на гладкой воде, а спустя некоторое время заиграли барашки. С каждым часом ветер крепчал,

разноголосьем запели стальные ванты, волны с шумом разбивались о корпус, обливая палубы и донося брызги на крылья мостика. Появилась бортовая качка. Быстрое изменение погоды на Ладожском озере — явление вполне обычное. Бойцы побежали с палубы, забывая и без того переполненные кубрики. Многие валились с ног от морской болезни.

Матросы, как могли, успокаивали их.

— Ну что ты, дружок, раскис? Пойдем на воздух, освежимся на палубе, легче станет, — уговаривает Лисов измученного тошнотой солдата.

— Не могу, браток, всего наизнанку тянет, я ить непривычный к воде.

Ветер стал стихать так же внезапно, как и появился. Качка уменьшилась, люди повеселели, но конвой поджидала другая опасность. На подходе к южной части озера стали слышны разрывы.

— Сигнальщик! Передать на «Вилсанди»: усилить наблюдение за воздухом, — приказывает старпом.

— Есть передать! — отвечает Яшин. В его руках замелькали семафорные флажки.

В те дни в районе Шлиссельбурга враг наносил бомбовые удары по несколько раз в день. «Юнкеры» шли черными тучами, как вороны стаи. Ладога охватывалась огненным кольцом.

— Самолеты противника! — не отрывая глаз от бинокля, докладывает сигнальщик Петр Яшин.

— Немедленно оповестить транспорты! — командует старпом Пантелеев, нажимая на тумблер. По кораблю разносится пронзительная трель звонка громкого боя. На мостик поднимается наш командир — Георгий Арвидович Зеланд.

— Семь! Двенадцать! Восемнадцать «юнкеров»! Заходят по кругу, — уточняет Яшин.

Завидев конвой судов, фашистские пираты, как волчья стая, набрасываются на добычу. Матросы разбегаются по

боевым постам, личный состав работает четко, корабль всем своим существом готовится к смертельной схватке.

— Эх, мать честная, и врежут сейчас! — восклицает писарь Ельшин.

— Да брось ты, Костя, ложиться в гроб раньше времени, — успокаивает его трюмный машинист Неклюдов.

— Огонь! — громко и отрывисто произносит командир корабля, когда самолеты с крестами вошли в зону обстрела. Заговорили орудия главного калибра и зенитные автоматы.

— Лево руля! Так держать!

— Есть так держать! — отвечает рулевой Иван Задорин. Бомбы рвутся в стороне.

— Увеличить скорострельность! — приказывает Зеланд командиру второй боевой части Назарову.

На мостик забегают «сухопутный» командир, спрашивает, чем могут помочь его солдаты.

— Главное, обеспечьте спокойствие. И чтоб никто не мешал зенитным расчетам, — отвечает пехотинцу Зеланд.

Теорию морского боя с самолетами командир знал отлично. Однако на практике рассчитать маневр увертывания от бомб — дело весьма сложное, выполнить его могут только два человека: он с рулевым, от их интуиции, понимания друг друга зависит судьба всего конвоя.

— Еще «юнкерс» пошел в пике! — кричит Яшин.

— Отводи!

— Есть отводить!

Корабль снова уклонился от бомб.

Курсограмма Задорина постоянно оценивалась на отлично. Только он один умел в любую погоду так искусно удерживать корабль на курсе и виртуозно маневрировать.

С лучшей стороны показал себя в этом бою заряжающий носовой башни матрос Василий Тихонов. Посылая снаряды в ствол, он еще успевал следить за целью, помогая наводчикам, отбрасывал в сторону мешающиеся под ногами гильзы.

Бойцы, что побойчее, вышли из кубриков. Стреляют кто стоя, кто с колена, по пикировщикам, другие лежат, не поднимая головы.

В первые секунды видно, как бомбы отрываются от самолета, затем, набирая скорость, исчезают из поля зрения — только слышен раздирающий душу пронзительный свист. Чтобы посеять панику, немцы бросали бомбы с сиренами, издающими дикие звуки.

— Врешь, гад! Не так просто нас потопить! На! Получай! — так с каждым новым залпом приговаривает командир орудия старшина первой статьи Антон Журов.

В грохоте огня и дыма, содрогаясь от орудийных залпов, резко кренясь на поворотах и зачерпывая бортами воду, корабль продолжает жестокий бой. Взрываются бомбы: одни ближе, другие дальше; свистят осколки, в ушах треск и звон, нервы напряжены до предела.

Немцы решили сначала разделаться с нами, затем утопить безоружные транспорты. Однако, впустую издержав боезапас, не достигнув цели, улетели. Я вспоминаю, как наш командир рассказывал нам однажды, что поразить морскую цель в движении с воздуха крайне сложно. Он на учениях когда-то сам летал над кораблями. Это, говорит, все равно, что попасть дробинкой в лежащую на полу иголку.

Серьезных последствий эта бомбежка для нас не имела, если не считать мелких осколочных пробоин корпуса и двух легкораненых.

Мокрые солдаты все еще лежат, прижимаясь к палубе. Их окатывает волной, особенно во время крутой циркуляции.

— А рыбы вверх пузом сколь плавают, — с удивлением отмечает зенитчик Егор Крамаренко, прикуривая сигарку от раскаленного ствола автомата.

— Вставай, пехота! Или еще полежать охота? — дружески подначивает солдат Крамаренко. — Налетай на крепкий самосад, угощаю.

Уже побывавшие в жестоких схватках бойцы не раз встречались со смертью. Однако здесь, на борту, чувствовали себя неуверенно.

— Эх, братишки, скорей бы на бережок! — говорили они. — Ну и ад у вас кромешный, даже окопаться негде.

При высадке пехота без особого сожаления спешила покинуть нас.

В первых числах сентября немцы прорвались к Неве и захватили Шлиссельбург. Флотилия лишилась базы. Ленинград оказался в блокадном кольце.

Остался единственный путь, связывающий осажденный город с Большой землей, — узкая полоска воды на Ладоге. Дорогой жизни стала называться она в то тяжелое время.

Наше командование пыталось вернуть утерянные позиции в районе Шлиссельбурга, бросая матросские десанты в лоб немцам, под сокрушительный минометный огонь. Но безрезультатно. Десантные отряды несли большие потери, и мало кто возвращался назад.

В весенний ледоход 42-го года ленинградцы со слезами на глазах наблюдали вмерзшие в льдины трупы моряков, плывущие мимо городских набережных с Ладоги в Финский залив.

Мы с нетерпением ждали помощи. Слышали, будто идет с Большой земли на выручку ленинградцам легендарная армия, а командует ею боевой маршал Кулик. Вот уж она-то непременно прорвет фашистское кольцо и освободит нас из окружения. Но время шло, надежды рушились.

— Никола, ты не слыхал, где этот Кулик? — спрашивает сигнальщик Калинин (мы его звали Калиныч) у вестового Новицкого.

— В болотах, говорят, застрял.

— Тоже мне бедовый маршал! Он что, чертяка, на верблюдах, что ли, тащится?

— Швах дела наши! Говорят, скоро корабли к подрыву будут готовить.

— Не может этого быть!

- Теперь все может быть, Калиныч!
- Брось ты, Колька, панику поднимать!
- За что купил, за то и продаю.
- А правда, что у Красного села сам Клим с матросами в атаку ходил?
- Конечно, правда! Ты разве не слышал?
- Ну, раз сам военмор в рукопашной с фрицами дерется, то костями ляжем, а Питер не сдадим!

3

До призыва на флот Александр Чернышев работал поваром в ресторане. «Теперь я не просто повар, а корабельный кок», — с гордостью произносит он.

У Чернышева давняя дружба с Задориным. Началась она буквально с первого дня их службы на корабле, а служили они по последнему году. Осенью 41-го пора бы домой, но война перепутала все их планы. Да только ли их?

Оба с гонорком, характер ершистый, бывало, рассорятся, но тут же мирятся, и снова дружба не разлей водой.

Сегодня Задорину выпала очередь дежурить по камбузу.

— Привет, чумичка! Над борщом колдуешь?

— Послушай, дружок: супы, борщи, солянки — да ты без них и дня не протянешь. Пищу готовить — это же творческий процесс. Не то, что у колеса стоять да от немцев драпать!

— Ну это ты брось, кореш! Где мы с тобой драпали?

— А из Таллинна в Кронштадт, вся эскадра без оглядки.

— Темный ты фрукт, Саня. На политинформации ходить надо. Слышал, что комиссар говорил: плановый отход, формирование сил.

— Все слышал! Хватит трепаться! Давай-ка лучше котлами займемся, — заканчивают на этом спор закадычные друзья.

...А вот еще одна картинка с натуры. Боцман Хохлов — человек особый. Придирчивый, строгий, приказания отдает на повышенных тонах, сопровождает руганью. Идет по правому борту, мы тут же смываемся на левый.

— Эй, салага, подь сюды!

Обнаружит малейший недостаток и ну распекает матроса при всех. Хранил боцман у себя старенький баян, сам не играл и нас не баловал. Война ведь, какая вам игра! Но не только боями жили мы на корабле. Бывало, после ста граммов «наркомовских» завеселеем, и льется песня задушевная по кубрику.

Машинист Трофимов, парень богатырского сложения, с татуировкой орла на широкой груди, как затынет басом: «Наверх вы, товарищи! Все по местам! Последний парад наступает!» Остальные подхватывают, и слышна песня уже далеко за пределами кубрика.

В это время моторист Павел Шелепов подмазывается к растроганному песней боцману, выпрашивая баян.

— Петр Максимыч! Позвольте чуток поразвлекься?

— Ну да ладно, что с вами сделать, бери, — подобрев, отвечает боцман.

Не успеет Павел меха растянуть, откуда ни возьмись Лешка Безгубов пустился «яблочко» чеканить.

— Как ведь бьет каналья, а? Подметки на ходу рвет! Любой цыган позавидует! Мотай на ус, Миша! — подзадоривает электрик Лисов машиниста Терехова. Лешку сменяет еще один заядлый плясун Леня Майко. Полубак оживает, веселят матросскую душу песни, пляски.

— Эх, вы, салажата, у нас на «Марате» не так плясали, — вступает в разговор сигнальщик Калиныч. Он недавно призван из запаса, срочную служил на линкоре, чем особенно гордился перед нами. Война разлучила его с семьей, жена и двое ребятишек остались дома ждать. Калиныч старше нас, мы относимся к нему с почтением.

— А ну ка, Паша, чечеточку повеселей, — и пошел дробить Калиныч по звонкой палубе начищенными ботинками.

Перелистывая альбом, смотрю я на фотографию нашего командира: любили мы его как отца родного. Есть люди, вспоминая которых ощущаешь к ним добрые чувства, особую мужскую симпатию за их справедливость, душевную красоту, человечность. Деликатен, спокоен, деловит — именно таким был наш командир корабля капитан второго ранга Георгий Арвидович Зеланд. Где-то сказано о Нахимове: «Чист душой и море любит». То же можно сказать и о нашем командире. Иногда сутками не уходил он в каюту. Бывало, попросит вахтенного офицера: «Передайте вестовому принести сухарики на мостик», — а потом угощает всех, чтобы сон не брал.

...После очередного рейса ошвартовались мы правым бортом к барже на рейде Новой Ладogi для пополнения топливных запасов. Раньше бункеровались ночью, а сейчас это приказано делать днем. В это же время к другому борту баржи подошел транспорт «Сталинец».

Бегаем гуськом по крутому трапу с баржи на палубу, сбрасывая мешки с потной спины и высыпая уголь в бездонные ямы. Двести тонн — не шутка перетаскать на своем горбу. Котлы мгновенно пожирают уголь, подавая пар на две машины в восемь с половиной тысяч лошадиных сил.

Спустя некоторое время еще два буксиряка приткнулись. Один привез продукты, другой — боеприпасы.

— Пушкaри, на погрузку снарядов! — раздается зычный голос боцмана, а мы продолжаем бегать. Черные, как негры, от угольной пыли, одни только зубы сверкают. Однако погрузка идет бойко. Котельные духи обрадовались свеженькому угольку, так зашуровали, что дым столбом из обеих труб.

— Воздух! Воздух! — кричит вдруг с мостика Калиныч. — Боевая тревога!

Экипаж разбегается и занимает места у орудий. Из-за

облаков вываливается группа «юнкеров». Они заходят на бомбежку.

Зенитчики посылают навстречу фашистам серию снопов заградительного огня. Заклацали крупнокалиберные пулеметы. Не успели мы отойти от баржи, с неба посыпались бомбы. Один фашист не выдержал, повернул, унося смертоносный груз в сторону и сбрасывая где попало. Другой атакует, ему удалось прорваться сквозь заградительный огонь и швырнуть бомбы рядом с бортом.

Смерчем взвились четыре огромных столба вспененной лохматой воды.

Есть осколочные повреждения корпуса, появились раненые, раздробило шлюпку левого борта, на мостике повреждены компас и штурманский стол.

Машинисты Мохов и Неклюдов заделывают пробоины, Безгубов, Лисов, Терехов подносят аварийный материал. Лежит и стонет у зенитного автомата тяжело раненый Егор Крамаренко.

Зенитчики Солдатов, Зайченко, Кудрявцев вошли в азарт и с нарастающей яростью продолжают вести схватку с врагом.

Корабельный доктор Даниличев вместе с санитарями перевязывает раненых, помогает им снова вернуться в строй.

Пулеметчик Сергей Бетин во время стрельбы, нажимая гашетку, заметил, что его не слушается рука. Поглядел. Батюшки!.. Да она по локоть оторвана и держится только на коже. И надо же было Сергею набраться мужества, чтобы оторвать собственную руку и выбросить ее за борт, да еще с крепким матросским словцом в адрес Гитлера.

К пулеметчику подбегает Даниличев.

— Сережа, что с тобой?

— Да вот, малость руку отхватило.

— Ах ты, беда-то какая! Потерпи немножечко, потерпи, голубчик!

Доктор перевязывает култышку Бетина.

— Как я теперь без руки-то?

Подносчик снарядов, балагур и весельчак украинец Майко получает прямое попадание осколка в сердце.

Сидит у орудия словно живой и снаряд держит. Когда осматривали его, не могли обнаружить рану и, только разорвав тельняшку на груди, заметили капельку запекшейся крови.

Наш друг и боевой товарищ погиб на посту у орудия со снарядом в руках, на котором только что написал мелом «Смерть фашистам». Снаряд немедленно подобрали друзья и послали в небо.

Еще ожесточенней и яростней стали драться наши матросы.

Командир орудия Луговец подбадривает свой расчет между командами и залпами:

— Поднажми, хлопчики! А ну, поднажми! Покажем фрицам, как стреляют балтийцы!

Самолеты с крестами продолжают ходить по кругу, выжидая момент для атаки. Корабли рассредоточились, уклоняясь от бомбовых ударов.

Со второго боевого поста меня срочно вызвали на мостик. Прибегаю заменить рулевого Задорина. Он лежит у штурвала в луже крови, осколком ему разорвало нижнюю челюсть. Задорин упорно дергает меня за брюки и показывает себе на висок. Он хочет, чтобы я его избавил от мучительной боли.

Самолеты, как коршуны, продолжают кружить над нами.

Я вращаю штурвал, с жалостью и болью в душе смотрю в умоляющие серые глаза Задорина и успокаиваю своего товарища. Вскоре санитары унесли его вниз, он скончался по дороге в госпиталь.

Белые клубки разрывов от снарядов и пулеметный трассирующий след не давали пиратам вести прицельное бомбометание, ломали их строй, нарушали боевой порядок.

— Сбили, сбили! — кричит Василий Марушин.

Действительно, один фашистский «стервятник» вспыхнул и, оставляя за собой огненную трассу, камнем повалился вниз, в Ладогу. Может быть, его нашел тот самый снаряд с надписью убитого Майко?

В этом бою был смертельно ранен командир корабля, общий любимец команды капитан второго ранга Зеланд.

Падая на трапе при подъеме на мостик, он тихо произнес: «Делается не так, как надо». Вероятно, он имел в виду дневную погрузку угля. Обошлась она нам очень дорого.

Стою у штурвала, выполняю команды старпома Пантелеева. Он тоже ранен, но остался на мостике и продолжает управлять кораблем. Только позднее по настоянию доктора его отправили в госпиталь.

На одном из буксиров, которые тогда подошли к нам, тоже несколько убитых и раненых.

Вечером, раздеваясь, я обнаружил на левой ноге ниже колена запекущую струйку крови. Оказалось, какой-то шальной осколок прорезал штанину и по касательной царапнул кожу. Друзья потом шутили: долго жить будешь, раз отметина осталась.

На кладбище поселка Новая Ладога во время похорон Зеланда, Задорина, Майко и других боевых друзей мы, «конструкторцы», дали клятву отомстить фашистам за первые жертвы на корабле.

Событие это произошло во втором часу пополудни 7 октября 1941 года.

Жизнь и драка продолжают. Вместо погибших на корабль поступает замена. На другой же день прибыло несколько человек. Среди них новый командир корабля капитан третьего ранга Купидонов и новый рулевой.

Смена командования на корабле — всегда важное событие. Кто он, добрый или злой, сумеет ли повести за собой в эти грозные дни? Каждый задавался этими вопросами.

—

Достаточно одного крепкого боя, и станет ясно, на что он способен. Война быстро выявляет характер человека, раскрывает его душу.

— Стоит ли гадать раньше времени, что за командир нам достался. Поживем — увидим, — замечает Яшин. — Слышал, Калиныч? Разбомбили твой «Марат»!

— Бреешь, не может быть! Кто сказал?

— Вестовой в штабе со штурманом были. Кто-то из Кронштадта приезжал. Говорят, жуткий налет был. Матросов много погибло.

— Эх, «Марат», «Марат»! — у Калиныча перехватило дыхание... — Ну, фашисты, дорого вы заплатите за этот корабль!

— Что ты сделаешь против такой армады? Загнали нас фрицы за Неву и лупят — не дают опомниться.

— Конечно, один ничего не сделаю, а всем миром — одолеем.

— Слушай, Калиныч, куда ты с голыми руками против танков? У нас на всех-то десять винтовок, и те с просверленными казенниками.

— Винтовки дадут, если надо будет!

— Да я не о винтовках. Самолеты, танки, корабли настоящие нужны, а не эти землеройные лапти, скорость в час по ложке и маневренность черепашня. Техника-то наша — из девятнадцатого века.

— Ты, кореш, конлодки не трогай! Это наши ладожские линкоры, они дерутся будь здоров!

— А кто спорит, конечно, дерутся! Но это ведь только от великой нужды. Как говорится, на безрыбье и рак — рыба. Помешался ты на своих линкорах. Слышал — писарь о них сочинил: «Бира», «Нора», «Селемджа» шкандыбают не спеша.

— Вот узнают матросы с конлодок, поуродуют, тогда перестанет всякую ересь сочинять.

— У немцев вон ночные пикировщики появились, рас-

хлестали «Водолаз» будь здоров. А почему? Воевать мы еще не научились, да и драться-то у нас нечем.

5

— Начальник штаба почту везет! — кричит кто-то из матросов. Все, кто в это время оказывается на палубе, устремляют взгляды на катер и ухмыляющегося писаря Ельшина с поднятым портфелем в руках.

— Вот наша радость! Что может быть дороже писем на войне? — ликует Борька-электрик, получающий каждый раз по нескольку девчоночьих писем.

Писаря Ельшина прозвали начальником штаба за старенький коричневый портфель, а главное, за то, что имел он слабость награждать всех историческими именами. У него что ни Иван, то Сусанин, каждый Сашка — Александр Невский, если Степан — обязательно Разин.

Раздавать письма чаще доверял мне. У тебя, говорит, дикция и на почерках собаку съел. Вот и на этот раз:

— Сусанин, раздавай! Тебе сегодня, кроме письма, посылка есть.

Я в приподнятом настроении встаю на вентиляторный кожух, возвышающийся над палубой, и начинаю приятную для всех процедуру.

— Новицкому!

— Струкову!

— Лисову!

Ко мне моментально протягиваются руки.

Не читая, узнаю отцовский почерк, быстро отправляю письмо в карман и продолжаю:

— Тарakanову!

— Черкашину!

— Трофимову!

— Еще Лисову!

— Ну, хлюст конопатый, всех девчонок охмурил. Ко-

гда только успеваешь отвечать? — спрашивает Лешка Безгубов.

— Что, завидно? Хочешь, познакомлю? — скалясь, отвечает Лисов.

Матросы, получившие письма, разбредаются по углам и в упоении по несколько раз перечитывают домашние весточки. Ну, а кого судьба не удостоила подобной радости, какое-то время с досадой стоят понуро, потом закуривают и подходят к друзьям.

— Ну, как там житуха в тылу?

Также вот и ко мне сейчас подошли Яшин и Семененко. Яшин редко получает, потому как сам не любитель писать, а Семененко — из Запорожья, его город захватили немцы, он ничего не знает о своих близких.

— Что с Урала пишут? — спрашивают ребята.

— Да вот, если хотите, прочитаю, что отец пишет, он у меня старый балтиец.

«...Не возьму в толк, почему германец к Ленинграду подкатился? Может, помнишь, я тебе рассказывал, сынок, как мы в семнадцатом Зимний брали, контру били, а в гражданскую всякую нечисть изгоняли с родной земли. Теперь, сын, пришел твой черед оборонять красный Питер. Смотри не осрамись! И нас с матерью не опозорь. Это мой тебе отцовский наказ. А мы здесь, в тылу, станем управляться, сколь сил хватит...» — Тут дальше не так интересно. — «...Володя с Борей в школу бегают». — Это мои братишки. — «...Посылочку тебе отправили. Мать носки теплые связала, я табачку насыпал, сам вырастил, нынче вроде крепкий удался...»

— Хорошие у тебя родители, и письмо доброе, — бросая окурок за борт, произносит Яшин, — а вон Генка из Горького сердитое получил. До каких пор, спрашивают, бежать от немца думаете? Фрицы уже над Волгой летают, а вы, бездельники, там чем занимаетесь? Правда, цензура половину письма тушью перечеркала, но Генка догадался, что батя разносит кого-то в хвост и в гриву, кроет по ма-

тушке, кто там вроде из вас, говорит, Родину продает, паразиты вы такие-сякие!

В рубку заходит Алексей Михайлович Калинин.

— Угощай, Сусанин, уральским. Говорят, крепко больно.

Любил Калинин всласть подымить да поболтать о разном. Скрутит из газетного лоскутка «козью ножку», наполнит махоркой, особенно ловко получалось у него высекать искру обломком подпилка о кремень, прижжет косушку и попыхивает кольцами вверх. Вот и в этот раз, прикурил и задохнулся.

— Ох и зверь! Не табак, а огонь, — откашливаясь, сквозь слезы произносит Калиныч. — Вот это да, вот это табачок, я понимаю! Ну, как твой новенький, привыкает?

— Да черт его разберет.

— А ты задание дай. Проверь и похвали, человек ведь внимание любит.

— Всяко пробовал, молчит больше. Ходит с борта на борт, словно маятник.

— Я тоже заметил, такой вначале общительный парнишка был и вдруг заскоки.

— Во время перехода из Таллинна у него на глазах «Яков Свердлов» взорвался, а там дружки погибли. Вот, наверное, он с тоски и ударился в переживания. Прошлый раз сидим вот так же. Яшин спрашивает: «О чем читаешь, браток?» Он смотрит на нас мутными глазами, молчит, а книжка вниз головой. Долго молчал, потом отвечает: «Ума набираюсь».

— И в самом деле, парень вроде не дурак, голова варит, а подчас какой-то бывает странный. Недавно сон рассказывал, только, по-моему, он его придумал.

— Какой сон?

— А вот слушай, только между нами. Снится, говорит, будто везу на шлюпке вождей двух коалиций богам на суд. Рассадил по-флотски: Гитлера на левый, Сталина на правый борт, загребными, стало быть. На вторую банку —

Муссолини с Черчиллем, баковые — Хирохито с Рузвельтом — и весла на воду. Вначале разнорыбной выходил: то Муссолини лопасть вглубь загонит, то Сталин по поверхности скользит, потом дело наладилось, словно у заправских матросов, пот градом, а гребут дружно. Вот бы вместо войн так же дружно миром правили. Так нет ведь! У, сатрапы, говорит, понаставили душегубок по всем странам, самих бы вас туда упрятать, да перед богами стыдно. Что я им скажу? При попытке к бегству вас порешить? Не поверят. У них для контроля ангелок над нами летает. А боги — мужики правильные. Вот доставлю к ним, вправят они вам мозги. Гитлер, не саковать! — «Сил больше нет, господин матрос, кровавые мозоли на руках». — «Вполне возможно. Это вам не «Майн кампф» сочинять». Смотрю, говорит, Черчилля одышка мучает, Сталин тоже сбивается. — «Весла по борту! Черчилль, достаньте анкерок, выдайте по порции воды». — «Господин матрос, в моей фляжке коньячок сохранился, позвольте с союзничками угоститься?» — «Отставить коньяк! Вылить за борт!» И такое, говорит, зло меня взяло, давай им проповедь читать. Вдруг, говорит, увидел против шлюпки перископ. — «Поприветствуем лодку! Правая табань, левая загребай! Весла на валец!» — и проснулся. Так, говорит, и не довез пленников на суд.

— Да-а, здорово он их, в одной шлюпке — два блока. Все загалдели.

На другой день Калиныч пришел на камбуз за добавкой, но больше всего с новостями.

— Плесни малость, Сашок, — подмигивая Чернышеву, просит он. — Борщ у тебя сегодня на славу получился.

— Хватит льстить, подставляй миску.

— Слышал, рулевой-то, который вместо твоего друга?

— Нет, а что?

— Тихое помешательство, читал больно много.

— Ну и что?

— Рехнулся.

— Но!

— Вот те и но! Я ему говорил: не читай, спишишь. Так нет ведь, не послушал. Писарь сказывал, ночью особист на катере к борту швартовался, с вещичками его в госпиталь уволок.

6

По данным разведки, у деревни Марьино вблизи Шлисельбурга обнаружено большое скопление фашистских войск.

Нашему кораблю срочно приказано выйти в данный район и уничтожить противника беглым массированным огнем.

Стоит октябрь. Над озером плывут рваные низкие облака, дует пронизывающий, холодный ветер, умеренная волна слегка плещется о борт. Темнота наступила быстро, в глаз коли — ничего не видно. Ориентиров вокруг — никаких. В указанный квадрат прибываем в глухую ночь.

Пишу эти строки и вспоминаю, в каких трудных условиях приходилось плавать и воевать: маяки не горели, сигнальные огни на кораблях не зажигались.

Установили нам гирокомпас, смотришь на репитер, будто действует правильно, а в самом деле врет. Если не сверять с магнитным компасом, можно вместо одной точки уйти в другую.

Стрельбой руководил командир БЧ-два Александр Дмитриевич Назаров, специалист высокого класса, требовательный, строгий офицер. Однако он нередко находил время для доброго, сердечного слова. Бывало, зайдет в рубку, достанет из кармана шнурок. «А ну-ка, братцы, кто быстрее боцманский узелок свяжет? Засаекаю время». Затем угощает «Беломором», а для нас тогда выкурить папиросу, да из рук авторитетного офицера, было большой честью.

Под стать Назарову и командиры орудийных расчетов Степан Беляев, Иван Луговец и Антон Журов — в неда-

леком прошлом сержанты артиллерийских батарей. Они пришли на корабль одновременно, когда устанавливали нам пушки. Потом их одели в морскую форму и присвоили звание старшин первой статьи. Назаров не давал им засиживаться. В перерывах между боевыми стрельбами они занимались теорией, до седьмого пота тренировались.

Перелистнул я страницу альбома, и вот еще группа друзей: Першин, Дмитриев, Семененко, Даниличев, Шелепов, Вербицкий и другие смотрят на меня ясными, веселыми глазами, а лица у всех симпатичные, так и пылают румяной молодостью.

Особо хочется сказать о Сергее Даниличеве. Красивый, крепко сбитый моряк, среднего роста, вот он на снимке сидит между штурманом Першиным и радистом Анапрейчиковым в новеньком кителе с лейтенантскими погонами (ему только что присвоили это звание) и смотрит на меня с блаженной улыбкой.

В течение всей войны являясь корабельным доктором, так всегда мы его звали в то время, Даниличев знал по имени буквально каждого на корабле, быстро реагировал на наши просьбы. В этом обаятельном человеке сочетались ласка и мягкость, доброта и сердечность, так необходимые для той работы, которую он выполнял. Все мы любили его за отзывчивость и душевную простоту. Вот и сейчас перед боем он рядом с матросами.

— Как настроение, хлопцы? — спрашивает Даниличев, подходя к матросам, обслуживающим пушки главного калибра.

— Бодрое, доктор, чай, не впервой!

— Надо не меньше ста снарядов послать немцам. Мускулы выдержат?

— Хоть двести, только бы ствол не покраснел. Мы им сейчас такую карусель устроим, век помнить будут! — отвечает Зайченко.

В районе Шлиссельбурга подходы к южному берегу мелководные, всюду корабль подстерегает опасность: кам-

ни, валуны. Поэтому мы с рулевым Семененко то и дело чередуемся, определяя глубину ручным лотом. Он мне потом рассказывал: «Я его кыдаю упоряд, а вин дуже холодный. Штурман робыты трэба, а я це топорыки шукать нэ могу. Набросавса, аж руки отвалывысь. Тильки глубины нэма».

С мостика поступила команда приготовиться к бою. Стало тихо, все насторожились. Лишь слышно там, внизу, под палубами, ровное гудение машин, да едва различим след от корабельных винтов, уходящий в темноту осенней ночи.

Прибыли в установленный квадрат. Легли на боевой курс. Определили глубину. С осадкой три с половиной метра приблизились к шестиметровой изобате. Ближе подходить опасно.

Радисты связались с корректировщиками, уточнили свое место.

Команда: — Огонь!

Залп! Еще залп! Стрельба в ночное время по невидимой цели представляет собой сложную задачу, однако артиллеристы справились с ней успешно. Доказательством послужило сообщение корректировщиков, что мы внезапным огнем ошеломили немцев, нанесли им ощутимый удар, уничтожили какое-то важное здание, много живой силы и разной техники.

Потом, из писем пленных, узнали, что сам командующий немецкой группой «Север» генерал-фельдмаршал Лееб приказал провести специальную охоту за надоедливим кораблем и немедленно утопить его, пообещав сразу два креста тому гитлеровскому головорезу, который уничтожит «черный крейсер», как звали нас немцы.

7

Ноябрь, хмурая погода, стрелка барометра безжалостно ползет вниз. На воде все еще продолжается небольшое

волнение, холодный, неприветливый ветер нагоняет грустное настроение. Сквозь разрывы плывущих облаков едва просматривается синее небо. Корабль на якорной стоянке Осиновецкого рейда. Мы совсем недавно вернулись из рейса и встали в ожидании дальнейших распоряжений штаба флотилии.

К борту подошел пассажирский транспорт с эвакуированными ленинградцами. Худые, истощенные люди — старики, женщины с детьми — медленно переступают по трапам.

Матросы, осторожно принимая детей, помогая нести скудный багаж, размещают пассажиров в два носовых кубрика.

Посадка закончена.

— По местам стоять, с якоря сниматься! — подает команду вахтенный начальник.

В первую шахту котельного отделения спускается мичман Асонов:

— Как дела, ребятки?

— Порядок, товарищ мичман.

— Вы уж постарайтесь. Сами понимаете — люди, детей много.

— Все будет нормально, товарищ мичман.

— Я надеюсь на вас, и чтобы пар на марке!

— Есть пар на марке, — отвечает командир отделения Арсений Копнов.

— А ну-ка, хлопцы, поштываем уголек ближе к топкам, — обращается он к своим подчиненным Логинову, Безгубову, Клименко, и закипела кочегарская работа.

Вместе со сторожевым кораблем «Пурга» следуем в сторону Новой Ладоги, чтобы переправить эвакуированных ленинградцев на Большую землю.

Несколько минут спустя над нами появляется немецкий самолет-разведчик и высыпает над кораблями осветительные ракеты. Вскоре «Конструктор» атакуют «юнкерсы». Бомбы летят одна за другой. Оторвало носовую часть,

полностью разрушило оба кубрика с находящимися там людьми, одновременно погибло около двухсот пассажиров и тридцать два члена экипажа. Эта трагедия произошла 4 ноября 1941 года.

Через деформированные переборки вода мгновенно заполняла смежные помещения, корма поднималась, дифференциал возрастал, корабль постепенно зарывался в воду. Надстройка мостика подалась вперед, произошло натяжение проводки, и завывли сирены. Через разорванные трубы со свистом вырывался пар, погас свет.

Очень слаженно и четко действовала в это время аварийная группа. Руководил работами по спасению корабля механик Можейко. Он личным примером вдохновлял подчиненных. Петр Александрович сам обошел котельные помещения, здраво оценил обстановку и начал спокойно отдавать распоряжения, кому чем заниматься, что выполнять.

Большая заслуга в обеспечении живучести корабля в тот критический момент принадлежит также мичману Новикову, боцману Хохлову, старшинам Струкову, Мохову, матросам Терехову, Лисову, Марушину, Волкову, Мельченко, Тараканову и другим. Они быстро заделывали пробоины, крепили переборки, устраняли течь, перекрывали люки, трубопроводы, не допуская поступления воды в корпус. Они спасли корабль и оставшихся в живых людей.

Погружение прекратилось, «Конструктор» держался на плаву, угроза затопления миновала. Находящиеся поблизости корабли, вероятно опасаясь взрыва наших котлов, не спешили приближаться. Первым, спустя некоторое время, подошел сторожевик «Пурга», затем конлодка «Нора» и другие. Они сняли с «Конструктора» оставшихся пассажиров и команду, кроме аварийной партии, отвели израненный корабль в бухту Морье.

В четырех километрах от Осиновецкой базы, на берегу бухты Морье, в ту зловещую осень 41-го года мы и похоронили в братской могиле останки своих боевых друзей.

Огромное горе переполняло нас, но разве можно сник-

нуть, разве можно поддаться унынию? Нет и нет! Мстить за каждого погибшего друга, мстить жестоко, мстить до победного конца, пока ни одного фашиста не останется на нашей земле. Так мы тогда поклялись.

Памятник погибшим был установлен уже в мирное время по инициативе живущих в Ленинграде конструкторцев М. Ф. Пантелеева, А. М. Мохова, С. П. Даниличева, З. А. Новикова, С. В. Семенова, М. Терехова и других, как дань памяти и глубочайшего уважения к павшим.

Сейчас красные следопыты Вагановской школы ухаживают за могилой наших товарищей.

Вот они — друзья суровой юности — смотрят на меня с альбомных страниц, смотрят и не знают, еще никто не знает, что им суждено лечь в землю на берегу Ладожского озера.

Это обаятельный, добрейшей души человек, командир котельных машинистов мичман Иван Иванович Асонов, на себе испытывавший нелегкую работу кочегаров.

Это мастер своего дела, наш кормилец, лучший приятель рулевого Задорина, погибшего месяцем раньше, старшина первой статьи корабельный кок Александр Чернышев.

Это старшина второй статьи машинист Антон Васильевич Марченко. Он исполнял также обязанности химиста. Именно Марченко во время артиллерийской дуэли с батареями противника поставил в нужный момент дымовую завесу. Корабль вышел тогда из боя без повреждений.

Это трюмный машинист Петр Неклюдов, стройный, высокий, красавец парень. Он так и погиб, свято веря в скорую победу. «Раз Ворошилов в Питере, будьте спокойны, он наведет флотский порядок», — ссылаясь на авторитеты, говаривал Неклюдов.

Это котельный машинист Алексей Безгубов. Шутник и плясун, он любил жизнь какая она есть. Возьмет, бывало, какого-нибудь новичка за подбородок: «Выше голову, салажонок!» — выдаст перед ним дробный перестук и пошел

дальше. Всегда с сияющей улыбкой, он никому не давал унывать.

Это рулевой Григорий Врчило, молоденький, прибывший на корабль за несколько дней до того страшного дня, не успевший по-настоящему привыкнуть к флотской жизни. Через десятки лет при содействии вагановских следопытов с Украины приехала на могилу сына его слепая мать. Стоя на коленях, она долго ощупывала дрожащими руками обелиск с гравировкой имен и, найдя среди тридцати двух фамилий свою, родную, рыдая, всем телом припала к памятнику. Затем стала целовать холодный мрамор и землю, приговаривая при этом: «Сын мой милый, нашла я тебя, нашла!»

С теми, кого я назвал, там, под холмиком, еще двадцать шесть моих товарищей: Александр Андреев, Георгий Бычевский, Иван Воробьев, Алексей Голышев, Николай Гудков, Александр Денисьев, Константин Ельшин, С. А. Захаров, Иван Иваненко, Михаил Калинин, Владимир Клименко, Василий Козлов, Федор Кузьмин, Михаил Логинов, Иван Мироненко, Дмитрий Мудрецов, Николай Павлов, Николай Попов, Михаил Родионов, Александр Смирнов, Нил Трофимов, Павел Трофимов, Яков Шашков, Юрий Юхнович, Арсений Копнов, Николай Янковский.

Вечная вам память!

8

Командование флотилии сначала намеревалось «Конструктор» списать, а экипаж расформировать по другим соединениям. Однако под напором наших настоятельных просьб — мы не мыслили остаться тогда вне своего корабля и экипажа — разрешило восстановить корабль.

Озеро тем временем сковало льдом. Наступила суровая блокадная зима. 20 ноября произошло очередное снижение норм хлеба.

Наш полуразбитый корабль стоял с крутым дифферен- том на нос далеко от берега, зажатый льдами, и все еще находился в критическом положении. Вмерзший в лед, он превратился в неподвижную мишень для вражеской авиации.

Часть команды сняли на берег. Для обеспечения живучести, ремонта и огневой защиты оставили всего тридцать человек.

С первых же дней нам пришлось на ходу осваивать смежные профессии: командиры превратились в прорабов и строителей, минеры, торпедисты — в плотников, рулевые с машинистами — в лесорубов.

На берегу озера, в устье речки Морье, соорудили примитивную строительную площадку, принялись за поиски корпусной стали, сварочных инструментов.

Рассматривая фотографию, где мы запряжены в сани. Она напомнила мне некоторые эпизоды той далекой бло- кадной зимы.

...Извилистая тропинка, по которой мы тащим дрова на самодельных санях, занесена сугробами. Сверху на санях хвойные ветки. Каждое утро доктор напоминает: «Ребята, не забывайте витамины наломать!» Он ежедневно угощает нас противно-горьким настоем и говорит, что это весьма полезное средство от голода и цинги.

В ту зиму мы перевезли на своих плечах более тысячи кубометров леса.

Голодаем, отекают ноги, мучаемся дистрофией, а тут еще снизили норму хлеба. Теперь нам положено только триста граммов и никакого приварка. Многие из нас, несмотря на запреты доктора, пили воду, чтобы заполнить пустой желудок, и еще более опухали.

Мирному населению было еще труднее. Жители города получали сто двадцать пять граммов хлеба, голод и холод изнуряли их. В Ленинграде в ту зиму ежедневно умирало голодной смертью по несколько тысяч человек.

— Хлеб принесли! Шахрай, твоя очередь делить!

Десятки пар истомленных глаз молча смотрят на стол, где с аптекарской точностью отрезаются трехсотграммовые пайки черного хлеба.

Сегодня отворачивается Степанов. «Кому? — Черкашину! — Кому? — Мохову! — Кому? — Новицкому».

Матросы наловчились резать хлеб так экономно, что на столе не остается ни единой мельчайшей крошки.

Только пережившие блокаду знают, как он дорог, этот маленький кусочек суррогатного хлеба!

Поверит ли никогда не голодавший, как мучительно и тяжело умирает человек от бессилия и дистрофии?

Право же, бегут мурашки по телу, когда вижу теперь, как безжалостно выбрасывается на улицу хлеб людьми, не знавшими, что такое голод.

Однажды на встрече с молодежью меня спросили:

— Что запомнилось больше всего о войне?

— Много разного, — ответил я, — но больше всего перевозка эвакуированных через Ладогу.

Особенно тяжело было смотреть на больных, измученных, голодных детей: кости, обтянутые кожей, да впалые безжизненные глаза, наполненные мольбой о помощи. Это ужасно. А что могли мы, простые матросы, сделать для умирающих детей, кроме того, что отдать вместе со скупыми нашими слезами свои пайки.

Вспоминается массированный налет на Осиновецкую базу в январе 42-го. Волна за волной девятками шли «юнкеры». В это время мы рубили лес за линией маскировки между Осиновцом и бухтой Морье.

Немцы сбрасывали бомбы на перевалочную базу и ее окрестности, они наносили массированные удары по местам сосредоточения продовольствия. Подобные налеты повторялись почти ежедневно.

Сперва заухали зенитки, потом застрекотали пулеметы.

— Значит, близко, — говорит Шелепов.

А вот и взрывы рядом.

— Ложись! — кричит боцман. Страшен лес во время

бомбежки. Земля содрогается, одни деревья вибрируют, издавая невероятно жуткие звуки, другие с треском падают, хвойные кроны разлетаются в морозном воздухе миллионами иголок, создавая своеобразную колючую пелену тумана.

— Наверное, перепахали, паразиты, всю базу. И когда только этому конец наступит? — спрашивает Шелепов.

— Не твоя забота! Вкалывай знай, — отвечает ему боцман.

— Эх, доля матросская! Лучше погибнуть в бою с фашистами, чем ни за грош пропасть в этом проклятом лесу.

— Чем недоволен? Места себе найти не можешь? Принимал присягу, вот и служи, где приказано, а то, видишь, лес ему не нравится!

— Я и служу! Но хочу с пользой жизнь отдать, чтобы память добрая осталась, а не быть только одним пушечным мясом. Мне, может, душу рвет на части, когда Левитана слышу: «Оставили, оставили...» А когда же брать станем?

— Тоже не твоего ума дело, когда прикажут, тогда и возьмем.

— Максимыч! — слышится голос Шахрая с другого конца делянки. — У нас сани раздавило, сосна на них лежит.

— Пашка, ты не горячись! Мы еще вправим мозги фрицам. Слыхал, под Москвой как их лупят? — вступает в разговор Генка Тараканов.

— Ну да! Под Москвой мы их, а здесь они нас. Тучами летают, обнаглели, гады. Вчера вон одна «этажерка» откуда-то выскочила, так ее с ходу три «мессера» заарканили.

— Хватит языками чесать! Разбазарились! Тараканов со мной, остальные — быстро за дело, — поставил точку боцман.

Отремонтировали сани, сложили бревна и — на корабль.

Неприветлива Ладога бывает не только осенью, но и зимой. Обильный снегопад и круговерть, трескучий сорокаградусный мороз, студеный, пронизывающий ветер, а в дополнение к непогоде — бомбежки и обстрелы.

Как-то вечером идем в упряжке с санями и провалились в заporошенную майну. Булькаем в ледяной воде, скользко, холодно. Шелепов надрыается истошным голосом:

— Гришка! Сом! Подавай скорее веревку!

Тот стал подавать, Шохина в майну столкнул и сам свалился. Под матерщину выкарабкались из майны. Одежда на морозе моментально задубела, словно черепаший панцирь, вода в сапогах хлюпает. Бросили дрова и что есть духу на корабль. Забрались в котельное отделение, там мичман Новиков.

— Ну что, ребятки, промокли? Снимайте пожитки.

А нас дрожь берет, зуб на зуб не попадает. Захар Андреевич — старый ветеран, еще в первую мировую с немцами дрался. Бывало, соберет нас на шкафут и повествует, как «Сибирский стрелок» воевал. Вот и в этот раз:

— В апреле это было, стояла эскадра в Гельсингфорсе. Финляндия тогда отошла от России. Зима суровая. Лед крепкий. Приказ от Центробалта: привести флот в Кронштадт и точка!

Мы обступили котел в костюмах Адама, прижались к горячим его стенкам и слушаем.

— Штаб, значит, на «Кречете», бывший «Полярис» английской постройки. Россия тогда еще не умела строить коробки, вот царь и заказывал англичанам. На подготовку — сутки. Идем: «Кречет» впереди, за ним «Ястреб», мы за «Полярной звездой», за нами сторожевички «Якорь» с «Русланом», а последними в кильватер подводные лодки пристроились. Идем на короткой дистанции. Морозы в ту пору крепкие стояли, весь Финский залив льдом покрыт. Корпус дрожит, сплошной скрежет, а двигаться надо. У сигнальщиков то и дело флажки мелькают: сбавить, прибавить. Хода нет, а уголек убывает. Да тут еще подлодки затерло, «Кречет» ушел им на выручку. А в это время у нас, как назло, корпус льдом прорезало. Ну, думаем, конец пришел «Сибирскому стрелку». Вода хлещет в машину, помпы не успевают отливать. Всю ночь команда ведрами

откачивала, руки в кровь. Уголь на исходе. Ломаем мебель, каютную обшивку, словом, все летит в топку. Глядим, с «Кречета» семафор: «Команду на лед, корабль затопить!» А мы: «Не пойдем с корабля, и баста!» Пробоины заделали, воду откачали. Многие не верили в успех дела, а все-таки в Кронштадт пришли. Так что головы не вешать, ребятки. Хуже было, да выстояли, а теперь хоть не большой, да паек, топливо под боком, сегодня вон Гриша Струков с Ивановым цементную заливку поставили. А что немцы часто бомбят, невелика беда!

Постояли мы еще немного, погрелись. Что ж, надо возвращаться обратно, за дровами. Нужно привезти их на корабль во что бы то ни стало, и не только потому, что там наше жилье. Там неустанно работают машинисты Терехов, Струков, Мохов, Лисов. В ледяной воде они заделывают пробоины, отрезают искореженную взрывом металлическую часть корпуса. Там действующая зенитная батарея. Комендоры Зайченко, Дмитриев, Журов несут дежурство и отражают налеты фашистской авиации. Сходим в лес и вторым рейсом, чтобы привезти бревна на строительную площадку, где полным ходом идет монтаж новой носовой части. Здесь успешно работает теперь уже третий командир корабля Георгий Иванович Жуков, а с ним офицеры М. Пантелеев, П. Черкун, Н. Филатов, С. Семенов, А. Першин.

Весенние ветры все чаще приводили в движение ледоходный лед. Появилась серьезная угроза сдавливания и без того уже деформированного взрывом корабельного корпуса. При усилении ветра льдины громоздились одна на другую, создавая торосы и взбираясь на палубу. Ледовая стихия буйствовала. Днем и ночью защищали мы свой раненый корабль. Пешнями крошили лед вокруг корпуса, в критические моменты применяли взрывчатку.

Много усилий было затрачено на то, чтобы сделать чертежи и по ним построить новую носовую часть корабля, чтобы спустить ее на воду, прибуксировать для стыковки и укрепить к основному корпусу. Большинство операций

выполнялось вручную, без заводского оборудования, однако экипаж достойно справился с этой сложной задачей.

Исключительную настойчивость и смекалку проявили в этой работе механик Петр Александрович Можейко, мичман Новиков, боцман Хохлов, доктор Даниличев, а также старшины и матросы Александр Мохов, Геннадий Тараканов, Григорий Сом, Петр Яшин, Борис Лисов, Михаил Терехов, Григорий Струков, Павел Шелепов, Василий Семененко... Все члены экипажа жили единой мыслью быстрее закончить ремонтно-восстановительные работы.

По сводкам немецкого командования, «черный крейсер» был давно уничтожен. Однако благодаря упорному труду, героическим усилиям экипажа корабль воскрес и снова готовился к боям.

9

Весть о том, что «Конструктор» жив и действует, мы донесли до врага меткими залпами своих орудий. С еще большей яростью стали моряки драться с фашистами.

Перелистывая альбом, я вновь и вновь вглядываюсь в родные лица моих товарищей. Помню, как сейчас, что и на суровой Дороге жизни в смертельной схватке с врагом они не теряли юношеской жизнерадостности.

Рулевой Василий Семененко горазд был на всякие услуги: бритву ли направить, под бокс кого постричь, подметки подбить, да так, что профессиональный сапожник позавидует. Увидит прохудившиеся сапоги у матроса и сразу: «Що, хлопче, не бачиш, що у тэбэ п'яты блищать? Скиды чоботи, зараз зроблю, гарны будуть». Через час-другой сапоги как новые. А Василь стоит рядом, улыбается. Сейчас Василий Минович на пенсии, живет в Запорожье, но до сих пор не покидает водную стихию, работает на Днепре капитаном одного из судов.

Вспоминается комсомольский секретарь, старшина второй статьи машинист Александр Мохов. Темно-русые воло-

сы, с небольшой лазурью и какой-то пульсирующей искоркой глаза, чуть подернутое веснушками лицо, приветливый, ровный, мягкий голос. Добродушный, простой был парень, каких, впрочем, много на флоте. Только изюминка какая-то была в нем, необычайная притягательная сила магнитом тянула ребят к нему. Где Саня, там всегда группа матросов его слушает. Помню, только что закончилась большая, жаркая стрельба, подходит запросто, по-дружески: «Пошли, ребятки, поможем комендорам гильзы собрать, устали ведь после сабантуя». Или первый затянет свою любимую «Раскинулось море широко». Иногда принесет бумагу: а ну, братва, подходи! Письма станем писать, невесты ждут ведь. Раздаст листки, а после сам же собирает фронтовые треугольнички, чтобы отдать их вестовому, отвечающему за корабельную почту. После войны Александр Михайлович демобилизовался, жил в Ленинграде, работал в порту механиком, в сентябре 1983 года скончался.

Во время одной операции наши десантники на берегу нашли медвежонка. Они подарили косолапому командующему Черокову, а вскоре адмирал распорядился отдать его нам. Трюмный машинист Гриша Сом привез мишку на корабль.

— У нас будет жить, — заявили зенитчики.

— Почему у вас? — возражает Генка Тараканов. — В нашем кубрике безопасней и шуму меньше.

— Много вы понимаете, — вмешался вестовой Новицкий. — Прежде всего к живности уважение надо иметь, теплоту душевную.

— Правильно, — подтвердил Петр Шохин. — Вестовому сподручней с косолапым возиться. У него времени больше и с харчами порядок.

На том и порешили: отдали топтыгина под наблюдение Николаю Новицкому.

Миша постепенно знакомился с палубами, кубриками, трапами. Спать устраивался где помягче, больше в кают-

компании на диване, или заберется на мостик, определит своим медвежьим чутьем, кто из офицеров на вахте, и бегом в каюту, на его постель.

Еще одна любопытная фотография. Митинг перед боем. Корабль в движении, личный состав собран на шкафуте. Заместитель командира по политчасти Павел Черкун сообщает о предстоящей десантной операции и ставит перед нами конкретные задачи, а мы стоим вокруг и внимательно слушаем.

Руководил Тулоксинской операцией командующий Ладожской военной флотилией контр-адмирал В. С. Чероков. Душа всех ладожцев. Удивительно спокойный и вежливый, в его разговоре постоянно звучали слова: «Пожалуйста», «Прошу вас». В них были уважение к достоинству человека. С восстановлением корабля, помню, прибыл он на борт для смотра. После дружного приветствия Виктор Сергеевич велел распустить строй и в плотном матросском окружении повел с нами душевную беседу: спрашивал о ремонте, настроении, о прошлых и предстоящих боях. Мы потом долго восхищались адмиралом.

...«Конструктор» в составе восьмидесяти вымпелов приближается к месту высадки десанта. Мы снова обрели ранг флагманского корабля, утраченный нами осенью 1941 года.

Непосредственно высадкой командовал капитан первого ранга Н. И. Мещерский, волевой, опытный офицер, человек редкого обаяния. Он постоянно находился на мостике и через офицера связи спокойно отдавал необходимые распоряжения.

23 июня 1944 года на рассвете подходим к берегу, на корабле объявляется боевая тревога. Мещерский совещается с командиром корабля Н. И. Мартыничевым — это у нас уже четвертый за время войны командир корабля. На палубах, в машинных отделениях, на мостике, у орудий — всюду царит боевое настроение.

Рулевой Василий Семененко стоит у штурвала, строго

удерживая корабль на курсе, орудийные расчеты готовы по первому сигналу открыть сокрушительный огонь.

Под адмиральским флагом приближается «морской охотник», на нем командующий краснознаменным Балтийским флотом адмирал В. Ф. Трибуц. Он приказывает ускорить операцию.

— Пока не опомнились, высаживайте быстрее! — кричит адмирал в рупор.

Владимир Филиппович Трибуц пользовался большой популярностью на флоте, несмотря на свой жесткий характер. Часто адмирал посещал Ладогу. Однажды осенью 41-го прибыл на «Конструктор». Корабли флотилии тогда занимались эвакуацией сухопутных войск с северных берегов озера на остров Валаам. Я стоял у штурвала, наш корабль вел артиллерийский обстрел вражеских батарей и одновременно сам находился под перекрестным огнем. Вода вокруг кипела от снарядов. Адмирал с биноклем на шее, чем-то неудовлетворенный, быстро расхаживал по крыльям мостика и то и дело давал указания командиру корабля.

Мы продолжали стрелять, приближаясь к батареям противника.

Трибуц приказывает поставить дымзавесу. Однако на этот раз химист почему-то замешкался. Адмирал повторил приказ, а дыма все нет и нет. Командир корабля немедленно посылает на ют офицера выяснить причину. Опасность поражения с каждой минутой возрастает, снаряды, несущие смерть, ложатся все ближе и ближе.

— Расстрелять мерзавца! — произносит адмирал. Но в это время за кормой появилась густая стена спасительного дыма, а химиста уже успели посадить под арест.

После окончания операции командир спросил адмирала, что делать с арестованным. «Разберитесь и накажите своей властью!» — резко ответил Трибуц. А у химиста от переживаний поседелли волосы.

...Наступил момент артиллерийской подготовки. Мещер-

ский дает сигнал. «Конструктор» из трех орудий главного калибра открывает огонь, загрохотали и тяжелые пушки конлодок. На берегу взметнулись всполохи огня и дыма. Противник открыл ответную стрельбу.

Расчеты орудий бьют по вспышкам береговых батарей.

— Ох, и накостыляем фашистам! У меня особые счеты с ними! — приговаривает подносчик снарядов Николай Сердюк, подавая в ствол очередной снаряд. — Это за погибшую мать, это за измученную Украину!

Позднее Николай Павлович был удостоен медали «За боевые заслуги».

В небе появилась красноезвездная авиация. Вражеские пушки внезапно замолкают. Корабли переносят огонь с прибрежной полосы вглубь. Тендера, шлюпки, «каэмки» с десантниками под прикрытием дымовых завес подходят к берегу. Морские пехотинцы прыгают в воду и, стреляя на ходу, устремляются вперед. Завязывается рукопашный бой.

Вместе с десантной группой мы высаживаем четырех своих корректировщиков: Николая Ермолова, Александра Смирнова, Петра Шохина и Семена Дмитриева.

— Как настроение? Индивидуальные пакеты не забыли? А гранаты?

— Полный порядок!

— Ну, ни пуха! Береги ребят, — давая последние наставления, напутствует Даниличев командира корпоста главстаршину Ермолова.

Тем временем с криком «Полундра!» десантники отбивают контратаки врага, метр за метром расширяя плацдарм.

Корректировщики отправляются в путь.

Снаряды, с учетом корректировки, ложатся точно в цель. Враг бежит, оставляя трофеи и убитых.

Первые месяцы наш медвежонок боялся стрельбы. Услышит залпы и давай носиться по палубам, затем уткнется мордой в угол и до отбоя словно неживой. Потом осмелел,

пушки стреляют, а он с пустыми гильзами возится. Как только слышит сигнал: «Команде обедать»! — первым встает в очередь на камбуз. Очень уж компот по душе косолапому пришелся. Выпьет свою порцию и еще просит. Стоит у порога и миску в лапах держит, урчит. Не видите, дескать, за добавкой пришел. Стоит в тельняшке, будто взаправдашний моряк. Это его Новицкий нарядил. А однажды топтыгин бежал мимо бачка, неосмотрительно оставленного коком, учуял запах компота, запустил в него с ходу лапу да и опрокинул на себя.

— Эх, мать честная! — закричал Лисов. — Морская-то душа нас без компота оставила!

Тосковали матросы порой по дому, по мирной жизни, может, потому и привязались к медвежонку, баловали его. Он отвечал нам взаимностью. Притаится где-нибудь за тумбой, нападет неожиданно, схватит за брюки, мотнет головой так, что лоскутья летят, отпустит, отбежит и снова маневр повторяет. Это значит, по его медвежьему соображению, приглашает поиграть с ним в прятки. Однажды Шелепов разозлил косолапого, так тот свалил его на палубу и давай мять, едва разняли.

...Катера бегают между кораблями и берегом, доставляя десантникам подкрепление и боеприпасы. Появилась вражеская авиация. Фашисты пытаются перейти в контратаку. Весь день не затихает схватка на берегу. Однако главное сделано — вражеская оборона прорвана. Десантники под прикрытием корабельной артиллерии продвигаются все дальше, расширяя плацдарм вглубь и по фронту. Они уже перерезали железнодорожный путь, разбили товарный эшелон и захватили подбитый бронепоезд.

Зенитчики открыли ураганный огонь по самолетам противника.

Не удалось фашистам провести прицельное бомбометание. Попадая в вихрь огня, самолеты отворачивали и уходили прочь.

— А, не по зубам! Метнулись как черт от ладана! Это

вам не сорок первый год! — восклицает командир зенитчиков Сергей Семенов.

В небе над кораблем показался еще один немецкий хищник. Его тотчас же встречает зенитным огнем Серебренников.

— Получайте, фашисты! Это за израненный корабль! Это за погибших товарищей! — кричит Николай, посылая очереди в сторону «юнкерса».

— Что, Николай, жарко? — спрашивает Серебренникова Иван Вербицкий.

— Так война ведь. Без этого нельзя, — отвечает зенитчик, вытирая тельняшкой потное лицо.

— Задымил, задымил фриц! — машет Шелепов, показывая в сторону горячей машины.

В этом бою Николай Серебренников показал себя длинным мастером зенитной стрельбы, за что был награжден медалью Нахимова.

Я стою у штурвала на открытом мостике, подо мной в трех метрах ухает пушка главного калибра. От грохота болят уши. Командир орудия Антон Журов, надрываясь, хриплым голосом командует:

— Залп! Залп!..

Упругая воздушная волна ударяет в лицо, едкая пороховая гарь ест глаза.

Высадка десанта идет успешно, согласно заранее разработанному плану.

Николай Иосифович Мещерский ни на минуту не покидает мостик, кратко и деловито переговаривается с офицерами.

Наши корректировщики продолжают свою работу.

— Молодцы, ребята, ах какие молодцы! Саша, отстучи, чтоб в этот квадрат еще шарахнули несколько гостинцев. Там какое-то оживление техники вижу. Да похвали пушкарей, уж больно точно бьют, — не отрывая глаз от бинокля, говорит Ермолов.

После успешного завершения Тулоксинской операции

наши друзья благополучно возвратились на корабль. Шохин потом рассказывал:

— Лупят фрицы, холера их возьми, головы поднять не дают. А мы по-пластунски: морду в песок. Пули — вжик-вжик! Удивительно, как вырвались из этого пекла. Повезло, знать.

Через некоторое время сам командующий Виктор Сергеевич Чероков перед строем, вместе с другими, награждал их. Николаю Ермолову, Семену Дмитриеву вручил орден Красного Знамени, а Петру Шохину и Александру Смирнову — орден Красной Звезды.

10

Вспоминаю еще один эпизод, касающийся наград. Как-то послали меня по служебным делам в Ленинград, и вот я на Финляндском вокзале.

— Эй, морячок! Пропустим из моей.

Бултыхая фляжкой, ко мне подходит, опираясь на костыль, небритый солдат. Протягивает могучую руку с широкой пятерней.

— А крепко, вообще, у вас на море. Я-то знаю. Мы в сорок первом через Ладогу дивизией. Оно ведь, море-то, с берега только глянется. Вот так, браток! Страшновато, жуть, знаю вашу службу. Я — из бондаревской, слышал, может? Волна хлещет, трюм до отказа, все-то в баржу не ушли, да еще пушки с нами. Ну, сто шестьдесят восьмая гвардейская, не знаешь, что ли?

— Знаю, перевозили вашу дивизию в сорок первом.

— Вот, вот, она самая. Слушай, браток, корабль-то, может, твой был? Вроде «Буря» звали. Там еще матрос рыжий был, силища огромная, вставил лом в какие-то кнехты, согнул в дугу и говорит: «Разгибай, солдат». Пробовал — ни черта не получилось. Помнишь?

— Нет, такого не было.

— Они нас приперли к самой воде. А что мы с винтов-

ками, с одной обоймой к стволу? Вначале-то на баржах драпанули. Шхера узкая. Мины — «ах! ах!» — с двух сторон. Ну, значит, на Валаам. Если бы не вы, карачун нам пришел. Ну, браток, ой полегло там ребят. Потом вот на этот самый, двухтрубный. Палуба в воде, ветер ревет, а шинелишка — сам знаешь. Они, гады, жужжат, на головы бомбы сыплют. Ну, содом, я те скажу. Братва ваша зенитками, мы из винтовок. Улетели. Высадили нас, значит, против крепости, на луга. Вспомнил ведь корабль-то, «Пургой» назывался.

— Погиб твой корабль.

— Как погиб?

— Разбомбили осенью сорок второго.

— Вот так клюква! Эх, житуха, браток, вот она — жизнь-то наша — копейка! Знаешь, наверное, Андрея Леонтьевича, комдива нашего? Во мужик! Ох и смельчак, я те скажу. Ни бога, ни черта не боялся. Потом под город Пушкин нас бросили. Там садануло в бедро, отлежался в санбате и в наступление. Ну, думаю, теперь рвану по фрицам. Дивизия — за Нарву. И надо же — снова в госпиталь. Ах, ты, пропади пропадом, ногу оттяпали. Не жизнь, а маета. Я ему: доктор, может, не надо, а он — сожми, говорит, зубы крепче, если жить хочешь. Только обидно, браток, отправляюсь по чистой, а вот...

Он недоговорил, поморщился, глаза повлажнели, устался на меня, как бы решая для себя что-то важное.

— Слушай, братишка, продай! — Солдат кивнул на мою единственную медаль. — Мне домой, а ты, даст бог, еще заслужишь.

— Ты что, солдат, рехнулся?

— Тогда одолжи, покажусь землякам и возверну, вот-те крест.

— Да ты в своем уме? К ней ведь документ требуется.

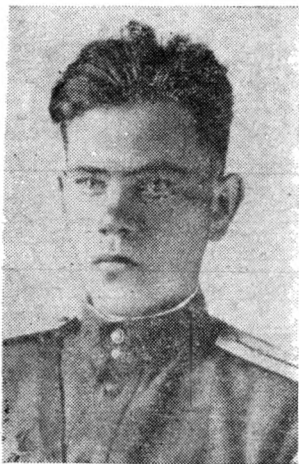
— Кто там его спросит, я не на вовсе прошу, а?

После того разговора я долго не мог прийти в себя. С одной стороны, подумалось мне, разве можно носить

незаслуженную награду, а с другой — стало жалко солдата. Прошел он огонь, воду и медные трубы, кроме всего прочего, весь в шрамах да без ноги. Появится дома, что скажут родные, соседи? До чего же ты, солдатик, дослу-жился? Ногу потерял, а, кроме тряпишных полосок о ранениях, на просоленной гимнастёрке ничего и нет.

Я и теперь нередко вспоминаю того солдата и вместе с ним нашего пулеметчика Сергея Бетина, который вот так же отправился домой без руки и без наград. А сколько их всего было, потерявших здоровье, ничем особо не отмеченных, незаметных героев войны!

Да, нелегкая судьба выпала на долю моего поколения, в беспокойное время нам привелось жить. Что ж, как говорят, судьбу не выбирают.

Валентин Иванович Чуприянов. Родился в Чермозе Пермской области. Воевал в партизанских отрядах на территории Венгрии, Чехословакии. Уволен в запас в звании полковника медицинской службы. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени, двумя медалями «За боевые заслуги», медалью «Партизану Отечественной войны» II степени, многими зарубежными орденами и медалями. В настоящее время живет в Москве.

В. И. ЧУПРИЯНОВ

ТРУДНЫЕ БУДНИ ВОЙНЫ

В конце марта 43-го года меня приняли кандидатом в члены ВКП(б), а 10 апреля по весенним, размытым половодьем дорогам, с небольшой группой чермозян, имевших отсрочки от призыва в армию по состоянию здоровья, я пешком ушел из Чермоза на станцию Григорьевская, чтобы оттуда уехать по железной дороге в Пермь для поступления в Пермское (в то время Молотовское) военно-медицинское училище.

До Григорьевской добрались только на четвертые сутки. Из-за ранней весны небольшие речушки, впадавшие в Каму, разлились в полноводные реки, через которые приходилось переправляться

с большим трудом на всевозможных подручных средствах.

15 апреля 1943 года приказом по училищу меня зачислили в списки курсантов и поставили на все виды довольствия. Так началась моя военная служба, с которой меня уволили в запас лишь 15 сентября 1983 года.

Наша рота размещалась по улице Карла Маркса, рядом с Пермским пединститутом, в деревянном особняке, отгороженном от улицы высокой оградой с двумя арочными воротами. У ворот, выходящих на улицу Карла Маркса, располагался КПП. Вторые ворота были закрыты. Учебные классы и спальные помещения размещались в небольших комнатах, в которых до нас, видимо, были кабинеты какого-то областного или городского учреждения. Спали повзводно на трехъярусных нарах, как сельди в бочках. По ночам задыхались от спертого воздуха. Открывали окно, но это не спасало.

Столовая училища располагалась на этой же улице, в здании средней школы. Туда ходили, как положено, три раза в день — строем, с песней. Чаще всего наш запеваля Веня Лирцман начинал любимую:

Урал! Сыны твои клянутся,
Что будут все героями страны.
Урал, с победою вернутся
В родимый край отважные сыны!

В расположении курсантской столовой перед обедом разучивали под духовой оркестр новый Государственный гимн, после исполнения которого садились за столы и в бешеном темпе ели. Некоторые из маменькиных сынков (были и такие) в отведенное время не успевали закончить трапезу и по команде старшины Жолмухаметова с тоской во взоре покидали столовую, оставляя на столах недоеденные щи или кашу. К счастью, твердый армейский порядок они вскоре усвоили не хуже других, и на столах после них, кроме грязной посуды, ничего уже не оставалось.

Роту нашу сформировали в основном из десятиклассников 1924—1925 годов рождения, уроженцев различных

областей Урала. Среди курсантов оказалось немало сыновей эвакуированных на Урал известных писателей, поэтов, художников, скульпторов, композиторов, музыкантов.

Курсантами стали и несколько бывших комсомольских работников. Они ранее имели бронь и по возрасту были на четыре-пять лет старше нас. Должности младших командиров занимали сержанты-фронтовики с семилетним образованием, прибывшие из госпиталей после ранений. Все они были кадровыми красноармейцами довоенного призыва. В отличие от нас, учились сержанты по специальным предметам неважно (сказывался низкий уровень общей подготовки), но службу знали и дисциплину во взводах держали крепко. Мы боялись их больше взводных и командира роты лейтенанта Астафьева, культурного и интеллигентного человека, никогда не оскорблявшего курсантов и по-отечески относившегося к нам.

Что касается командования училища во главе с полковником медицинской службы Петром Антоновичем Огурцовым, то оно, по нашему мнению, начиная с командира батальона капитана Мерцалова, не очень вникало в детали жизни и быта курсантов. Особенно страдала от такого невнимания специальная подготовка по медицинским дисциплинам. Зато по строевой подготовке училище прочно держало первое место среди частей и военно-учебных заведений Пермского гарнизона.

Спустя много лет, где-то в середине семидесятых, в Министерстве обороны мне довелось встретиться с П. А. Огурцовым, в то время уже генерал-майором медицинской службы. Он, конечно, не узнал во мне, полковнике медицинской службы, своего бывшего курсанта. После беседы по служебным вопросам я напомнил ему о Перми, о наших курсантских буднях в возглавляемом им в те военные годы училище и спросил о причинах пренебрежения к подготовке курсантов по специальности. Петр Антонович внимательно посмотрел на меня сквозь затемненные стекла очков в черной роговой оправе и коротко от-

ветил: «Время такое было!» Больше мы с ним не встречались...

В декабре 1943 года, в связи с предстоящим расформированием училища, нашу роту для завершения курса обучения перевели в Ленинградское военно-медицинское училище имени Н. А. Щорса, эвакуированное в Омск.

Сразу же после прибытия роты в Омск начальник Ленинградского училища подполковник медицинской службы Георгиевский с группой своих офицеров проэкзаменовал нас по всем предметам и ужаснулся убожеству наших медицинских познаний. Правда, по военным дисциплинам, стрелковому делу и, конечно, по строевой подготовке мы оказались на голову выше местных курсантов. До выпуска оставалось полгода. Нам срочно перекроили программу по медицине. Упор делался на те предметы, которые с первых же дней могут понадобиться нам как военфельдшерам на фронте. Учебный день был удлинен до 10—12 часов в сутки. Выходные отменялись. Сократили роте и количество нарядов по училищу.

Высокая общая подготовка большинства курсантов роты в сочетании с профессионально разработанной программой обучения дали положительные результаты. Мы перестали «бояться» больных на практике в местных больницах и клиниках, научились самостоятельно делать инъекции и другие предусмотренные программой процедуры в отделениях больниц и в амбулаториях, надлежащим образом ухаживали за больными.

30 июня 1944 года состоялся наш выпуск. Нам вручили свидетельства о присвоении всех прав фельдшеров наравне с окончившими фельдшерские школы Наркомздрава СССР.

Одновременно приказом начальника тыла Красной Армии мне, как и другим выпускникам училища, присвоили первое офицерское звание — младшего лейтенанта медицинской службы — и зачислили в распоряжение начальника Главного военно-санитарного управления Красной

Армии. В порядке поощрения я получил краткосрочный отпуск на родину.

Повидавшись с родными, близкими и бывшими сослуживцами в Чермозе, сделав неотложные работы по дому, я возвратился на пароходе в Пермь, откуда первым же поездом уехал в Москву.

Столица встретила нас по-военному строго. Война наложила свой отпечаток на ее вокзалы, площади, улицы, на самих москвичей. Через неделю, в числе шести добровольцев, выпускников училища, я убыл в распоряжение начальника Украинского штаба партизанского движения. Этому назначению предшествовали беседы с нами высоких медицинских начальников, смысл которых сводился к одному — нам оказывалось особое доверие.

* * *

Киев еще переживал радость недавнего освобождения от фашистской оккупации. Гитлеровцы были вышвырнуты из столицы Украины советскими войсками чуть более восьми месяцев назад. Улицы были расчищены, но город лежал в развалинах. Угнетающее впечатление произвели руины Крещатика.

Минул июль. К концу подходил август. Погода на Украине в это время несравнима с уральской. Мы объедались овощами и фруктами, доступными здесь по цене даже нашему лейтенантскому карману.

В Святошино, под Киевом, куда нас с ходу направили после прибытия из Москвы, началась подготовка к десантированию в тыл врага.

Кормили нас по военному времени отлично. Сдав продаттестат в штаб здешней партизанской школы, мы не заботились о питании. Фрукты, свежие овощи и кое-что еще, о чем, согласно поговорке, «сказать нельзя», считались сверхпайковым довольствием.

В тот период при Святошинской школе формировались

и обучались основам партизанской борьбы в тылу врага организаторские группы для последующей переброски в Румынию, Чехословакию, Венгрию. Группы формировались под руководством ЦК компартий этих стран из антифашистов. В их состав были включены советские интернационалисты, как правило, из числа партизан. Их немало прибывало в Святошино после расформирования партизанских соединений.

Неожиданно среди вновь прибывших партизан я встретил земляка, сына чермозской учительницы Васевой. Васев был старше меня года на четыре, поэтому, как водится, первым узнал его я. Он обрадовался до слез, что встретил чермозянина. Подробно расспрашивал о земляках, о своей матери и семье. Хотя мои чермозские новости имели более чем годовую давность, он слушал с большим интересом.

Васев в свою очередь рассказал историю своей военной службы. В первый же день войны часть, в которой он служил, вступила в тяжелые бои с фашистами и через несколько дней была разбита. Вместе со своим земляком Сергеем Паламожных, в составе группы из 18 человек, они пошли на восток. Однако далеко уйти не смогли. Спустя несколько дней их окружили гитлеровцы. С большим трудом прорвали кольцо окружения, но до фронта так и не дошли. Паламожных ослабел и не мог идти дальше, он остался на месте боя. О его судьбе Васеву ничего не известно. Васев не исключал, что в том бою Паламожных мог быть убит или тяжело ранен. Он очень сожалел, что в горячке внезапного боя не заметил потери земляка.

Дальнейшая военная служба забросила Васева в партизаны, с которыми он прошел в тылу врага свой боевой путь до соединения партизанского отряда с Красной Армией.

Не зря говорят в народе, что мир хотя и велик, но тесен...

На первых порах меня зачислили в румынскую парти-

занскую организаторскую группу, но в конце августа 1944 года в Румынии в результате народного восстания была свергнута фашистская диктатура. Румынская армия выступила против фашистской Германии. Надобность в переброске партизанских групп в эту страну отпала. Румынские антифашисты уехали на родину, а мы остались в Святошино.

Через несколько дней последовало новое назначение — старшим фельдшером отдельной венгерской партизанской бригады Якова Мефодьевича Кузнеця. Бригады, как таковой, еще не существовало. Ее надо было сформировать в Венгрии из местных патриотов и боевых партизанских групп, которые должны были вылететь с Большой земли после десантирования в Венгрии организаторской группы Кузнеця и Молонтай. О Молонтай мне было известно, что он, будучи военным служащим венгерской хортистской армии, попал в советский плен. В плену его политические убеждения изменились, и Молонтай поступил в Красногорскую антифашистскую школу Коминтерна. Остальных венгров нашей группы я не знал. Да и не принято было иметь информацию о каждом из нас никому, кроме командира.

Вскоре завершилось формирование организаторской группы. Все 46 человек получили личное оружие, автоматы, несколько ручных пулеметов, гранаты, патроны, парашютные мешки со специальным грузом (взрывчатка, медикаменты, хирургические инструменты и перевязочный материал). Я. М. Кузнец и здесь остался верен себе. Он прибыл в Святошино со своим карабином, с которым не расставался в партизанских рейдах по Украине. С ним же собирался лететь и в Венгрию.

Что касается специальной подготовки, то она была короткой. Нас ознакомили с особенностями парашютного прыжка. Несколько занятий по подрывному делу провели минеры, обучившие нас установке мин на местности. Минеров сменили топографы и связисты. Затем мы с на-

чальником санитарной службы бригады Надеждой Филимоновной Солодюк провели с партизанами практические занятия по оказанию помощи при ранениях.

В конце обучения все партизаны пристреливали закрепленное за ними оружие, бросали из-за укрытия ручные гранаты и слушали свист осколков после их взрыва. Особенно это пригодилось тем, кто метал гранаты не в полную силу, и они разрывались на небольшом расстоянии.

На заключительном этапе подготовки с нами встретился представитель Центрального Комитета Венгерской коммунистической партии Шандор Ногради, рассказавший об обстановке в Венгрии, наших задачах по развертыванию партизанского движения в этой стране, историческом значении интернациональной помощи советских людей в освобождении венгерского народа от фашизма. Ногради неплохо говорил по-русски, он несколько лет прожил в Советском Союзе.

В его словах чувствовались озабоченность и тревога за нашу судьбу. Для этого были причины. Наша организаторская группа летела в Венгрию четвертой или пятой по счету. Предыдущие бесследно исчезли. Их радики молчали, не отвечая на запросы радистов УШПД — Украинского штаба партизанского движения.

Все это, естественно, беспокоило ЦК Венгерской компартии. Среди командиров групп, улетевших в Венгрию, были венгерские антифашисты Мартон Сёньи, Иштван Декан, Дьюла Уста. Некоторые из них, например И. Декан, имели опыт партизанской борьбы на Украине. Этот венгерский антифашист получил боевое крещение в соединении уроженца Пермской области Героя Советского Союза Михаила Ивановича Наумова.

Несколько наумовцев оказалось и в нашей организаторской группе. Командир бригады Я. М. Кузнец был у Наумова начальником штаба. Наш начштаба Виктор Васильевич Михайловский — командиром взвода. Бывший начальник санитарной службы наумовского соединения

Н. Ф. Солодюк добровольно прибыла в Святошино, чтобы принять участие в боевых действиях в Венгрии.

Имя М. И. Наумова сейчас широко известно.

М. И. Наумов — уроженец села Большая Соснова Пермской области. За большие заслуги перед Родиной в деле организации партизанского движения на Украине 7 марта 1943 года он был удостоен звания Героя Советского Союза, а в апреле того же года капитану Наумову было присвоено внеочередное воинское звание генерал-майора.

Известный украинский партизан, Герой Советского Союза П. П. Вершигора в книге «Рейд на Сан и Вислу» так описал это событие. Верховный Главнокомандующий узнал о налете наумовцев на район ставки Гитлера под Винницей. Сталин сказал: «Несолидно как-то получается. Нехорошо, капитан и вдруг по ставке Гитлера ударил. Надо дать ему генерала»*.

В 1965 году я был в Будапеште в составе группы партизан, членов советской военной делегации, на праздновании 20-летия освобождения Венгрии от фашизма. В те дни мне довелось лично познакомиться с М. И. Наумовым и даже подружиться с ним. Вечерами в гостинице мы вспоминали Урал, Пермь, родное Прикамье, его боевых друзей, с которыми мне приходилось встречаться в Венгрии и Словакии. Я спросил Михаила Ивановича и о достоверности описанного П. Вершигорой эпизода с присвоением генеральского звания. Он улыбнулся и отшутился: «Что-то в этом роде».

Однако вернемся в 1944 год. Поздним вечером 6 сентября с одного из военных аэродромов под Киевом поднялись в воздух два военно-транспортных самолета типа «Дуглас» и взяли курс на запад. Наша организаторская группа разместилась в обоих самолетах примерно поровну. В последнюю минуту перед посадкой Кузнец, внимательно посмотрев на меня, почему-то приказал перейти

* Вершигора П. Рейд на Сан и Вислу. — М., 1960.

в его самолет, хотя при последующих наших встречах в послевоенные годы он так и не объяснил мне своего решения.

На аэродроме нас тепло напутствовал Шандор Ногради. Спустя двадцать лет, в апреле 1965 года, во время моей поездки в Венгрию, мы снова встретились с этим мужественным человеком. Ш. Ногради рассказал, что после нашего вылета из Святошино в УШПД еще раз всесторонне проанализировали причины неудач. Было решено в случае провала группы Кузнеця дальнейшую переброску осуществлять через партизанские базы в Словакии с последующим переходом антифашистов на территорию Венгрии.

Основной причиной неудач переброшенных в Венгрию из Советского Союза групп, по словам Ногради, была строго продуманная хортистским генштабом система борьбы с развертываемым партизанским движением.

Изучение документов хортистского генштаба в послевоенные годы показало, что в 1944 году был издан специальный циркуляр № 3530, в котором командиры, военные и гражданские начальники всех степеней строго предупреждались о появлении на территории Венгрии советских парашютистов-диверсантов. Особо подчеркивалось, что всякого рода партизанская деятельность направляется из Москвы.

В целях организации по всей стране эффективной борьбы против советских десантников, агитаторов и партизан было намечено, опираясь на поддержку нацистских служб безопасности, создать единое командование по борьбе с партизанами под руководством начальника Генерального штаба Венгерской королевской армии. Ответственность за захват или уничтожение партизанских групп на местах возлагалась на соответствующих командиров армейских корпусов или военных комендантов районов, где армейские корпуса не дислоцировались. При появлении советских самолетов они обязаны были немедленно доло-

жить об этом, указать места и время выброски десантов, принять меры для выявления и захвата в плен радистов, а впоследствии использовать все возможности для организации радионгры.

К сожалению, этой информации в ночь на 7 сентября 1944 года мы не имели.

...В заключение беседы Ногради немного рассказал о себе и судьбе своей группы, которую перебросили после нас в Словакию, где, согласовав свои действия с Главным штабом партизанского движения в Словакии, он сформировал отряд из венгров-антифашистов, партизанивших здесь. Перейдя в один из приграничных районов Венгрии, группа Ногради до прихода советских войск наносила ощутимые удары по гарнизонам и коммуникациям врага.

В послевоенные годы генерал-лейтенант Шандор Ногради активно участвовал в строительстве Венгерской Народной Армии, возглавлял Центральную Контрольную Комиссию Венгерской социалистической рабочей партии.

* * *

Если не считать трех зенитно-артиллерийских обстрелов нашего самолета, то можно сказать, что мы благополучно пролетели над линией фронта и на рассвете 7 сентября приземлились на венгерской территории.

При отделении от самолета у меня сорвало кепку с головы. Кроме того, во время раскрытия парашюта оборвалась лямка санитарной сумки на правом боку. Вот, собственно, все неприятности, которые я испытал при своем первом в жизни парашютном прыжке. Было еще темно, и пока я правой рукой придерживал санитарную сумку, а левой проверял наличие навьюченных на меня грузов и оружия, парашют довольно плавно опустил меня на вспаханное поле. Я погасил, как учили в Святошино, купол, зарыл парашют в землю и пошел искать своих. Группа с нашего самолета собралась довольно быстро и без

потерь. Правда, у одного из венгров оказалось растяжение связок голеностопного сустава. Пострадавшему наложили фиксирующую повязку. Прошло больше часа. Нашли и закопали в землю мешки с грузами, освободив их от грузовых парашютов, которые зарыли отдельно. Мы надеялись, что все грузы заберем после того, как закрепимся здесь. Удивительно было то, что в районе нашего приземления оказался не лес, а поле.

По команде Кузнеца мы двинулись в путь. Вскоре вошли в лесок, больше похожий на городской парк, и отчетливо слышали чужую речь и лай собак.

Рассвело. Мы забрались на небольшую горку, попавшуюся на пути. Кузнец, посмотрев в бинокль, произнес: «Засекли, черти!» Я оглянулся и увидел, как за нами, то исчезая, то показываясь из-за деревьев, охватывая горку полукольцом, шла цепь вражеских солдат. Впереди виднелось шоссе, забитое автомашинами с хортистами.

Начался неравный бой. По приказу командира радист Бутенко успел передать в Киев короткую шифровку о том, что мы окружены и ведем бой.

Двое суток, непрерывно маневрируя в кольце вражеских солдат, мы упорно пытались вырваться из квадрата четырех перекрещивающихся шоссе.

В ходе преследования один за другим гибли наши товарищи. Убили радиста. Пришлось уничтожить рацию и шифр. Раненые отстреливались до последнего патрона, прикрывая отходивших. Последний выстрел они берегли для себя.

К исходу дня 8 сентября нас осталось четверо: Кузнец, Михайловский, Солодюк и я. Мы вновь оказались на горке, встретившейся на нашем пути в первое утро после приземления. Не хотелось думать о том, что приближается наш последний бой. В те минуты верилось, что опытный партизанский командир Кузнец найдет способ вырваться из кольца карателей и прийти в район встречи с группой партизан со второго самолета.

Измученные невыносимой жаждой, голодные, босые, мы уже не имели физических сил, чтобы покинуть во второй раз приютившую нас высотку. Обреченные, казалось, на неминуемую гибель, мы залегли в ожидании схватки с врагом.

Кузнец поделил между нами секторы обстрела. Договорились, что последний патрон каждый оставляет для себя, а если по какой-либо причине кто-то не сможет воспользоваться им, то оставшийся в живых выстрелом в висок поможет своему товарищу избежать неизбежных мучительных пыток. Я понял, что партизаны, не раз смотревшие смерти в лицо, сомневались в моей способности покончить с собой и этот вариант помощи предназначали для меня. Было обидно, но я промолчал.

В моем секторе обстрела на склоне высотки желтела выгоревшая на солнце трава. Чувствовалось, что в районе нашего приземления давно не было дождей. Высохла даже небольшая речушка, русло которой мы неоднократно пересекали при наших перемещениях в поисках выхода из кольца окружения.

Метрах в тридцати у подножия высотки виднелся невысокий кустарник. Неожиданно из него раздался голос, несколько раз на ломаном русском языке повторивший одну и ту же фразу: «Рус! Давай ППС*! Рус! Давай ППС!»

Мы не отвечали и ждали дальнейших действий врага. Патронов оставалось не больше, чем на полчаса хорошего, но расчетливого боя, а ручных гранат — всего несколько штук.

Я крепче сжал свой ППС. Магазины с оставшимися патронами лежали рядом. Здесь же финский нож, пистолет, санитарная сумка и отдельно два перевязочных пакета.

Страх не было. Его притупили смертельная усталость и жажда.

* ППС — пистолет-пулемет системы Судаева, образца 1943 г.

Неожиданно кусты раздвинулись, и я увидел голову в офицерской фуражке. Не раздумывая, нажал на спусковой крючок. Офицер вскочил в полный рост, сделал несколько шагов в мою сторону и медленно повалился на землю. Это был первый убитый мною враг, смерть которого я видел собственными глазами.

Почти одновременно со мной открыли огонь Кузнец из карабина и Солодюк из трофейного немецкого автомата. Они в упор, метров с пяти-шести, расстреляли подползших к ним четверых карателей. В сектор Михайловского полетели ручные гранаты, которые он перехватывал на излете и кидал обратно. Одну из гранат он перехватить не успел, и она разорвалась у меня за спиной. Осколками обожгло поясницу. Обернувшись в эту секунду Кузнецу несколько мелких осколков впились в лицо. Солодюк, находившаяся рядом с командиром, оказала ему необходимую помощь. Я сделал себе перевязку сам. Корпус венгерской гранаты был из жести, поэтому мы сохранили подвижность и боеспособность. Будь это немецкая граната или советская Ф-1, мы бы все погибли.

Со стороны противника возобновилась автоматная и пулеметная стрельба, но пули пролетали высоко над нашими головами. По взмаху руки Кузнеца, который понял, что враги отошли, мы быстро уползли по гребню высоты в сторону от нашего вынужденного пристанища. А затем, под прикрытием кустов и деревьев, по трупам карателей переползли в заросли у небольшого домика. Кузнец разглядел его в бинокль с нашей высотки и пришел к выводу, что там расположен штаб облавы. Дом охранялся одним часовым, стоявшим у дверей. Ни он, ни связные, сновавшие туда и обратно, на кусты не обращали внимания.

Близился вечер. Цепь карателей стала прочесывать лесок, который мы только что проскочили. Пришлось буквально затаить дыхание. Крайние солдаты цепи, громко переговариваясь между собой, прошли мимо нас. Им и

в голову не пришло, что партизаны могут скрываться около их штаба...

Наступившая ночь и разразившаяся гроза помогли нам вырваться из вражеского кольца.

В поэме «По тылам врага», написанной в 1945 году, об этой памятной ночи я сказал следующими строками:

...Нас четверо осталось после боя,
В котором каждый выстоять сумел.
И мы прошли через кольцо тройное
В ту ночь, когда от грома лес шумел.
 А гром в ту ночь был злой, невероятный,
 Он бушевал зловеще в небесах,
 И вместе с ним стрельбою автоматной
 Встречали нас в ложбинах и кустах.
Но мы молчали, проходя преграды,
Не опасаясь молний и дождя.
Ни свистом пуль, ни новою блокадой
Нас запугать в ту ночь было нельзя...

Мы двинулись на северо-восток, обходя встречавшиеся на пути населенные пункты. Днем затаивались в глухих местах, а с наступлением темноты шли дальше. Только в ночь на 12 сентября попытались зайти в село. Тихо вошли в один из крайних домиков, дверь в который, как ни странно, оказалась чуть-чуть приоткрытой. Видимо, хозяева кого-то ждали в эту ночь.

Среди нас никто не знал ни слова по-венгерски, а десантировавшихся вместе с нами венгерских товарищей мы потеряли на поле боя.

В хату вошли втроем. Осторожность в таких случаях никогда не бывает излишней, поэтому Михайловский остался во дворе. Перепуганные нашим вторжением хозяева никак не могли понять, кто мы такие и чего от них хотим.

Кузнец по-украински, а я по-немецки безуспешно спрашивали их о том, как называется село.

Только после того как Яков Мефодьевич развернул свою карту и, посветив карманным фонариком, стал перечислять названия венгерских населенных пунктов в пред-

полагаемом районе нашего местонахождения, хозяин понял и несколько раз повторил: «Бекёльце».

Оказалось, что, вместо того чтобы выбросить парашютистов в районе Айначкё, летчики «высадили» нас около Тарналелес, где месяц назад должна была десантироваться группа Мартона Сёньи, так и не подавшая о себе к моменту нашего вылета из Святошино никаких вестей.

Продолжая разговор на языке жестов, мы попросили у хозяина какой-нибудь еды. Крестьянин к этому времени пришел в себя, принес огромный каравай белого хлеба и кусок сала, посыпанный красным молотым перцем — паприкой. От предложенного нами за еду кредитного билета достоинством в тысячу пенго * он категорически отказался. Венгерскими пенго, как и американскими долларами, нас заблаговременно снабдили в УШПД перед вылетом из Святошино.

Что касается хозяйки дома, то она за все время нашего пребывания в доме так и не встала с кровати и не произнесла ни слова.

Разговор на языке жестов закончился предупреждением о том, что наш ночной визит в село является тайной и хозяева не должны об этом сообщать властям. На дворе Михайловский сообщил, что в селе тихо. Мы быстро спустились по оврагу к неширокой речке, протекавшей на окраине села, и исчезли в ночи.

Прошагав по неглубокой речушке с полкилометра, свернули в лес, где сделали короткий привал и с жадностью набросились на еду. Шли шестые сутки нашего пребывания на венгерской земле.

Как было оговорено еще в Святошино, 16 сентября мы вышли в условленный район сбора групп, десантировавшихся с обоих самолетов, но там никого не встретили. Прождали сутки. Ни один из членов второй группы в

* Пенго — денежная единица Венгрии в 1925—1946 гг. После денежной реформы 1946 г. заменена форинтом.

районе сбора так и не появился. Еще больше усилилась наша уверенность в том, что вторая группа полностью погибла, встреченная карателями.

Первые опасения на этот счет появились у нас еще 9 сентября, когда мы укрылись днем в середине необработанного кукурузного поля. Тогда на северо-востоке от нас весь день слышалась ожесточенная перестрелка. К вечеру стрельба затихла и больше не возобновлялась. Мы лежали, пережевывая мякоть разрезанных кормовых тыков, росших среди стеблей кукурузы. На поле появились крестьяне, которые начали скашивать ее. Звуки кос слышались со всех сторон и постепенно приближались к центру поля, где мы находились. Мы гадали, успеют или нет крестьяне к вечеру добраться до нас. Не успели. Поле было большое, видимо помещичье, и крестьяне до нас не дошли. Покинув с наступлением ночи свое убежище, мы пошли на север...

17 сентября, решив, что дальше ждать не имеет смысла, мы отправились к венгерско-словацкой границе, до которой добирались ночами более двух недель.

Днем отлеживались в глухих местах. Через каждые трое-четверо суток заходили по ночам в крайние дома небольших сел или хуторов, покупали у крестьян продукты и исчезали. За это время только из двух населенных пунктов удалось уйти без стрельбы. Один раз мы оказались в доме венгра-сапожника, побывавшего в годы первой мировой войны в русском плену на Урале. Там же застала его гражданская война, в которой он, как красный мадьяр-интернационалист, принимал, по его словам, активное участие. После гражданской войны в России возвратился домой, жил скромно и незаметно, скрывая свою боевую молодость от хортистских властей, сапожничал. Мы не спросили его фамилию. Он же назвал только свое имя — Иштван. Бывший красный мадьяр помнил немало русских слов. Он рассказал о том, что староста и сельские жандармы каждый день предупреждают жителей о возможности появления партизан и требуют от крестьян в

случае прихода советских парашютистов немедленно сообщать о них властям. Иштван дал нам продукты, ботинки 46-го размера для Кузнецца, который шел в шлепанцах, «экспропрированных» нами в лесном охотничьем домике отставного венгерского генерала. Его дачу в лесу мы посетили незадолго до встречи с сапожником. Вторая мирная встреча произошла через два дня около Йошвафе, где мы попали к цыганам. Хлеба у них не было, но зато они накормили нас вареной картошкой. В остальных населенных пунктах каждый раз приходилось отстреливаться.

Несмотря на наши предостережения, крестьяне, опасаясь репрессий со стороны местных властей, сообщали им о появлении партизан, предварительно оказывая нам помощь продуктами, часто безвозмездно. Видимо, их пугали предлагаемые нами крупные денежные знаки в тысячу пенго. Такие купюры при предъявлении их в корчме или сельской лавке наверняка привлекли бы внимание сельских властей. Более мелких денег у нас не было, видимо, этот вопрос на Большой земле не продумали.

Следует сказать, что наши преследователи — сельские жандармы и солдаты армейских подразделений — не спешили подставлять свои головы под партизанские пули. Во многих случаях, постреляв для собственного успокоения нам вслед, они быстро отставали.

Заканчивался сентябрь. Позади остались Белопатфалва, Гордона, Путнок, Имола, Эгерсег, Йошвафе, Яблонцо. Словакия приближалась...

* * *

В ночь на 1 октября словак-проводник благополучно провел нас через венгеро-словацкую границу в районе Красногорске-Подградье. Несколько дней спустя мы вышли на базу партизанского отряда Алексея Садиленко. По его рации сообщили о себе в Киев, получили задание сформировать новый отряд и включиться в партизанскую

борьбу в Словакии, где в то время продолжалось национальное восстание. Одновременно нам предлагалось, не уходя далеко из приграничных южно-словацких районов, осуществлять разведку, налеты на гарнизоны, промышленные объекты и коммуникации на территории Северной Венгрии.

С помощью командования ряда словацких партизанских бригад и соединений, а также местных органов народной власти, удалось сформировать отряд численностью до 200 человек.

На первых порах возникли свои сложности. Значительная часть прибывших в отряд людей не знали даже азов военного дела, не говоря уже о тактике партизанской борьбы.

Зато были высокий боевой настрой, патриотизм, ненависть к нацистам.

Советские партизаны, попавшие в отряд из других бригад и соединений, быстро находили контакт с местными товарищами. Выручало и то, что язык их нам был понятен. Многие из партизан за один-два месяца овладели разговорным словацким почти в совершенстве. Поговору их почти невозможно было отличить от словаков.

Неплохое знание языка и наличие удостоверения личности (легитимации), оформленного на официальном бланке с соответствующими подписями местных должностных лиц, не раз выручали меня при проведении разведывательных операций. Ни у кого не возникало каких-либо сомнений в моей принадлежности к словацкой национальности.

Для того чтобы понять обстановку тех дней, необходимо хотя бы вкратце рассказать о том, что после оккупации Чехословакии германскими войсками в результате печально известного мюнхенского сговора 1938 года на территории Словакии Гитлер создал так называемое словацкое государство во главе с марионеточным президентом священником Йозефом Тисо.

Словацкий народ страдал от зверств местных фашистов-гардистов* и грабежа национальных богатств страны фашистским правительством Словакии в интересах гитлеровского рейха.

В ночь на 29 августа 1944 года в Словакии вспыхнуло антифашистское национальное восстание, серьезно осложнившее положение германских войск на Балканах, где гитлеровское командование во второй половине августа 1944 года вынуждено было начать отвод своих войск из Трансильвании.

По просьбе фашистского правительства Тисо уже к концу 29 августа в Словакию вошли германские войска численностью около 30 тысяч человек, в том числе две танковые дивизии и многочисленные отдельные эсэсовские части. Против партизан были брошены также тисовские вооруженные отряды и гардисты.

В течение сентября гитлеровским войскам удалось заметно потеснить словацкие повстанческие воинские части и партизанские отряды, но в момент появления нашей группы в Словакии под контролем восставших оставалась еще значительная часть территории страны.

Для оказания помощи восставшим словакам 8 сентября 1944 года советское командование начало на фронте Восточно-Карпатскую операцию. Однако гитлеровцы, захватив перевалы в горах, задерживали наступление советских войск.

Положение восставших в Словакии ухудшалось с каждым днем. Узким местом было отсутствие единого командования у Словацкой повстанческой армии и партизанских формирований. Повстанческая армия через генерала Голиана, а затем и сменившего его генерала Виеста, подчинялась приказам эмигрантского чехословацкого правительства во главе с президентом Бенешем. Партизанам распоряжения отдавал Главный штаб партизанского дви-

* Гардисты — члены клерикально-фашистской партии Словакии.

жения Словакии, руководимый Коммунистической партией Чехословакии.

Всю законодательную и исполнительную власть на повстанческой территории осуществлял Словацкий национальный совет через свой исполнительный орган — корпус уполномоченных. Однако руководители повстанческой армии больше прислушивались к указаниям чехословацкого правительства в Лондоне, которые часто противоречили постановлениям Словацкого национального совета. Эмигрантское правительство понимало, что за партизанами стоит Компартия, по просьбе которой из Советского Союза шла действенная помощь восставшим. Буржуазные круги делали все, чтобы подчинить партизан штабу повстанческой армии. Представители подпольного ЦК Компартии Словакии Г. Гусак, Л. Новомеский, К. Шмидке твердо стояли на том, что подчинять партизан командованию повстанческой армии нельзя, это ослабит революционный характер восстания.

Такое двоевластие продолжалось практически до ухода партизан в горы...

20 октября в нашем районе завязались тяжелые бои партизанских отрядов и частей повстанческой армии с наступавшими частями вермахта и СС. Начал боевые действия и наш отряд. Мы оказывали упорное сопротивление гитлеровским войскам, но силы были неравны.

Колебания эмигрантского руководства, половинчатость принимаемых им решений приводили к слабому взаимодействию армии с партизанами в ходе боевых действий. Повстанческая армия под ударами немецких войск теряла боеспособность и разлагалась буквально на глазах. Предаваемые своими командирами, солдаты уходили с боевых позиций по домам. В нашем районе боевых действий лишь немногие солдаты и младшие командиры перешли к партизанам и вместе с ними отступили в горы.

27 октября германские войска захватили центр Словацкого восстания — Банска-Бистрицу.

Началась изнурительная партизанская борьба в горах. Руководство всеми силами перешло к Главному штабу партизанского движения Словакии во главе с советским полковником (впоследствии генерал-майором) А. Н. Асмоловым.

В этой борьбе партизан поддерживал словацкий народ. Крестьяне, несмотря на террор оккупантов, снабжали партизан продуктами питания, укрывали тяжелораненых и больных, посылали своих сыновей в наши отряды.

Я часто перелистываю пожелтевшие страницы своего дневника военных лет. Записи сделаны кратко, на скорую руку, но они помогают вспомнить многие боевые эпизоды. Невозможно описать все, но о наиболее ярких событиях хотелось бы рассказать.

Особенно трудным временем для нас оказалась зима 1944/45 года, когда гитлеровцы бросили против нас «казачков». Так партизаны называли власовцев.

4 декабря 1944 года в моем дневнике записано следующее:

«Находимся в горах около села Тепличка. С немецкого самолета только что сброшены листовки на русском языке, в которых партизанам от имени генерала Власова обещают разные льготы и счастливую жизнь на словацкой земле, если мы выйдем в долины и сдадимся на милость победителей. Я лично предпочитаю смерть в бою, чем жалкое существование в качестве военнопленного в фашистском концлагере. Слабонервных среди нас нет».

Срок ультиматума истек. Предателей среди нас не оказалось, хотя порой приходилось очень туго. Немцы и власовцы заняли все окрестные населенные пункты. Если раньше немцы на ночь уходили из небольших деревенок в более крупные села и города, оставляя местечки на наше ночное попечение, то с приходом власовцев вражеские гарнизоны перешли на круглосуточную вахту. Вокруг районов партизанских лагерей и баз враг начал создавать мертвую зону, сжигая расположенные в лесах и горах око-

ло нас хутора, отдельные дома лесников, охотничьи и егерские домики, туристские базы. Однако ожесточенные схватки партизан с фашистскими оккупантами не прекращались. Народные мстители взрывали мосты, подрывали на железных дорогах составы с грузами и воинские эшелоны, обстреливали из засад автомобильные колонны противника на шоссе и проселочных дорогах.

Словом, ни на минуту не прекращалась в тылу врага обычная партизанская работа. Принимали в ней участие и бойцы нашего отряда. Мы хорошо понимали, что активные действия на коммуникациях вермахта должны вызвать ответную реакцию германского командования. Она не заставила себя долго ждать.

Мы получили агентурные данные о том, что гитлеровцы начали подготовку большой облавы на партизан. Только в окрестные населенные пункты Гельпа, Завадка, Полонка прибыло около 3 тысяч немецких солдат и владарцев.

Появление такого количества карателей осложнило проведение наших боевых операций. Об одной из них я хочу рассказать подробнее.

23 декабря командование нашего отряда приняло решение разгромить вражеский гарнизон численностью около трехсот человек в селе Бацух. Для операции отобрали около ста партизан. В лагере отсутствовали минеры-подрывники и несколько боевых групп, отправленных на задания в другие места. На базе оставалось двенадцать раненых и больных, врач и медсестра из местных жителей, а также взвод охраны.

Как всегда в таких случаях, мы вышли во второй половине дня, чтобы атаковать гарнизон в ночное время. К исходу дня на марше в лесу наткнулись на две немецкие роты, двигавшиеся нам навстречу по горной проселочной дороге. Наша разведка своевременно заметила их головную походную заставу и пропустила ее дальше, а затем отсекла от основной колонны, по которой мы, рассредото-

чившись за деревьями и кустарниками, одновременно открыли плотный прицельный огонь. Немцы залегли и ответили беспорядочной стрельбой, но минут через двадцать, не выдержав натиска партизан, побежали вниз, в долину, бросив 37 убитых, оружие и 8 навьюченных лошадей, находившихся в хвосте колонны. Наши потери: один легкораненый и четверо пропавших без вести из числа местных жителей, недавно принятых в отряд.

После встречного боя внезапность налета на гарнизон в Бацухе была утеряна, и идти туда не имело смысла.

Пересчитав убитых фашистских солдат, забрав оружие и лошадей с вьюками, мы возвратились в лагерь. Анализируя случившееся, партизаны пришли к выводу, что этот бой не случайность, а первая проба сил карателей в начавшейся крупной операции по блокаде и уничтожению партизанских отрядов в районе Низких Татр.

Кто-то из ребят, прибывших в Словакию раньше нас, напомнил, что в середине августа 1944 года со стороны фашистского правительства Тисо такая попытка уже предпринималась. Военный министр марионеточного правительства Словакии Чатлош отдал тогда приказ очистить Высокие и Низкие Татры и Большие Фатры* от партизан. Части марионеточной словацкой армии саботировали приказ министра и в горы не пошли. В зимних условиях и со значительно более опасным противником подобного исхода ожидать было нельзя.

На рассвете следующего дня в лагерь вернулись четверо без вести пропавших накануне новичков. Это было их боевое крещение, словаки, изрядно перепугавшись в первые же минуты, кинулись обратно в лагерь и заблудились. В горах это случалось нередко. Люди были у нас на вес золота. Время наступило трудное, и не каждый в их положении решился бы возвратиться в отряд. Они верну-

* Высокие и Низкие Татры, Большие Фатры — горные массивы Карпат в Чехословакии.

лись. Командир поверил словакам и принял решение испытать их в бою еще раз. Его доверие они оправдали и полностью искупили свою вину.

Ночью 24 декабря с Большой земли нам сбросили долгожданнные грузы: взрывчатку, минометы, автоматы, ручные пулеметы, боеприпасы, медикаменты и перевязочный материал, а также газеты и письма. Все советские парни считали сброшенные нам грузы новогодним подарком Родины, помнившей о своих сыновьях, выполнявших в далеком вражеском тылу интернациональный долг.

А как тосковали мы по Родине в горах Словакии! Это не передать словами!

В предновогодние дни я почему-то особенно остро испытывал тоску по родному Уралу. Не имея вестей, я очень беспокоился о матери, брате, сестре, думал о том, как они переносят без меня военные невзгоды.

Вспоминал я и отца, умершего неожиданно в самом расцвете сил от прободной язвы желудка в 1936 году. Его короткая жизнь была примером для нас, его детей.

В первых числах января 1945 года меня назначили начальником разведки отряда. К этому времени свои обязанности старшего фельдшера я фактически давно не исполнял. Участвовал в боевых действиях, ходил в разведку, возглавлял боевые операции по захвату «языков». Одним словом, проходил разностороннюю партизанскую практику.

С медицинским обеспечением личного состава вполне справлялась Надежда Филимоновна Солодюк, начальник санслужбы отряда, в подчинении которой работали несколько словацких врачей и медсестер.

Одна из первых самостоятельных разведывательных операций мне запомнилась особо.

В связи с предстоящей крупной карательной акцией гитлеровцев в горах мне было приказано с группой разведчиков проникнуть в другой район Низких Татр и изучить возможность перехода туда отряда до начала наступ-

ления фашистов. Район был нам знаком, так как отряд прошлой осенью уже дислоцировался там, но, по ряду обстоятельств, ушел, оставив в тайниках небольшое количество тола и боеприпасов.

Выполнив поставленную задачу и убедившись, что в окрестных селах и хуторах противника нет, а боеприпасы и тол находятся в тайниках, мы через трое суток возвратились обратно. Была полночь, когда мы шли по гребню горы. Ярко светила луна. Стояла такая тишина, что я начал испытывать чувство тревоги. Проваливаясь почти по пояс в глубоком январском снегу, мы подходили к лагерю. Каждый предвкушал желанный отдых у костра. Луна скрылась за облаками, и стало темно. Вошли в лес, где через несколько шагов я споткнулся о что-то твердое. Машинально включил трофейный фонарик и увидел замерзший труп нашего часового с финским ножом между лопаток...

Кто-то из партизан перевернул его. Это был боец из бывших военнопленных. Его винтовка валялась рядом в снегу. Какая нелепая смерть! Зимой, когда по скрипу снега можно далеко услышать подкрадывающегося к тебе человека, так глупо погибнуть! Видимо, часовой задремал в ту роковую для себя минуту. Случилось это, по всей вероятности, ночью. Вынув из спины финку, забросали труп снегом, затем остановились, прислушиваясь. В лагере было по-прежнему тихо. Не ощущался и запах дыма от костров. Снова показалась луна, и мы внимательно обследовали подходы к лагерю. Снег вокруг оказался испещренным следами лыж в разных направлениях. В лагере ни у кого лыж не было. Обстановка прояснялась.

Осторожно спустились вниз по склону горы. Лагерь хранил следы скоротечного боя. Стало ясно, что наших товарищей застали врасплох. Сведения о новой дислокации отряда следовало искать в условленном месте — в дупле старого дерева, но когда мы подошли к нему, записки там не оказалось. Вдруг один из разведчиков подозревал

меня и показал глубокую лыжню, уходящую из лагеря в сторону соседней горы. Справа и слева от лыжни, а кое-где и на ней были видны глубокие человеческие следы. Разглядев их при свете карманного фонарика, я понял, что они вели в ту же сторону, что и следы лыж.

Остаться в пустом лагере я считал бессмысленным и дал команду двигаться вдоль лыжни, соблюдая интервал во избежание подрыва на противопехотных минах, которые могли быть разбросаны противником на путях его отхода. После выхода из леса, где недавно располагался наш лагерь, мы вскоре обнаружили и прочитали написанную лыжной палкой на снегу фразу на русском языке: «Смерть вам, сталинские говнюки!»

Все стало ясным — это были власовцы. Пройдя вдоль лыжни несколько десятков метров, мы наткнулись на два замерзших трупа в немецкой форме, потом еще на троих. В голове все настойчивее сверлила мысль: «А где же искать наших? Может быть, их завлекли в засаду отходившие под огнем партизан власовцы?» Ответа не было.

Достигнув леса на противоположном склоне горы, сделали привал. Съели по трофейной галете, запили шнапсом из фляжки, взятой разведчиком Селивановым у убитого власовца. Куда идти дальше? Я принял решение, что будем двигаться по следам. Вскоре лыжня свернула в долину. Судя по всему, партизаны разделились на две группы. Меньшая направилась за власовцами, а основная — по склону горы к соседнему лесу. Я послал трех партизан пройти с полкилометра по следам власовцев, чтобы полностью убедиться в том, что они действительно спустились в долину. Примерно через полчаса разведчики вернулись и подтвердили, что следы власовцев уходят туда. На пути их отхода ребята насчитали еще до десятка убитых, среди которых оказались двое наших. Вырыть в горах могилу без лома и лопаты было невозможно, поэтому разведчики забросали тела убитых партизан снегом.

После того как все оказались в сборе, мы пошли по

следам основной группы отряда и примерно через километр обнаружили следы партизан, преследовавших власовцев. Нам повезло, что в последние несколько суток в горах не выпадал снег. Следы были видны отчетливо и вели нас к цели.

Лишь на четвертые сутки, обессиленные и голодные, мы догнали своих. При подходе к новому лагерю застава обстреляла нас из пулемета после того, как на оклик часового я не смог назвать ему свою часть цифрового пароля на этот день. Паролем являлась сумма цифр. Первое слагаемое называл часовогой, а второе — человек, у которого спрашивают пароль. При сложении должно было получиться определенное число. Нам пришлось лежать на снегу до тех пор, пока не пришел начальник штаба отряда Михайловский. Он узнал меня по голосу.

Встреча со своими была такой радостной, что и сейчас вспоминаю ее как возвращение в родной дом. Хотя, собственно, никакого жилья не было, стояли самодельные шалаши из елового лапника, где с наступлением темноты зажигались костры.

Над костром обычно висело ведро с водой, которая заправлялась горсткой муки или картошкой, кусочками сала или колбасы. Редко это был кусок мяса убитой дикой козы или кабана. В этот раз мы подкрепились неплохо. Я подробно доложил командиру о выполнении задания, рассказал и историю поисков отряда. Он сообщил о внезапном нападении власовцев на лагерь и их позорном бегстве после партизанского отпора. Мы много дней не мылись, нас мучили вши. Пришлось, сняв одежду, вытрясти ее над костром. Затем оделись и проспали до утра.

Из других боевых эпизодов вспоминается наш выход в разведку в Низких Татрах в январе 1945 года. Мы должны были горными тропами в светлое время суток проскочить в безлюдный район, к вечеру спуститься в долину для встречи с представителем словацкого подполья. От него необходимо было получить интересовавшие нас

сведения о противнике, а также хлеб и сало, приготовленные для партизан в соседнем селе.

.. К этому времени мы уже научились ходить в горах по- словацки, бесшумно. Тропа была скользкой, поэтому в правой руке я держал палку. Мой автомат, как всегда, висел на груди, кожаный пояс оттягивали две гранаты Ф-1. У остальных разведчиков оружие также было наготове. Я шел впереди. Слева зияла глубокая пропасть, на дне ее бурлила незамерзающая горная речка, а справа вверх уходила отвесная скала. Дальше тропа круто сворачивала вправо. Наученный горьким опытом, я осторожно заглянул за поворот и тут же отпрянул назад: нам навстречу двигалась немецкая разведгруппа. Прислонив к скале палку, я передернул затвор автомата, выглянул из-за скалы и нажал на спусковой крючок. Выстрела не последовало. Затвор, смазанный свиным салом, на морозе не сработал.

Не будучи левшой, я выхватил из чехла левой рукой гранату, зубами вырвал кольцо предохранительной чеки и бросил гранату в немцев. Раздался взрыв, послышались крики, заглушенные грохотом рухнувшей с вершины горы снежной лавины...

Мы быстро отошли назад. Затем по другой тропе группа поднялась на соседнюю гору. Я осмотрел в бинокль место нашей неожиданной встречи с противником. Тропу в этом месте завалило снегом. Нас спасли выступ скалы и мгновенный отход назад. По другому маршруту разведчики благополучно прошли к месту встречи и, успешно выполнив задание, возвратились в лагерь без потерь...

.. В своих воспоминаниях мне хотелось остановиться на одном очень важном моменте нашей партизанской жизни. Я много думал и думаю до сих пор о тяжелой судьбе советских военнопленных в годы войны и в послевоенный период. В нашем отряде сражалось немало бывших узников фашистских концлагерей. Воевали они с полной от-

дачей сил. Мы не считали их людьми второго сорта. Не все из них были героями, но их нельзя называть и подлецами, как это раньше пытались делать даже в центральной прессе некоторые нечистоплотные авторы.

Слушая откровенные рассказы этих людей, я пытался определить степень вины того или иного из них перед Родиной. И во многих случаях этой вины не находил.

В самом деле, разве можно обвинять тех, кто в первые, самые трудные для нашей страны месяцы войны, в числе миллионов других красноармейцев и младших командиров, практически был брошен на произвол судьбы и попадал в плен нередко раненым или контуженным. Проходя через кошмар лагерей для военнопленных, а иногда и лагерей смерти, многие из них погибали, оставаясь верными Родине и военной присяге.

Были и такие, кто использовал малейшую возможность для того, чтобы вырваться на волю и снова взять в руки оружие.

Некоторые пленные, не выдержав по разным причинам испытаний, поддавались вражеской пропаганде и вместе с махровыми предателями Родины становились палачами, оставлявшими за собой кровавые следы чудовищных злодеяний.

С этой частью бывших советских военнопленных, собранных во власовские формирования, нам и приходилось не на жизнь, а на смерть сражаться на словацкой земле.

Я уже рассказал о ночном нападении власовцев на партизанский лагерь. Можно перечислить немало таких схваток. Порою даже не верилось в возможность непримиримой борьбы между людьми, родившимися в одной стране, в одни и те же годы (среди солдат Русской освободительной армии так же, как и среди партизан, в основном были люди в возрасте 20—27 лет). Война и плен развели их в разные стороны. Одни предали Родину, другие воевали за ее свободу и независимость. Какая злая ирония судьбы!

У многих власовцев не раз возникала возможность ис-

купить свою вину переходом на сторону партизан, но далеко не все из них ею воспользовались.

За время пребывания в тылу врага я был свидетелем перехода на нашу сторону лишь троих власовцев, хотя при переговорах с представителями одного из батальонов РОА они обещали привести весь батальон.

Командование нашего партизанского отряда предложило власовцам арестовать своих офицеров и в полном составе прибыть к установленному часу в условленное место для перехода на сторону партизан. Из участников переговоров пришли только трое. По их словам, подпольную группу выдал предатель. Организаторов перехода к партизанам арестовала контрразведка. Остальные решили не рисковать и позволили себя разоружить...

Перешедшие на нашу сторону были потом не раз проверены в боевых операциях и наравне со всеми переносили трудности партизанской борьбы в горах.

В бою русские, оказавшиеся волей судьбы по разные стороны рубежа атаки, не щадили друг друга. В связи с этим вспоминается ночь на 14 января 1945 года. По имевшимся у нас данным, власовский гарнизон в селе Кубахи собирался праздновать встречу Нового года по старому стилю. Мы вышли из леса около полуночи. В долине светились окна сельских домов. Периодически с окраины села в небо взлетали осветительные ракеты. Нас было 18 человек. Для нападения на гарнизон сил не хватало. Предстояло бесшумно подойти к мельнице, расположенной в километре от села, и уничтожить внезапным ударом стоящую там власовскую заставу. После этого предполагалось взять на мельнице около 150 килограммов муки и другие продукты, какие там окажутся.

Операция считалась хозяйственной, но приравненной к боевой, так как добывать продукты в этот период становилось все трудней из-за усилившихся карательных мер противника по отношению к местному населению. Мы постояли немного на опушке леса, наблюдая за селом и слу-

шая доносившиеся из долины звуки аккордеона и слова знакомой до боли песни о Ермаке. «... Товарищи его трудов, победы, громкозвучной славы, — горланили десятки пьяных голосов. — Среди раскинутых шатров беспечно спали среди дубравы...»

Песня продолжалась. Ее слова далеко разносились в ночном горном воздухе.

Мы осторожно спустились к мельнице, окружив ее полукольцом. Возглавлял операцию начальник штаба отряда Михайловский. Я был его заместителем. Быстро перерезали телефонный провод, связывавший заставу с гарнизоном. Сняли двух часовых около мельницы, но не заметили, что в открытом темном проеме соседнего сарая притаился власовский пулеметчик.

В отличие от своих сослуживцев, он не дремал на посту и длинными очередями отсек нам путь к мельнице. Захватить заставу врасплох не удалось. Пришлось залечь, а потом отползти назад, оставив двоих убитых.

Перегруппировавшись, по команде Михайловского мы с трех сторон атаковали мельницу. Власовцы дрогнули и дружно побежали к селу, теряя убитых и раненых, но там их ждала наша засада, предварительно оставленная у дороги. К сожалению, трое партизан не смогли сдержать натиска нескольких десятков власовцев и пропустили их в село, стреляя им вслед из автоматов и ручного пулемета.

Обстановка складывалась для нас не лучшим образом. В перестрелке с власовской заставой, более многочисленной, чем мы предполагали (усиленный взвод с тремя ручными пулеметами), был убит еще один партизан и двое легко ранены. После перевязки они смогли продолжать бой и идти самостоятельно. Убитых и раненых власовцев считать было некогда.

На мельнице нашли муку. В считанные минуты заполнили свои вещевые мешки и сумки. В помещении бывшей заставы обнаружили свиную тушу, которую разрубили на куски по количеству оставшихся в строю людей. Двину-

лись в обратный путь. Мельницу решили не поджигать, так как ею пользовались крестьяне окрестных сел. Не прошли и ста шагов, как по мельнице со стороны села ударили власовские пулеметы и минометы. Плотность огня нарастала. Отходить с грузом вверх по склону горы, к тому же по глубокому снегу, было нелегко. По миганию карманных фонариков у мельницы мы поняли, что из села подошли власовцы. Через несколько минут они перенесли огонь на опушку леса в нашу сторону. К счастью, до опушки мы еще не добрались. Пули и мины проносились над нашими головами. Мы не вели ответного огня, чтобы не обнаруживать направления нашего отхода. Наконец, спасительный лес избавил нас от преследования власовцев.

Хозяйственная операция, ставшая боевой, закончилась со значительными потерями с нашей стороны.

В партизанских ведрах в эту ночь кипела вода, заправленная горстью муки и несколькими кусочками свинины. Мы к этому времени уже несколько дней голодали. Все понимали настоящую цену продуктам, принесенным в лагерь благодарая мужеству наших людей.

Фронт подходил к партизанской зоне все ближе и ближе. По ночам на востоке пылали огненные зарницы, слышались отдаленные звуки канонады. К концу января партизанские отряды, в том числе и наш, оказались в прифронтной полосе. По своей наивности я думал, что теперь мы будем избавлены от нападений противника, так как его свяжет по рукам и ногам борьба с наступающими войсками 4-го Украинского фронта. В то же время я надеялся, что у нас появится свобода маневра, и мы сможем беспрепятственно громить тыловые части врага. Однако получилось наоборот. Заметно усилилась блокада партизанских районов. Еще больше ухудшилось положение с продовольствием. Все села в Малужинской долине, где находился наш отряд, и все другие долины были забиты фронтowymi немецкими частями. Выход из населенных пунктов гражданскому населению был запрещен под угро-

зой расстрела на месте. Из населенных пунктов, расположенных непосредственно во фронтовой полосе, гражданское население гитлеровцами изгонялось полностью. Создалась реальная угроза уничтожения в прифронтовой полосе всех партизанских отрядов, бригад и соединений, обескровленных предыдущими тяжелыми боями с противником. Кончались боеприпасы. Доставать их у врага к трофейному оружию, которое было у многих партизан, становилось все труднее и труднее.

Через несколько суток после ожесточенного боя с четырьмя эскадронами власовцев наш отряд отошел из Малужинской долины в долину Ростока, где сосредоточились бригады В. А. Квитинского, Эрнста Биелика и ряда других партизанских командиров.

30 января, после предварительной разведки, мы возвратились в Малужинскую долину, откуда власовцы и немцы перешли накануне в другой район, преследуя один из партизанских отрядов.

В Малужинской долине по радио мы получили приказ полевого штаба партизанского движения при 4-м Украинском фронте, согласно которому всем партизанским отрядам Словакии предлагалось немедленно приступить к подготовке к выходу на соединение с частями Красной Армии. Полная готовность к выходу была установлена на 15 февраля 1945 года.

По приказу командира в первых числах февраля я с группой разведчиков пересек фронт в районе Краловой Леготы. Мы прошли по неглубокому оврагу, заросшему густым кустарником. По обе стороны оврага горели стога сена. Над оврагом проносились мины. Не смолкая, била артиллерия. Грохот разрывов в горах, усиленный эхом, создавал иллюзию уничтожения вокруг всего живого. Оборванные, чумазые, пропахшие дымом костров, мы были похожи на чертей, вырвавшихся из ада. В сутолке наступления никто из солдат и офицеров не обращал на нас внимания, а мы потеряли дар речи, глядя на прохо-

дивших мимо бойцов, слушая милую нашему сердцу русскую речь, сдабриваемую порой крепким, забористым словом. Пришлось самим обратиться к пожилому усатому старшине, проезжавшему с двумя солдатами мимо нас на подводе. Первый вопрос привел его в недоумение. Мы попросили буханку черного хлеба и уточнили местонахождение штаба полка. Хлеб нашелся сразу. Тут же его разломали на восемь кусков и мгновенно проглотили, как следует даже не прожевав. Старшина с бойцами уехал дальше в сторону передовой, а мы двинулись в направлении штаба полка. Вскоре нас остановил патруль во главе с сержантом и потребовал документы, которых у нас не было. Словацкая легитимация, предъявленная мною, только усилила его подозрения. Нас задержали и привели в штаб полка. Начальник штаба, выслушав мой короткий доклад, приказал заняться с нами своему помощнику по разведке, а сам куда-то уехал. Командира полка в штабе не было. Мне сказали, что он на командном пункте. Помощник начальника штаба полка по телефону доложил о нас начальнику штаба дивизии, от которого вскоре приехал начальник разведки дивизии.

Нам сообщили место выхода нашего отряда через передовую.

Подкрепившись гороховым супом из концентрата с ржаным хлебом и перловой кашей с тушенкой, собрались в обратный путь, отказавшись от фронтowych ста граммов. Брать с собой водку разведчикам я не разрешил: обратный путь был не менее трудным. Мы попросили у гостеприимных хозяев продукты, потому что нас ждали раненные, больные и голодные товарищи, для которых каждый кусок хлеба был настоящим подарком.

Нам дали продуктов столько, сколько мы могли унести.

Через шесть часов, поздней ночью, тем же путем мы возвратились в отряд. О результатах разведки я доложил начальнику штаба, так как наш командир находился у соседей. Принесенную нами пищу передали в верные руки

начальника хозяйственной части. Партизаны, узнав о нашем благополучном возвращении с продуктами, повеселились.

Через несколько дней в районе небольшого населенного пункта Липтов Градок, взаимодействуя с партизанской бригадой бывшего наумовца П. Величко, в тяжелом бою мы прорвали оборону противника и вышли в расположение воинских частей 4-го Украинского фронта.

Я вернулся к исполнению фельдшерских обязанностей, передал раненых и больных в один из медсанбатов. В первую же ночь там умер один из наших разведчиков — Селиванов, мой верный помощник в тяжелую зиму 1944/45 года. Он появился у нас в начале ноября 1944 года с небольшой группой военнопленных, бежавших из фашистского концлагеря Аушвиц, более известного ныне как Освенцим. Этот лагерь находился в Польше в 50 километрах западнее города Кракова.

Селиванов все время тяжело болел. Он быстро уставал при переходах. Из-за сильных отеков на ногах ему приходилось носить обувь на несколько размеров больше. На вид ему было лет 45—46.

С разрешения командира, после многочисленных просьб Селиванова, я взял его к себе и после первого же боевого задания убедился, что с этим человеком ходить в разведку можно. Несмотря на опухшие ноги, он воевал наравне со всеми, никогда не расставался со своим ручным пулеметом. Его «Дегтярев» всегда бил по врагу точно и безотказно. Никто никогда не слышал от него ни единого стоны или жалобы. Селиванов не любил рассказывать о себе. Я подозреваю, что он был кадровым офицером в звании не ниже капитана. Его советы в тех или иных ситуациях боя или разведывательной операции были всегда дельными и выражались в очень тактичной форме. Он поражал нас глубоким знанием военного дела, в порядке содержал закрепленное за ним оружие и отлично стрелял из него. В плен попал в первые недели войны, раненым.

После выздоровления бежал из лагеря военнопленных. Был схвачен и помещен в лагерь с более строгим режимом. Снова бежал, был схвачен и выдан немцам польскими националистами. Так продолжалось до тех пор, пока он не оказался в Освенциме.

После стольких мучений, попав в медсанбат, он неожиданно ушел из жизни. Внутренние резервы организма Селиванова исчерпали себя, а лекарства оказались бесильными ему помочь.

Вскоре наш отряд, как и другие партизанские отряды, соединившиеся с Красной Армией, был расформирован. Партизаны из числа чехов, словаков, венгров и антифашистов других национальностей разъехались по родным местам. Бывших советских военнопленных, воевавших в отряде, отправили куда-то на специальную проверку.

Партизаны-парашютисты, в том числе и я, уехали попутным транспортом в населенный пункт Кремпахи, где находился в то время штаб партизанского движения 4-го Украинского фронта.

В Кремпахах мне довелось встретиться и беседовать с писателем Константином Симоновым. Он записывал здесь рассказы партизанских командиров, участников Словацкого национального восстания.

Я попытался прочесть ему свои стихи, но они его не заинтересовали.

Впоследствии в своей книге «Незадолго до тишины» К. Симонов использовал часть своих фронтовых записей в Кремпахах. Он писал: «Я поехал в село Кремпахи, где размещался тогда штаб партизанского движения 4-го Украинского фронта, и около двух недель записывал там рассказы участников Словацкого восстания. Они легли в основу моих очерков, напечатанных в «Красной Звезде» и объединенных потом в книге «Письма из Чехословакии». В блокнотах осталось несколько отрывочных для памяти записей о наших ребятах-парашютистах, пришедших на помощь Словакии. Тогда, в сорок пятом году, я, конечно,

знал, а сейчас не помню, с чьих слов сделана запись. Но в ней чувствуется дух времени, готовность солдат революции до конца выполнить свой интернациональный долг всюду, где это от них потребуется...»

24 февраля 1945 года командующий войсками 4-го Украинского фронта генерал армии И. Е. Петров вручил партизанским командирам, участникам Словацкого национального восстания, награды советской Родины за боевые отличия в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Из его рук я получил свою первую награду — орден Красной Звезды, которую особо ценю и буду дорожить ею до конца жизни.

На следующий день в штабе тыла фронта мне оформили вещевой аттестат, потом выдали полевую офицерскую форму. Переодевшись, я снова стал младшим лейтенантом медицинской службы. Партизанскую одежду и высокие шнурованные ботинки, в которых я прошагал по горам Словакии многие километры, пришлось сжечь на последнем партизанском костре, на окраине Кремпах. Особенно было жаль словацкую офицерскую шинель. Я проходил в ней всю зиму, пока не получил советскую форму.

С моей партизанской шинелью связан один ночной эпизод, о котором нельзя не рассказать. В 20-х числах января 1945 года мы вернулись с боевого задания уставшими. После доклада командиру о выполнении задачи залезли в партизанский шалаш. С наступлением темноты зажгли костер и, согревшись у его огня, заснули как убитые. Было еще темно, когда я проснулся от удара по спине. Никто из ребят даже не пошевелился. На земле лежал чешский ручной пулемет и рядом с ним сломанный сук ели, на котором он висел раньше. В шалаше сильно пахло паленым. Осмотрев себя спереди, расстегнул ремень и снял шинель. На спине зияла дыра сантиметров двадцать в диаметре, прожженная искрами костра. Сукно еще тлело и испускало смяд. Под шинелью был френч, но он уцелел. От дальнейших нежелательных последствий

меня спас пулемет, «своевременно» упавший на мою спину.

Я до сих пор жалею, что сжег тогда в Кремпах свою шинель, реликвию моей партизанской молодости.

События последующих недель промелькнули быстро, как в калейдоскопе. В марте 1945 года я возвратился в Киев, где подготовил и сдал в Украинский штаб партизанского движения отчет о своей работе в тылу врага. Здесь же пришлось расстаться с моим дорогим личным оружием — ППС, с которым я прошел по Венгрии и Словакии.

В финчасти мне выдали 800 рублей — остаток причитавшегося денежного содержания. Остальные деньги в сумме 400 рублей в месяц регулярно пересылались в Чермоз моей матери по денежному аттестату. На киевском базаре буханка хлеба в то время стоила 300 рублей. Так что деньги, полученные мной, были невелики.

Вскоре вручили предписание об откомандировании в распоряжение санитарного отряда Киевского военного округа, и я снова вернулся к армейской жизни.

Война полным ходом шла к своему завершению. Мои рапорты об отправке на фронт оставались без ответа. Как-то, перечитывая свои фронтовые письма, сохраненные моей матерью, я наткнулся в письме от 21 марта 1945 года на следующие строки: «Дорогая мама! На мои рапорты с просьбой отправить на фронт не получаю ответа. Только сегодня у меня радостный день — я получил ваши письма, которые ты, мама, писала 1 ноября 1944 года, а брат Володя — 28 октября того же года. Хотя эти письма старые, но я был от них без ума...» Наконец, 11 апреля из дома пришли в Киев письма матери и сестры Клары, датированные 29 и 30 марта. Переписка с семьей восстановилась.

25 апреля меня вызвали к начальнику санитарного отдела Киевского военного округа полковнику Саенко. Перелистав мое личное дело и прочитав боевую характеристику, подписанную Кузнецом и Михайловским 27 марта 1945 года, он сердито посмотрел на меня и сказал: «На фронт снова хочешь? Войну без тебя закончат. Ты свое

дело сделал. Если бы каждый наш солдат уничтожил столько фашистских захватчиков, сколько ты, то война давно бы закончилась. Поедешь учиться в академию. И больше никаких рапортов об отправке на фронт не писать!»

Снова потянулись однообразные дни пребывания в окружном резерве офицерского состава с их круглосуточными дежурствами в штабе округа и выполнением различных адъютантских поручений.

При освидетельствовании военно-врачебной комиссией я честно прошел всех специалистов, кроме окулиста, которого пришлось обмануть, — вместо меня у него побывал один из моих товарищей. Надо было начинать новую, мирную жизнь.

Наконец, 8 мая меня направили в Военно-медицинскую академию имени С. М. Кирова, в город Ленинград.

Волею судьбы (иначе не скажешь) по пути из Киева в Ленинград 9 мая 1945 года я оказался в Москве. На площадях и улицах столицы ликовали толпы людей. Военных в полевой форме подбрасывали на руках. На Красной площади, куда я поехал, используя свободное до отхода поезда время, «досталось» в этом отношении и мне.

Великая Отечественная война закончилась. Мы победили!

* * *

В своих воспоминаниях я рассказал далеко не о всех событиях в годы войны, свидетелем и участником которых мне довелось быть. При написании воспоминаний использованы мои письма к матери и дневник тех лет. Некоторые общие данные и сведения взяты из книг А. Н. Асмолова «Фронт в тылу вермахта», В. Клокова «Партизаны словацких гор», венгерских партизан-антифашистов Иштвана Декана и Евы Декан-Карбош «Пути-дороги»...

За чертой повествования остались многие из моих то-

варищей, такие как комиссар отряда П. Попов, командир боевой группы Воробей, помощник начальника штаба Измайлов, начхоз Рыжий, рядовой партизан бывший словацкий батрак Павел Гак и другие, фамилии которых можно установить только по материалам партизанских архивов. Хотелось бы упомянуть о руководителе группы минеров-подрывников Буряке, отчаянном партизане Юлии Корже, о словаках-проводниках Петергаче и Яне (фамилию его не знаю), члене Народного Выбора (местного национального комитета) Адольфе Воячке и многих других.

Боевые дела чехословацких, венгерских, югославских, французских антифашистов, воевавших в горах Словакии, помнит чехословацкий народ.

Встречаясь со многими участниками Словацкого национального восстания на ежегодных приемах в посольстве Чехословакии, всякий раз убеждаешься в том, что кровь наших советских парней на чехословацкой земле пролита не напрасно.

Я благодарен судьбе за то, что в годы тяжелых испытаний смог выполнить свой долг, внося скромный вклад в победу нашего народа над фашизмом.

Виктор Васильевич Кириллюк. Родился в деревне Большие Тураи Оханского района Пермской области. В Советской Армии с 1941 года. Боевое крещение принял в 1943 году. 23 февраля 1945 года присвоено звание Героя Советского Союза. Награжден также двумя орденами Ленина, пятью орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского, Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны I степени, югославским орденом «Партизанская Звезда» I степени, медалями. С декабря 1958 года — в запасе. Умер в 1988 году.

В. В. КИРИЛЮК

**В ВОЕННОМ
НЕБЕ ***

Весной 1941 года я закончил обучение в Свердловском аэроклубе и был направлен в Батайскую авиационную школу истребителей. Батайск находился в 18 километрах от Ростова-на-Дону. Приехали на железнодорожную станцию. Еще находясь на перроне, увидели в воздухе истребители. Летали они быстро, но на вид были какие-то толстые и короткие. Встретившие нас командиры объяснили: это самолеты-истребители И-16, нам предстоит учиться на них летать.

Построили нас на вокзале и направили в военный городок. Размести-

* Подготовил очерк к печати пермский краевед В. П. Пономарев.

ли в заранее подготовленном помещении. Объявили, что до мая будем находиться в карантине. Чего только не приходилось делать в это время: выгружали из вагонов каменный уголь, пилили, кололи и складывали в поленицы дрова. Выполняли другие хозяйственные работы. После обеда изучали уставы РККА.

20 апреля в торжественной обстановке приняли на плацу военную присягу. Началась полнокровная курсантская жизнь. Все выпускники Свердловского аэроклуба были зачислены в военную авиационную эскадрилью, которой командовал капитан Матвеев.

До 1 июня шла теория, затем нас всей эскадрильей отправили в лагерь недалеко от железнодорожной станции Херногра. Курсанты и командный состав жили в палатках. Занимались по 8 часов в день. Здесь мы начали учебные полеты на Ут-2. Инструкторский состав летал на И-16.

Приступили к летной программе на учебном самолете. Это был тот же самолет И-16, только с двумя кабинами: передняя — для курсанта, задняя — для инструктора.

Закончить программу полностью нам не удалось. 22 июня, в воскресенье, в 6 утра как всегда начали полеты, и вдруг в 10 часов все неожиданно прекращают. Нас выстроили и сообщили о начавшейся войне.

На этом наша лагерная жизнь закончилась, и нас перевели в город Азов. В азовском небе мы продолжали летную подготовку. В первых числах июля пришел приказ всю школу перебазировать в Азербайджан, в город Евлах.

Фашистская Германия быстро продвигалась в глубь нашей страны. Немцы подошли к Ростову-на-Дону.

Из Евлаха нас позэскадрильно рассредоточили на разных аэродромах. Нашу 8-ю авиаэскадрилью разместили на голом пустыре возле аула Маргушевань, недалеко от железнодорожной станции Герань. Быстро поставили палаточный лагерь. Одновременно стали строить бараки. Усиленно занимались летной подготовкой. К концу сен-

тября 1941 года наиболее подготовленных курсантов в количестве 50 человек, в это число попал и я, отправили в 7-ю авиаэскадрилью на станцию Герань.

В 7-й авиаэскадрилье нас разместили в бывшей конюшне. Мы соорудили двухэтажные нары, застелили их соломой, а сверху натянули брезент. Подушки тоже набили соломой. Вот и готова перина.

Именно здесь завязалась наша дружба с Николаем Скомороховым, которая продолжалась и после войны.

12 марта 1942 года закончилась наша курсантская жизнь в школе. Выпуск был 60 человек. Сколько было радости у всех. Ведь недолго тот час, когда мы уйдем на фронт очищать наше советское небо от гитлеровских стервятников. Но мы глубоко ошибались. Вместо фронта 20 человек было откомандировано на курсы командиров звеньев в 25-й запасной авиационный полк, в город Нджикабул. Командовал курсами старший лейтенант Туманцев. Однако закончить обучение не пришлось, курсы расформировали.

После этого 10 человек, в том числе Николай Скоморохов, были направлены в 164-й истребительный полк, в Адлер. Я попал в другую десятку, которая оказалась в 170-м полку. Здесь я освоил самолет ЛаГГ-3, но в октябре 1942 года наш полк расформировали. 1-ю авиаэскадрилью направили под Грозный, а нашей 2-й поручили перегонять боевые самолеты с Тбилисского авиационного завода на Северный Кавказ, под Грозный.

В середине декабря мы последний раз получили с завода самолеты ЛаГГ-3. Нашу эскадрилью под командованием капитана И. П. Ковалева направили в Кутаиси для тренировки в полетах перед отправкой на фронт.

В конце декабря мы закончили летную подготовку на аэродроме Кутаиси и перелетели эскадрильей на аэродром назначения, в распоряжение 164-го полка, где я снова встретился с Николаем Скомороховым.

Нам дали небольшой отдых. Одновременно мы гото-

вили свои самолеты, изучали район будущих боевых действий.

Над нашим аэродромом часто появлялись самолеты противника. Мы внимательно присматривались к их повадкам, это очень нам помогло в дальнейшем при выполнении боевых вылетов.

* * *

С 3 января 1943 года начались первые боевые вылеты на фронт. Нас, зеленую молодежь, вводили в строй постепенно. Сначала мы летали парой, на воздушную разведку в район Новороссийска, Керчи, Майкопа, Белореченской за Кавказским хребтом. Перед нами, как правило, ставилась задача обнаружить скопления живой силы и техники противника, направление его движения, определить места огневых точек, а также засечь огневые позиции зенитной артиллерии. Летали на разведку аэродромов в Белореченской, Краснодаре и Темрюке. В нашей 3-й эскадрилье было всего два летчика с боевым опытом — командир капитан Ковалев и его заместитель капитан Устинов. Я был ведомым у Устинова. При сопровождении бомбардировщиков или штурмовиков мы вылетали четверкой — Ковалев, Устинов, я и Султангалиев. Мы, ведомые, должны были все время держаться рядом со своим ведущим, ни в коем случае не отрываться от него.

В первых боевых вылетах я чувствовал некоторую напряженность, идя над территорией противника. Как-то Устинов и я поднялись с нашего аэродрома и направились через перевал в район Майкопа на разведку войск противника. На подходе к цели вдруг сбоку замечаю черную шапку. Рядом другая, третья. Сначала и не сообразил, в чем дело. Потом понял: да ведь это разрываются крупнокалиберные зенитные снаряды. Откровенно говоря, стало немного не по себе. Так я впервые познакомился с тяже-

лой зенитной артиллерией противника. Иначе говоря, принял боевое крещение.

Памятной была и первая встреча с фашистскими истребителями. Нас с Устиновым послали на разведку в район Новороссийска. Подошли к заданному району, и тут ведущий по радио меня предупреждает: «Впереди два «мессера», будь внимательней». Затевать воздушный поединок в нашу задачу не входило. «Мессеры», по всей видимости, тоже особого желания вступать в бой не испытывали.

Постепенно нам стали усложнять задачу. Например, после разведки необходимо было произвести штурмовку. Перед вылетом на самолеты стали подвешивать по две авиабомбы АО-25 или НО-50.

Все чаще и чаще мы начали летать группами на сопровождение бомбардировщиков в районы Майкопа, Белореченской, Краснодара, Туапсе — обеспечивать им полную свободу действий и безопасность, особенно возле цели. Штурмовики мы сопровождали только в районы Туапсе, Новороссийска и Керчи. Они не могли летать через Кавказский хребет, не хватало мощности моторов.

В конце января 1943 года перелетели полком на аэродром в Белореченской. Здесь мы выполняли те же задачи, что и прежде. Увеличилось количество вылетов в район Краснодара. Наши войска были на подступах к городу.

Наступил февраль, началась кубанская весна. На аэродроме под снегом появилась вода, это очень затрудняло взлет, да еще с бомбовой нагрузкой. Однако летный состав продолжал успешно выполнять боевые задания.

В феврале 1943 года Краснодар был освобожден от фашистов. Наш 164-й полк перелетел на краснодарский аэродром.

На этом аэродроме нам часто надоедали немецкие стервятники. Бомбили они его, однако, только ночью, днем боялись показать здесь свой нос. В светлое время суток аэродром прикрывался нашими истребителями. Ночью же

основная нагрузка падала на прожектористов и расчеты зенитной артиллерии. Немецкие бомбардировщики еще на подходе к аэродрому попадали в лучи прожекторов, и зенитчики сбивали их. При таких налетах вражеская авиация несла большие потери.

Свой боевой счет сбитых самолетов в воздухе я открыл 1 марта 1943 года. В этот день, под вечер, в паре с Устиновым вылетели на воздушную разведку аэродрома в Темрюке. Установили, сколько стоит на аэродроме истребителей и бомбардировщиков, выяснили расположение стоянок самолетов, засекли зенитные точки. Стали возвращаться на свой аэродром. Примерно за 10 километров до линии фронта капитан заметил, что навстречу нам идут два «мессера».

«Завязываем бой», — командует Устинов.

Как только поравнялись с ними, ведущий энергично пошел в левый боевой разворот, я последовал за ним. Завязался бой на виражах. На исходе второго виража Устинов зашел в хвост ведущему «мессеру» и сбил его. У меня получилось то же самое. Взял побольше упреждение и дал длинную очередь, чтобы не промахнуться. Фашист загорелся и стал падать на землю. Это была победа не только над фашистом, но и над самим собой. Теперь я окончательно поверил в свои силы и, если хотите, в удачу.

* * *

По агентурным данным нашей разведки, стало известно, что противник переправляет свои войска из района Керчи через Керченский пролив на Малую землю.

5 марта наша пара вылетела на разведку Керченского пролива. Когда подошли, то увидели, что из Крыма на Малую землю действительно перебрасываются вражеские войска. Меня удивило то, что танки и автомашины идут прямо по воде. Но почему они не тонут, ведь переправы-то нет? Сказал об этом по радио ведущему. Устинов пере-

дал мне: «Давай зайдем со стороны солнца». Когда зашли, увидели тень переправы, идущей от одного берега к другому. Переправа была притоплена, палубы понтонов покрашены под цвет воды, поэтому ее и не было видно с воздуха. После посадки доложили командиру полка майору А. Мелентьеву о переброске фашистских войск через пролив по подводной переправе. Тот в свою очередь сообщил о результатах разведки командиру дивизии полковнику Селиверстову. Спустя час из штаба дивизии поступил приказ выйти на прикрытие 18 штурмовиков. Мы сели в кабины своих самолетов, готовые к запуску моторов. Через несколько минут штурмовики появились над нашим аэродромом. Мы быстро взлетели всей группой.

На цель вышли благополучно, без всяких приключений. Как только штурмовики ринулись к переправе, на нас навалилась большая группа истребителей противника. Завязался воздушный бой. Противник имел перед нами двух- или даже трехкратное преимущество. Капитан Ковалев передает штурмовикам по радио: «С ходу делайте один заход и бомбите так, чтобы переправы не существовало». Так они и сделали, переправу разбили. Не один десяток танков и автомашин лег на дно Керченского пролива. Штурмовики ушли от уничтоженной переправы на бреющем полете. Мы же продолжали вести оборонительный бой. Схватка была длительной и очень тяжелой. На наше звено навалилось 6 «мессеров». Мы завязали воздушный бой на виражах. И вот тут мне удалось одержать вторую свою победу над врагом.

Неожиданно меня атакуют два «мессера». Они взяли мой самолет в клещи: один атакует слева, другой справа. Бывалые летчики нас учили, что в воздушных боях от трассы противника нужно уходить скольжением. Вначале такой маневр мне удавался. Но все равно уберечься не сумел. Справа меня атакует один «мессер». Скольжением ухожу от его трассы. А в этот момент дает очередь второй. Меня обдает кипятком и горячим маслом. Через фонарь

ничего не видно, он весь в масле. Я сразу понял: снаряд попал в рубашку мотора, и она разбита. Открыл фонарь, чтобы лучше сориентироваться, и вижу медленное вращение винта, затем он совсем встал. Надо садиться.

Неизвестно, где я нахожусь: над территорией, занятой противником, или над своей. Но об этом думать сейчас некогда. Замечаю подходящую площадку, выключаю зажигание и иду на вынужденную. Посадил самолет на фюзеляж и вижу: противник пикирует на меня. Быстро вылез из кабины, сбросил парашют и куртку и бежать.

На мое счастье, в каких-то тридцати метрах от самолета оказалась воронка от бомбы. Спрятался в нее, стал наблюдать за истребителями. На втором заходе они зажгли мой самолет. Он взорвался и быстро сгорел.

Прошло, может, минут десять, вижу: ползет человек в маскировочном халате. Подполз к самолету, кричит:

— Эй, где ты, летчик?

Я молчу. Вдруг это немец? Некоторые из них хорошо знали русский язык. Достал из кобуры пистолет. В воздухе уже встречался с немцами, придется познакомиться и на земле. Но когда он снова окликнул меня, добавив хорошую русскую поговорку, понял, что немец вряд ли бы так загнул. Вылез из воронки.

Мой спаситель был немногословен:

— Ползи за мной!

В траншее он мне отрекомендовался:

— Старший лейтенант Смирнов.

От него я узнал, что произвел посадку на нейтральной полосе.

До конца Великой Отечественной войны я больше ни разу не был сбит.

Произвел 610 боевых вылетов, участвовал в 139 воздушных боях, сбил лично 32 самолета и 10 в групповом бою.

16 марта 1943 года наш полк направили на переучивание на новые самолеты Ла-5 в 4-й запасной авиаполк, базировавшийся в городе Моршанске.

Приземлились на самолетах Ли-2 на аэродроме Моршанска. Здесь нас встречало командование полка. Было довольно холодно. Мороз — около 20 градусов. Увидев, что мы во всем меховом, а на головах — пилотки, офицеры рассмеялись. Разместили нас в казарме, а на другой день всем выдали шапки. Через два дня начали изучать новый самолет Ла-5. К апрелю мы прошли учебную и наземную подготовки, сдали зачеты. Во второй половине апреля закончили летную практику.

В запасном полку мне дважды доверяли вести показательный свободный воздушный бой на Ла-5 с «мессершмиттом», на котором летал летчик-инструктор Шилов. Мы взлетали парой, набирали высоту 3 или 4 тысячи метров, затем под углом 90 градусов расходились в разные стороны, через 10—15 секунд разворачивались на 180 градусов, чтобы встретиться в лобовой атаке. Как только поравняемся бортами, сразу же вводим самолеты в разворот. Бой начинался на виражах, то есть в горизонтальной плоскости. Уже на втором вираже мне удавалось зайти в хвост «мессеру», а затем бой переходил на вертикальные фигуры. Он делал переворот, и я за ним, он — боевой разворот, и я тоже, или петлю Нестерова. На каждой фигуре на своем «лавочкине» все время был на хвосте у «мессера».

Я и все летчики убедились: «лавочкин» оправдывает себя по скорости и маневренности и может с большим успехом уничтожать фашистских стервятников. В последующих воздушных схватках он достойно показал себя.

30 апреля мы распрощались с Моршанском, и наш полк перелетел на аэродром Борисоглебска, ближе к фронту.

4 мая и Борисоглебск остался позади. Полком мы при-

землились на аэродром Миллерово, где встретились с нашим техническим составом. Здесь нам тоже засиживаться не дали. 7 мая перелетели на действующий прифронтовой аэродром Нижняя Дуванка. Полк вошел в 295-ю авиационную дивизию, в составе которой были также 31-й и 116-й авиаполки.

* * *

Мне присваивают звание младшего лейтенанта и назначают командиром звена. В звено вошли мой ведомый В. Титов, старший летчик В. Киричук и его ведомый Р. Трещинский. Экипаж самолета состоял из 5 человек: летчик, механик самолета, моторист, два оружейника и приборист. Итого — 20 человек.

Мое звено часто вело воздушную разведку противника. Изучали аэродромы, следили за переброской живой силы и техники по железным дорогам, за переброской войск к линии фронта.

Часто приходилось вылетать на прикрытие 8-й гвардейской армии генерала В. И. Чуйкова. Причем делали это не четырьмя самолетами, а восемью, и даже двенадцатью.

15 июня повел на прикрытие своих войск восемь самолетов. Мое звено (высота 3 тысячи метров) — ударная группа, а Володин со своими ребятами (высота 4 тысячи метров) — сковывающая. Придя в заданный район, заметили большую группу немецких бомбардировщиков под прикрытием истребителей. Передаю по радио Володину (у него был позывной «Узбек»): «Сковать верхнюю группу боем». Даю команду и ведущему второй пары моего звена Султангалиеву (позывной — «Татарин»): «Атакуй «бомберов», а я займусь «мессерами».

Володин завязал воздушный. Иду парой в лобовую атаку, прицеливаюсь по стервятнику и с дистанции 100 метров даю очередь из обеих пушек. «Мессер» накренился и с дымом пошел вниз, а его ведомый исчез, так я его боль-

ше не видел. Султангалиев, используя запас скорости, вместе с ведомым боевым разворотом зашел в хвост «бомберам». С первой атаки они сбили два самолета. Мы с Титовым также сбиваем два вражеских стервятника. Володин и Трещинский отправляют в преисподнюю пару истребителей. Володин спешит к «бомберам». Некоторые из них начинают дымить. Противник растерялся. Сбросив бомбы куда попало, стал уходить на свою территорию.

Главное, мы им не дали прицельно бомбить наши войска.

В начале июля моему звену была поставлена новая задача: вести перехват разведчиков с аэродрома Сватово. Противник вел воздушную разведку на самолетах «Мессершмитт-110» и «Юнкерс-88». Они по нескольку раз в день появлялись над нашей территорией. Мне придали две радиостанции и радиолокатор «Редут». Была установлена связь с КП дивизии и с постами ВНОС (воздушное наведение, оповещение и связь).

По их команде вылетали на перехват вражеских самолетов. В засаде на аэродроме Сватово мы просидели полмесяца, за это время уничтожили 8 разведчиков. Мой счет увеличился еще на 4 самолета.

* * *

Наш полк перебазировался на аэродром Кременая. Грунтовая полоса — длиной до 2 километров и шириной 200 метров. Что интересно, аэродром с трех сторон был окружен дубовой рощей. Находился он в 10 километрах от Северного Донца, а за ним — немецкие позиции. Свои самолеты мы маскировали в роще: закатаешь машину между дубов, а спереди обложишь ветками.

С рассвета и до темноты нам приходилось совершать по 5—6 вылетов. После взлета мы уходили подальше от аэродрома, набирали высоту 4—5 тысяч метров и, как

только подходили к линии фронта, с ходу вступали в воздушный бой. Длился он обычно до 40—45 минут.

К концу дня летчик изматывался полностью. После посадки, зарулив на стоянку и выключив мотор, пилот зачастую был не в силах вылезти из кабины, на помощь ему приходил механик. Выбравшись из самолета, летчик иной раз засыпал тут же под крылом, на чехле. У него не хватало сил даже поесть.

20 июня вылетели прикрывать наземные войска в районе города Изюм. Эскадрилью ведет капитан Г. Онискевич. Он с восьмеркой самолетов в ударной группе. Мое звено — в сковывающей.

Пришли в район прикрытия и через каких-то пять минут увидели, что с запада идет группа немецких бомбардировщиков на нашей высоте под прикрытием шести «мессеров» и шестерка истребителей. Онискевич — «Онис» — передает по радио: «Кирым», связать боем верхнюю группу!» Командую своему звену: «Увеличиваем скорость и идем с набором высоты». Эти действия оказались правильными. Мы получили преимущество в высоте, а значит, и в скорости.

Как только звенья поравнялись с группой «мессеров», командую: «Энергичный разворот влево!» Мое звено в хвосте противника, но дистанция еще большая, вести огонь бесполезно. Завязался бой на виражах. На втором вираже зашли в хвост. Определяю дистанцию, она — метров пятьдесят-семьдесят, прицеливаюсь по ведущему и даю очередь из двух 20-миллиметровых пушек. Султангалиев открывает огонь по ведомому. Оба «мессера» сбиты. Противник делает поворот, чтобы вести бой на вертикалях. Выполняю такой же маневр. Ведущий из «мессеров» начинает выходить из пикирования. Он у меня в прицеле. Нажимаю на гашетку. «Мессер» задымил и повалился на землю.

Звено Володина атакует бомбардировщики. Вижу один, второй факел. Это горят «бомберы». Передаю «Онису»:

«Иди своим звеном на уничтожение Ю-88. Бой с «мессерами» принимаю на себя». Он идет на виражах и вертикалях. Ведущий «мессер» выходит из пикирования и делает левый боевой разворот, я иду за ним. Дистанция — 50 метров, немец у меня в прицеле. Даю очередь. Фашист начал переваливаться с крыла на крыло. Появился дым. Выходя из боевого разворота, замечаю: у моего самолета встал воздушный винт. В чем дело? Смотрю на бензомер. Стрелка на нуле. Что же делать? Посмотрел на землю. Подо мной лесной массив. Вынужденная посадка невозможна. На высотомере 4 тысячи метров. Можно прыгнуть с парашютом, если свои прикроют, но не исключено, что меня расстреляют в воздухе или с земли. И тут на своей территории, за Северным Донцом, я увидел большую поляну. Принимаю решение планировать туда. Главное — все точно рассчитать. Планирую. Уже пересек Северный Донец. Вот она, поляна, — впереди. Воронок на ней вроде не видно. Захожу на посадку, выпускаю аварийное шасси. Приземлился нормально. Вылез из кабины, посмотрел кругом. Никого.

Минут через десять к моему самолету подъехал американский «виллис». На переднем сиденье рядом с шофером сидел человек в генеральской фуражке и плащ-накидке, а на заднем — майор и два автоматчика. Генерал меня спросил:

— Где летчик и сколько вас человек?

Отвечаю ему:

— Я летчик, а больше здесь никого нет.

Генерал усмехнулся:

— Какой ты летчик? Тебе только на огороде стоять и пугать ворон. Как твоя фамилия?

Я ему ответил, что фамилию свою говорить не буду, а в полетах у меня позывной «Кирым».

Генерал почему-то меня не одернул, а подошел и подал руку:

— Выходит, я хорошо тебя знаю. Мне часто приходилось слышать тебя по радио, когда ты прикрывал мою армию.

Он тут же дал команду майору оставить автоматчиков для охраны моего самолета.

— Садись, «Кирилл», в машину, поедем ко мне в штаб, там во всем разберемся.

В штабе генерал приказал майору накормить меня.

Перекусив, явился, как и было велено, к генералу. Он кивнул на девушку, стоявшую здесь же:

— Вот тебе радистка, теперь имей дело с ней.

Я дал ей волну и позывной своего аэродрома. Попросил сказать квадрат, где я нахожусь, и передать для самолета бензин, масло и кислород.

На другой день утром мне доставили все необходимое. От радистки я узнал, что генерал, с которым я так смело говорил, — командующий 8-й гвардейской армией Василий Иванович Чуйков.

На следующий день я опять вел 8 самолетов накрытие своих войск. Встретили 12 «мессеров», быстро определили, что на них летят румынские летчики. Румыны шли эшелонированно по высоте — восьмерка чуть выше, четверка — пониже. Своим звеном завязываю воздушный бой с нижней группой, а Володин — с верхней. Захожу в хвост противнику. Он делает переворот, я тоже. Он пикирует к земле, я по-прежнему наседаю на него сверху. Румын не выдержал и стал выводить самолет из пикирования, я не даю ему этого сделать. «Мессер» цепляется за верхушки деревьев и врезается в лес. Всего в ходе боя было сбито 4 вражеских самолета.

После посадки оружейницы Т. Рюмова и Е. Сухарева стали осматривать вооружение. Вижу их удивленные лица: сбил самолет, а снаряды все целы.

В июле немецкая авиация несла поражение за поражением. Мы ощущали себя хозяевами в украинском небе.

Немецкое командование принимает решение перебросить сюда специальную группу асов в количестве 80 истребителей. Эта воздушная элита имела большой боевой опыт, приобретенный в Испании, Африке, Западной Европе.

Первая встреча с немецкими асами состоялась у нас 26 июля 1943 года.

Четверкой вылетели на прикрытие своих войск. С юго-запада появилось пять немецких самолетов. Предупреждаю своих летчиков о противнике. Даю команду увеличить скорость, никому не отрываться от группы, все внимание на врага. При сближении обращаю внимание, что у ведущего фашиста на фюзеляже, кроме черного креста и свастики, нарисованы два туза — крестовый и пиковый.

Делаем левый разворот с набором высоты. Противник тоже пошел в левый разворот. Начался бой на виражах. На третьем вираже моя группа зашла в хвост врагу. Дистанция для открытия огня подходящая. Неприятель решил затянуть мою группу на вертикальные фигуры. Всей группой делает переворот. Выполняю тот же маневр. Противник делает левый боевой разворот — наша группа не отстает от него. Он снова делает переворот и пытается уйти в длительное пикирование. Этим маневром особо не увлекаюсь, зная, что «лавочкин» при выводе из пикирования дает бóльшую осадку, чем «мессер». А сам думаю: сколько ты ни пикируй, все равно будешь выводить самолет из пикирования. Своей группой стали раньше выходить из пикирования. И как только их ведущий попытался перейти на вертикальную фигуру, тут я его и поймал. Навел крест прицела на его черный крест и дал хорошую очередь. Вражеский самолет загорелся и врезался в землю.

Остальные две пары в бой вступать не стали, а удрали восвояси.

Группа фашистских асов базировалась на аэродроме города Барвенково. После освобождения города наш полк перевели на этот аэродром.

Местные жители рассказали о фашистском асе, которого всегда сопровождали к самолету и встречали после посадки офицеры. Был он в чине полковника. 26 июля пять фашистских самолетов вылетели на боевое задание. В восемнадцать часов четыре летчика произвели посадку, полковника среди них не оказалось. Время моего вылета совпало. Это подтвердило, что полковника с двумя тузами сбил я. Местные жители рассказали также, что немцы в течение нескольких дней после случившегося носили траурные повязки.

* * *

Я уже говорил, что летчики нашего полка выполняли в день по 5—6 боевых вылетов. В связи с этим был большой расход горюче-смазочных материалов и снарядов. Техническому составу нужно было за короткое время подготовить самолет к следующему боевому вылету: быстро заправить самолет бензином, маслом, кислородом. На самолете стояли две 20-миллиметровые пушки, на каждую полагалось по 170 снарядов.

Члены моего экипажа были из разных концов Советского Союза. Я — из Свердловской области, механик А. Качанов — из Таганрога, моторист Е. Стремоухов — из Новосибирска, прибористка К. Климова — из Москвы, оружейницы Т. Рюмкова и Е. Сухарева — из Астрахани. Экипаж был очень дружный. Работали при подготовке самолета, следуя девизу: один за всех и все за одного. За весь период Великой Отечественной войны у меня не было ни одного отказа техники. Мотор и оружие работали всегда исправно.

При таком большом объеме работы многие детали самолета часто не выдерживали нагрузки. Требовалась их замена. В этом случае весь экипаж работал с полной отдачей сил от зари до зари. Иногда приходилось прихватывать и ночь. Особенно тяжело доставалось оружейникам. Помимо подготовки самолета, девушки несли еще и караульную службу. Еще раз большое им дружеское спасибо!

* * *

На Северо-Донецком плацдарме войскам 3-го Украинского фронта никак не удавалось прорвать фашистскую оборону. Командование фронта приняло решение произвести перегруппировку сил. В первой половине августа началась переброска войск 8-й гвардейской армии с плацдарма на левый фланг фронта, под Ворошиловград.

8-я гвардейская армия стала передвигаться как раз по той дороге, которая проходила через наш аэродром. Немецкие воздушные разведчики засекли передислокацию наших войск и начали интенсивно бомбить. Вражеские бомбардировщики кружили большими группами до 40—50 самолетов.

16 августа командир полка Мелентьев поставил мне боевую задачу прикрывать войска 8-й армии.

Вылетели в 7 часов утра. Я в составе 6 самолетов иду на высоте 4 тысячи метров, а четверка, ведомая Володиным, на высоте 5 тысяч метров. Только пришли в район прикрытия, как Володин передает: «Вижу впереди большую группу бомбардировщиков Ю-88 под прикрытием четырех истребителей. Группа идет ниже меня». Понятно: значит, противник на моей высоте. «Всем быть внимательными, атаку производим с ходу. «Узбек» (Володин), истребителей связать боем».

Хорошо вижу всю группу. Идем в лобовую, атакуем с дистанции 100 метров. За первой вражеской группой на

дистанции 200 метров идет вторая. Атакуем и ее. Выходим из атаки. Вижу четыре горящих самолета. Левым боевым разворотом всей группой занимаем исходное положение для повторной атаки. Вверху «Узбек» ведет бой с истребителями. И в первой и во второй группах противника паника. «Бомберы» беспорядочно сбрасывают свой груз.

Вторая атака также успешна: горят три вражеских самолета. Противник разворачивается. Делаем по ударающим третью атаку. Падают еще два самолета. На этом заканчиваем воздушный бой. Вверху «Узбек» расправился с четверкой истребителей. Команда: «Сбор». Все благополучно вернулись на свой аэродром.

Через 30 минут пришло подтверждение от наземных войск и нашей радиостанции наведения: «Группа «Кири-ма» сбила 12 бомбардировщиков и 2 истребителя, ни одна бомба противника на войска не упала».

Мне не помнится такого случая до конца войны, чтобы нами в одном воздушном бою было сбито 14 самолетов.

* * *

Войска 3-го Украинского фронта прорвали линию обороны противника в центре плацдарма, а 8-я гвардейская армия — на левом фланге, в районе Ворошиловграда, и пошли в наступление. Освободили город Красный Лиман. Наш полк перебазировался сюда.

17 сентября 8 самолетов Ла-5 (ведущий Г. Д. Онискевич) вылетели прикрывать войска 8-й гвардейской армии в районе Артемова. В районе прикрытия пробыли 10 минут, и тут я увидел, правда довольно далеко, что на железнодорожную станцию идут бомбардировщики. Вижу 5 черных точек, но из-за большого расстояния определить тип самолетов не могу. Говорю ведущему: «На Красный Лиман идут «бомберы» противника». Онискевич передает:

«Противника не вижу, выходи вперед». Я покачал самолетом с крыла на крыло, добавил обороты двигателя и пошел на врага. Группа стала отставать. Набираю высоту на 500 метров выше бомбардировщиков, подхожу к Красному Лиману. Разглядываю бомбардировщики. Это четырехмоторные «Доронье-217». Они стали разворачиваться на боевой курс для бомбометания. Оказываюсь у них в хвосте. С ходу атакую замыкающий самолет. С дистанции 50 метров даю длинную очередь по левому мотору. Самолет сразу загорелся. В воздухе повисли семь парашютистов. С малой дистанции даю очередь по второму самолету, по его левому, внутреннему мотору. От мотора только клочья летят, а пламя не появляется. Делаю еще одну атаку, а результат прежний. Меня зло взяло. Решаю воздушным винтом отрубить немцу хвост. С небольшим превышением скорости сближаюсь с Д-217. Расстояние — каких-то 2 метра. Струей от четырех моторов мой самолет отбрасывает в сторону на 30—80 метров. Повторил попытку. Опять ничего не получается. Снова захожу, но уже не таранить. Дистанция — 20 метров. Вижу, стрелок противника открыл огонь из турельных пулеметов по моему самолету. Даю очередь по стрелку — смотрю, ни стрелка, ни турельной установки с пулеметами не видно. Бью и вдоль фюзеляжа. Мой самолет накренился на левое крыло и спирально пошел к земле. Обороты мотора резко упали. Развернул самолет в сторону своего аэродрома. Высота 4 тысячи метров. Думаю за счет высоты и малых оборотов дотянуть до своего аэродрома. С ходу захожу на посадку. Сел нормально, кое-как зарулил на стоянку. Механик Качанов быстро нашел причину неполадки. Оказывается, вражеский стрелок попал в агрегат Р-7, и он отказал, не стал ставить винт на малый шаг, то есть на максимальные обороты.

На нашем аэродроме базировалось сразу три полка: 116-й истребительный, наш 164-й и 610-й штурмовой.

Как-то на боевое задание вылетели два полка — 610-й штурмовой на самолетах Ил-2 и 116-й истребительный для прикрытия. Мое звено дежурило, находясь в готовности № 1. Мы сидели в кабинах самолетов.

Как только два полка поднялись в небо и скрылись в облаках, на аэродром налетели десять «Фокке-Вульф-190». От «фоккеров» отделяются длинные кассеты, которые раскрываются, и из них вываливаются мины. Мы их называли «лягушками». Мина эта весила около двух килограммов. Оборудованная пружинами и маленькими крылышками, она ударялась о землю, отскакивала от нее и взрывалась, поражая осколками большую площадь.

Одновременно с запада из-за облаков вывалились «Юнкерсы-87». Они заходят бомбить наш аэродром. Подниматься в небо нам не резон. «Фоккеры» посбивают нас на взлете. Вижу: дело пахнет керосином. Кричу:

— Всем в укрытие!

Сам быстро выскочил из кабины и побежал к траншее, а она находилась от самолета на расстоянии 100 метров. Эту стометровку я пробежал, наверное, с перекрытием мирового рекорда. Только прыгнул в траншею, как начали взрываться бомбы. Земля пошла ходуном. Рядом с траншеей упала и взорвалась бомба большого калибра. Кто был здесь, всех забросало землей.

В результате бомбежки и штурмовки было повреждено два самолета.

Когда противник ушел, на командном пункте эскадрильи появились капитан Мясищев и старший лейтенант Акзамов. Мясищев и говорит:

— Слушайте, что я вам расскажу. Подходим мы к аэродрому. Вдруг появляются самолеты, вначале мы не поняли, чьи. Акзамов мне говорит: «Штурмовики вернулись».

Смотрим, а эти штурмовики пошли пикировать на аэродром. Тут мы и поняли, что это немцы. А, как на грех, укрытия поблизости никакого. Только рядом с дорогой свекольное поле. Упали в свеклу и лежим. После бомбежки, когда пыль осела, поднимаю голову и цепенею. Прямо на спине у Акзамова мина. А он, бедный, лежит ни жив ни мертв и шепчет: «Ты-ты, мина, сва-сва-лись или взо-взорвись!» Так минут десять провалялись. А когда я окончательно-то разул глаза, гляжу, это не мина, а свекла.

Все разразились хохотом.

Здесь, в Красном Лимане, я познакомился с командиром авиаэскадрильи штурмовиков 610-го полка Мазковым. Мне часто приходилось сопровождать его на боевое задание. Считал за удовольствие лететь с ним на прикрытие. Впоследствии ему было присвоено высшее звание нашей Родины — Героя Советского Союза.

* * *

Войска 3-го Украинского фронта стали наносить мощные удары в направлении Запорожья, Днепропетровска. Фашистская авиация усилила полеты для разведки наших наступающих войск. Наши ястребки быстро отучили их летать днем. Фашисты перешли на ночную разведку. Задачу эту в основном выполняли Ю-88 и Ме-110.

Они вели разведку железнодорожных станций, аэродромов, переправ, шоссеиных дорог. Придя на цель, вначале сбрасывали САБы (светящиеся авиационные бомбы), которые медленно опускались на парашютах, освещая местность. Разведав цель, фашисты бомбили ее.

Наши истребители не были подготовлены для перехвата и уничтожения ночных немецких разведчиков. Командование 17-й воздушной армии приняло решение срочно подготовить в каждой истребительной дивизии по одной авиаэскадрилье ночников-перехватчиков. Из 164-го полка для этой цели была выделена наша эскадрилья.

Перелетели на аэродром Котивец возле Павлодара. На подготовку нам дали всего одну неделю.

Оборудование в то время было примитивное. Посадочная «Т» состояла из 10 фонарей «летучая мышь», направление для взлета и для посадки тоже установлено из фонарей. Всего их было 20 штук и 3 рассеивающих прожектора, которые еле светили при посадке.

В течение четырех дней я освоил полеты ночью.

Мой первый ночной вылет на перехват врага — на город Днепропетровск. Вижу: противника осветили прожектора и зенитная артиллерия бьет по самолету. Передаю по радио на КП зенитчиков: «Прекратить огонь». Приблизился на дистанцию 200 метров. Зенитчики продолжают стрелять по вражескому самолету. Снаряды рвутся возле меня. Снова запрашиваю землю. Поступает команда: «Прекратить преследование и возвращаться на аэродром».

На следующую ночь вылетел сам командир эскадрильи капитан Ковалев, и с ним такая же история.

Взаимодействие с зенитной артиллерией было организовано из рук вон плохо. На этом мы закончили ночную работу и снова перешли к боевым вылетам днем.

В начале декабря вылетел группой на прикрытии переправы через Днепр. Южнее Днепродзержинска увидел в небе аэростат. С него, по всей видимости, немцы корректировали огонь своей артиллерии. Дистанция 200 метров. Даю очередь, и он как мыльный пузырь лопається. Подвешенная корзина с клочьями аэростата полетела вниз.

В конце декабря 1943 года перелетели на аэродром Кайдаки. Здесь мы встретили Новый год.

Утром 2 января приехал с летчиками на аэродром. Не успел еще вылезти из машины, как подбежал посыльный.

— Товарищ лейтенант, вас вызывает на КП командир полка.

Пришел на КП, доложил командиру о прибытии.

— Ну вот, Кирилл, пришло время расстаться мне с то-

бой. Садись на свой самолет и лети на аэродром Андреевка, в распоряжение командующего армией. Объяснять ничего не буду. Там все узнаешь. Одно скажу, жалко с тобой расставаться».

Пошел прощаться с боевыми друзьями. Члены экипажа спрашивают:

— Куда, зачем?

А я не знаю, что им ответить.

Взлетел, набрал высоту 1 тысячу метров, прошел на повышенной скорости вдоль аэродрома, сделал прощальную фигуру — левую, затем правую бочку, покачал с крыла на крыло и повернул в Андреевку. На этом аэродроме базировался 3-й истребительный полк, которым командовал Герой Советского Союза майор Г. Д. Онуфриенко: Лечу и думаю: неужели меня перевели в этот полк? Новые люди, новый коллектив. После посадки направляюсь на КП полка. Захожу в землянку, вижу, сидит командующий генерал В. А. Судец. Доложил ему о прибытии.

— Вот твой командир эскадрильи Герой Советского Союза майор Краснов. Он тебе все расскажет.

Краснов объяснил, что при полку из лучших летчиков дивизии организуется особая эскадрилья «охотников» в составе 18 экипажей.

Наконец, все летчики в сборе. Краснов познакомился с каждым в отдельности. Интересовался он всем: биографией, количеством боевых вылетов, воздушных боев и сбитых самолетов. Затем перешел к постановке боевых задач.

Оперативно наша эскадрилья будет подчиняться командиру 31-го полка. Наша главная задача — уничтожать самолеты противника как в воздухе, так и на земле. Мы не будем теперь вылетать на прикрытие штурмовиков и бомбардировщиков. Основной нашей работой станет свободная охота и воздушная разведка аэродромов противника.

Начались первые боевые вылеты.

Летчики Калашонок и Маслов, выполнив разведку аэродрома в Вознесенске, доложили, что здесь сосредото-

чено большое количество вражеских бомбардировщиков и истребителей. Перед нами была поставлена задача рано утром нанести по аэродрому бомбовой и штурмовой удары. Вся эскадрилья в составе 18 самолетов вылетела на выполнение этого задания.

С первого захода сбросили бомбы. Увидели, как на стоянке бомбардировщиков возникли пожары. Сделали еще два захода на штурмовку. Мы не могли определить, какое количество самолетов горит. Оказалось, что вслед за нами посланы два Пе-2, которые зафиксировали на фотопленку результаты нашей работы. Пленка показала: уничтожено 26 самолетов противника.

Ведя разведку аэродрома в Кривом Роге, летчики Козлов и Кузнецов насчитали до 200 самолетов разного типа.

Наша эскадрилья летит для нанесения бомбового и штурмового ударов по этому аэродрому. Вылет оказался удачным, зажгли более 50 бомбардировщиков.

Так мы работали почти весь январь, не давая фашистам спокойно жить.

В середине января в районе Никополь — Каховка была окружена вражеская группировка численностью до 15 тысяч человек. Немецкое командование приняло решение воздушным путем вывозить оттуда старший офицерский состав, а для солдат доставлять боеприпасы. В этой операции они использовали самолеты «Юнкерс-52», которые имели 3 мотора и могли брать на борт до 80 пассажиров, и «Юнкерс-87».

Погода для наших истребителей была довольно сложная. Нижний край облаков — на высоте 200—250 метров, очень плохая видимость — до 2 километров. Нам была поставлена задача при любых условиях вылетать на боевое задание и уничтожать вражеские самолеты.

20 января четверкой направляемся в район окруженной группировки, Первая пара: Онуфриенко — Смирнов; вторая: Краснов — Кирилук. Подлетели к Никополю. Я сразу увидел три Ю-52 и ниже их — четыре Ю-87. Пере-

даю по радио: «Красный» (Краснов), справа самолеты противника Ю-52. «Отец Онуфрий» — (Онуфриенко), под вами четыре Ю-87».

Идем в атаку. С малой дистанции бью по Ю-52. Он взрывается. Меня воздушной волной забрасывает в облака.

На свой аэродром я вернулся самостоятельно. После посадки при осмотре самолета в плоскости и фюзеляже было обнаружено множество осколков. За эту операцию мной было сбито три Ю-52. Результаты работы эскадрильи: одиннадцать Ю-52 и восемь Ю-87.

20 февраля с удивлением наблюдаем такую картину. К нам на аэродром прибывают девять легковых автомашин американской марки «виллис». В них офицеры и автоматчики. Автоматчики сразу окружили командный пункт, а офицеры зашли в КП. Через пять минут произвел посадку пассажирский самолет СИ-47 «Дуглас». Еще минут через десять ко мне подходит оперативный дежурный капитан Тесня:

— Тебя вызывает на КП командир полка, но учти, там находится Маршал Советского Союза Василевский.

Я, конечно, призадумался. Захожу на КП, тарашу глаза на Василевского. Он среднего роста, коренастый, одет в полевую форму.

— Здравия желаю, товарищ Маршал Советского Союза! Разрешите обратиться к командиру полка подполковнику Онуфриенко!

— Обращайтесь.

— Товарищ подполковник, старший лейтенант Кирилюк по вашему приказу прибыл.

Командиром полка мне была поставлена боевая задача: сопровождать Василевского на 4-й Украинский с посадкой на аэродроме Доренбург.

Пришел на свой КП, подобрал летчиков. Ровно через 20 минут доложил командиру полка о готовности к вылету. Маршал Василевский согласился с нашим планом

полета. Мы приступили к выполнению поставленной задачи. В районе Запорожья наш маршрут проходил на удалении десяти километров от линии фронта. Всех летчиков предупредил по радио об усилении внимания за воздухом. Крутите, говорю, головой на 360 градусов. Маршрут прошли нормально, без встречи с противником. После посадки доложил Василевскому о выполнении задания. Он поблагодарил нас и сказал:

— Дальше я улетаю на самолете У-2. Ждите меня через десять дней.

Позже мы узнали, что представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза А. М. Василевский прилетел на 4-й Украинский фронт для разработки плана наступления в Крыму.

Обратно в Доренбург Василевский вернулся 3 марта. Поинтересовался, как мы тут жили это время.

— Про войну совсем забыли, — отвечаем ему.

— Будете сопровождать меня до Днепропетровска, а там по команде штурмана пойдете на аэродром Кайдаки. Ваш аэродром в Андреевке совсем раскис, и на него садиться невозможно.

В конце марта я получил радиogramму о перелете в Кривой Рог.

* * *

Теперь мы — 3-я авиаэскадрилья 31-го истребительного полка. Вместо ушедшего в управление полка майора Краснова нашим командиром стал старший лейтенант Скомоухов.

2 апреля 1944 года мне исполнился 21 год. Этот день запомнился вдвойне. Именно 2 апреля 44-го года я стал кандидатом в члены партии.

Помню свой боевой вылет в этот день. Необходимо было выполнить воздушную разведку аэродрома Боштанка и до-рог в направлении Кривого Рога.

Вылетел со своим ведомым Горьковым. Погода была ужасная. Нижний край облаков на высоте 600 метров, видимость — 3 километра. Просматриваем железные и шоссейные дороги. Вышли на аэродром, выполнили над ним два круга. Противник открыл по нам ураганный огонь. В нашу сторону летят трассирующие снаряды и пули. Такое впечатление, будто попал под град в хорошую грозу. Приходилось выполнять разные маневры, а иногда и заходить в облака.

Направились в сторону своего аэродрома. Нижний край облаков стал прижимать нас все ниже к земле. Высота полета дошла до 200 метров. Шли вдоль шоссейной дороги и вдруг увидели большое скопление танков и автомашин с пехотой. Решили сделать круг, чтобы как следует посмотреть противника, и... потеряли дорогу. Под нами — чистое поле.

Беру магнитный курс по компасу, но он не показывает заданного курса. Катушка компаса крутится вокруг своей оси на 360 градусов. Сделали несколько кругов над полем. Ни я, ни мой ведомый не пойдем, где мы находимся. На компас действует криворожская аномалия. Тут мне стало не по себе. Неужели где-то у немцев придется идти на вынужденную. Откровенно сказать, я и ведомый трухнули.

Случайно выскакиваем на одну проселочную дорогу, по которой двигаются две колонны фрицев. Быстро определяем, где хвост, где голова. Передаю по радио ведомому: «Идем по направлению колонны!» Наверняка фрицы двигаются к фронту. Через несколько минут выскакиваем на реку Новый Буг, ее сразу определил по карте. Передаю ведомому на радостях: «Горьков, скоро будем дома». С помощью реки вышли на свой аэродром. Произвели посадку, а колени подкашиваются. Пока шли на КП, успокоились.

Доложил командиру полка, что на аэродроме Боштан-

ка базируется более сотни бомбардировщиков и истребителей. Аэродром прикрыт сильным зенитным огнем.

На следующий день в составе трех восьмерок мы вылетели туда для бомбометания и штурмовки. Две восьмерки должны бомбить и штурмовать стоянки самолетов, а третья подавлять зенитные точки. Погода благоприятствовала нашему полету. Нижний край облаков на высоте 1500 метров, видимость — 4 километра. Все три группы шли под прикрытием облаков, на аэродром зашли с запада, что обеспечило нам большой успех. Немцы не ожидали нас с этой стороны. Две восьмерки с ходу сбросили бомбы и открыли пушечный огонь. На стоянке вспыхнуло сразу несколько самолетов. Зашли на второй заход для штурмовки. Только тут зенитчики противника опомнились и открыли огонь по нашим самолетам. Третья восьмерка стала эффективно подавлять зенитные точки. Сделали третий заход на штурмовку. Все группы благополучно возвратились домой.

Вслед за нами над вражеским аэродромом прошел Пе-2 — фотограф. С его помощью было установлено, что две наши группы уничтожили до 40 самолетов, а также много техники противника. Третья группа подавила огонь трех зенитных батарей.

* * *

В районе Боштанки сосредоточился конно-механизированный корпус под командованием генерал-лейтенанта И. А. Плиева. Ему была поставлена задача прорвать линию обороны врага и в направлении Николаева пройти по гитлеровским тылам. В этом рейде корпус необходимо было конечно же снабжать оружием, боеприпасами, продовольствием, горючим, медикаментами. Для этой цели были выделены самолеты Ли-2 под командованием опытного летчика Новикова, он к тому времени уже налетал два миллиона километров. Самолет Ли-2 имел большую

длину фюзеляжа, большую ширину и малую скорость — 200 — максимум 220 километров. У него совершенно отсутствовала маневренность. Самая настоящая «летающая мишень». Мы этот самолет называли «Иван Сарай». Вот их-то и выпало на нашу долю прикрывать и сопровождать в тыл врага, в расположение корпуса Плиева. Загружались Ли-2 на аэродроме Кайдаки, у нас, в Кривом Роге, посадку не производили. Мы должны были быстро взлететь и пристроиться к ним для сопровождения.

Боевую задачу нам ставил лично командующий нашей воздушной армией генерал В. А. Судец.

Приняли готовность номер «один», то есть сели в кабины самолетов. Ждать пришлось недолго, вскоре над аэродромом появились три Ли-2. Быстро взлетели всей эскадрильей и заняли боевой порядок для сопровождения. Ли-2 шли на высоте 200 метров. На линии фронта встретили море зенитного огня, но прошли благополучно. Подошли к месту сбрасывания груза и увидели три зеленые ракеты. В воздухе начали раскрываться парашюты с грузом. И в этот момент на нас навалились «мессеры». Вступаем в бой. Силы были неравны. Но поставленную задачу — защитить Ли-2 — выполнили. Однако без потерь не обошлось. Погиб Кузнецов.

Когда подошли к нашему аэродрому, то Новиков с ходу пошел на посадку. Садимся и мы. Осмотрели его Ли-2. Самолет был похож на решето. Мы все удивлялись, как Новиков смог дотянуть до аэродрома. Самолет ремонту не подлежал, его списали, и больше он в воздух не поднимался.

* * *

На западном аэродроме Кривого Рога базировались два полка 295-й истребительной дивизии: 31-й и 164-й. На восточном же аэродроме сидела 306-я краснознаменная штурмовая дивизия. Командовал ею полковник Алек-

сандр Филиппович Исупов. Слава о его подвигах шла по всему фронту. Армейская и фронтовая газеты не раз рассказывали о сокрушительных ударах по врагу, наносимых его питомцами.

Нежданно-негаданно к нам прилетел командир дивизии полковник Селиверстов. Никто не знало цели его прилета. На КП полка были вызваны шесть наших летчиков — Скоморохов, Кириллюк, Калашонок, Маслов, Матыпов и Панков — и пять летчиков из 164-го полка.

Полковник Селиверстов рассказал нам, что сегодня, то есть 18 апреля, полковник Исупов повел три восьмерки штурмовиков уничтожить на разъезде между Вознесенском и Боштанкой скопление железнодорожных составов с техникой и живой силой противника. При штурмовке был подбит зенитками. Произвел вынужденную посадку на территории противника. Командующий армией принял решение послать два самолета Ил-2 на выручку Исупова. Вылет — через 30 минут.

Селиверстов лично распisał боевой порядок для прикрытия двух Ил-2:

— Мое звено: я, мой ведомый — Володин, пара: Кириллюк — Султангалиев. Находимся в задней полусфере выше штурмовиков на восемьсот метров. Второе звено находится слева. Первая пара: командир полка Мелентьев — командир авиаэскадрильи Кольцов, вторая: штурман полка Морозов — командир звена Мартынов. Третье звено находится справа. Первая пара: командир эскадрильи Скоморохов — старший летчик Маслов, вторая пара: Калашонок — Панков. Высота полета — две тысячи метров.

Я подумал про себя: когда в группе много начальников, то в воздухе меньше порядка. В этом я убедился во время боев над Северным Донцом. Каждый начальник начинает, как говорится, гнуть свою линию.

Все сели в самолеты, через несколько минут над аэродромом появились два Ил-2. Группа взлетела и заняла боевой порядок. Только пересекли Южный Буг, мимо нас

пронеслась пара «мессеров». Еще прошли минуты две, нам навстречу идет четверка «Фокке-Вульф-190». Селиверстов передает по радио: «Атакуем в лобовую». «Фоккеры» опережают нас, открывая огонь. Капот или нос самолета у Селиверстова поврежден. Говорю ему: «Берите курс 90 градусов и идите на свой аэродром. Володин, прикрой».

Четверка «фоккеров» больше в бой не вступила, ушла. Мне подумалось: идем спасать одного, можем потерять второго.

Пошли к месту посадки Исупова, вскоре увидели его самолет, лежащий на фюзеляже, след бронетранспортера. Все стало понятно: немцы взяли летчиков в плен. Мы сделали два захода на лежащий Ил-2, зажгли его.

О трагической судьбе А. Ф. Исупова мы узнали уже после войны. Он был направлен в лагерь Маутхаузен. Но не пал духом — стал готовить побег военнопленных. Тайный план был раскрыт, полковника Исупова зверски казнили на глазах узников Маутхаузена.

* * *

Войска 3-го Украинского фронта развивали наступление из района Вознесенск — Боштанка в направлении Николаев — Одесса.

Мы беспрестанно меняли полевые аэродромы. Наш 31-й полк перебазировался на аэродром в Боштанке. Стали выполнять полеты на воздушную разведку войск противника, сопровождение бомбардировщиков и штурмовиков. Немецкая авиация нам почти никакого сопротивления не оказывала.

Как-то мне была поставлена задача произвести воздушную разведку железной дороги Николаев — Одесса, определить наличие на ней железнодорожных составов и направление их движения. Вылетел в паре с Горьковым. На высоте 2 тысячи метров пришел на станцию Николаев. Здесь стояло всего три товарных состава. Идем вдоль же-

лезной дороги в сторону Одессы. Где-то на середине пути замечаем — в направлении Одессы движется паровоз с какой-то непонятной платформой. Двигается с такой скоростью, что черепаха и та быстрее перемещается, за платформой остается черная полоса. Говорю Горькову: «Давай с малой высоты посмотрим, что это за адская диковина».

Снизились до бреющего полета и проходим вдоль железной дороги. С первого захода увидел глубокую канаву и покореженные шпалы. Сразу сообразил: ведь этот фашистский изверг разрушает железную дорогу. Заходим с правого бока и открываем огонь. Паровоз встал и запарил. Отошли в сторону и наблюдаем минут пять. Смотрим, парить перестал. Эта чертова черепаха опять задвигалась. Фашист, видимо, подумал, что он нас обманул.

Заходим сзади и с тендера вдоль паровоза открываем огонь. Паровозный котел взрывается, образуя большое облако. Заходим еще раз, убеждаемся в том, что эта адская машина больше не принесет вреда железной дороге. Продолжаем разведку до Одессы и возвращаемся на свой аэродром.

* * *

Неудержимо наступление войск нашего фронта. Освобождены Николаев, Херсон, Одесса. Советские воины выходят на левый берег Днестра.

3 мая наш полк перебазировался с аэродрома в Боштанке на аэродром в Раздельной, что в 60 километрах севернее Одессы.

Начиналось четвертое военное лето. Фронт стабилизировался. Пройденный нами путь был нелегок. А что предстояло еще пережить, этого никто не мог предвидеть.

Наступление приостановилось, происходило накапливание сил и средств, но для нас, летчиков, перерыва в боевой работе не было. Авиация отдыхала в войну лишь в не-

летную погоду, да и то не всегда. А сейчас стояли великолепные солнечные дни.

8 мая перед эскадрильей была поставлена боевая задача прикрывать наши войска в районе Тирасполя. Здесь происходило сосредоточение сил для форсирования Днестра. Немецкая авиация с высоты 4—4,5 тысячи метров периодически бомбила наши войска в этом районе.

Мое звено летит на высоте 4 тысячи метров, а звено Скоморохова и звено Калашонка — на высоте 5 тысяч метров. Пришли в район прикрытия, видим: идет большая группа немецких бомбардировщиков «Юнкерс-88» под прикрытием четырех «мессеров».

Четыре «мессера» — это для нас пустяки. Значит, поработаем по Ю-88. Всей группой занимаем исходное положение для атаки. Звено Калашонка связало боем «мессеров», а мы восьмеркой навалились на Ю-88.

С ходу зажигаю Ю-88, мой ведомый Горьков сбивает второго. Заходим на повторную атаку. Зажигаю еще один «юнкерс» и вдруг чувствую удар в челюсть. Грудь заливают кровью. Оказывается, фашистский стрелок повернул свою турель и дал очередь по моему самолету. У меня перебита нижняя челюсть и вылетело пять верхних и пять нижних зубов.

В этом воздушном бою мы сбили восемь самолетов Ю-88 и один Ме-109. Усилием воли довел свой самолет до аэродрома. Посадил его и потерял сознание.

Тут же на санитарной автомашине был отправлен в военный госпиталь 17-й воздушной армии, который находился в местечке Холодная балка недалеко от Одессы.

В госпитале мне связали проволокой верхнюю и нижнюю челюсти, на разбитую нижнюю губу наложили пять швов. В течение двадцати дней кормили через тонкую резиновую трубку очень жидкой манной кашей. Даже чайная ложка не входила в рот. Спустя эти двадцать дней стали разжимать рот и давать густую кашу.

В начале июня меня перевели во фронтовой госпиталь,

в Одессу. Пробыл я здесь три с половиной месяца. За это время мне сделали две операции на лице, вставили верхние и нижние зубы.

Из госпиталя меня выписали в отремонтированном виде. До своего аэродрома добирался на перекладных: где пешком, а где на автомашинах.

На другой день, 17 августа, заместитель командира полка майор Петров дал мне три контрольных полета по кругу и один в зону. Самостоятельно сделал пять вылетов по кругу и один полет в зону на пилотаж. А 18 августа уже повел группу в составе восьми самолетов на бомбежку и штурмовку войск противника в район Тирасполя.

...Начиналась Яско-Кишиневская операция. После мощной авиационной и артиллерийской подготовки фронт перешел в решительное наступление. В течение недели советские войска, освободив Молдавию, вышли на нашу государственную границу, с ходу форсировали Дунай и на правом его берегу в районе Керилаши овладели плацдармом. Наступление было приостановлено для подготовки дальнейшего удара.

Наш технический состав проезжал места, где был нанесен мощный авиационный и артиллерийский удар, видел, что все укрепленные пункты, траншеи врага были буквально смешаны с землей.

Семь дней боев, и такой успех! Враг откатывается на запад, открывая нам дорогу на Балканы.

...Наш 31-й полк получил наименование Нижнеднестровский. Очень многие летчики, техники, механики были награждены правительственными наградами. Командующие фронтами — генералы Ф. И. Толбухин и Р. Я. Малиновский — стали Маршалами Советского Союза.

* * *

Следующий наш аэродром — Манзырь. Это уже Молдавия. Ждем, когда придет команда перебазироваться на

румынский аэродром. Здесь мы продолжали выполнять свои боевые задачи.

8 сентября наши войска перешли румыно-болгарскую границу. Части болгарской армии встретили их с развернутыми красными знаменами. По всей линии наступления началось стихийное братание. В селах и городах население устраивало митинги, демонстрации.

В ночь на 9 сентября произошло восстание в Софии. К утру власть в стране перешла в руки Отечественного фронта.

Новое правительство объявило войну фашистской Германии.

Завтра мы уже будем на болгарском аэродроме Габровница.

Эскадрилью ведет Скоморохов. В воздухе поддерживаем радиосвязь с нашим командным пунктом.

Вот и Габровница. Но сесть невозможно. Болгары узнали, что сюда прилетят русские, и высыпали на аэродром для встречи. Пока наша комендатура на автомашинах оттесняла болгар в сторону, нам пришлось сделать над аэродромом три круга. Произвели посадку, зарулили на стоянку. Еще не выключили моторы, а болгары уже толпами бегут к самолетам. Лезут на крылья — кто спереди, кто сзади. И каждый старается обнять, поцеловать летчика. Когда немного поуспокоились, начали наперебой спрашивать: долго ли мы здесь пробудем? Все стали предлагать нам свое жилье.

Поздним вечером наши хозяева стали разводить нас по своим домам. Они и слушать не хотели о том, что мы стесним их, создадим какие-то неудобства. Наша эскадрилья была расквартирована в четырех домах.

Я, Вася Калашонок и Николай Козлов поселились вместе. На ужин нас, конечно, не отпустили. Не успели мы еще умыться, один за другим начали приходить соседи. Спустя час дом был набит до отказа. Завязалась оживленная беседа. Интересовались всем. Как в Советском Со-

юзе живут люди? Где начал войну? Какое воинское звание? Сколько сбил самолетов? Какими наградами награжден и за какие подвиги? Можно ли будет приехать к вам в Советский Союз и посмотреть вашу Родину? Каждый приглашал к себе в гости.

Начинаешь объяснять, что мы прилетели не по гостям ходить, а бить врага.

В один из вечеров сидим, ужинаем, слышим — шум во дворе. Мы с хозяином вышли во двор. Видим, два болгарина скандалят, и дело доходит до драки. Спрашиваю у хозяина: почему они ругаются? Он отвечает:

— Из-за вас. У одного живут три офицера, а у другого ни одного. Вот он и просит, чтобы сосед поделился.

Как-то ночью выхожу во двор, а солдат, которые должны охранять нас, нет. Вижу, ходят два болгарина с ружьями. Спрашиваю у них: где же наши солдаты? Они отвечают:

— Ваши солдаты спят. Мы будем охранять ваш покой не хуже их.

Такое радушие, гостеприимство болгарского народа останется в памяти до конца жизни.

Близилось время расставания с нашими болгарскими друзьями. Когда мы сказали им об этом, некоторые даже прослезились. В день отлета хозяин и хозяйка провожали нас до самого аэродрома. Грустные, подались мы к своим самолетам.

На прощание Калашонок крикнул: «До свидания, братушки! Вперед на Югославию!»

Следующий наш аэродром — под названием Виден, — недалеко от югославской границы. Здесь мы жили не на частных квартирах, а в казарме. По-прежнему вели боевую работу, в основном воздушную разведку войск противника. Наносили штурмовые удары по железнодорожным узлам, по скоплениям живой силы и техники на шоссе-сех дорогах. Немецкая авиация бездействовала.

Всем полком сделали вылет на югославский аэродром, где находилось много немецких истребителей и бомбардировщиков. Шли к нему четверьмя восьмерками. Заход сделали с запада на восток. Первые две восьмерки должны бомбить восточную стоянку самолетов, вторые две — западную. С первого захода отбомбились, а со второго произвели штурмовые действия. Налет наш был настолько внезапным, что зенитчики даже не успели открыть огонь. Домой мы вернулись без потерь.

Впоследствии наземная разведка доложила о результатах нашей работы. Было уничтожено более 40 самолетов.

Советские войска быстро продвигались вперед. Очередной наш аэродром — Эчка, который мы бомбили и штурмовали.

Не успели ознакомиться с ним, как последовал приказ перебазироваться в Остров.

Жители Югославии встречали нас так же тепло, как и болгары. Мы опять квартируем втроем — я, Калашонок и Горьков. Наш хозяин — Николо Стойков. Когда мы умылись, он повел нас в комнату к богато накрытому столу. Чего тут только не было! Жареная индюшка, фаршированный паприкаш (перец), графин выдержанного вина, разные фрукты. Просидели до глубокой ночи. Утром, в 6 часов, мы уже на ногах. Наши хозяева удивились, что мы так рано встали. Мы также удивлены: сапоги наши начищены, свежие подворотнички подшиты, обмундирование поглажено.

Вечером нас во дворе ожидала большая группа сербов. Встали с мест кто на чем сидел, окружили. Наша беседа длилась, наверное, часа три. А назавтра снова боевая работа. И так каждый день.

Однажды на аэродроме появилась группа парней и девушек лет пятнадцати-семнадцати. Они прикатили на велосипедах. Начали беседовать с ними — говорят на чистейшем русском языке. Оказалось, это дети белоэмигрантов. Вот с кем нам еще не приходилось встречаться. Они рас-

сказывали, что живут в деревне, километрах в двадцати отсюда, очень ждали нашего прихода.

Ребята смело высказывали свои суждения, очень гордились тем, что они русские. С особой радостью принимали от нас алые звездочки, тут же цепляли их к своим рубашкам.

Им хотелось побольше узнать о нашей стране. Расспрашивали о наших крупных городах — Москве, Ленинграде, Киеве. К сожалению, не многие из нас бывали там.

* * *

Полеты над Югославией. Как много общего у них с теми, адлеровскими полетами. Под крылом такие же горные кряжи, узкие долины, бурные реки.

Особенно запомнился один из полетов на разведку. Облака не давали возможности пересечь горы. Мы с ведомым пошли по руслу Дуная на высоте 50—100 метров между отвесными скалами. Река здесь узкая, зажата в ущелье, того и гляди зацепишься крылом за гранитную глыбу. Проскочили Железные ворота и, выполнив задание, повернули обратно. А тут пошел дождь. Низко нависли над рекой облака. С большим трудом на высоте 25 метров пробились назад. Привезли необходимые разведданные.

Теперь, в небе Югославии, мы были совсем иными, очень и очень несхожими с теми желторотиками начала 1943 года, которых страшили и случайный залет в облака, и первая встреча с врагом. Сейчас мы искали врага, жаждали боя.

Звено Михаила Цыкина после выполнения боевого задания возвращалось домой. В это время над аэродромом в восточном направлении прошел «мессершмитт». С командного пункта Цыкину поступает команда: «Восточнее аэродрома находится «мессер»; надо его посадить». Звено тут же ложится на нужный курс, настигает неприятеля.

теля, зажимает его в клещи, принуждает к посадке на нашем аэродроме.

«Мессер» оказался не простым, последней конструкции, с обзорным радиолокатором на борту. Мы осмотрели, ощупали его со всех сторон и пришли к выводу, что ничего-то особенного в нем нет. Даже радиолокатор был настолько примитивным, что вряд ли мог принести летчику какую-либо пользу.

* * *

...Пришла зелено-золотистая осень. Воздух налит свежестью, погода пока солнечная, но чувствуется, что вот-вот заждит.

Хорошая погода — наш верный союзник. Мы базируемся в пятидесяти километрах от Белграда. От нас без конца требуют все новые и новые разведанные.

С каждым днем возрастает количество боевых вылетов. В связи с тем что немецкой истребительной авиации в воздухе было мало, командующий В. А. Судец принял решение нанести удары по наземным целям. По железным, шоссейным, горным дорогам и водным путям двигалась масса вражеской техники. Ни в коем случае нельзя пропустить ее в Белград!

Мы самоотверженно выполняем свою задачу. От метких очередей наших истребителей и штурмовиков на горных дорогах вспыхивали танки, самоходные орудия, бронемашины и автомобили врага.

Войска 3-го Украинского фронта совместно с Народно-освободительной армией Югославии перешли в наступление по освобождению столицы Югославии.

Дом за домом, улицу за улицей, квартал за кварталом очищали Белград от фашистов советские и югославские войска. Гитлеровцы упорно сопротивлялись. Вечером 17 октября их группа «Витман» перешла в наступление, стре-

мясь занять район горы Авала и обеспечить прорыв всех своих сил на запад.

Потребовались срочные меры, чтобы не допустить выхода в тыл нашим войскам в Белграде почти 20-тысячной группировки противника.

Было решено задержать наступление врага ударами с воздуха. С этой целью командующий 17-й воздушной армией В. А. Судец прибыл на командный пункт 4-го гвардейского механизированного корпуса, и вскоре над полем боя подымались наши самолеты. Массированные, сокрушительные удары с воздуха буквально парализовали гитлеровцев, расстроили их боевые порядки.

Окруженная вражеская группировка предприняла несколько отчаянных попыток выйти к реке Сава и переправиться на левый берег. Но наша авиация — бомбардировщики, штурмовики и истребители — во взаимодействии с наземными войсками сорвали этот замысел.

Предпринимается массированный налет в этот район эскадрильи штурмовиков, возглавляемой капитаном Н. Платоновым. Шесть заходов сделали штурмовики, израсходовали все свои боеприпасы, а уходить нельзя. Командующий требует имитировать штурмовку дальше. Грозные машины одна за другой переходят в пикирование и с воем несутся над самой землей. Делаю заходы — один, второй и третий. А дальше что? Фашисты поймут в конце концов, в чем дело, откроют бешеный огонь. Но тут следует распоряжение командующего возвращаться домой.

Противник в панике начал переправляться через мост. Нужно захватить его. Но как? Командование разрабатывает оригинальный план, который тут же начал осуществляться.

Над мостом и аэродромом Зенум, находящемся неподалеку, повисли наши штурмовики, прикрываемые истребителями. Они заставили замолчать вражеские зенитки и артиллерию, а пехоту залечь. И тут наши танки на пол-

ной скорости проскочили мост и ворвались в город Зенум, где завязался бой.

Стараясь помочь наземным войскам развить успех, мы построили свою боевую работу так: как только первая эскадрилья уходит с поля боя, ее сменяет вторая, за ней приходит третья. Противник находился под непрерывным огнем до двух часов. Командующий был очень доволен нашими действиями.

Наступило утро 20 октября. Оно началось штурмом последней цитадели гитлеровцев в Белграде — старинной крепости Калемегдан, а закончилось встречей в ней командира 4-го гвардейского механизированного корпуса генерал-лейтенанта танковых войск В. И. Жданова и командира 1-й группы Народно-освободительной армии Югославии генерал-полковника Пеко Дапчевича.

Вечером 20 октября Белград был освобожден.

...Есть в столице Югославии тихий уголок, в любое время года усыпанный живыми цветами. Здесь покоятся павшие в боях за Белград советские и югославские воины. Каждый год 20 октября сюда приходят для торжественного возложения венков на могилы своих освободителей тысячи жителей столицы.

После освобождения Белграда на знамени нашего полка к ордену Кутузова III степени прибавился орден Богдана Хмельницкого IV степени.

* * *

Бои, накал которых с каждым днем нарастал, катились за Дунай.

Наши войска перешли венгерскую границу и образовали Батинский плацдарм. Этот плацдарм просуществует не более двух недель, ознаменованных исключительной напряженностью боевых действий на земле и в воздухе.

...И вот мы прощаемся с Островом. В последний день октября приземляемся на венгерском аэродроме Сегед.

Здесь, на этом аэродроме, мы отметили 27-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Состоялось торжественное собрание, на котором с докладом выступил замполит полка майор А. Резников. Потом был организован концерт художественной самодеятельности, который закончился танцами.

У нас на аэродроме праздник Октября прошел в спокойной, мирной обстановке. Мы не знали тогда, какие странные, непонятные события происходили в это время в районе города Ниш.

После освобождения Белграда обстановка потребовала выдвинуть на север горно-стрелковый корпус под командованием генерал-лейтенанта Г. П. Котова. В этот праздничный день войска корпуса двигались ускоренным маршем по горным дорогам. Двигались без прикрытия истребителей, поскольку авиации противника в этом районе не было.

Неожиданно неизвестно откуда над колоннами наших войск появились тяжелые американские истребители «Лайхип». Они сбросили бомбы, затем открыли огонь из пушек.

Срочно из соседней истребительной дивизии была поднята в воздух эскадрилья Александра Колдунова. Летчики Колдунова не дали бомбить и штурмовать наши войска. Навели порядок в группе союзников — американцы недосчитались пяти самолетов. Больше союзники здесь не появлялись. Впоследствии американцы извинились перед нами, оправдываясь тем, что приняли наши войска за немецкие колонны.

Наш полк перебазировался на аэродром Стапар. Надолго запомнилось нам это ничем особенно не примечательное село, расположенное в низине. Вблизи был широкий заливной луг. Площадка оказалась насквозь пропитана грунтовой и дождевой водой. Мы это почувствовали сразу. Самолеты плюхались в раскисший грунт, глубоко утопая колесами шасси, заметно сокращая свой пробег.

Да, взлетать с такого, с позволения сказать, аэродрома дело далеко не простое. В этом скоро все убедились, особенно после того, как пошли дожди.

Взлетало звено из эскадрильи Якубовского. Три самолета оторвались от земли, а четвертый скапотировал (перевернулся на «спину»). Лейтенант Петр Митрофанов не учел особенностей взлета с такого грунта, действовал, как в обычных условиях. Хорошо еще, что отделался легкими ушибами.

Всем нам пришлось обратить самое серьезное внимание на отработку взлета с новой площадки. Нужно было приловчиться отрывать самолет почти на критических углах атаки, после вялого, длинного разбега.

Очень трудными были наши взлеты, а между тем мы должны были непрерывно атаковать противника в районе Батинского плацдарма.

Онуфриенко доложил в штаб дивизии о том, как трудна здесь наша работа, уже есть три случая капотирования. Полеты были приостановлены.

Онуфриенко созвал совещание, чтобы решить, как быть дальше. Митя Кравцов с воздуха видел аэродром под Сомбором. Правда, бетонированная полоса на нем местами взорвана, но воронки можно заделать.

— Пожалуй, это подойдет, — заметил Онуфриенко. — Только вот загвоздка. Как туда перебраться? Пошли дожди, взлетать с нашей площадки стало рискованно даже в одиночку, не то что целому полку.

И тут слова попросил инженер нашей эскадрильи, старший техник лейтенант Скоробогатов.

— Я предлагаю перевезти самолеты на автомашинах.

— Как это?

— Очень просто: убрать крылья, самолеты установить хвостами в кузов.

— По-моему, предложение дельное, — поддержал Скоробогатова начальник штаба полка подполковник Г. А. Чернов.

— Я тоже за! — сказал инженер полка капитан Мякота.

К вечеру половина полка была уже готова к переезду. Сразу перевезти весь полк из-за отсутствия автомашин не было возможности. Водители заняли места в своих кабинах. Операция «хвостом вперед» началась.

В кромешной тьме по раскисшей дороге медленно двигаемся вперед. Надрывно гудят моторы, чавкают в грязи колеса. Если бы кто-то мог взглянуть со стороны на эту нашу кавалькаду, немало бы удивился. Вряд ли кому приходилось видеть подобные «летные по-пешему» колонны.

К полуночи добрались наконец к новому аэродрому Сомбор. Привести в порядок его своими силами трудно, так как половина личного состава осталась на старом аэродроме. Рано утром Онуфриенко отправился в Сомбор в нашу комендатуру с просьбой, чтобы прислали людей на аэродром для его ремонта. Через несколько часов к нам прибыло много солдат и сомборцев. К обеду все обломки бетонированной полосы были убраны, воронки засыпаны, грунт тщательно утрамбован.

Пока местные жители приводили в порядок аэродром, мы собирали самолеты. Поздним вечером были прибуксированы остальные машины. На следующий день весь полк был готов к выполнению боевых заданий.

К вечеру командир полка Онуфриенко лично опробовал аэродром. На другой день с утра началась боевая работа.

...Целыми днями буквально висим над Батинским плацдармом.

Сюда, в Задунайскую равнину, гитлеровское командование перебросило около десятка дивизий из Южной Сербии, Северной Италии, Австрии и из-под Будапешта. Перед ними ставилась цель остановить советские войска, форсирующие полноводный Дунай.

Фашисты с самолетов сбрасывали листовки с текстом:

«3-й Украинский фронт утопим в Дунае, здесь наша граница».

Советские войска оказались в крайне сложной обстановке, она обострялась еще и тем, что продвигаться приходилось буквально по колено в грязи. Автомашини буксовали, тяжелая техника застревала.

Более двух недель длились ожесточенные бои за Батинский плацдарм. В небе над ним выполняли свои боевые задачи не только мы, но и 116-й авиаполк, мой родной 164-й, который нашим же методом «хвостом вперед» перебазировался на аэродром Чанад, преодолев расстояние более 50 километров.

В конце ноября произошел памятный для всех бой: десятки наших истребителей во главе с Героем Советского Союза капитаном Петром Якубовским против значительно превосходящих сил противника.

Дело было так. Наша авиационная группа прикрывала войска в районе Апашнь — Батина. В воздухе появилось с одного направления четыре ФВ-190, с другого — шестнадцать Ю-87 под прикрытием десяти Ме-109.

«Артем», свяжи боем «фоккеров!» — командует Якубовский паре младшего лейтенанта Алексея Артемова. Четверке лейтенанта Михаила Савченко он приказывает атаковать «мессеров», а сам со своей четверкой ринулся в гущу «юнкерсов».

Закрутилась невообразимая карусель. Один за другим посыпались на землю фашистские самолеты, подожженные Якубовским, Артемовым, Савченко, Панютиным, Яковлевым.

Десять против тридцати! И полная победа! Гитлеровцы не смогли нанести нашим войскам и истребителям ни малейшего урона, сами же потеряли пять самолетов.

После, анализируя этот бой, проведенный с высочайшим тактическим мастерством, я попробовал вспомнить хотя бы одну схватку, в которой бы расстановка сил была иной: скажем, наших самолетов — тридцать, вражеских —

десять. И, как ни старался, не мог припомнить ничего подобного.

Случалось, и нередко, что один наш истребитель врвался в колонну фашистских бомбардировщиков и кромсал их налево и направо, не задумываясь над тем, что такая дерзость может стоить ему жизни. Лучшее подтверждение тому — подвиг Александра Горовца, сбившего в одном бою девять фашистских бомбардировщиков.

Совершенно очевидно: в боях верх берет тот, у кого лучше выучка, тверже воля.

...В свои права властно вступила сырая европейская зима. Она принесла нашим войскам победу на Батинском плацдарме. В декабре нас перебросили на аэродром Мадоча.

Отныне наш путь — на Будапешт.

На правом берегу Дуная войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов противостояли отборные группы армий вермахта — «Юг» и «Ф».

Что касается нашей 17-й воздушной армии, то здесь ей пришлось столкнуться с фашистским 4-м воздушным флотом. Он имел 850 самолетов, на 100 самолетов меньше, чем мы. Однако этот перевес в технике мы подчас не могли использовать из-за того, что полки нашей армии базировались на совершенно неподготовленных полевых аэродромах, были растянуты в тылу на расстоянии до 200 километров, и это очень сковывало нашу боевую активность.

Но, с другой стороны, мы ощущали громадное моральное превосходство над противником. За нами лежал победный путь от Волги до Дуная, мы уже били врага на ближайших подступах к Германии и горели желанием довести наше справедливое дело до конца.

А гитлеровцы? Они дрались с отчаянием загнанного зверя. Правда, фюрер обещал им чудо, которое повернет колеса войны вспять. Но, как признавались взятые в плен немцы, охотников верить в это оставалось все меньше и меньше.

Само село Мадоча располагалось на возвышенности, а вот аэродром — в низине. Он сырой и ненадежный.

Наша эскадрилья приземлилась здесь первой. Затем привел своих орлов Кравцов. Из батальона аэродромного обслуживания оказалось всего несколько человек. Мы сами рассредоточили самолеты и организовали их охрану. Улеглись спать, продумав на всякий случай систему круговой обороны.

В третьем часу ночи нас подняла на ноги вспыхнувшая где-то рядом перестрелка. Мы схватились за оружие, приготовились к бою. Смотрим, к нашему дому подкатывает кузовок с вооруженными людьми. Остановился, люди повыпрыгивали на землю, стали закуривать: крутить самокрутки, высекать кресалами огонь. Стало ясно, наши. Никто другой кресалами не пользовался. Этот дедовский способ добывания огня надежно прижился среди наших солдат, они не отказывались от него даже сейчас, когда у каждого имелись зажигалки новейших зарубежных образцов.

Мы вышли на улицу, разговорились. Оказалось, это прибыла наша комендатура, да в темноте наткнулась на расставленных нами часовых, что и вызвало перестрелку.

Все хорошо, что хорошо кончается. Мы улеглись доспать.

Утром приняли третью эскадрилью Якубовского и сразу же приступили к решению боевых задач.

Вылетели восьмеркой на сопровождение штурмовиков на еще существующий Батинский плацдарм за Дунаем. Звено Калашонка идет позади штурмовиков. Мое звено выше над ними на 600 метров. Штурмовики отбомбились, сделали три захода на штурмовку. Стали возвращаться на свой аэродром и вдруг вижу, к звену Калашонка пристраивается один «як». Я подумал, что «як» потерял свою группу и рад, что увидел своих «лавочкиных». Сам не спускаю глаз с него. Вот он подходит к крайнему право-

му нашему самолету лейтенанта Гриценюка и неожиданно открывает огонь.

Передаю Горькову, своему ведомому: «Давай проучим этого «яка». Будет знать, как стрелять по своим самолетам». Сразу переходим в пикирование и быстро сближаемся с ним. Подхожу к «яку» и с дистанции метров 70 даю очередь ему под живот. «Як» сразу запарил, как паровоз, и пошел со снижением. У «яка» установлен мотор с водным охлаждением. Значит, я разбил ему водяной радиатор.

Видим с Горьковым: он идет на вынужденную. Мы не отстаем от него. Сопроводили до посадки. «Як» сел в расположение наших войск. К самолету бегут наши солдаты. Ладно, позже разберемся, кто прав, кто виноват. Оказалось, некоторое время назад на этом самолете летчик из соседней, 8-й «яковской» дивизии произвел вынужденную посадку на территории, занятой врагом, — фашисты воспользовались этим, один из их летчиков стал летать на этом самолете, как и мы когда-то в Румынии летали на «мессершмиттах».

* * *

...Утром 20 декабря началось новое наступление войск 3-го Украинского фронта. Его цель была прорвать сильно укрепленную линию «Маргарита», овладеть городом Секешфехервар и, обойдя Будапешт с запада, соединиться с войсками 2-го Украинского фронта.

Следующий наш аэродром — Кишкунлацхазе. Это уже настоящий бетонированный аэродром. До чего надоели нам размокшие полевые площадки! Другое дело — стационарный аэродром. Кругом сухо и чисто.

Наступление поддерживали свыше 800 самолетов — весь действующий парк 17-й воздушной армии.

Это были дни исключительно напряженной боевой работы. Мы беспрерывно обрушивали шквал смертоносного

огня на артиллерийские позиции, оборонительные сооружения, скопления танков, автомашин и живой силы врага.

Вначале к самолету подвешивали две осколочные бомбы по 25 килограммов каждая, потом по 50 килограммов и, наконец, перешли на две бомбы по 100 килограммов. «Сотки» были фугасного действия.

На забеленную сырым снегом землю возвращались лишь для того, чтобы заправиться, подвесить бомбы и пополнить боеприпасы.

С напряженными боями войска 3-го Украинского фронта вышли к Дунаю севернее и северо-западнее Будапешта. Это привело к окружению 188-тысячной группировки фашистских войск.

Советское командование, стремясь избежать кровопролития и предотвратить разрушение Будапешта, 29 декабря направило в расположение окруженных вражеских войск парламентаров — капитанов А. Остапенко и М. Штейнмеца. Два летчика нашего корпуса несколько раз прошли над городом на бреющем полете, сбросив более миллиона листовок, в которых были изложены условия капитуляции.

Гитлеровские изверги совершили гнусный акт — расстреляли парламентаров.

Враг не внял разумным предложениям нашего командования. Он не терял надежды вырваться из окружения, планировал контрудары. Стало ясно: Будапешт придется брать штурмом.

* * *

Занялась заря первого дня нового, 1945 года. Наш полк перелетает на аэродром Текел, что южнее Будапешта на 16 километров, и продолжает работать.

В ночь на 2 января гитлеровцы, стремясь пробить кольцо окружения, предприняли мощный удар из района юго-восточнее Комарно, еще через пять суток ударили из района севернее Секешфехервара, а в середине января по-

пытались пробиться к своим окруженным войскам южнее этого города.

Мы в те дни не покидали кабин своих истребителей.

2 января 1945 года майор Кравцов повел четверку для сопровождения группы Ил-2 в район Будапешта. На штурмовиков напали восемь ФВ-190. Завязался воздушный бой. Кравцов с боевого задания не вернулся. Погиб? Попал в плен? Где-нибудь ранен и пробивается к своим? Нет хуже неизвестности, она всегда мучительна.

Возвращение Цыкина, Попова, Калинина без своего командира, исключительно скромного, честного человека, незаурядного бойца, было для нас всех ударом.

Два дня мы ничего не знали о судьбе Дмитрия Кравцова, и только на третий день пришло сообщение, что его в крайне тяжелом состоянии подобрали пехотинцы и отправили в госпиталь. Эта новость очень обрадовала нас. Жив — значит, вернется в полк и полетает еще с нами.

На счету у Дмитрия Кравцова уже было пятнадцать сбитых фашистских стервятников. За исключительное мужество, проявленное в воздушных боях, он был удостоен звания Героя Советского Союза.

За два дня воздушных боев мы, мстя за Кравцова, сбили шесть фашистов. Сожгли много вражеской боевой техники на земле.

Гитлеровцы, стремясь достичь своей цели, не останавливались ни перед чем. За пять дней боев ценой огромных потерь им удалось продвинуться в направлении Дуная на 40 километров.

Командование фронта прибегло к экстренным мерам.

Одной из них явился массированный налет на передний край противника силами 244-й бомбардировочной дивизии, которую вел сам командующий 17-й воздушной армией генерал-полковник В. А. Судец. На прикрытие дивизии от каждого истребительного полка была выделена эскадрилья. Участвовали в этом полете и мы. 6 января первый контрудар противника был отбит. Но он не успо-

каивается и через сутки вновь обрушивается на наши войска.

Снова на земле и в воздухе разгорается битва.

В такой напряженный момент выход из строя даже одного летчика существенно снижал боеспособность полка. В воздушной схватке любая секунда — это жизнь или смерть. Каждый бой — шахматный поединок, редко заканчивающийся вничью. В нем участвуют разные фигуры. Есть среди них короли, офицеры, пешки. И очень важно быстро разобраться, кто есть кто. Такое умение дается нелегко, оно приходит вместе с боевым мастерством.

Полки 295-й истребительной дивизии находились на удалении 30 километров от передовой. Командование приняло решение перебросить авиацию как можно ближе к линии фронта.

Мы уже имели опыт подобных действий. На Северном Донце базировались полком на расстоянии пяти километров от линии фронта. Фашистские стервятники летали над нашим аэродромом и не видели нас.

116-й и 164-й полки перебазировались на аэродром Секешфехервар, а наш 31-й полк — 40 километров севернее Чакара. Он находился у подножия небольшого горного хребта, который был покрыт лесным массивом. На вершине хребта находились наши войска, которые вели ожесточенные бои. Мы от линии фронта располагались на удалении всего-навсего трех километров.

В Чакаре устроились всем летным составом в большом особняке, хозяин которого бежал с гитлеровцами. Сразу же приступили к боевой работе. Соблюдая маскировку, взлетали на восток, а садились курсом на запад с бреющего полета, то есть с высоты 25 метров.

На этом участке фронта сосредоточивались наши силы и средства для отражения очередного контрудара противника.

Первые четыре дня нашей боевой работы были очень

удачными. Наш полк сбил 46 воздушных стервятников. Но на пятый день мы были обнаружены.

Возвращаясь своей парой на аэродром, Петр Якубовский приводит за собой «хвост». Якубовский выпускает шасси, он не замечает, что ему грозит опасность.

Смотрим, «мессер», не сделав ни одного выстрела, проносится мимо Якубовского, вроде бы собирается уходить.

Якубовский, увидев «мессера», убирает шасси и направляет свой самолет на него. «Мессер» прижимается к самой земле. И тут происходит нечто невероятное. Старший техник-лейтенант Трепашкин хватается у солдата трехлинейку, прицеливается, стреляет... и «мессер» идет на посадку. Он совершает пробежку и застывает на месте. Как позже выяснилось, пуля перебила бензопровод «мессера», и его мотор заглох.

Из кабины вылезает летчик. Увидев бегущих к нему солдат, сразу же поднимает руки.

Окружили мы его, стали выяснять, кто он. Говорит, немец мадыарского происхождения.

Спрашиваем, почему не стрелял. — «Ваш пилот был беззащитен».

Подумать только — какое рыцарство! Так ли это? Инженер по вооружению капитан Федоров лезет в кабину, проверяет систему вооружения. Оказалось, отказал электроразрыв. Вот тебе и фашист-гуманист!

Все-таки нельзя ни при каких обстоятельствах забывать золотое правило: «Осмотрительность нужна от посадки в кабину до выхода из нее».

На память об этом необычном случае Якубовский взял у немца новенький, добротный шлемофон: «Ему он уже не пригодится, отлетался».

На этом события не закончились. У сбитого фрица был ведомый, который и доложил своему командованию, что в трех километрах от переднего края расположились советские истребители.

Поздним вечером, как только мы улеглись спать, где-

то рядом заукали разрывы снарядов. Все ближе, ближе. Вот снаряд врезался прямо в угол особняка, из окон вылетали стекла, что-то рухнуло с потолка.

Слышим спокойный голос Онуфриенко:

— Хватит судьбу испытывать — все в подвал!

К рассвету стрельба утихла. Решили сходить позавтракать. Вылезли из подвала, пришли в столовую. А там прямым попаданием разбита вся кухня, имеются раненые. Какой уж тут может быть завтрак!

Измученные тяжелой бессонной ночью, приступили к боевым полетам. К вечеру начинаем думать, где будем ночевать. Пришли к выводу, что лучше всего устроиться в небольшом поселке рядом с Чакваром, где расположились техники.

На новом месте уснули как убитые, но ровно в полночь нас опять подняла на ноги стрельба.

В дом влетел встревоженный начальник штаба подполковник Г. А. Чернов:

— Немцы наступают!

Откуда они взялись? Онуфриенко приказывает подготовиться к бою. Вытащили из кобур пистолеты, ждем, что будет дальше.

Стрельба то затихает, то нарастает. Наконец все смолкает. Что же произошло? Оказалось, какая-то заблудившаяся немецкая группа неожиданно натолкнулась на наших часовых, которые огнем из ручных пулеметов встретили непрошенных гостей.

Утро тоже не принесло нам спокойствия. Где-то рядом с аэродромом грохотал бой за небольшую высотку. На летном поле то и дело с треском рвались мины и снаряды, образуя воронки. Их потом пришлось засыпать.

Нас прикрывал специально приданный зенитно-артиллерийский полк. И когда на аэродром пошли танки, орудийные расчеты смело вступили с ними в бой, сумели подбить несколько машин. Общими усилиями сорвали вражескую атаку. Но напряжение не спадало еще несколько

суток. Нам, летчикам, было особенно нелегко. Из-за многочисленных осколков от мин и снарядов одно за другим лопались колеса шасси при взлетах и посадках. Самолеты то и дело выходят из строя, мы тут же восстанавливаем их. Отрыли щели, траншеи, наладили тесное взаимодействие с зенитчиками и пехотой.

Но, несмотря на все принятые меры, наступил день, когда нам стало совсем тяжело. Аэродром весь в воронках, каждый взлет и посадка опасны, многие самолеты повреждены, остались без резины.

Тут уж Онуфриенко ничего не оставалось, как обратиться к командующему армией.

Стали думать, как облегчить положение. С утра до вечера парами, сменяющими друг друга, начали штурмовать огневые позиции противника. Фашисты приумолкли. Зато попытались взять реванш ночью. Общими усилиями еле отбивали их атаки. А с рассветом появились «фоккеры», «мессеры» и «юнкеры». Они обрушили на нас удар с воздуха. Кто сумел взлететь, завязал бой с противником.

За два часа до наступления темноты фашисты открыли шквальный огонь по аэродрому из минометов и артиллерии. После сорокаминутного обстрела наступила тишина. На восстановление летной площадки были брошены все силы полка и обслуживающего батальона. На помощь пришли зенитчики и пехотинцы. Сделали взлетную полосу шириной 30 метров и длиной 600 метров, что вполне обеспечивало взлет пары самолетов.

Поступил приказ перебазироваться обратно на аэродром Текел на острове Чепель. Сначала перелетели вторая и третья эскадрильи, мы покидаем Чаквар последними.

Здесь, на Чепеле, мы уже в сорока километрах от линии фронта. Тишина, спокойствие. Доложили командованию о перебазировании.

На рассвете прибыл наш технический состав. Началась подготовка самолетов к боевым действиям. Количество вылетов нарастало с каждым днем. Рядом с аэродромом

была переправа через Дунай, по которой днем и ночью двигались наши танки, автомашины, артиллерия, повозки и живая сила. Перед полком поставлена боевая задача прикрывать переправу с рассвета и до темноты.

Кроме того, мы должны были срывать попытки врага проложить воздушный мост в Будапешт, к окруженной группировке, не допустить переброски туда оружия, боеприпасов, продовольствия.

Над столицей Венгрии с раннего утра и до позднего вечера завязывались ожесточенные воздушные бои.

Как-то под вечер вылетели с Горьковым на воздушную разведку с целью разведать все шоссеыные дороги, ведущие с запада к Будапешту. Выполнили поставленную боевую задачу. Уже начали наступать сумерки. Из выхлопных патрубков от мотора стали появляться синеватые шлейфы. Идем спокойно на свой аэродром и вдруг впереди под собой замечаю на лесном фоне такие же шлейфы. Их оказалось шесть. Вначале я не сообразил в чем дело, но потом догадался, что это летит Ю-52. У него три мотора, и шлейфов должно быть шесть.

Атакуем «юнкерс». С дистанции 100 метров даю очередь. Смотрю, он пошел на посадку и приземлился в расположении наших войск. К нему бегут люди. Больше нам с ним делать нечего. На другой день узнали, что на «юнкерсе» летели из окруженной группировки три немецких генерала и двенадцать старших офицеров.

За этот «юнкерс» я был награжден четвертым орденом Боевого Красного Знамени, а Горьков — орденом Отечественной войны I степени.

Гитлеровцы нанесли третий контрудар нашим войскам. Наша оборона севернее озера Балатон была прорвана. Фашисты снова вышли к Дунаю и устремились вдоль реки к Будапешту. Сложилась очень тяжелая обстановка.

В эти дни мы узнали о беспримерной стойкости гвардейцев 5-го Донского кавалерийского корпуса под командованием генерала С. И. Горшкова. Фашисты вышли к

Дунаю вытянутой кишкой. В районе озера Веленце гвардейцы и соорудили «мясорубку» для них.

За несколько дней немецкая группировка была полностью ликвидирована. Мы непрерывно находились над позициями казаков, не давая фашистам сбросить на них ни одной бомбы.

Кольцо окружения вокруг Будапешта начало сужаться. Неминуемая развязка приближалась. Еще ожесточеннее становится враг.

В это время к нам пришла тяжелая весть о гибели Героя Советского Союза майора Николая Федоровича Краснова. В это трудно поверить: такой виртуоз, мастер — и вдруг не смог увернуться от вражеских трасс.

Нет, не от вражеского снаряда погиб наш славный ас. Он вылетел на задание. И случилось же такое — не убралась одна стойка шасси.

Возвращаться на аэродром было не в правилах Краснова. Так, с выпущенной стойкой-колесом, и вступил в бой с «мессершмиттами». Вначале сбил одного, затем второго, третьего. Неожиданно мотор начал давать перебои, а потом и вовсе остановился: кончился бензин. Выход был один — идти на вынужденную посадку. Краснов увидел под собой ровное поле. Для лучшего обзора открыл фонарь кабины. Снеговой покров был значительный. При посадке самолет из-за выпущенной стойки шасси скапотировал, перевернулся на «спину».

Все это видели наши пехотинцы, но они находились на большом расстоянии и по глубокому снегу быстро добежать не могли. Когда они оказались у самолета, подняли хвост и вытащили Краснова из кабины, он уже был мертв — задохнулся от снега.

Николая Краснова со всеми почестями похоронили в Одессе, на городском кладбище. Сейчас там стоитobelisk с фотографией героя.

13 февраля Будапешт был освобожден. Советские вой-

ска взяли в плен 110 тысяч фашистских солдат и офицеров.

За время ликвидации будапештской вражеской группировки летчики нашего полка в воздушных боях сбили до шестидесяти воздушных стервятников противника.

Всем нам не терпится побыстрее побывать в городе, посмотреть, что там осталось после длительных, кровопролитных боев.

Мы уже собирались ехать туда, как разнеслась весть: к нам прибыла делегация гвардейцев-казаков 5-го Донского кавалерийского корпуса С. И. Горшкова.

Возглавлял делегацию полковник Н. И. Привалов. В ее составе был и шестидесятипятилетний усатый капитан П. С. Куркин, кавалер четырех Георгиевских крестов и трех орденов Красного Знамени. Как мы узнали, с ним вместе воевали его сыновья и зять, тоже офицеры.

Состоялся вечер боевого содружества. О многом переговорили мы с нашими гостями, сфотографировались на память. Расстались как самые дорогие друзья.

17 февраля 2-му и 3-му Украинским фронтам Верховное Главнокомандование ставит задачу перегруппировать силы и развернуть дальнейшее наступление на запад с целью полного освобождения от фашистов Венгрии, а затем Австрии. Крупная группировка гитлеровских войск сосредоточилась на сравнительно небольшом пространстве между озерами Балатон и Веленце.

Нас то и дело посылали на разведку.

* * *

23 февраля 1945 года в полку митинг. Командир зачитывает праздничный приказ Верховного Главнокомандующего. Затем выступает замполит, за ним летчики. Дают слово Скоморохову. От имени всей эскадрильи он заверил командование полка, что мы будем сражаться не на жизнь, а на смерть, до полного уничтожения врага.

Митинг окончен. Все разошлись. И вдруг на всю стоянку гремит голос командира полка Онуфриенко:

— Где Скоморохов и Кирилюк? Ко мне, качать их!

— Что случилось, что?

Торопимся оба к Онуфриенко. Он заключает нас в объятия, целует и взволнованно, громко, чтобы слышали все собравшиеся, говорит:

— Товарищи! Скоморохов и Кирил — Герои Советского Союза!

Не успели мы с Николаем опомниться, как очутились в воздухе. В общем, полетали без самолета. Целый день мы со Скомороховым ходили именинниками, хмельные от большого счастья. То и дело принимали поздравления от друзей.

К вечеру у входа в столовую была вывешена пахнущая свежей краской картина: Скоморохов, Якубовский и я в доспехах древнерусских воинов на могучих конях! Три богатыря! Картину нарисовал кто-то из солдат по просьбе заместителя начальника штаба Валентина Павлова. Она не блистала художественными достоинствами, но всем нам была очень дорога.

После праздника выпало несколько сравнительно спокойных дней, и мы имели возможность как следует подготовиться к предстоящим боям.

5 марта как раз выдалась отвратительная погода. Скоморохова вызвали на командный пункт полка.

— Скоморох, важное задание. Пойдешь с Кириллом на разведку в район Секешфехервара, — говорит Онуфриенко. — Это личное распоряжение командира корпуса Тостихова.

Вылетели в паре. Облака прижимают нас к самой земле. Моросит дождь. Попадаем в туман. Скоморох передает: «Если оторвешься, иди домой, меня не ищи». — «Скоморох, не беспокойся, пошли дальше».

Долгое время ничего обнаружить не удается. И вдруг ударили зенитки. Откуда? Снижаемся, присматриваем-

ся — ого-го! Немецкие танки! Да в таком количестве! Сначала глазам своим не поверили. Еще заход — действительно, все дороги, ведущие к линии фронта, забиты танками и бронемашинами.

Скорей назад, скорей! Торопимся домой, докладываем. Нам не верят, снова посылают на разведку. Мы опять в воздухе. Картина та же. На этот раз наши сведения передаются в вышестоящий штаб.

А на следующий день все вокруг вздыбилось, загрохотало. Гитлеровцы ринулись в контрнаступление, нанося главный удар в районе озер Веленце и Балатон.

Прорвав первую полосу нашей обороны сильными бронированными кулаками, они устремились к Дунаю. Началась последняя в минувшей войне оборонительная операция советских войск, получившая название Балатонской.

Чтобы сдержатъ натиск врага, командующий фронтом бросил все имеющиеся в его распоряжении резервы, даже дивизию тихоходных ночных бомбардировщиков, состоящую из четырех полков.

Ночная бомбардировочная дивизия... Звучит громко, но укомплектована-то она тихоходными По-2. И сейчас нельзя не удивляться мужеству и беззаветной храбрости ее личного состава.

В Балатонской операции нам, летчикам-истребителям, почти все светлое время суток приходилось вести воздушные бои. Да, сложная штука — воздушный бой! Только непосвященному он может показаться стихийным, неуправляемым. А на самом деле он развивается согласно своим внутренним законам, познав которые, ты становишься хозяином положения, а если ты еще и командир — настоящим организатором боя. Умение понимать обстановку, мгновенно оценивать ее, быстро принимать решения, проявлять тактическую гибкость, находчивость, не теряться в неожиданных ситуациях, находить правильный выход из них — вот что определяет мастерство летчика.

Горе тому, кто в каждом случае использует какой-то

один заученный прием. Настоящее боевое искусство проявляется тогда, когда, зная сто способов борьбы, ты применяешь сто первый.

* * *

В марте все летчики полка перешли на самолет «Лавочкин-7». Это сразу резко повысило нашу боеспособность. Двигатель нового «лавочкина» более мощный, обзор лучше. Немцы боялись вступать с нами в воздушный бой.

4 апреля 1945 года гитлеровцы были окончательно вышвырнуты за пределы Венгрии. Последнюю ставку нацисты делали на свои оборонительные рубежи вдоль восточных границ Австрии. Однако тщетными оказались их надежды. Советские танкисты решительным натиском преодолели сопротивление фашистов и уже 5 апреля вышли к окраинам Вены.

К этому времени мы перебазировались на аэродром вблизи города Шаприн, расположенного у самой границы с Австрией. Сам город — очень древний, со своеобразной архитектурой, с узкими улочками, сумрачными замками, от которых так и веяло средневековьем.

Наши войска стремительно наступают. Через три дня с аэродрома Магрон перебазировались в Бад-Веславу, что в пяти минутах полета до столицы Австрии города Вены.

10 апреля повел шестерку истребителей на прикрытие своих войск на подступах к Вене. Только отошли от своего аэродрома, сразу же встретили три группы — по восемь самолетов — бомбардировщиков Ю-88. По всей вероятности, они шли бомбить наш аэродром. Их прикрывали всего два «мессера». Пара Калашонка пошла навстречу «мессерам». Мы четверкой идем в лобовую атаку. С ходу сбиваем три самолета. Стрелок одного из вражеских бомбардировщиков дал очередь по мне и повредил правую сторону руля высоты. Самолет сразу стал плохо слушаться. Передал командование Калашонку, а сам — на свой

аэродром. Произвел посадку, быстро пересел на другой самолет, и через каких-то 5—7 минут я уже опять вступаю в бой с бомбардировщиками. Сбил еще один Ю-88. Бомбить наш аэродром мы не дали. Всего группой сбили семь Ю-88 и один «мессер».

13 апреля штурмом взята Вена.

До мая мы вели воздушную разведку и сопровождали штурмовики и бомбардировщики. Враг в воздухе появлялся редко.

Приближается 1 мая 1945 года. Весна победы! Долгожданной, добытой нами с невероятными трудностями.

Идет штурм Берлина. Мы с нетерпением ждем вестей о его падении.

Наш полк перебазируется в Фишмендорф. Это населенный пункт на берегу Дуная. Здесь отлично оборудованный аэродром.

Ведем боевые вылеты на прикрытие своих войск в районе западнее Вены и Брно в Чехословакии, а также сопровождаем штурмовики и бомбардировщики.

В районе Брно была окружена 75-тысячная группировка фашистов. Она пыталась любой ценой прорваться к американцам, в район города Линц.

Нашим войскам была поставлена задача уничтожить эту группировку при поддержке авиации.

2 мая мы с Горьковым вылетели на разведку войск противника в район Комарно. Нужно было определить количество речных судов в порту. Только прошли Вену на высоте 3 тысячи метров, как встретили идущую навстречу пару «фоккеров». Они навязали нам воздушный бой на виражах. Мы на своих Ла-7 энергично заходим к ним в хвост. Противник принимает решение перейти на вертикальный воздушный бой. Выполняет перевороты с выходом боевым разворотом. Затем опять переворот, за ним мертвая петля. Мы с Горьковым не отстаем от «фоккеров». Держимся у них в хвосте. Воздушный бой продолжается уже 15 минут. От перегрузок сквозь комбинезон

начинает пробиваться пот. В голове мелькает мысль, что этот бой может стать последним для нас перед победой. Противник снова делает переворот, мы повторяем его маневр. Фашисты начинают выводить свои самолеты из пикирования. Спасибо Ла-7, он очень послушный при выводе. Закрываю капотом «фоккер», через какие-то секунды он появляется в перекрестии моего прицела. Не жалея снарядов, даю длинную очередь. Враг горит. Мгновенно в воздухе появляется парашютист.

Горьков в это время сбивает ведомого. Фашистский летчик приземлился на нашей территории. На допросе он показал: «Когда у вас вылетают на задание «Отец Онуфрий», «Скоморох», «Кирилл», «Окунь», «Щука», «Красный», «Якуб», «Кравец», мы своих молодых летчиков убираем с фронта».

Этот воздушный бой действительно оказался последним для нас с Горьковым до победы.

Мой боевой счет пополнился тридцать вторым стервятником, а Горькова — четырнадцатым.

8 мая утром мне восьмеркой пришлось прикрывать четыре группы штурмовиков. Ведущий — старый знакомый, Герой Советского Союза Мазков. Штурмовикам поставлена задача разбить опорные пункты, доты, дзоты на переднем крае фашистов.

Пересекли линию фронта. Штурмовики начали делать маневр для захода, чтобы сначала нанести бомбовой удар, а затем произвести штурмовку неприятельских позиций.

Я по старой привычке снизился до высоты 200 метров. Ясно вижу, как солдаты на земле машут нам пилотками и автоматами.

Передаю по радио: «Мазок», здесь уже наши войска». Прошли за линию фронта двадцать километров и видим: все шоссе дорожки запружены танками, автомашинами, артиллерией, а по обочинам сплошные колонны пехоты.

Передаю: «Мазок», вот тут работайте!»

И действительно, «горбатые» поработали на славу. Сколько они здесь уничтожили танков, автомашин, пехоты, сосчитать не было возможности.

После посадки я доложил командиру полка о результатах успешной работы штурмовиков, доложил, что немцы отходят в сторону Линца. Мне не поверили, что фашисты отступают.

На разведку штабом армии были посланы два разведчика на самолетах Пе-2. Они подтвердили достоверность моего сообщения.

В 18 часов снова сопровождаю шестеркой три группы штурмовиков в район Комарно. Обстановка почти такая же, как и утром. Штурмовики со всей энергией работают по порту Комарно, по скоплению техники и живой силы на шоссе на дорогах на подходе к порту. Домой возвращаются под прикрытием четверки Калашонка. А мы с Горьковым решили разведать некоторые шоссе дороги, идущие от Комарно на запад. Снижаемся до бреющего полета. Проходим вдоль одной шоссе дороги, а затем вдоль другой. Когда проходишь над колонной фашистов, они падают все, как по команде, на спину, автомат на живот и дают из автоматов очереди по нашим самолетам.

После посадки зарулили на свои стоянки, вылезли из кабин, отошли от самолетов метров на пятнадцать, закурили.

Через некоторое время к нам подходят наши механики самолетов и говорят:

— Вы привели домой не самолеты, а решета.

Мой механик Володя Прудник показывает нам пробоины. Насчитали их двадцать семь штук. У самолета Горькова — одиннадцать пробоин.

С такими последствиями закончился наш последний боевой вылет перед Победой.

Все войны кончаются миром. Даже самые жестокие и кровопролитные. 9 мая утром я проснулся в шесть часов от поднятой стрельбы на аэродроме. Посмотрел в окно:

в небе сплошные ракеты. Я было подумал, что это немецкая группировка из района Брно прорвалась в район Вены и подошла к нашему аэродрому. Прислушался, за стеной слышны пистолетные выстрелы. Так ведь там живут летчики нашей эскадрильи. Иду к ним. Они стоят в одних трусах с пистолетами в руках и стреляют в открытое окно.

— Вы что, братва, с ума сошли?

А они мне в ответ:

— Кирил, война закончилась!

Я, конечно, не поверил и пошел к замполиту полка подполковнику Резникову. Спрашиваю: что, конец войны с гитлеровцами? Он в ответ:

— Да, Германия капитулировала!

Я быстро в свою комнату, бужу Васю Калашонка и Колю Козлова.

— Друзья, конец войне!

Все трое взяли пистолеты и через окно выпустили по обойме патронов.

Мы были абсолютно уверены в том, что все закончилось, как вдруг в десять утра поступил приказ срочно произвести штурмовку в районе Брно отступающих вражеских войск.

10 и 11 мая мы продолжали боевые вылеты в этом районе по уничтожению отступающей группировки фашистов.

12 мая наконец-то наша боевая деятельность завершилась.

Наш 31-й истребительный авиационный Нижнеднепровский Краснознаменный орденов Кутузова и Богдана Хмельницкого полк за годы войны произвел 17 301 боевой вылет, 608 групповых воздушных боев, уничтожил 350 фашистских самолетов.

Питомцы полка Герои Советского Союза Онуфриенко, Краснов, Кравцов, Скоморохов, Якубовский, Смирнов, Цыкин и я уничтожили в воздушных боях 225 самолетов противника.

Боевые потери полка — 54 летчика и 175 самолетов.

Григорий Исаевич Цаур. Родился в Архангельске. До войны жил в Свердловске. В Великую Отечественную сражался в рядах 96-й отдельной стрелковой бригады, сформированной в Прикамье. Участник Сталинградской битвы, битвы на Курской дуге. Под Белгородом получил тяжелое ранение, в результате которого была ампутирована нога. После войны работал в системе ПГО «Уралгеология». Боевые и трудовые заслуги отмечены 18 правительственными наградами. В настоящее время живет в Свердловске.

Г. И. ЦАУР

ИЗ ЗАПИСОК МЛАДШЕГО ОФИЦЕРА

Часть 1

Железнодорожной станции и поселку Теплая Гора суждено было сыграть в жизни многих тысяч уральцев, да и не только уральцев, особую роль. В августе 1942 года здесь была сформирована стрелковая дивизия — одна из многих. Соединение не порывало связи с пермской землей. Отсюда прибывали резервы, воспоминания о родных краях придавали нам мужества. Это был наш ключ к бессмертию. Мы лежали в госпитальном бреду после тяжелых ранений и возвращались в жизнь, потому что знали: без нас может не быть Победы. И когда мы слышали, что уральцы бьются здорово, это добавляло каждому и сил, и гордости. И геройства.

Думал, вряд ли стану писать воспоминания о войне — не тот масштаб боевой судьбы. Есть авторы куда более достойные. Но не дает покоя память. Стало быть, пришло время отправиться во фронтовую юность, чтобы вспомнить боевых друзей...

Осень была тревожной. В августе 1942 года на станцию Теплая Гора стали прибывать эшелоны с людьми и боевой техникой.

Первоначально новое воинское формирование именовалось 96-й отдельной стрелковой бригадой. На станции назначения собиралось пополнение только для нее. Соединение предназначалось для ввода в бой в составе резерва Ставки. Вот почему эшелоны прибывали непрерывно и без задержки разгружались. Все делалось без суеты, но быстро.

Среди нас были ребята из разных областей Урала, моряки Тихоокеанского флота, пограничники и бойцы войск НКВД. Многие втайне мечтали попасть в Сталинград. Правда, возвращавшиеся в действующую армию из госпиталей смотрели на нас с откровенной жалостью. Однако «стариками» или «дедами» новобранцы не называли никого. Этого и в мыслях не могло возникнуть. Диву даюсь, как это в современной армии товарищеские отношения между солдатами превратились в так называемую «неуставщину». Это нелепейшее новообразование, думается, возникло от низкой культуры молодых людей, от неумения и нежелания понять окружающих.

Бывалые солдаты проявляли к нам внимание, сочувствовали. Это только представить себе надо: сочувствовали! Каждый старался передать нам хоть какую-то крупицу своего опыта боевой жизни. Фронтовики жалели нас не потому, что нам скоро придется драться, а оттого, что мы мало что умеем.

Из Свердловска в Теплую Гору нас приехало человек

пятнадцать. До этого мы друг друга не знали, но здесь за каких-то день-два познакомились и были уже неразлучны.

Часто к нам в батальон, а затем и в комендантскую роту, куда меня определили в первый же день, заходили комбриг полковник Г. Артемьев, начальник штаба подполковник В. Минеев и начальник политотдела старший батальонный комиссар М. Поляков с батальонным комиссаром А. Фукиным, добрым, отзывчивым человеком, хотя и несколько мрачноватым с виду. Видели мы и других офицеров, поскольку именно в расположении комендантской роты на первых порах были сосредоточены все средства управления. Наши парни были самыми осведомленными и очень гордились этим.

Комбриг, начальник штаба и начальник политотдела выделялись из всей массы командиров. Еще бы, ведь они были на фронте с первого дня войны, имели ранения и боевые награды. Последние нам, новобранцам, казались особенно недостижимыми. За каждым орденом, за каждой медалью виделись подвиги. Не всякий из нас мог с полной уверенностью сказать, что готов в критической ситуации поступить так же, как эти офицеры. Поэтому всякий раз, когда удавалось накоротке поговорить с кем-то из командиров, мы спрашивали о том, как было на фронте. Георгий Николаевич Артемьев, образованнейший и весьма культурный человек, ответил однажды нам, осердясь: «Если боитесь бесславно умереть, попроситесь в обоз. А вообще я советую не тратить времени зря, а больше заниматься стрелковой подготовкой. Даже в личное время».

Впрочем, личного времени у нас в эти дни не было вовсе. Наиболее расторопных бойцов, имеющих хорошую общеобразовательную подготовку (у меня, например, к тому времени был за плечами геологический техникум), направляли на сложные участки работы, где требовались распорядительность и знание Устава. Вот мы по вечерам

и штудировали его. Ночью, как правило, нас направляли на помощь к тыловикам, у которых был тогда самый настоящий передний край. Утром в обязательном порядке мы шли в составе своих взводов на занятия. И так каждый день. Через неделю меня уже ноги не держали. Хотелось лечь спать — все равно где: в канаве ли у станционного светофора, где складывались ящики со снарядами, в сарае ли по соседству с домом, где расположился штаб бригады, или просто на скамейку у стола, где мне приходилось опять-таки в свободное от занятий время рисовать топографические карты для офицеров младшего звена. Бригада готовилась к боям, и это накладывало особый отпечаток на весь наш уклад.

С картами вообще было до странности плохо. Их не хватало даже на руководящий состав, а уж об отделениях и говорить нечего. Самые шустрые из командиров находили пути к нашим сердцам и уговаривали сделать им в планшетку две-три карты-схемы из тех, что мы рисовали для руководства.

Уже много позже я выяснил, что в первые часы войны почти вся картографическая служба страны была выведена из строя. Склады с картами, расположенные в приграничных округах, и даже те, что находились в центре страны, подверглись прицельной бомбежке и были в большинстве своем уничтожены. Армия оказалась без карт.

Что это значит, понятно, видимо, не каждому. Командиры рассказывали нам впоследствии, что в первые военные месяцы по своей родной земле приходилось ходить вслепую...

Формирование проходило успешно. Каждое утро начальник оперативного отделения бригады капитан М. Аглицкий, высокий стройный брUNET, щегольски прищелкнув каблуками новых хромовых сапог, докладывал комбригу о проделанном за истекшие сутки. Надо отдать должное капитану: он превосходно знал ситуацию в батальонах и ротах, старался сам побывать на местах вы-

грузки боевой техники и в расположениях подразделений, сам оценивал степень деловитости командиров. Одновременно он знакомился с прибывающими из училищ офицерами. Это было важно именно сейчас, до начала боевых действий. Михаил Павлович каждому из прибывших давал поразительно точные характеристики. Спустя время многие из этих, как мне тогда казалось, беглых, даже поспешных характеристик получили подтверждение. Два комбата, названные капитаном Аглицким «сонными павлинами», вскоре были отстранены от должности за нераспорядительность и неспособность управлять личным составом.

К нам в бригаду почти каждый день приходили делегации от пермских предприятий и учреждений. Из штаба их отправляли с сопровождающими по подразделениям. Эти встречи почему-то запомнились мне: наверное, они как бы возвращали в довоенную жизнь. Гости, как правило, приезжали с подарками. До сих пор храню маленькую деревянную табакерку с надписью на инкрустированной крышке: «На долгую память дорогому бойцу-защитнику. Люба Кострина, сентябрь 1942 года».

Я никогда не курил, но табакерка прошла со мной вдрызг разбитыми фронтовыми дорожками, согревая теплом воспоминаний о последних для нас мирных днях, когда даже почные осенние звезды казались большими, теплыми и очень близкими — протяни руку и дотронешься. Каждая звезда, по народному поверью, это человеческая душа. Упала звезда — кого-то не стало. И я очень верил в то, что уж моя-то звездочка не упадет.

В те дни мы писали много писем, словно хотели наговориться вдосталь с родными о том, что грезилось в снах и наяву, что казалось близким или несбыточным. Происходило это, как мне теперь кажется, потому, что мы стали бояться одиночества, наслушавшись рассказов бывалых солдат. Они говорили, что одному в поле быть — пропащее дело. Солдат Сомов из-под Смоленска обмолвился как-то:

— Ты, Гриша, пропадешь сразу, если рядом плеча не

будет. Вот когда и рядом, и спереди, и сзади дружки будут — есть шанс не сгинуть в этой прорве.

Я запомнил это. В общем-то мне очень хотелось выжить. Но еще больше хотелось сохранить уважение к себе, всегда прямо смотреть людям в глаза.

Дни проходили за днями. Учеба с неотвратимой суровостью делала из сугубо гражданских лиц военного брата-солдата. Учились военной науке мы старательно, с охотой. Бежали, прыгали через рвы, преодолевали проволочные заграждения, бросали захватанные, пустые «лимонки», противотанковые гранаты, представляя, как угрожающе нависли над окопами пятнистые танки. Все было всерьез. Фронтовики показывали пример: окапывались, изготавливались к штыковой атаке, ползали по остывающим лужам, стреляли по мишеням. Решительно всё они делали с каким-то пугающим автоматизмом.

Мне солдатская наука давалась с трудом, хотя на отсутствие спортивной подготовки я не жаловался. Сказывался тяжелый, далеко не хлебосольный сорок первый год. Тогда приходилось экономить на всем, пережимая поясным ремнем непроходящий голод. На постоянном солдатском довольствии, конечно, стало полегче. Ребята поговаривали, что как только переведут на фронтовую норму, начнет завязываться и жирок. Наиболее расторопные из новобранцев быстро обзавелись покровительницами из близлежащих сел. Это внесло в нашу жизнь некоторое разнообразие. Но скромные тыловые развлечения быстро кончились, когда однажды ночью по команде «В ружье!» командир роты не смог собрать и половины личного состава. Вот тут-то нас и взяли в оборот, хорошо, что до расследования не дошло, пришел приказ грузиться в эшелоны.

Помню, я тогда написал домой: «...Родные мои, здравствуйте! Наконец-то после долгого ожидания я попал в вагон воинского эшелона. Пишите мне по адресу полевой почты. Это значит, что скоро, очень скоро буду бить нем-

цев. За меня не волнуйтесь, стрелять я научился хорошо: из десяти пробных восемь пуль кладу в серединку».

И еще об одном мне вспоминается сразу. Причем так четко, будто было это недавно.

В пути до города Киров, где была первая остановка, я познакомился с сержантом Загольниным, хмурым, мало-разговорчивым мужиком. Роста сержант был невероятно большого, где-то под два метра, и мне, шупленькому с виду, было просто невдомек, как это такой верстовой столб умудрялся проникать в полузакрытую дверь теплушки, да и вообще довольно шустро передвигаться.

Меня верзила-сержант заметил на второй день пути и освободил мне место на своих личных нарах, которые, как ребята рассказывали, он сколачивал себе сам накануне отправки эшелона. Нары оказались широкие и длинные, на полвагона. А рядом — чугунная печка, так что устроился я довольно уютно.

Родом Тихон Савельевич был из Березовки, работал до войны в кузнице. Загольнин очень гордился тем, что его фотография — лучшего кузнеца Прикамья — была помещена в павильоне Выставки достижений народного хозяйства в Москве. Там Тихона и застала весть о войне. Домой ехать он наотрез отказался, упрямец, стал ходить по инстанциям, проситься на фронт. Савельич одолел все преграды и вскоре по личному распоряжению А. С. Щербакова, тогдашнего секретаря Московского городского комитета партии и секретаря ЦК ВКП(б), был зачислен в состав десантной роты особого назначения.

Про назначение его бывшей роты я так ничего и не выяснил, только знаю по рассказам Тихона, что хлебнуть войны ему пришлось. Был тяжело ранен. Отлежавшись с полгодика дома, в своей родной Березовке, кузнец снова пошел воевать.

— Послушай, брательник, — спросил он меня тогда, — не скажешь ли ты мне одну штуку, уж коль грамоте серьезно обучен: какая разница между фрицем и картошкой?

Я удивился вопросу и пробурчал что-то невнятное.

— Так вот! Из картошки моя жена Настя десять всяких кушаний сготовить может. А из фрица что? Только одна отбивная. Правда, картошка там, за Камой осталась, а за отбивной пришлось нам с тобой поехать. Усек разницу?

И он громко, от души рассмеялся, довольный своей придумкой.

От Кирова до Горького путь показался долгим и особенно тяжелым: непрерывным потоком мимо нас проносились санитарные поезда. Они нагоняли такую тоску и печаль, что домой писать совсем расхотелось. Одно радовалось: ехавшие в тех поездах парни, забинтованные вдоль и поперек, все же ободряюще улыбались нам, махали костылями, шапками, что-то возбужденно и радостно кричали.

В нашу теплушку на одном из полустанков взобрался капитан Левченко. Позже я о нем слышал как о человеке большой храбрости. Он искал среди нас артиллеристов, а потом рассказал грустную, но поучительную историю о том, как нелепо погиб солдат, потерявший веру в возможность остаться живым на этой страшной войне.

— Она-то действительно страшная, эта война, — говорил Левченко, — немец жмет и уберечься трудно. Да ты только не лезь по-глупому. Лезь по-умному, чтобы убить его, немца. А будешь хорониться, пуля сама тебя найдет. Она видит, кто ее сильно боится. Того и достает. Поняли, ребята?

Офицер говорил по-простецки и хотел, чтобы до каждого дошла его главная мысль: надо думать головой, не прятаться от противника, а искать его, чтобы уничтожить. Вроде бы просто. Тот разговор многим, особенно молодым бойцам, запал в душу.

...Неподалеку от Сталинграда, возле Ступино, сделали большую остановку. Здесь произошел случай, который я тоже запомнил.

Командиром 4-го батальона был капитан Меняйлов. Хороший командир, требовательный, дисциплину держал крепко. Характер у него был простой, бойцам с капитаном легко служилось. В атаку он всегда ходил впереди них.

— Раз я, ребята, не боюсь, то и вы не робейте! — И всегда добавлял свое любимое изречение: — Бей, только пули не порти!

На подходе к Ступино на большой привал стали в лесопосадке. Только рассупонились, откуда ни возьмись — немецкий самолет-разведчик.

— Маскируйся, мужики! — приказал комбат. — И ничем не выдавать себя.

Бойцы пригнулись к земле, обнимая чахлые деревца, прикрывая ими себя. А немец как будто заподозрил что-то и стал низко летать над посадкой взад-вперед. Вот он взял еще ниже и пошел утюжить прямо над нами, только что крыльями по головам не задевает.

...Выстрел прозвучал неожиданно. На самолете показалось пламя, за хвостом потянулся дым. Бойцы чуть не вскочили от радости. Самолет повернул в сторону фронта, но, недотянув, упал где-то за лесом.

«Молодец, парень! — думали мы о стрелявшем. — Ловко смазал ганса».

Но капитан Меняйлов строго спросил:

— Кто стрелял?

К нему вышел сияющий боец.

— Ты подвел всех — обнаружил нас. Хоть пулю и не испортил, но приказ нарушил. Фашист пока падал, успел сообщить о нас по радио. За нарушение приказа будешь отвечать.

Офицеры, посоветовавшись, решили срочно сменить позицию. И правильно сделали. На наших глазах на этот чахлый лесок налетели фашистские самолеты и устроили такой тарарам, что не приведи господь.

В тот день потерь у нас не было. Бойца Лупахина за нарушение приказа наказали. Но ничего, урок он из этого

извлек. Воевал в последующем хорошо, был награжден и после двух ранений вернулся домой, на Урал. Но тогда для нас этот случай послужил предупреждением: первый закон на войне — все-таки приказ командира, и выполнять его надо свято.

Как теперь известно, именно 25 июля 1942 года по приказу Гитлера в бой под Сталинградом была брошена южная группировка фашистских войск. Удар немцев пришелся на линию обороны 229-й и 214-й стрелковых дивизий 64-й армии. Это, как впоследствии вспоминали участники боев, был всамделишный ад. Атаки шли волнами, одна за другой в течение трех дней, пока силы у немцев не иссякли. Но мы об этом еще ничего не знали, мы были на подходе к Сталинграду. Двигались ночью, так как днем и шагу ступить было нельзя по открытой местности — в воздухе постоянно висели «рамы».

И вот наконец мы у цели. Южная часть Сталинграда. По «беспроволочному солдатскому телеграфу» тут же стало известно, что будем менять части 157-й стрелковой дивизии, точнее тех, кто остался в живых. Впервые я услышал названия: Бекетовка и Старая Отрада.

Уже гораздо позже, читая мемуары, я неоднократно встречал в них Бекетовку. Волею судьбы я с товарищами оказался почти в самом центре Сталинградской битвы. И, наверное, очень хорошо, что этого мы тогда не знали, ибо не поверили бы ни одному рассказу бывалых бойцов о том, что они видели драки и пострашнее. Нам казалось тогда, что это еще цветики, а ягодки-то у кого-то другого...

Кстати сказать, сменяли мы своих предшественников не во время затишья — бои на участке бригады не прекращались. Немцы хотели сбросить ее в Волгу. В ночь с 19 на 20 октября мы окончательно укрепились на позиции от Волги до высоты 145,5 по Купоросной балке и рощам «Квадратная» и «Топор». Так было обозначено на картах,

с которыми мне приходилось работать постоянно, поэтому названия довольно хорошо запомнились. Но быстрее всего приходят на ум эпизоды первых боев. Дело в том, что нам отводилась в тех боях, как оказалось, особая роль. 62-я армия вела бои с гитлеровцами в то время уже в самом городе, сдерживая все нарастающий натиск — враг стремился захватить Сталинград и выйти к Волге. Действовала армия с помощью своих штурмовых групп. Но когда сил не хватало, мы получали приказ на наступление и, завязывая с фашистами бои, этим отвлекали значительные резервы врага на себя. Наши соседи, таким образом, получали передышку и возможность лучше подготовиться к очередным атакам противника.

Эти бои местного значения требовали от каждого бойца знания отведенной роли. Помню, однажды меня с сапером Николаем Рыбчуком отправили на задание. Настроение в ту ночь у меня было прескверным. Накануне убило шальной пулей моего друга Сашу Титова. Он заменил меня на каких-то пару минут в окопе у станкача, мне надо было переобуться. А тут очередью полоснул фриц откуда-то из-за нейтральной полосы. Просто так, для остротки, они патронов никогда не жалели. И угодила одна пуля прямо в грудь Александру. Он так и осел, успел только сказать, глядя на меня совершенно безумными глазами:

— Неужели это все и меня не будет?

К вечеру нас с Рыбчуком вызвали к комбату.

— Поступаете в распоряжение старшего лейтенанта Раксина, — сказал он и добавил, обращаясь к Раксину: — Даю еще пять опытных саперов. Но с условием, чтоб всех вернул живыми и невредимыми. Головой отвечаешь за каждого.

Они обнялись, и мы поняли, что дело предстоит скверное.

Забрались на броню «тридцатьчетверки». Что и говорить — не такси, даже не полуторка. Холодно, вьюжно, темно.

О чем я тогда думал? Лирики и романтики в голове не было никакой. Одна мысль неотступно сверлила: а может быть, траки сейчас подминают под себя ребристую мину? Нам, как объяснил Раксин, надо было одолеть километров двадцать по начиненной толлом и сталью равнине. И проехать так, чтобы за нашим танком след в след смогла пройти часть бригады. Вот тут уж действительно нельзя было ошибаться.

Мы тогда еще не знали, что немцы обычно минируют перекрестки дорог, погорелища и где только можно устраивают ловушки. На счастье, нам удалось их избежать. Но когда танк въехал на опушку чернеющего прорубленной щетиной леса, мы чуть было не угодили в беду. Под самой гусеницей саперы успели обнаружить мину натяжного действия. Обезвредили и пошли в обход.

— Почему? — спросил я у Раксина. — Можем опоздать, а если через лес — уцелеем, да и не задержимся. Лес ведь наверняка не минирован.

Однако меня тут же подняли на смех. Саперы называли этот лесок «пирогом» — так густо он был начинен минами. На каждом метре можно было поймать или мину, или подвязанный к дереву фугас с детонатором.

Но все обошлось благополучно, и к шести ноль-ноль мы были на исходном рубеже в квадрате 28-33. И началась работа. Оказывается, надо было до утра следующего дня на болоте через незамерзшую топь навести четыре моста. Не один, не два, а четыре!

И срок — одна ночь. Между собой решили, что задание выполним на два часа раньше срока, потому что атака наших частей была назначена тоже на шесть ноль-ноль.

По горло утопая в грязной холодной жиже, саперы рубили, пилили, валили жиденькие дубки, падали вместе с ними в черную жижу и тащили, тащили бревна к намеченным местам.

К пяти утра по нашим мостам прошли «катюши», а

ровно в шесть ноль-ноль началась атака переднего края обороны противника.

«Опыт — дело наживное». Это выражение, видимо, родилось давным-давно.

Самое удивительное, что мы — бойцы молодые и малоопытные — пришли к этой истине, увы, не сразу, хотя матерые окопники частенько говаривали: «Опыт — дело наживное, на земле не растет, под пеньком не отыщешь; на своем горбу вынести надо». Вот так и не иначе...

Неподалеку от Бекетовки на склонах оврагов мы установили не только противопехотное, но и противотанковое минное поле. Это были не совсем обычные мины. В землю зарывали 1000-килограммовые авиационные бомбы. Ставил их младший сержант Федор Габов из Верещагино.

Но вот буквально на следующий день поступил приказ двигаться вперед, потеснить немцев. А для этого сперва надо было сделать проходы в минных полях и снять авиабомбы. Задача, прямо скажем, не из легких. Со времени установки этих бомб прошло некоторое время, и чеки могли ослабеть под тяжестью проволоки. Достаточно было легкого прикосновения, чтобы бомба взорвалась. А ведь атака планировалась внезапная, без артподготовки. Если взорвется обычная мина, враг может не обратить особого внимания. А взрыв бомбы всполошит их. Фактор внезапности будет утрачен.

Кому доверить ответственное дело? Послали Габова. В помощь ему дали младшего сержанта М. Мартынюка.

— Дело чрезвычайно опасное и ответственное; — напутствовали сержантов. — От вас во многом зависит успех предстоящего наступления.

— Задачу выполним, — спокойно ответил Габов. — Я ставил эти бомбы, я их и сниму. Даже обиделся бы, если бы такое дело поручили кому-то другому. Только одна просьба: пусть прикроют меня автоматчики — некогда оглядываться на фрицев.

Стояла обычная фронтовая ночь. Немцы непрерывно вели огонь, пускали осветительные ракеты. Но они почему-то светили тускло. Это радовало нас: может, и не заметят движения их наблюдатели. Было ветрено, неуютно.

Находясь в передней траншее, я всматривался в темноту и, конечно, очень волновался.

Наконец Габов вернулся.

— Сказано — сделано, — доложил он, — бомбы обезврежены.

И в подтверждение извлек из карманов взрыватели. Путь наступающим был открыт.

К концу октября положение нашей бригады резко изменилось. Мы оказались в фокусе, скажем так, пристального интереса противника. Именно на нашем направлении немцы решили проверить, насколько серьезны намерения советского командования.

Первый всплеск беспокойства гитлеровцы проявили в направлении кожзавода. Там находился их хорошо укрепленный опорный пункт: на старых толстых стенах каменных построек были оборудованы ячейки наблюдателей, а в глубине находились артиллерийские и минометные позиции. Туда и передавали свои сообщения корректировщики. А боевые порядки стояли над балкой. Сверху все просматривалось очень легко, даже без стереотруб и биноклей. Поэтому, как только начинались какие-нибудь перемещения на нашей стороне, немцы тотчас же открывали ураганный огонь. Много неприятностей доставлял нам кожзавод. Когда был отдан приказ захватить этот опорный пункт, все облегченно вздохнули: наконец-то пришел их последний час. Уверенность в том, что дело будет сделано, была у каждого.

Для захвата выделили 3-й отдельный стрелковый батальон под командованием старшего лейтенанта Чуева. Комиссаром у него был круглолицый и с виду медлительный старший политрук Олелов. Внешность зачастую об-

манчива — у капитана была совершенно боксерская реакция.

Поскольку дело предстояло сложное, командование выделило для подготовки операции самых опытных штабных офицеров — начальника оперативного отделения капитана М. Аглицкого и заместителя начальника разведки бригады старшего лейтенанта И. Николаева.

О Михаиле Павловиче Аглицком я уже упоминал. Мне внушали уважение его деловитость, хозяйская хватка, но не нравилась щегольская лихость, которую я не принимал в военных людях напрочь.

Позже, работая под началом разных штабных офицеров, я понял, что у Аглицкого «военная косточка» самой высокой пробы. Оттого и выглядел он внешне всегда образцово. Оказывается, Михаил Павлович в 1931 году добровольцем пошел служить на пограничную заставу, участвовал в боях с басмачами на советско-афганской границе. В марте 1932 года Аглицкий был послан в погранучилище и закончил его по первому разряду. Кадровую военную службу начал на Дальнем Востоке...

Старшего лейтенанта Николаева я знал мало. Но штабники говорили о замначальника разведки, что человек он «весьма мозговитый». И точно — работу с 3-м батальоном он провел основательную. Прежде всего старлей заставил разведчиков детально изучить поведение немцев в опорном пункте. Ребята составили их распорядок дня и проверяли его точность целую неделю. Потом на основе этого расчета разработали план захвата «языка». Были также засечены все действующие огневые точки противника, особенно пулеметы. На их уничтожение подготовили 45-миллиметровые пушки, поставив их на прямую наводку...

С командирами рот и взводов на местности провели рекогносцировку, уточнили все детали, исходные районы, направления и объекты атак, сигналы взаимодействия... Словом, осталось дожидаться назначенного часа. Олелов, беседуя с бойцами, говорил:

— Пулям не кланяйтесь, а главное — спину не показывайте. Фашисты боятся смотреть нам в лицо. Фрицы безошибочно читают в наших глазах смертный приговор себе. Вот так-то, братцы...

До времени «Ч» оставалось недолго. В ночь с 15 на 16 ноября батальон скрытно вышел в исходное положение, занял рубеж для атаки. Соблюдалась тишина, так как до переднего края было не более двухсот метров. Атака была назначена не по сигналу, а по времени — на четыре часа утра. Все средства поддержки были наготове, но огонь во время атаки они открыли только по сигналу зеленой ракеты, пущенной в сторону противника.

Три группы саперов сделали проходы в проволочном заграждении немцев за 10 минут до перехода батальона в атаку. И вот роты оставили траншеи и скрытно двинулись через балку Ленточная к переднему краю обороны немцев. События развивались нормально. Только на выходе из балки гитлеровцы открыли стрельбу. Но тут же вступили в бой наши огневые средства поддержки. И хотя внезапной атаки не получилось, батальон капитана Чуева броском достиг траншеи противника. В ход пошла «карманная артиллерия» — гранаты, завязалась рукопашная схватка.

Она была столь мощной и яростной, что гитлеровцы не выдержали, стали отходить, а затем и вовсе побежали, бросая оружие. Батальон за полчаса овладел двумя корпусами кожзавода, котельной с заводской трубой, где был оборудован у немцев наблюдательный пункт.

Все стихло. Казалось, победа обеспечена, враг бежал. Но тут очнулись их минометы, затем появились танки, и бой разгорелся с новой силой.

Стало ясно, что дальше нам продвигаться будет очень трудно. В семь часов утра фашисты начали первую атаку. К тому времени наш батальон успел закрепиться на занятых позициях, и противника встретил дружный огонь. На участках 7-й и 9-й рот бронебойщики остановили три

танка. Отличился Иван Петухов, которого в тот же день капитан Аглицкий представил к ордену. Но это было на исходе суток, а пока шел тяжелый бой. Танки двигались в шахматном порядке, стреляя на ходу. За ними, прячась за броней, шла пехота. Немцев было так много, что казалось, будто наши автоматные очереди не причиняют им никакого вреда — на место убитых тут же вставали солдаты из других шеренг.

И все же их строй дрогнул. Фашисты в замешательстве на какую-то долю минуты остановились. Затем попятись, а потом и совсем отступили.

Вторая и третья атаки тоже были отбиты. Наши потери росли. Наступил второй день. Положение еще более ухудшилось. Атаки вражеской пехоты при поддержке огнеметчиков и танков стали все настойчивее. У нас тяжело ранили капитана Чуева. Его место в боевых порядках занял Аглицкий. Когда положение стало критическим и нас вот-вот могли смять, именно Аглицкий, крикнув: «За мной!», поднял людей в контратаку.

К вечеру второго дня, оценив обстановку, комбриг приказал подготовиться к отходу на старые позиции за балкой.

— Только постарайтесь без шума и лишних потерь, — попросил он. — Вами уже сделано самое главное...

Что имел в виду комбриг, тогда понять было трудно, мы не знали всей обстановки.

Мы отошли. Фашисты обнаружили это лишь после того, как саперы подорвали заводскую трубу кожзавода и лишили немцев хорошего наблюдательного пункта.

...Недавно мне попались на глаза документы тех лет, воспоминания сослуживцев. Сверяя их со своими записками, обнаружил, затем этому нашел подтверждение и в «Истории Великой Отечественной войны». Суть вот в чем. В те памятные дни осени 1942 года для частей и соединений 62-й армии, которая вела бои в Сталинграде, сложилась особенно тяжелая обстановка. Немцы любой це-

ной старались прорвать оборону на нескольких участках, чтобы, свернув ее, уничтожить 62-ю армию по частям и захватить Сталинград.

Вот тогда, с целью отвлечь от армии силы противника, командование на нескольких участках предприняло решительные атаки. В том числе наступали на участке кожзавода и мы.

Личный состав 3-го батальона бригады с честью выполнил боевую задачу и получил вскоре благодарность от генерала М. Шумилова — нашего командарма...

После 19 октября мы заметили, что немцы поутихли и поуменьли, если можно так выразиться, а румыны стали и вовсе лояльными. На нашу сторону перешел со всем вооружением и боеприпасами взвод румын. Фамилию офицера не помню, а звали его Николае.

Жил он у нас в землянке, потому что его оставили при штабе бригады для работы. Этому офицеру готовили текст на румынском языке, и он каждую ночь говорил с соотечественниками по радио. Радиорубка штаба армии находилась в передних траншеях, когда агитатора и водили выступать. Это было весьма эффективным средством. После увещеваний из репродуктора румынские солдаты начали переходить на нашу сторону взводами и ротами. Видя это, гитлеровцы приняли контрмеры, стали в боевых порядках румын размещать эсэсовцев (один немец на пять-шесть румын). Об этом узнало наше командование. Наш добровольный пропагандист разъяснял румынам, куда ведут их эсэсовцы, призывал истреблять фрицев. Румыны-перебежчики стали уничтожать немцев и переходить на нашу сторону.

Был даже такой эпизод. Наш боец, находясь у дежурного пулемета, немного задремал. К нему подползают пять румын и будят его:

— Иван, вставай, вставай — румынка пришел, надо плен идти! Куда дорога плен? Веди нам!

Что оставалось делать красноармейцу — отвел их и до-

ложил командиру всю правду. За сон на посту полагалось суровое наказание, но за то, что привел румын, парень отделался лишь внушением.

А однажды бойцы где-то раздобыли патефон и несколько пластинок. Принесли в землянку и завели песенку Джима из оперетты «Роз-Мари».

Как только наш Николае услышал музыку, он встретился и закрыл лицо руками, заплакал.

— Моя, — прошептал он, — моя песня. Я пел Букаресту театр оперетты... Моя... я пел. А теперь не могу. Моя нет голос, война отнял, нету.

И опять в слезы.

Где-то уже к концу января, когда Николае освоился у нас, мы все-таки упросили его спеть. Он запел. Голос у румына был хорош, вот только простужен, хриловат.

Помню, что вскоре Николае отправили в Москву. Война для него кончилась. Что было с ним потом, неизвестно. Вот было бы интересно встретиться! Может быть, и жет он в Бухаресте, как знать...

На нейтральной полосе, ближе к немецким позициям, была высота. На карте она обозначалась как высота 95,9, а мы называли ее «Заноза». И впрямь она была как заноза, ибо владевший этой высотой мог причинять противнику немало хлопот.

Каждая сторона отгородилась от «Занозы» заграждениями — спиралями Бруно. А мы еще и минировали подходы к своим траншеям — ведь перед высотой как раз проходил центр обороны 2-го батальона. На самой верхушке «Занозы» стоял наш танк, поврежденный в боях. Это была выгодная для наблюдения точка, потому немцы и хотели овладеть высотой, ведь тогда вся наша тыловая полоса могла оказаться под прицельным огнем их артиллерии.

Решено было во что бы то ни стало взять «Занозу».

Разработали план захвата. Зная особенности поведе-

ния немцев в обороне (они, как правило, ослабляют бдительность к полуночи и усиливают ее ближе к рассвету), решили, что операция будет проводиться в час ночи, бесшумно. Для этого выбрали расчет станкового пулемета и расчет ручного пулемета с тремя солдатами. Во главе группы был командир отделения Василий Смертов. С собой бойцы взяли столько патронов и гранат, сколько смогли унести, воду для пулемета...

И вот наступила темная, вьюжная ночь. Провожал группу заместитель начальника разведки бригады капитан Николаев. Вышли из траншеи в полной тишине в ноль-тридцать. По два человека ползком стали продвигаться к высоте, делая небольшие остановки для отдыха.

Немцы периодически пускали осветительные ракеты, но, видимо, наблюдали за местностью невнимательно. В час ночи группа Смертова благополучно достигла высоты, расположилась на ней, организовав наблюдение. Под танком Т-34 оборудовали окопы и площадки для пулеметов. От танка к нашим траншеям стали рыть ход сообщения.

Главная задача заключалась в том, чтобы прочно закрепиться и удерживать высоту. Окопаться нужно было быстро, так как с рассветом противник мог атаковать «Занозу».

Утром ничего не изменилось. «Передок» жил обычной жизнью: шла вялая перестрелка, немцы и наши вели редкий артиллерийско-минометный огонь, работали снайперы. К полудню Смертов доложил, что в траншеях у немцев заметно движение.

Скоро они открыли усиленный огонь по высоте и нашим окопам, поднялись из траншей и быстрыми перебежками стали продвигаться к высоте. Группа Смертова молчала. Но как только фашисты подошли на 50—70 метров к танку, ребята открыли ураганный огонь. Я видел, какое замешательство это внесло в немецкие ряды, сколько их скосило неожиданным огнем двух пулеметов. Гитлеровцы

стали разбегаться, некоторые, растерявшись, бежали даже в нашу сторону.

Атака была сорвана, противник потерял около тридцати человек. Это отрезвило немцев. Наши расчеты глубоко окопались и стали фактически недосыгаемы для огня противника. Кроме того, бойцы отрыли и запасные огневые позиции.

Немцы еще не раз предпринимали попытку захватить высоту 95,9, но все атаки кончались для них неудачно. Понеся большие потери, они отказались от мысли захватить «Занозу», но, тем не менее, обстреливали ее регулярно.

Группы, удерживающие высоту, сменялись через каждые три дня, чтобы отдохнуть, — ведь непрерывный обстрел изнурял ребят больше, чем рукопашные бои.

Спустя несколько дней после того, как мы окончательно закрепились на «Занозе», к огневой позиции минометной батареи прорвались немецкие танки с пехотой. Машины неудержимо приближались, на ходу выстраиваясь в линию. Были хорошо видны башни с повернутыми в сторону батареи орудиями.

Один из танков вырвался далеко вперед, стал обходить минометчиков слева с явным намерением раздавить бойцов. На огневой позиции создалась опасная ситуация. Минометами танки не остановишь, а пушек поблизости не было. Что предпринять? Судьбу боя решали секунды...

— Чего мы ждем? — раньше всех оценив ситуацию, спросил наводчик основного миномета Насиб Турихин, рослый, крутоплечий, молодцеватый парень из-под Челябинска. До войны он работал фрезеровщиком. На батарее Насиб слыл отчаянным смельчаком. Он находил выход из любых ситуаций. Наводчика любили за общительность и веселый нрав.

Схватив две противотанковые гранаты, смельчак попластунски пополз навстречу бронированной машине. На-

сиб знал, что поединок с танком — всегда игра со смертью. Однако боец сознательно пошел на риск.

Старший офицер батареи командовал:

— Всем занять круговую оборону и подготовить гранаты к отражению танковой атаки!

Сделав паузу, он в следующий миг добавил:

— Погибнуть, но врага не пропустить. Назад — ни шагу!

Тяжелый танк продолжал ползти на позицию, давя все, что попадало под его широкие гусеницы. Когда он приблизился почти вплотную, Турихин поднялся и метнул одну за другой две гранаты, залег в ложбине. Раздались взрывы. Огромная машина грязно-песочного цвета замерла совсем рядом, ее моторную часть заволокло черным дымом, внутри танка стали рваться боеприпасы.

Атакующие танки и пехота отхлынули назад. Исход боя был решен. Немцам не удалось взять батарею в клещи и разделаться с ней.

Уничтожить в бою танк врага — большое дело. Фронтовики знают, как нелегко давался каждый такой успех. Требовались мастерство, храбрость.

В моем рассказе встречались фамилии бойцов разных национальностей. Вспомнилось, что некоторое время среди молодых солдат чувствовалась отчужденность. Именно на национальной почве. Не сразу они притерлись друг к другу. Однако, как заметил на одном из первых совещаний комиссар бригады Михаил Петрович Поляков, многонациональность наших батальонов должна стать не слабостью их, а силой и дополнительным боезапасом. Он сказал очень убежденно, и это всем тогда понравилось.

После выступления Полякова офицеры-политработники Зайцев, Рыжков, Перескоков, Иконников, Чуприна и другие по очереди стали докладывать, у кого сколько бойцов нерусской национальности. Получилась яркая картина: украинцев в бригаде — 1417, таджиков — 117, татар — 167,

узбеков — 111, казахов — 94, белорусов — 53, грузин — 34, армян — 22, азербайджанцев 27 и 52 человека других национальностей. Ребята шутили: «А не назваться ли нам интербригадой?» У нас оказался даже один испанец изпод Иваново, правда давно обрусевший. И два поляка родом из Винницы.

Вскоре произошло событие, которое взволновало нас. В бригаду пришло письмо из Ташкента. Это было не совсем обычное послание — от всего узбекского народа его подписали 2 412 000 человек.

Спустя много лет на одной из встреч в Волгограде с ветеранами войны, однополчанами, мы вспоминали об этом. В группе «сталинградцев», приехавших из Узбекистана, оказался человек, в числе других подписавший это письмо. Это был рабочий ташкентского завода имени Октябрьской революции Герой Социалистического Труда Абдушукур Кадыров.

Вот что он рассказал: «...Письмо фронтовикам принималось на общих собраниях рабочих, колхозников. Помню, начали читать его в нашем цехе. Люди слушали внимательно. Письмо всколыхнуло всю республику.

В 24 колхозах, которые обслуживались 1-й Такта-Купырской МТС, 250 человек решили выполнять по две нормы в день, 120 — по три нормы. Отдыхали при сборе хлопка только после того, как на полях наступала полная темнота.

Только в Андижанской области собрали для фронтовиков 1560 шапок-ушанок, 1322 пары валенок, почти 1000 пар теплых носков и варежек. Маленькие школьницы, которые еще не могли работать в поле, брали в колхозе шерсть и вязали солдатам варежки. В Кара-Суйском районе колхозники решили досрочно выполнить взятые обязательства, обработать приусадебные участки семьям фронтовиков, послать фронтовикам посылку и письмо от односельчан, засеять дополнительные площади и назвать их полями Красной Армии...»

Меня, как и многих других фронтовиков-уральцев, удручают нынешние события в ряде национальных областей и республик. Что-то утрачено в последние годы в нашей многонациональной дружбе. Видимо, стали забываться уроки войны, когда выжить и победить в смертельной схватке можно было только в единстве. В единой связке.

Я не помню, чтобы во время боев или в часы затишья командиры или политработники обращали усиленное внимание на национальный вопрос. Равенство и одинаковое мужество, способность отдать жизнь, если того требуют обстоятельства боя, объединяли нас. Для меня это было особенно важно, потому что по национальности я еврей.

Война с фашизмом, мне думается, еще не исследованный урок объединения народов. Здесь кроются, возможно, ответы на вопросы, которые ставит перед обществом современная жизнь.

В этот вечер немецкая артиллерия была по нашим позициям. Огонь нарастал с невероятной силой. Разрываясь, тяжелые снаряды подбрасывали высоко вверх куски дерева и спекшейся земли, перепахивали окопы, вздымали над рекой водяные фонтаны. Воздух был до предела насыщен густой едкой гарью и пылью. С огромной скоростью в разные стороны летели бесчисленные рои осколков. Смертоносный металл косил все, что попадалось на пути, и просто не верилось, что в этом кромешном аду мы еще можем выжить. Бойцов засыпало песком и бросало взрывной волной. Они теряли слух и истекали кровью. Но никто из них не дрогнул и не уполз из траншеи.

Канонада стихла лишь на рассвете, и тут же уцелевшие люди стали окликать друг друга.

— Сибиряк, ты жив?

— Да вроде бы миновала нелегкая.

— Эй, вятский, тебя не пришибло?

— Царапнуло малость, — тихо ответил сипловатый те-

норок. — Мякоти чуток отхватило. Ну, ничего, отвоююсь, а там поеду гармошки делать.

— Все еще не нашутились? — слышался за спиной чей-то очень знакомый голос. — Это хорошо, ребята. Главное, фрица-стерву от Волги отбросить, а потом он сам побежит без оглядки.

Боец осторожно передвинул изувеченную ногу и обернулся. В глубокой воронке с автоматом в руке и гранатами на поясе полулежал парторг батальона лейтенант Шумилов. Сквозь пелену дыма и тумана он старался рассмотреть все то, что произошло за ночь. Кругом валялись изуродованные доски, помятые каски, разбитые пулеметы и бездыханные тела людей.

— Да, здорово они потрепали нас, — отметил, вздыхая, Шумилов. — Но не видать им Сталинграда как своего собственного затылка!

— А правда, что вы из этих мест, товарищ лейтенант? — спросил я.

— Точно. А работал и жил я в последнее время в Соликамске.

Лейтенант перевязал сержанту его рваную рану и быстро пополз в направлении командного пункта батальона.

За высоткой, в небольшом перелеске, санитары укладывали на носилки тяжелораненых и отправляли их в медсанбат. Здесь же сидел связной и торопливо что-то писал, видимо весточку на родину, рядом его ждал высокий веснушчатый ефрейтор, который должен был идти с почтой в штаб бригады. Заметив партийного секретаря, связной выпрямился. Шумилов показал кивком «отставить», потечески положил солдату на плечо руку. Они вместе присели на полусгнивший смерзшийся пенёк.

— Матери?

— Так точно, Константин Фомич. Отец где-то на Южном фронте.

— Не переписываетесь?

— Да всего-то одно письмо и получил. Почта, видать,

застревает. Только вот, сдается мне, товарищ лейтенант, что здесь...

— Ну что же вы замолчали? Что вам сдается? Говорите напрямик, не стесняйтесь.

— Кажется мне, Константин Фомич, что надолго и мы засели здесь.

Мы слышали этот разговор и ждали ответа. А ефрейтор продолжал:

— Фашист вон как прет, силен, стерва... Почти пять часов безостановочно палил. Вот я и решил написать домой: стоим, мол, а дальше не знаю, как будет, уж очень здорово сопротивляются они.

— Что сопротивляются—это верно. А вот пугаться их—это, браток, последнее дело, ведь верно?

— Так-то оно так, товарищ лейтенант...

— А раз так, то бери карандаш и пиши: «Враг цепляется за каждый клочок захваченной земли... Сейчас он окопался, мама, у стен Сталинграда. Но мы его выкурим, как поганого волка. Фашисты надеются, что их спасет то, что у нас трудности. Пусть себе тешатся. Когда ты откроешь этот треугольник, наша часть далеко-далеко уйдет вперед. Это точно. Жди с победой...»

Связной поставил точку и глубоко вздохнул. Лейтенант сказал:

— Письмо отдай почтальону, а сам скоренько собери всех коммунистов и комсомольцев батальона. Лучше поротно, так меньше будет движений и, в случае чего, люди быстрее смогут занять свои боевые позиции.

Связной скрылся в траншее, а Шумилов и штабной офицер по узенькому ходу сообщения, сгибаясь в три погибели, отправились на передний край. Под лучами восходящего солнца немецкая сторона просматривалась особенно отчетливо. Сначала шла разбросанная во всю длину спираль Бруно. Чуть поодаль виднелось несколько рядов обычных проволочных заграждений. За ними шли траншеи, потом опять проволока, снова рвы и окопы, и так на

добрый километр в глубину. На всем этом пространстве притаились тысячи солдат, готовых в любую секунду открыть ураганный огонь по нашим боевым порядкам.

— Хлебнем мы тут киселя, — заметил штабник. — Опрокинуть такую махину — это тебе не шутка. Сопротивляться будут отчаянно.

— Тем более нельзя упускать время. Всякая оттяжка только на руку противнику: успеет еще глубже зарыться в землю. Потом трудно будет его выколачивать.

— Тоже верно. Кстати, парторг, а как настроен народ?

— Люди с нетерпением ждут приказа о наступлении. Сейчас пойду в роты. Надо потолковать еще раз. Испытание нам предстоит не из легких.

— Это правильно. Ну что ж, доброго тебе пути, лейтенант.

— Вам тоже удач, товарищ капитан. До встречи...

Когда Шумилов вернулся обратно, люди уже были в сборе. Лейтенанта знали все: и те, кто прошел со 2-м батальоном не одну сотню километров, и прибывшие после излечения в госпиталях.

На этот раз Шумилов говорил неторопливо:

— Волга! Из этого священного источника поганое воронье пьет воду. Озверелые палачи жгут города и села, уничтожают все, что создано нашим народом. Вы видели руины и пепелища, когда ехали сюда. Но о самом страшном нам еще предстоит узнать...

Шумилов откашлялся, посмотрел в сторону Волги и размеренно, чеканя каждое слово, продолжил:

— Река широкая и глубокая. Вода не теплая. Маневр будет нелегким. Командование ни от кого этого не скрывает и надеется, что коммунисты и комсомольцы покажут пример остальным. Первыми, видимо, пойдут добровольцы. Желающих прошу назваться.

— Пишите меня, — отозвался белобрысый коренастый младший сержант.

— Поставьте мою фамилию, — попросил его сосед.

— И мэне запишите, будь ласка.

— Товарищ лейтенант, уважьте меня.

Так весь взвод определил свое место в будущей операции.

Обходной, или, как мы позже поняли, отвлекающий, маневр почти на виду у немцев был лишь частью готовящегося наступления.

— Константин Фомич, не забудьте меня.

— Товарищ парторг, не обойдите сибиряков... Учтите уральцев... Не пропустите волжан...

И кто знает, сколько бы еще пришлось Шумилкову записывать фамилий, если бы в конце ряда не послышалось чье-то басистое: «Разрешите». Все повернулись. Это говорил ефрейтор из вчерашнего пополнения.

— Я комсомолец, — сказал он, — и меня, товарищ парторг, обижают этот отбор желающих первыми идти в атаку. Это наш долг, и каждый обязан исполнить его как положено.

Шумилов повернулся к солдатам и сказал:

— Тогда за дело. Ищите бревна, доски. Это пригодится, если от взрывов вскрыется лед. Обязательно побеседуйте со всеми беспартийными, прямо сейчас. Приказ о наступлении будет дополнительно.

Весь день, подобно неутомимым муравьям, по траншеям и лощинам мы подтаскивали к берегу деревянные настилы, бревна, заборы... Волга парила в полынье и на отмелях, где постоянно крошили лед. Весь день на прибрежной площадке, которая со стороны казалась безжизненной, кипела тяжелая работа сотен людей. По всему чувствовалось приближение чего-то особенного, важного...

И вот началось. Воздух оглушил могучий рокот авиационных моторов. Десятки бомбардировщиков и штурмовиков начали обработку переднего края противника. Почти одновременно ударили орудия, засверкали молниями трассы «катюш», заухали тяжелые минометы.

— Впе-е-ред! — разнеслось по траншеям и пулеметным ячейкам.

Сначала немцы подозрительно молчали. То ли причиной тому был воздушный и артиллерийский налет, то ли им закрывала видимость дымовая завеса, однако до середины реки переправа по льду шла нормально. Лишь изредка шлепались мины да пролетали над головами траксирующие пули.

Но вот откуда-то совсем рядом взлетели ракеты и как на ладони осветили движущихся по скованной морозом реке бойцов. С высоты звонко ударили крупнокалиберные пулеметы. Где-то за лесом тяжелым раскатистым эхом отозвалась артиллерия, а в небе зарокотали моторы. Первые «юнкерсы» пошли в пике. От разрывающихся бомб и снарядов забурлила и зарокотала ледяная река, разрывая на куски плоты. Но солдаты упорно продолжали приближаться к берегу. Вот первый уже опустился с бревна, нащупал в крошечке льда и снега твердое дно и, держа над водой автомат, рванулся к берегу. За ним — второй... третий... пятый... В их числе был и лейтенант Шумилов.

— За мной, товарищи! Вперед! — крикнул он и энергичным рывком увлек всю группу в направлении немецких окопов.

Передвигаться было очень тяжело. Ноги, все тело сковывал холод. Но думать о том, как и где согреться, никто не мог. А если быть точными — на это просто не было времени. Бросок был стремительным. Крик «ура-а-а!» — застрял в горле и вырвался с яростным проклятьем уже в окопах фашистов, когда началась рукопашная.

Новогодняя ночь на пороге 1943-го. По всему кольцу окружения армии Паулюса на какое-то время установилось непривычное безмолвие, даже очереди дежурных пулеметов смолкли. И ракеты не вспыхивала на той стороне.

Тишина. Замолкла и скованная морозом степь. Разве

что ветер гнал и гнал колючую поземку, наметая перед блиндажами и траншеями белые холодные сугробы. Поземка шуршала, и стоило закрыть глаза, как начинало казаться, что ты медленно едешь в кибитке, запряженной парой гнедых, и тебя укачивает... Это от жуткой усталости. Несколько суток не было возможности где-то прилечь. Ее не появилось и сейчас. Пришла почта с подарками фронтовикам от труженников тыла и такими родными треугольниками.

Читаем и перечитываем друг другу новости из дома. Задымили самокрутками заядлые курцы — дым столбом. От коптилок чад идет, вроде бы и дышать нечем, а никто этого не замечает.

На самом видном месте ребята водрузили фанерный щит с красными большими цифрами посередине — «1943». Накануне связисты постарались, установили самодельный репродуктор. Все уже знали, что из Москвы будет передаваться речь Всесоюзного старосты Михаила Ивановича Калинина.

У меня в те минуты было состояние именинника, которому только-только вручили подарок. Подарок был особого свойства. Я в тот момент отчетливо понял, что остаюсь живым. Да, проходят дни, недели, месяцы непрерывных боев, год проходит, а я живой. Об этом раньше не думалось: ну, жив сегодня, а завтра, может быть, убьют или ранят. Каждый из нас готов был к этому в любую минуту. Только в нашем взводе поменялось три состава за нынешний год. А тут на пороге уже и сорок третий! Смотрю на товарищей, в блиндаже еще больше набилось народу. Из репродуктора полились звонкие переливы кремлевских курантов...

И вот речь Калинина. Спокойно, лишь изредка покашливая, он говорит о том, чем живет каждый из нас: и на фронте, и в глубоком тылу. О положении под Сталинградом, о потерях врага. О нарастающих наших ударах в районе Среднего Дона и на Северном Кавказе... «Осво-

бождено свыше двух тысяч населенных пунктов, — сказал Калинин. — Инициативу прочно удерживают советские войска... С Новым годом, товарищи!».

Как только прозвучали эти слова, мы закричали: «Ура!» А на артиллерийских позициях в этот момент раздалась команда: «Натянуть шнуры!» И с первым ударом кремлевских курантов в звездное небо понеслись снаряды. Такое началось в степи, что словами описать трудно! Это был огненный ураган! В сторону врага было обращено все, что могло стрелять. Мерзлую землю сотрясал оружейный гром. Степь гудела, как набатный колокол. Небо расчерчивалось вкривь и вкось разноцветьем пулеметных трасс и снарядов. На каждый удар курантов степь отзывалась эхом мощных разрывов.

В блиндаже стало еще жарче. «Буржуйка» весело потрескивала поленьями. Стали петь песни. С особым подъемом исполняли, конечно, нашу любимую и популярную у сталинградцев «Самовары-самопалы», в которой были такие слова: «За версту врага ошпарит кипяточек огневой». Смеялись, представляя, как фашистам «весело» в нашей «баньке». И тут распахнулась дверь, и вместе с клубами морозного воздуха в блиндаж ввалились матросы в бушлатах. Сколько радости было от встречи!

Оказывается, группа поиска, возвращаясь с задания, нарвалась на засаду у деревни Симково. Фрицы быстро замкнули кольцо окружения. Бой шел уже целые сутки, но вырваться наши никак не могли. Тогда было принято решение вызвать огонь нашей артиллерии на себя. В помощь разведчикам выслали еще одну группу. Два гитлеровских штабных офицера и документы должны были быть доставлены к исходу 31 декабря — таков был приказ.

И вот бойцы уже дома. Все они сгрудились возле печи, обняв ее полуобмороженными руками. «Эх, что ли, с Новым годом!» — кричал самый молодой из них. Помню, звали его друзья Кешкой, любимец был он у них, отчаянной храбрости парень. Его принесли на руках.

Отошел, отогрелся матрос и теперь, глядя на нас, повторял и повторял: «Будем жить, братцы! Будем... С Новым годом! Ха-ха! А фрицев накормили досыта...»

Недавно я прочел в книге воспоминаний бывшего гитлеровского офицера И. Видера о том самом моменте, когда им показалось, что группа русских разведчиков, окруженная со всех сторон, уже у них в руках. Вот эти строки: «...Но тут кругом все загремело, загрохотало, затрещало. Я выбежал из землянки, — пишет Видер, — и застыл в изумлении: жуткое и одновременно захватывающее зрелище предстало перед моим взором. Русские решили на свой лад отпраздновать Новый год и сделать нас свидетелями своего торжества. Противник открыл огонь из всех стволов по всему фронту «котла», сопровождая этот адский концерт фантастическим фейерверком... Мы как бы воочию увидели протянувшиеся в небо огневые прутья огромной круглой клетки, в которую нас заперли и в которой должна будет погибнуть наша армия».

Мы все были счастливы в ту полночь декабря, потому что вступили в новый 1943 год, твердо веря в победу.

У меня в блокноте сохранилась такая запись: «Сегодня старший политрук Раздайбеда сказал, что немцы запросили наших парламентаров. Прижарило, значит». Я вспомнил, как остро эта тема обсуждалась бойцами. Шел разговор, что идти к фашистам на переговоры — все равно что добровольно на смерть напрашиваться. Уж очень жестокими были немцы, прямо зверье какое-то. Никаких международных и человеческих правил они не признавали. В начале войны в парламентаров стреляли в упор.

После того как гитлеровцев наголову разбили под Москвой и они долго не могли опомниться, фашисты с еще большей яростью расправлялись с нашими солдатами и офицерами, которые отправлялись к ним на переговоры.

...Однажды на моих глазах снаряжались парламентары. Правда, было это уже в январе 1943 года. Спеси у

гитлеровцев значительно поубавилось, хотя еще не была окончательно решена судьба сталинградской группировки.

К нам в штабной блиндаж батальона буквально ворвался связной от разведчиков:

— Немецкие офицеры в открытую идут, — доложил он с порога.

Бывший здесь майор А. Игнатьев, начальник оперативной части 143-й отдельной стрелковой бригады, тут же скомандовал:

— Полундра! Гранаты к бою!

Потом оказалось, что немцы идут в полный рост потому, что хотят что-то нам сказать.

В узком овраге, который разделял противоположный крутой берег речки Царицы и, расширяясь, выходил к самой воде, появилось несколько фигур. У одного в руках развевалось белое полотнище.

Как только они вышли на наш берег, майор Игнатьев, начальник штаба 3-го батальона капитан Денисов и начальник разведки батальона Грызлов двинулись им навстречу. Сопровождали их два автоматчика. Конечно, все без оружия.

Когда, переговорив с немцами, офицеры повернули к нашим позициям (гитлеровцы потребовали привести их в вышестоящий штаб), с той стороны ударили крупнокалиберные пулеметы. Один из автоматчиков упал на снег, был ранен Грызлов, трое немцев с перепугу стали отползать в сторону, а их майор заорал, размахивая руками: «Нихт шиссен!»

Но фашисты продолжали стрелять. Игнатьев как стоял на взгорке, так и остался стоять. Да еще кисет достал, начал папироску скручивать. Наши бойцы от злости на фашистов разрешение на открытие огня стали просить, артиллеристы тоже возмущены были: давайте, мол, мы их заглушим навеки. Но нельзя было — Игнатьев приказал.

Потом вся группа отправилась на тот берег. Не было их минут сорок.

Позже я несколько раз встречался с Игнатьевым, уже удостоенным звания Героя Советского Союза. А еще позднее слушал его рассказ о последних боях в поверженном Берлине. Это важная страница во фронтовой биографии майора Игнатьева, часть которой, кстати, оказалась обнаружена в свое время Маршалом Советского Союза Г. К. Жуковым в книге «Воспоминания и размышления» и членом военного совета 5-й ударной армии Ф. Е. Бокковым в книге «Весна Победы», где Андрея Александровича автор назвал самым отважным парламентаром из всех, которых ему довелось встречать на дорогах войны.

Мне часто вспоминается этот день: морозное утро, температура воздуха минус 20—25 градусов. На ветру, а он был особенно сильным на равнинных местах, стоять спокойно нельзя, сразу замерзнешь. Чистое, бледно-голубое небо. Ни облачка. Мимо нашего штаба прошла в сторону НП группа офицеров. Все оживленно переговариваются. Наш командир, радостно потирая руки, говорит:

— Ну, братцы, сейчас начнется!

И точно. Через несколько минут небо точно расколосось: это ударили дивизионы «катюш», взметнув у самого горизонта огромные султаны разрывов. Такого я еще не видел за время боев. И вот пошла волна за волной наша силаща. Сначала солдаты бежали молча, не стреляли. А затем — непрерывная пальба.

Западные историки часто пишут о том, что, дескать, такого огня и не надо было, под Сталинградом все сделал Его Величество Мороз. Это неправда.

Действительно, мороз был сильный. Но надо учесть, что у фашистов были хорошо обжитые, утепленные блиндажи. Немцы сопротивлялись так яростно, что мы диву давались. О силе сопротивления свидетельствует такой факт: 45 километров полк Давиденко из 38-й дивизии преодолевал 21 сутки. Лишь к исходу 17 января, как вспоминает Давиденко, они дошли до внутреннего обвода,

преодолев до этого два заранее подготовленных противником оборонительных рубежа в районах Воропоново и Дар-Горы. Об уличных боях и говорить нечего — там драка шла за каждый дом, за каждую стену, лестничную клетку. Так что рассказы о легких победах пусть останутся на совести их авторов.

Когда в штаб бригады сообщили, что ефрейтор Григорьев привел большую группу пленных немцев, все, кто был свободен от срочной работы, вышли посмотреть. Пленные были не из тех, кто замерзал в траншеях и с готовностью подымал руки при виде советского солдата. Такие были, и на них жалко было смотреть, особенно когда закончились основные бои под Сталинградом и гитлеровцы стали сдаваться в плен в надежде выжить.

Григорьев же привел других — злобные серые лица, прищуренные глаза, — они смотрели из-под вязаных трюхов так, будто не они, а мы пришли сдаваться в плен.

Помню, что Замяткин, взглянув только на эту группу фрицев, сбившуюся возле крыльца дома, где находился штаб, не выдержал и выругался.

— Чего притащил их сюда, пожалел, что ли? — спросил, обращаясь к Григорьеву...

Тот скалился на нас будто именинник и будто мы вот сейчас ему хором поздравления выдавать будем. Он даже не понял вопроса Замяткина.

— У-у, гады, выродки, — сказал стоявший поодаль майор-артиллерист.

Из-под шапки у него виднелась белая кромка бинтов. Он отвернулся и, тяжело припадая на правую ногу, пошел прочь.

Немцы, видимо, почувствовали, какая складывается обстановка, и тихо о чем-то стали говорить по-своему. А один, рябой такой, в подшлемнике, стащив с себя огромные трехпалые меховые варежки, стал истошно выкрикивать: «Гитлер капут! Гитлер капут!» Нам вообще

стало неприятно на них смотреть, но тем не менее любопытно было узнать, как ефрейтор мог вот таких насобирать. А Григорьев только ухмыльнулся вопросу, скручивая сигарку, и, довольный тем, что на него все-таки обратили внимание, произнес:

— Вон у лейтенанта поспрашивайте, может, что и знает. Новгородцев его фамилия, это ведь их трофей, а я только так, сторожую...

Ефрейтор, конечно, лукавил, набивая себе цену, и готов был все рассказать, если бы кто-нибудь его уважительно попросил. Но тут в группе немцев произошло какое-то оживление, началась яростная потасовка. Они скопом накинулись на того, что кричал про Гитлера, а затем враз бросились врассыпную.

Вот тут мы уже и сами несколько подрастерялись. Григорьев дымом поперхнулся, самокрутку выбросил, кричит:

— Стой, гады, убью, хэнде хох, сволочи!

Я выхватил из кобуры пистолет и тоже с перепугу вверх пальнул. Гитлеровец один, в большом, видно, чине, на меня бежал, но после выстрела метнулся в сторону и наскочил на телефониста Петра Болотова, только что вышедшего из штаба. Петя куда-то торопился, но, всполошенный выстрелом, замер. И тут пленный боднул его головой, свалил, круто свернул за угол дома и бросился вдоль забора по улице. Да куда там...

Ох, и наделали немцы переполоху в тот день. Их, конечно, отловили, убежать уже было нельзя, вокруг одни только наши солдаты. Но все мы получили по выговору за ротозейство, а ефрейтор Николай Григорьев чуть было под трибунал не попал. Лейтенант Новгородцев его выручил и от штрафбата избавил.

Так до конца войны и не узнал я, что за птиц привели тогда к штабу лейтенант с ефрейтором.

Уже работая над этими записками, я вдруг получил письмо: «Здравствуйте, Григорий Исаевич!

Узнал от наших однополчан, что расспрашивали о моей

судьбе. Сообщаю: жив, дошел до Берлина...» А дальше Тимофей Филиппович рассказал о том случае в Сталинграде. Оказывается, незадолго до разгрома гитлеровского котла в Сталинград прибыла группа инструкторов из Берлина. Они должны были изучить на месте положение дел и доложить свои соображения лично Гитлеру. О том, что такая инспекция работала в штабе Паулюса и в войсках, наше командование знало. Были приняты все меры, чтобы отыскать этих представителей. Однако они как в воду канули. Некоторые пленные показали, что их вывезли через наше кольцо окружения. Однако это было маловероятным. Иные сообщали о том, что инспекторы застрелились, так как не могли принять позор пленения.

Лейтенант Новгородцев с ефрейтором Григорьевым тоже занимались поисками пропавшей инспекции. Но все было безрезультатно, пока не попали они в поселок Ельшанка, что на южной окраине Сталинграда, возле станции Садовая. Разрушенный до основания, поселок выглядел мертвой зоной. Однако жизнь здесь все-таки теплилась. У самого края поселка сохранился небольшой домик с провалившейся крышей. Увидев военных, оттуда выбежала женщина. Новгородцев с Григорьевым пошли к ней навстречу.

Уже в землянке возле постройки, где женщина пряталась с дочкой от бомбежки, она сказала, что вчера ночью в доме обосновались какие-то люди. К себе не пускают, но и голоса не подают. Догадалась женщина, что наверняка отсидеться хотят, пока войска наши здесь. «Уж вы возьмите их, выкурите, это же фашисты», — взмолилась хозяйка.

Далее Новгородцев пишет:

«...Подшли мы к землянке, палкой постучали в дверь, никто не откликнулся, хотя дверь на запоре изнутри. Отошли, гранату бросили. Дверь сорвало. Ни слуху ни духу. На наши слова никакой реакции. Дали очередь из автомата. Вот тут и зашевелились. Выходит один с портянкой

в руке. В другой руке сапоги держит. Заставили обуться. Еще дали очередь. В ответ — беспорядочная стрельба из пистолетов. Суматошная какая-то, паническая. Через паузу — еще один выстрел, и тогда полезли оттуда один за другим. Офицерье. Погоны некоторые успели уже содрать, но по всему было видно — важные птицы...».

Часть 2

Долго я не мог понять, почему мы не привыкали к страху на войне. Почему душа продолжает трепетать и томиться. И чем дальше, тем больше. Да потому, наверное, что мы и в самые тяжкие бои, когда земля в окопах спекалась, не грубели и не превращались в камень. Мы оставались людьми, способными чувствовать и плакать.

В дни, отданные передышке, когда не нужно было постоянно думать о том, как уберечься от воющих мин и летящих с небес бомбовых чушек, казалось, что война уже от тебя отдалилась. Быт занимал все время. Если удавалось, то в баню ходили по нескольку раз на неделе.

Хорошо помню один из дней, когда вот так, помывшись, попарившись в баньке, направлялся к себе в расположение, а тут окликает знакомый офицер из штаба полка Андреем Орехов.

— Григорий, погодь-ка. Гуляешь? — по-мирному спросил он. — Я тут тебе дельце придумал. Надо помочь привезти из тылов новое имущество, а дороги из вновь прибывших никто толком не знает. Покажи, как добраться, сгоняй, а? Век буду благодарен.

Так я оказался в тот день в кабине с молодым парнем из-под Тамбова, который пробыл-то на войне всего несколько часов. Стать героем он так и не успел.

На полуторке по тальнику мы добрались до складов, загрузили имуществом весь кузов доверху и, перекурив, двинулись в обратный путь.

Глубокая колея сама управляла машиной. Это, естественно, было на руку молодому парню-водителю Василию Костицкому и мне, потому что устал я чертовски. Пришлось ведь разыскать с десяток людей, пока получили по разным документам свои мешки да тюки. Потом бегал за почтой. Словом, намаялся. Правда, Вася тоже не сидел без дела. Машина дважды глохла по причине каких-то неисправностей, поэтому, как только прибыли к тыловикам, тотчас полез ковыряться в моторе.

Обратная дорога казалась легкой.

— Товарищ младший лейтенант, как, по-вашему, лучше: размешивать грязь или утаптывать? — спросил Вася, управляя машиной.

— Это в каком смысле?

— Да я вот тут стихи сочиняю. «Развезло. С непогодой смирясь, продолжаем размешивать... или утаптывать... Как лучше? — грязь...».

В этот момент, неслышный из-за воющего мотора машины, из-за притупленного неожиданным разговором чувства опасности и внимания, «упал» с неба, сзади, «мессер» и прошел Васю очередь. Чуть ослаб гул двигателя, но снова была монотонность дороги и леса около нее, будто возник мгновенный мираж, свалился секунднй сон. Только сработала правда войны. Вася был мертв.

Мое состояние передать словами невозможно. Еще минуту назад я был далеко от войны. Закрыв глаза, видел себя дома. По-весеннему тепло и ярко светило солнце, воздух был напоен пьянящим ароматом просыпающегося леса.

В один миг все изменилось. Я вылез из кабины, походил вокруг машины — везде пусто. Кричи не кричи — никто не поможет. Надо ехать, а я не умею водить машину. Видел много раз, как переключают скорости, как крутят баранку, но самому этого делать не доводилось. А тут ведь еще и Вася... Это был его первый день в действующей армии. И машина-то была не его, случайно оказался под рукой у комбата Василий Костицкий.

Делать нечего, перетянул я его тело на свое место, сел за руль. И вот потащилась по серой дороге в серую даль военная полуторка с тюками фланели для солдатских портянок. При столь слабых, а вообще-то никаких, шоферских навыках решил полностью отдать себя во власть колеи. В конце концов приведет же она куда-нибудь? Похоронить Васю надо было обязательно при людях, там, где они бывают. Чтоб заметили, запомнили место, где будет могила молодого солдата, погибшего на дороге, ведущей к фронту. А раз идет война, то можно сказать, что в бою. Юношу, который уже больше не напишет стихов.

Лес, наконец, кончился. И сразу же справа неярко блеснули рельсы, потом подбежали к дороге и повели к уже завидневшемуся впереди строению. Уже различались люди, кучками столпившиеся около него. Это была небольшая станция с вокзалом, вернее с тем, что осталось от него: четыре стены со слишком темными для стекол пятнами окон, да везде печные трубы, тянущиеся вверх прямо из потолка и поэтому кажущиеся неестественно длинными, словно трубы парохода.

Но железная дорога работала, жила.

Я выключил зажигание, пошел искать коменданта. Найти его оказалось несложно, потому что людей в военной форме здесь не было видно. Вот только один лейтенант с подтянутой бинтом к груди правой рукой стоял возле одной из круглых голландских печек.

— Комендант? — спросил я.

— Он.

— Слушай, шофера у меня убило. Похоронить бы, могилку где-нибудь поблизости соорудить. Есть у тебя люди?

— Люди-то есть, вон они, — комендант показал на разбитое окно, выходящее на перрон. — Старики да дети. Все поездов на восток ждут. А их уже не будет, жду с востока...

— А солдат у тебя нет?

— Нету. Я в единственном числе, — уже мягче сказал комендант. — Да и то, видишь, полсолдата. Ты ребяташек попроси, помогут, может. Мне, сам понимаешь, неловко. Будут просить услугу за услугу, а составов не будет. Похоронить можешь вон в том скверике. Там уже несколько наших лежат.

Бледные, с покрасневшими глазами мальчишки вызвали у меня острую жалость. Я пробежал глазами редкую толпу беженцев, затем устало, про себя махнув рукой, направился к машине: «Сам выкопаю, сам похороню, сам отсалютую».

Вязкая земля трудно поддавалась лопате. Рядом был невысокий свежий холмик. Вокруг него бледнели остатки цветов. «Даже таблички нет никакой» — с грустью подумал я. И тут услышал за спиной:

— Помощь не требуется?

— Неплохо бы.

Но, оглянувшись, тотчас же пожалел о своих словах: передо мной стоял худенький, маленький, с такой же маленькой клинышком бородкой, старичок в очках.

— Что, не гожусь? — бодро спросил он, словно отвечая на мой изумленно-виноватый взгляд. — Не переживайте, у меня тут целая гоп-команда.

И он вдруг по-молодецки, залихватски как-то свистнул. Через какие-нибудь пару секунд в сквере уже стояло шесть довольно крепких подростков.

— Вот мои гвардейцы, мои ученики. Я, видите ли, учительствую в городке, в трех километрах отсюда. Кстати, вот эту могилу тоже мы копали. Трое там лежат.

Справились мы быстро. Комендант выдал мне справку о том, что Василий Костицкий убит и похоронен со всеми военными почестями. Но за это потребовал, чтобы шестерых парней я взял непременно с собой, как пополнение. Выяснилось, ребята на этих условиях оказывали здесь

разные услуги коменданту под его честное партийное слово.

Пришлось взять.

От начальника штаба я в тот вечер получил серьезную выволочку за то, что не уберег молодого бойца. Но спустя некоторое время от разведчиков приходил Бушуев и благодарил за хороших парней — четверо остались в их взводе.

В те дни меня нашло письмо от школьного друга — Олега Подольского, он воевал под Ленинградом.

«Гришка, привет! Можешь меня поздравить. Я уже лейтенант, команду взводом. Недавно у нас произошел интересный случай. Со своими солдатами под покровом ночной темноты мы пробирались по заболоченной местности в расположение гитлеровцев. Там обезоружили несколько орудийных расчетов. Когда утром наши части перешли в наступление, немец не смог ответить огнем. Долбанули фрицев вдогонку, аж пух летел. Представляешь, за это меня наградили орденом».

После январских боев 1943 года по прорыву блокады Ленинграда Олег погиб. Я об этом не знал, написал ему о своих фронтовых маршрутах. Похвастать мне было нечем, ордена еще не удостоился. Но зато очень гордился тем, что друг хорошо отличился.

Обо всем этом и написал в письме. От бойцов его взвода получил ответ. Они сообщали, что их командир погиб смертью храбрых в жестоких боях за Ленинград. Его похоронили с фронтовыми почестями на опушке леса недалеко от Колпина. В могилу Олега положили его любимую гитару.

Я вспомнил, как в классе девчонки млели от Олеговых гитарных аккордов. Он был настоящий красавец, в компаниях — незаменимый человек. Я никак не мог прийти в себя от мысли, что его нет и уж не будет никогда. Дал себе зарок никогда не вспоминать об этом горестном сообщении его бойцов. А когда нашел строки Константина Си-

монова: «Неправда, друг не умирает, лишь рядом быть перестает...», — полностью согласился с ними.

...Дни проходили за днями. Стало известно, что создается новое формирование. Мы теперь будем 94-й стрелковой дивизией, да к тому же еще и гвардейской. Это за победу под Сталинградом нам такая честь. Был специальный приказ Верховного. С большой торжественностью мы давали гвардейскую клятву бить врагов не щадя своих сил.

Переименование внесло определенную сумятицу, но в целом у нас мало что изменилось. Многие из начальствующего состава остались на месте, и основной костяк бойцов знал их боевые качества. А ведь очень важно быть уверенным в тех, кто завтра поведет тебя в бой и заставит идти под вражеские пули. Себя не жалко, если впереди победа. А если жертва напрасна?..

Но мы действительно хорошо знали личную храбрость командира дивизии полковника И. Русских, начальника штаба Г. Шостацкого, командира стрелкового полка М. Аглицкого. Верили в их опыт. Начальник артиллерии дивизии С. Висевич тоже был очень уважаем, и не только среди артиллеристов. Отчаянной храбрости был человек и большой мастер огня. Рассказывали, что однажды, когда артиллеристы поддерживали продвижение батальона, немцы вдруг ошетинились пулеметным огнем. Стреляли так густо и прицельно, что головы нельзя было поднять.

— Сначала мы не могли установить, откуда ведут они огонь, — рассказывал нам комбат. — Затем кто-то из молодых солдат отошел в сторону. Когда пулемет заговорил вторично, боец заметил, что фашист замаскировался в фабричной трубе. Я посмотрел в бинокль и обнаружил пробину, из которой едва виднелся ствол пулемета. Мы мгновенно открыли по трубе огонь из всех видов стрелкового оружия. Безрезультатно! Тогда включились артиллеристы, но попасть тоже не смогли. Слишком цель мало-

двата была, да и солнце в глаза слепило. Тут подъехал к артиллеристам подполковник Висевич. «Что снаряды зря палите, — сердито заключил, выслушав объяснение командира батареи. — Поправку на оптическое искажение брать надо. Солнце трубу отдаляет. — Потом, с минуту подумав, бросил на сиденье перчатку с руки и произнес: — Дай-ка один бронебойный, запишешь на мой счет». Бойцы расступились у панорамы, наблюдая, как ловкими и быстрыми движениями Висевич готовил пушку к бою. Вот он навел орудие и скомандовал: «Огоны!» Первым же выстрелом верх трубы был снесен.

Заканчивался май — месяц весенних зарниц. В этих местах на Белгородщине они особенно ярки. И травы благоухают по-особому: свежо и сладко. Вспоминал родной Урал, в горах уже давно зацвели подснежники. Мы, геологи, наслаждаемся уральской весной обычно самыми первыми, отправляясь в поисковые партии с ранними лучами майского солнца. И здесь, под Курском, мне часто вспоминались родные и до боли знакомые тропы, исхоженные десятки раз, но всегда заново открывающие удивительную красоту и величавость нашего края.

5 июля ночью нас подняли по тревоге. Маршрут: Короча — Белгород. Задача: закрыть путь гитлеровцам в полосе обороны село Севрюково — высота 206,9 — село Мясоедово. По расстоянию это каких-то 2—3 километра, но, как потом выяснилось, по плотности огня в нашу сторону это был чуть ли не самый опасный участок первых дней битвы на Огненной дуге.

Рано утром, не дойдя до намеченного рубежа, передовые части дивизии развернулись и с ходу вступили в бой с фашистскими тяжелыми танками на восточной окраине села Мясоедово. К 10 часам к этому рубежу подошли основные наши силы. Мы отбивали уже пятую танковую атаку противника. Ожесточенный бой продолжался весь день до поздней ночи. Гвардейцы стрелковых полков под-

били и подожгли свыше тридцати танков и уничтожили более тысячи солдат и офицеров противника. Стояли на смерть и по-гвардейски били врага артиллеристы 199-го артполка. На поле боя перед их орудиями стояли изуродованные, факелами горящие фашистские танки. К 11 июля их было уже так много, что они стали мешать вести огонь прямой наводкой...

Когда во взводе гвардии лейтенанта Кушлянского осталось только одно орудие, в бой вступила еще одна группа танков противника. Расчет сумел поджечь три и подбить пять бронированных машин, которые подошли на 70—80 метров. Но из строя вышел и весь расчет. Тогда Кушлянский сам встал к орудию и один за другим подбил еще три танка, причем последний выстрел был произведен, когда танк приблизился уже на считанные метры.

Столь же самоотверженно и отважно сражался расчет старшего сержанта Афанасьева. Несмотря на ранение, командир расчета продолжал оставаться у орудия и вел стрельбу. Артиллеристы уничтожили три танка противника.

Гвардии красноармеец Сигимбаев подбил один танк. Бой продолжался. Осколком снаряда боец был ранен. «Пока танки врага здесь — Сигимбаев тоже будет здесь!» — сказал он, отказавшись уходить в тыл на перевязку. Вынесли его с поля боя только тогда, когда атака танков была отбита. Гвардии старшина Кривницов и гвардии старший сержант Письмак подбили из 45-миллиметровой пушки 2 танка и уничтожили 35 гитлеровцев.

Десятки бойцов и командиров, имена которых сохранила память, проявили в те дни боев чудеса храбрости. Особенно потряс меня рассказ агитатора о подвиге гвардии младшего лейтенанта Сергея Свищева.

У деревни Мясоедово в сложной ситуации оказался расчет минометной роты старшего лейтенанта Лизунова. Его окружили немцы, предложили сдаться в плен. Офицер принял решение прорваться — иного выхода не было, так

как на каждого оставалось по 3—5 патронов. Они пошли в атаку и пробили кольцо окружения, но ненадолго. Гитлеровцы, оставив на поле боя около 30 трупов, вновь сомкнули кольцо. Тогда на помощь попавшим в беду товарищам бросился взвод автоматчиков под командованием младшего лейтенанта Свищева. Огнем автоматов и гранатами они пробились к минометчикам.

Гитлеровцы усилили нажим с помощью танка. Свищев приказал отсечь автоматчиков огнем, а сам со связкой гранат бросился под танк. Мстя за смерть любимого командира, бойцы пошли врукопашную и смяли гитлеровцев. Позже в такой же стремительной атаке они овладели выгодным рубежом в районе сел Мясоедово — Шеино.

За мужество и героизм, проявленные в бою, младший лейтенант Сергей Свищев был награжден посмертно орденом Отечественной войны I степени, а его имя навечно занесено в списки личного состава гвардейской части.

...Минуты перед боем. Они хорошо знакомы тем, кто пережил их хотя бы раз. Это самые ответственные минуты. Человек мысленно поднимается на какую-то вершину и, оглядывая прожитое, становится одновременно ответчиком и судьей.

Вот автоматчик Матвеев. Большой, сильный, сидит, прислонившись к стене траншеи. Он мог бы и не лезть в пекло. Но попробуй-ка сказать ему об этом! Матвеев сбежал из госпиталя, чтобы участвовать в боях.

Рядом с ним — пожилой солдат Федор Писина с Черниговщины. У самого входа в блиндаж примостился рядовой Владимир. Он тщательно чистит автомат. Еще никто не знает, что их ждет через несколько часов. Да что там часов — минут. Впрочем, и секунды — вечность.

Вот фашисты пошли быстрым строевым шагом, а кажется, раскачиваются они на одном месте. Мелькает длинная цепь меж кустарников, чуть поодаль за ней другая и третья. Шнапс из древесных опилок дурманит голову, бу-

доражит, поднимает нордический дух. Хлебнет тройную дозу фриц перед атакой, и кажется, что море ему по колено.

— Айн, цвай, драй! Айн, цвай, драй!

Ворот нараспашку, рукава подкатаны до локтей. Автоматы — прикладами к животу. Идут, будто не на войне, а на параде. Офицеры в высоких фуражках со щегольски заломленными книзу тульями, размахивают парабеллумами. Поторапливают:

— Шнель, шнель, зольдатен!

Триста метров.

Рота Василия Шагиняна лежит не шелохнувшись.

Двести.

Рота Шагиняна молчит.

Сто. Отчетливо видны лица фрицев, карманы на шинелях, кобуры и планшетки офицеров.

Затаились наши бойцы, поплотнее приникли к матушке-земле. Сцепили зубы до ломоты. Глаза на мушке, указательные пальцы на спусковых крючках. Старший лейтенант осторожно взводит пистолет.

Во вражеских цепях лающая команда:

— Фойер!

Пули веером разлетаются, щелкают по бревнам, сметают листву, свистят злым разбойничьим свистом. Рота, набравшись мужества, не отвечает. Приказ есть приказ. Смотрю на командира и удивляюсь его полному перевоплощению. Вместо смугловатого застенчивого юноши совсем другой человек. Лицо словно резцом высечено из камня. Напряглись желваки на побелевших скулах. В глазах с полуопухшими веками решимость и непреклонная воля.

— Ничего, ничего, — твердит он про себя, — ничего, мы тоже по психике ударим.

Фашисты беспрерывно трещат автоматами. Огонь бесприцельный, рассчитанный на испуг. На замешательство. На то, что Иваны не выдержат. И тогда коси их под самый корень. С размеренного шага гитлеровцы переходят

на бег. Они уже на расстоянии хорошего броска гранаты.
Теперь пора!

Старший лейтенант приподнимается над своим убежищем, взмахивает пистолетом:

— Огонь!

Собирались фрицы покосить Иванов, а Иваны сами начали косьбу.

В мемуарной литературе достаточно подробно описан ход боев на Белгородско-Харьковском направлении. Гитлеровцы упорно наступали, встречая мощное сопротивление, и каждый день достоин подробного описания. Но я был бы не правдив, взявшись за такую непосильную работу. Нужно было видеть этот массовый подвиг наших бойцов, чтобы рассказать о каждом. Увы, я же могу поведать лишь о том, что видел и слышал, чему был сам свидетель. О некоторых событиях рассказывали сами бойцы, мои товарищи, поэтому многое здесь я повторяю с их слов. Меня могут спросить, почему я обо всем этом вспоминаю сейчас, когда прошло уже столько лет, казалось бы, многое забылось, а раны зарубцевались? Нет, в душе народной война живет по сей день, отзывается в ней постоянной ноющей болью.

Вот что произошло на седьмой день боев. Фашисты смогли-таки окружить нас после того, как 199-й артполк отбил одну за другой семь танковых атак. Впоследствии четверо артиллеристов — гвардии лейтенант В. Пивунов, Н. Колбасов, Р. Кушлянский и гвардии сержант Ц. Рековинский — были удостоены за это звания Героя Советского Союза. Так вот, немцы смогли нас обойти и организовать кольцо. На следующее утро дивизия должна была быть расстреляна в упор. В нашем распоряжении оставалась ночь.

В такие моменты положение спасает личность. Я много раз убеждался в этом на фронте, да и после войны, в

обычной жизни, — только сильная, волевая личность организует парализованную волю массы людей.

Так было и в тот момент. Дивизии нужно было пробиться к селу Шеино. Между Мясоедово и Шеино было не занятое фашистами пространство. Начальник политотдела гвардии подполковник С. Кузовков, крупного телосложения, энергичный и властный, надо сказать, человек, взвалил на себя ответственность за судьбу дивизии. По его приказу она снялась с позиций и, выстроившись в колонну по три, с огромными предосторожностями двинулась вперед. Обернув котелки и фляги полотенцами, обвязав металлические предметы тряпками, чтобы ничего невзначай не прозвенело при ходьбе, мы за ночь просочились без единого выстрела между фашистскими заслонами.

А утром у села Шеино мы встретили немцев дружным, губительным огнем. Трудно было. Но к нам на выручку подоспел дивизион «катюш»...

...Уснуть так и не удалось. Проверили связь с частями. Каждая минута теперь казалась часом.

9 часов 35 минут. Взвились красные ракеты. Воздух потряс орудийный гром. Шестьдесят пять минут огненный смерч бушевал на фашистских позициях. По врагу было выпущено, как потом стало известно, около 100 тысяч снарядов и мин. В 10.50 дали залп «катюши». Открыли огонь орудия прямой наводки. И почти тут же в хмуром небе заполосовали цветные трассы ракет — сигнал вперед, в атаку!

Со стороны нашей первой траншеи грянул марш и поднялось алое полотнище дивизионного знамени. Над цепями запылали флаги штурмовых отрядов.

Батальонные цепи дружно поднялись и пошли ускоренным шагом. Фашисты, ошалевшие от мощного удара, какое-то время молчали. А наш оркестр все звал: «Вставай, страна огромная...»

До первой вражеской траншеи осталось сто метров.

Нервы напряжены до предела. Артиллерия перенесла огонь на вторую траншею. Цепи рванулись вперед. В траншее врага стали рваться гранаты, и громкое русское «ура!» покатилося дальше.

Обгоняя пехотинцев, мы — командир взвода управления лейтенант Ермилов, ординарец Витя Кожевников и я — бежали, спотыкаясь о кочки. Места оказались труднопроходимыми: завалы, вывороченные корневища. Правее, задыхаясь в собственном реве и дыме, буксовало около десятка танков. Траки подбирали под себя дряблую почву и, пережевав ее, отбрасывали назад струи грязи и куски торфа. А гитлеровцы точно сорвались с цепи: шпарили из минометов так, что даже нам, побывавшим под огнем, небо показалось с овчинку.

Мы прибавили ходу. Обошли увязшие «сорокапятки». Навстречу брели вереницы легкораненых. Собачьи волокуши вывозили тяжелораненых. Псы, торопливо перебирая ногами, жалобно скулили, когда рядом рвались мины.

У первого захваченного нашими дерево-земляного вала присели перевести дух. Подбежала рота. Лица солдат — красные, потные: бойцы тащили на себе станковые пулеметы, ящики с боеприпасами, у многих на шее связки 82-миллиметровых мин. Это второй эшелон. Бойцов уложили вдоль вала — передохнуть перед броском.

Рядом плюхнулся посыльный от командира полка.

— Вам срочно прибыть к командиру.

— Где он?

— Недалече, метров двести отсюда.

Роя носом кочки, пополз за посыльным.

Маленькая группа управления командира полка тоже притулилась у завала. Тут же, в канаве, был развернут узел связи. Я поднялся с земли, хотел было доложить по всей форме. Командир махнул рукой: «Ложись, сейчас не до тебя». Сосредоточенно смотрел на карту, что-то соображал. Нетерпеливо покусывал губы. Наконец оторвался от карты.

— Давай в первый батальон. Его роты скоро начнут штурмовать третий завал. Держи связь со мной, пока не подтянется командир дивизиона.

Подключил телефонный провод к его коммутатору. Сделал бросок. У пролома второго завала натолкнулся на офицера в лихо сдвинутой на затылок каске и перекинутой, как у тореадора, плащ-палаткой. Он сидел на бревне и весело, с задором, отдавал распоряжения. Обернулся, заметил меня.

— А, прилетел! Опять будем вместе!

Худошавое лицо, ореховые глаза. Да это же мой старый знакомый! Был ротным, а теперь командует батальоном. О нем в дивизии ходили легенды.

Низко, над самой головой, взвизгнули снаряды и лопнули с оглушительным треском. Я наблюдал за расчетом «сорокапятки». Бойцы работали согласованно, без лишних слов. Короткая команда, взмах руки командира орудия и: дзинь-тук! дзинь-тук! Лишь звенели выброшенные гильзы. Снаряды разметали бревна и землю.

По щиту ближнего орудия ударила пулеметная очередь. Упал подносчик снарядов. Его оттащили в сторону. Пушка продолжала стрелять.

Левее того места, куда долбили «сорокапятки», гаубичный снаряд разнес завал.

— Хорошо врезал! Спасибо, дорогой! — крикнул комбат и выстрелил из ракетницы.

Зеленая звездочка поднялась вверх, рассыпалась мелкими брызгами. Залегшие цепи солдат поднялись сперва нерешительно, потом дружнее и тяжело побежали по болоту. Перед завалом они остановились, метнули гранаты. И сразу же все пространство вспучилось от вражеских разрывов. Гитлеровские снаряды и мины прилетали с коротким свистом, как стаи уток. И там, где они падали, вздыбливалась земля. Отвратительные черно-сизые фейерверки вспыхнули в самой гуще бойцов, заставив их броситься на землю.

— Нельзя лежать! Вперед, братцы! Вперед, родные, хорошие мои! — закричал капитан Манапов, будто его могли услышать.

Но точно незримая нить протянулась между ним и атакующими. Рота Петрова, оставив на земле и на проволоке несколько неподвижных тел, бросилась в проломы. Отдельные смельчаки перемахнули прямо через забор. Понеслись протяжное «а-аа», автоматные очереди, винтовочные выстрелы.

Капитан повел рукой по побледневшему лицу, надел каску.

— У меня сердце зашло, когда они залегли. Не могу привыкнуть. Всякий раз психую, когда посылаю людей в атаку. Честное слово, дорогой, мне всегда легче пойти самому, меньше переживаний. Пошли вперед, отсюда ничего не видно.

Теперь и без бинокля было хорошо видно, как в траншеях завязалась рукопашная схватка. Бойцы кидали гранаты, шли в штыковую, кололи, резали. Дым, гарь, свист пуль, шипение мин, взрывы... Стоны и редкие хриплые голоса команд.

— Дорвались до рукопашной — теперь не оторвешь. Натерпелись бедолаги во втором эшелоне, — крикнул мне капитан.

Я тоже что-то кричал ему, стрелял из автомата. Потом почувствовал на плече руку. Услышал его голос:

— Кончай стрелять. Кажется, все.

— Все так все, — ответил я и сразу почувствовал оглушительную усталость. Мне показалось, что сзади вспыхнула молния, осветив неестественно серебристым светом все вокруг. Потом все померкло.

Почему-то врезалась в память заметка из нашей дивизионной газеты «Сталинская гвардия». Называлась она «Замечательный пример». Текст ее такой: «Боец ра-

нен. Ему тяжело вынести с поля боя свое оружие. В таком случае на помощь раненому обязан прийти санитар. Он должен унести из-под огня не только раненого воина, но и его винтовку, автомат, пулемет.

Замечательный пример показал в дни героических боев санитар-носильщик гвардии красноармеец Халиков. Он вместе с ранеными вынес с поля боя 25 винтовок. Это оружие использовали бойцы для истребления врагов».

Но самое интересное, что врезалось в память особо, это последние строчки: «Не оставляй оружие нигде и никогда! Оно сделано руками твоего отца, матери, руками твоего брата».

Я очнулся на третий день, в госпитале. Очень болели голова и нога, саднило во всем теле. Вспомнились эти слова из заметки об отце, матери, брате, и стало почему-то очень жаль себя. Вроде бы и радоваться надо, что жив, что всего лишь в госпитале, а не в могиле, а тут тоска-печаль. Понял, почему. Я, кажется, автомат оставил там. Стал звать нянечку, никто не подошел к моей кровати. Я крикнул, наверное, очень сердито, но тут же опять куда-то провалился.

Очнулся снова. Был вечер. Надо мной склонилась чья-то голова в белом платке и в марлевой повязке на лице — одни глаза, большие, зеленоватые, в мелкую крапинку.

-- Он проснулся, доктор, — донеслось до сознания.

Это обо мне.

— Ну, значит, будет жить, — отозвалось густым баритоном откуда-то издалека.

И снова я провалился в сон.

Так было несколько дней подряд. Только я открывал глаза, хотел что-то сказать, как тут же терял над собой контроль и проваливался в черную мглу. Потом такие случаи стали реже и реже. Наконец я уже подолгу мог рассматривать потолок, поворачивая голову. Даже поднимал ее, чтобы разглядеть, отчего это одна нога болит, будто

на нее положили чугунную холодную чушку. Я такие в свое время на вокзале в Свердловске таскал, когда приходилось ходить ночами подрабатывать. Свердловск-товарная часто вспоминалась мне во время долгих ночных бдений.

— Ну вот, Григорий Исаевич, поздравляю. Дело идет на поправку, — сказал в один из дней тот самый густой баритон. — Гангрены избежали, если все обойдется, месяца через полтора-два поедешь домой.

Но ни через полтора, ни через три месяца домой я не поехал. Ранение и контузия оказались столь тяжелыми, что я из одного госпиталя попадал в другой. Писем домой не писал. Зато получал их достаточно много. Не из дома, разумеется, а от однополчан. И это поддерживало, вселяло уверенность, что в жизни еще многое предстоит.

Госпиталь был далеко от линии фронта. Но и в этих серых покаях со слабым электрическим светом жила война. В ворохе кровавых бинтов, в ночных стогах легкораненых бойцов и в жуткой тишине палат для раненных тяжело... Молоденькие медсестры и санитарки выбивались из сил: делали уколы, перевязки, мыли длинные коридоры, кормили, стирали... Но не жаловались. Кому было тогда легко? Связисткам? Девчонкам из банно-прачечных отрядов или тем, которые меня вынесли из-под обстрела?

К 40-летию Победы я получил конверт и глазам своим не поверил — письмо прислала Ася Маклашенкова, военфельдшер нашей дивизии. «Я не писала ранее ни о себе, ни о своих подругах. А душа болит!»

В своем письме Ася рассказала о фельдшере 288-го гвардейского полка Валентине Крутиковой, сероглазой сердечной красавице и очень смелом бойце.

«Когда в районе Мясоедово во время боя был убит командир санвзвода второго батальона Ваня Партянка, — пишет Ася, — главный врач санроты Калашников приказал мне срочно отбыть в расположение батальона. Я растерялась, там ведь крошечный ад, там бой, а в санроте

было четверо парней-фельдшеров. Но приказ есть приказ. Я только про себя страх развела, а идти-то все равно надо. И тут Валя точно почувствовала мое состояние. «Разрешите и мне пойти с Маклашенковой, — говорит она Калашникову. — На передовой много раненых, идет бой».

Я была ей благодарна и теперь уже не испытывала боязни и страха. Со мной рядом был верный товарищ.

Спасая раненых, Валя погибла в боях под Харьковом. Но я живу, постоянно слыша ее нежный голос: «Потерпи, браток, ты же гвардеец!» Или слова, обращенные ко мне: «Держись, мы еще доживем до свадьбы».

По справедливому замечанию Александра Куприна, женщины в минуты несчастий бывают расторопнее мужчин, находчивей, умней, практичней, самоотверженней их и, надо бы добавить, сострадательней.

Умение женщин всем сердцем откликаться на чужую беду — есть проявление главного принципа жизни, того непостижимого нравственного величия, перед которым мы благоговейно склоняем головы.

Сверлящий, скрежещущий гвоздем по стеклу, угрожающе нарастающий звук. Не размышляя, санитарка припадает к раненому, заслоняя его собой.

— Не бойся, ничего не бойся, милый, я тут!

Раскатистый, расходящийся эхом удар. Оглушительный звук напряженно лопнувшего металла. Дыбится смешанная с бешеным пламенем земля, заваливает обоих с ног до головы.

Медленно рассеивается, путаясь в зарослях густого кустарника, серо-голубой дым. В пронзительной тишине слышно, как шуршат сшибленные ветки березы. Планируя, падают на вывороченные комья земли зеленые листья. Проходит долгая минута. Завал начинает шевелиться. Показываются руки и голова раненого.

А санинструктор? Девочка-санитарка? Поднимайся, бесстрашно! Отряхни с себя прах земной! Улыбнись, как бывало, озорной улыбкой!

Она недвижима.

— Сестричка, сестричка! Отзовись!

Запорошенные землей волосы в крови. «Иной цветок, — сказал поэт, — цветет лишь день, но он краса природы». Так и человек коротенькой жизнью своей может украсить жизнь человечества.

Так погибла Валентина Крутикова. Погибли Полина Ладыгина, Ася Басова, Тася Маринец, Галя Нестеренко. Этих девушек мне знать не довелось, некоторые пришли уже после моего ранения. А вот Асю Маклашенкову знал хорошо и, когда получил письмо, несказанно обрадовался. Я считал ее погибшей. После боя за Белгород многих санинструкторов тогда недосчитались. Они шли под пули и мины, спасая бойцов, и не сгибались под сильнейшим арт-огнем. Ася была ранена, но все обошлось, закончила она войну в Берлине. Собственно, вот строки из ее письма: «...Имею три ордена Красной Звезды, ордена Отечественной войны I и II степени, медаль «За боевые заслуги» и еще девять медалей. В 1979 году в Кремле получила орден «Знак Почета» — это за труд. После войны закончила медицинский институт, вырастила трех сыновей, все добрые, трудолюбивые парни».

Хочу рассказать еще об одном герое. Это девушка, имя которой навсегда вписано в историю нашей дивизии, — Лена Лосева. Она отличалась отчаянной храбростью, которой мог бы позавидовать иной бывалый боец. Невысокого роста, с острыми большими глазами, с короткой «спортивной» стрижкой, Лена походила больше на подростка. Молодые бойцы из свежего пополнения всегда с любопытством и недоверием прислушивались к рассказам о ней. Уж больно хрупка на вид, а такие о ней легенды ходили!

Говорили, например, что из одного боя она вынесла трех бойцов одновременно, причем двух тащила волоком, а третьего, взвалив на себя, буквально до операционного

стола донесла, не позволив к нему притронуться, — у него в ключице застряла неразорвавшаяся мина.

А однажды Лена Лосева в самый критический момент боя подняла в атаку целый взвод.

Враг осыпал наше расположение градом снарядов. То там, то здесь поднимались гигантские столбы огня и земли. Пулеметный шквал прижал нашу пехоту, нельзя было головы поднять. Но именно эта неподвижность и была губительна. Тут нужны были очень решительные действия. Это и поняла Лосева, перебегая от одного раненого солдата к другому. Рассказывали, что она почти никогда не ползала по земле, а только, сильно пригибаясь, бегала. Причем бегала с удивительной быстротой, отзываясь на каждый стон или призыв: «Сестричка, помоги...»

Так вот, почувствовав, что сейчас ни одного живого из взвода уже не останется, она подняла чей-то автомат над головой и с криком: «Вперед, за мной!» — бросилась вперед. Этот ее подвиг потом стал передаваться в пересказах солдат каждому новому пополнению. За него якобы отважную Лену Лосеву, санитарку 288-го гвардейского стрелкового полка, представили к званию Героя. Не знаю, насколько это верно. При мне, во всяком случае, ей звезду не вручили, а вот медалью «За отвагу» наградили, причем тоже за поступок отчаянной храбрости.

А дело было так. Шел ожесточенный бой. От артиллерийско-минометного огня противника полегло уже много наших бойцов. Фашисты предприняли мощную и, как потом стало ясно, последнюю массированную контратаку.

Вдруг на левом фланге у нас, на самом, можно сказать, ответственном участке обороны, замолчал станковый пулемет. Добраться в окоп к пулеметчикам по траншее возможности не было, ход сообщения давно завалило, нужно пробираться по открытой местности, хорошо простреливаемой гитлеровцами. Что делать?

А враги сообразили, что нас можно обойти именно с этого, левого фланга. Но тут, откуда ни возьмись, сестрич-

ка. «Что, — говорит, — фашист прет слева, и некому вас прикрыть?» В шутку как бы так спрашивает. А ей в тон и отвечают: дескать, если пулемет еще минут пять промолчит, туго нам будет.

Как услышала Лена, что положение у нас, что называется, аховое, рванулась к умолкнувшему пулемету. Через несколько минут гитлеровцы, встреченные огнем, вынуждены были вначале залечь, а потом и отступить. Она справилась с «работой» погибшего расчета, причем смогла исправить задержку в пулемете.

Сестричка отличалась и позже. Было немало эпизодов, где Лена Лосева проявила самоотверженность и отчаянную храбрость. Но вот 14 февраля 1944 года ее не стало. В боях за село Юрковка Звенигородского района Черкасской области она погибла смертью героя. Причем, что характерно, — тоже была за пулеметом, расчет которого погиб. Отважная санитарка вела огонь по наседавшему врагу до последнего патрона. На месте ее гибели впоследствии был установлен обелиск.

Пора боёв ушла в прошлое. Свойство нашей памяти: с годами острота ощущений уходит, но остается облик самых дорогих тебе людей. Стоит прочесть фамилию в блокноте — и всплывает из дымки лет лицо человека. Да, с ним я встречался. Начинаешь перерывать в памяти сотни дней-страниц, и где-нибудь все равно отыщется нужная.

Закрывая последний военный блокнот, обнаружил страничку из давно прочитанного письма. Оно возвратило к времени, фактически послепобедному. Пришло письмо из Берлина, но проделав довольно странный путь. Было в Перми, а затем его доставили мне в Свердловск — такая вот схема. И писал-то его не свердловчанин и не пермяк. Наш артиллерист — Лев Охитович — адресовал своему другу описание своих впечатлений от Берлина. Они, как заповедь, облетели наших бойцов, которые к тому

времени вернулись домой. Письмо, как я теперь понимаю, многими переписывалось от руки.

Я держу эти листки и с трудом сдерживаю волнение. Читаю эти строки и будто сам стою на берлинской мостовой со всеми своими друзьями-однополчанами, кто не дошел до Победы. Но они, безусловно, незримо стояли там. А иначе и быть не могло.

Кстати, у меня во время войны была одна мечта — дойти до Берлина. И даже тогда, когда меня посадили в поезд, поддерживая за костыли, я не расстался с ней.

«...Берлин постепенно входит в колею мирной жизни. Это видно по всему. Сегодня воскресенье, и население города прогуливается по улицам. Седовласые немцы сидят с зонтиками на скамеечках между газонами. Мужчины разных возрастов, столпившись у витрины, читают газету «Берлинер цайтунг». Фланирующие молодые фрау бросают из-под шляпок любопытствующие взгляды. Трамваи пока не ходят. Однако на трамвайной остановке стоит группа немцев и немок с узлами, чемоданами и детьми.

...От окраины Берлина до его центра почти пятнадцать километров. Мы едем замедленным ходом, чтобы дать возможность капитану Волгушеву фотографировать. Вот улица Потсдаммерштрассе, за ней Берлинерштрассе. И та, и другая изрядно потрепаны. На протяжении всех пятнадцати километров, от окраин до центра Берлина, пожалуй, не найти ни одного целого дома.

— Славно поработали! — говорит Волгушев, показывая на развалины семиэтажного дома.

...Шофер тормозит. Перед нами Потсдамская площадь. Наконец-то мы в центре Берлина! Разрушений здесь заметно больше.

Машина сворачивает влево. Впереди полоска грузовиков, украшенных лозунгами и красными полотнищами. Регулировщик показывает место для стоянки. Грузовикам дальше ехать нельзя. Отправляемся пешком. Отсюда начинается Паризерплац — традиционное место парадов германской военщины. Справа — знаменитые Бранденбургские ворота — огромная, тяжеловесная, скучная арка со вздыбленными конями на верхушке. Кони изуродованы бомбой. Снимаемся на фоне арки и отправляемся к рейхстагу.

Площадь Гинденбурга буквально кишит народом. Немцев здесь не видно. Куда ни взглянешь, всюду русские лица. Везде слышится оживленный говор, смех, возгласы. В глазах рябит от красноармейских кителей, от звезд, медалей, орденов. У колонны рейхстага щелкают фотоаппараты. Какие-то смельчаки, взобравшись на изуродованную крышу здания, пробираются к месту, где было водружено знамя Победы, и мелом пишут свои имена.

Здание рейхстага испещрено тысячами имен. На фасаде, на крыле, на колоннах и балюстрадах, на оконных рамах — всюду пестреют надписи. Они просты, лаконичны и наивны: «Здесь был Алексей Ильин», «Москва — Ногайцев, Васичев», «Сухиничи — Васильев», «Сталинград — Берлин — гвардии старший лейтенант Хвойницкий», «Слава сталинским соколам», «Самоходка майора Гайворонского — Кавказ — Берлин», «Одесса — Нивиновы были тоже здесь», «Получите за нашу Родину от авиаторов Кичигина, Красотина!», «Тбилиси — Тетдасадзе», «Ленинградцы Абрамов, Симук, Прокудин. 8 мая 1945 г.», «Были из Перми Митин, Чериганов, Гуревич, Хмычкин», «Москва — Победа! Колтунов»...

Входим в здание рейхстага. За анфиладой разрушенных комнат — зияющий провал. Здесь был зал заседаний. Отсюда Гитлер произносил свои исторические речи. Теперь здесь груда развалин, прах и тлен.

Снова выходим наружу. Море людей по-прежнему заполняет площадь от края до края. В нескольких шагах от главного подъезда рейхстага, в самой гуще волнующегося моря, островком высятся белоснежный дощатый пьедестал регулирующего, украшенный пятиконечной звездой.

На пьедестале — симпатичная русская девушка с флажками. Она дирижирует толпами, словно капельмейстер гигантским симфоническим оркестром. Казалось бы, все в этой девушке просто и обыкновенно. Русые локоны, синий берет, зеленая военная шинель, сапожки. На бесчисленных дорогах войны все это уже давно стало привычным и традиционным. Но здесь, в сердце покоренного Берлина, у развалин рейхстага, где наш ликующий народ водрузил гордое знамя своей победы, ее облик воспринимается совсем по-иному. Скромная фигура русской девушки, властным жестом останавливающей тысячный поток людей и машин, вырастает здесь в большой, волнующий, символический образ.

Пришло наконец возмездие!
Берлин. Июнь. 1945 год».

Недавно получил письмо от своих друзей-однополчан. По нашей ветеранской традиции мы таким вот образом перед праздником проводим переключку. Еще недавно наши ряды были достаточно плотными. Прошло несколько месяцев, и уже бреши: в письмах одно за другим сообщения: «Ушел из жизни...», «Закончил борьбу с болезнями...», «Отмучился...» Неумолимо время. Уходят и ухо-

дят в историю действительные свидетели воинского подвига. Остается все меньше участников событий, о которых только они могут поведать правду без ущемления и прикрас.

За многие годы восхваления одних и необоснованного замалчивания других в представлениях людей послевоенных поколений война стала выглядеть в таких необъяснимо чистых, благодетельных красках, что порой, дернув себя за ухо, спрашиваешь: не во сне ли я?

В угоду чьим-то амбициям с легкостью необыкновенной начали переставлять героев с одного места боя на другое, в другие бои, присваивать им чужие подвиги, рассказывать о них небылицы. Вначале мы этому удивлялись, потом стали негодовать, но кто хотел слушать нас, когда эти небылицы тиражировались в сотнях тысяч экземпляров книг о войне? Писатели описывали свою войну, журналисты разных возрастов, но абсолютно всех изданий искали только сверхчеловеков и, не найдя, выдумывали их. Выдумывали к празднику или очередной дате. Очеловечивали этих героев, и это создаваемое нечто о войне преподносилось как удача в поиске.

Спустя некоторое время в том или ином издании тихо сообщалось, что такого случая или такого человека не было, потому что при тех условиях быть не могло, а было так-то и так. Но кому это уже нужно, если праздник закончился, а бег времени не остановить. Бегущие один за другим сходят с дистанции. Потому и пишут мне друзья: «Петр уже отмучился», «Николай ушел из жизни, так и не дождавшись своей комнаты в громадной исполкомовской очереди ветеранов войны и труда», «Федоров умер, так и не решив вопроса о своей медали «За взятие Берлина». Где-то в военкомате замылили бумаги...»

С грустью читаю письма людей, которые когда-то были бесстрашны и настойчивы, мужественны и терпеливы. Они знали, что впереди у них целая жизнь, и поэтому умели прощать мелкие обиды, они верили, что самое главное —

это победа над врагом, а все остальное не так важно для них. Но пробил час, и все в их жизни перевернулось: подвиг на фронте стал малозначительным и ничтожным фактом, обращать внимание на который стало просто недосуг, а мелочная возня вокруг неожиданно приняла самые широкие масштабы. Она, эта возня, как мясорубка, смалывала одного ветерана за другим, безжалостно, тупо, пугающе. И опять никому до этого не было дела. Кто-то из стариков не выдерживал и начинал врать. Ему верили, потому что искали не людей, а героев.

Таковы правила игры послевоенных времен.

Если я ошибаюсь, пусть мне докажут обратное. Я видел войну собственными глазами и могу точно сказать, что основной составляющей любого успеха в бою были все-таки не красивые подвиги, а будничная тяжелая работа с потом и зачастую обильной кровью. Так что погибших, как правило, оказывалось больше, чем награжденных. И все мы, хлебнувшие военного лиха, чаще вспоминаем именно о погибших товарищах. Их гибель оставляла рубцы на душе, они болят до сих пор.

СОДЕРЖАНИЕ

С. Зубарев. СНЕЖНЫЕ ПРИЗРАКИ	5
В. Князев. НА ОБАГРЕННОЙ ЗЕМЛЕ	37
Б. Лобода. ХОЛМЫНСКОЕ ПОДПОЛЬЕ	51
В. Берлин. ЗАЛИМАНСКИЙ ПЛАЦДАРМ	79
Е. Фокин. ОХОТНИК ЗА «ЯЗЫКАМИ»	116
И. Сафронов. «ЧЕРНЫЙ КРЕЙСЕР»	157
В. Чуприянов. ТРУДНЫЕ БУДНИ ВОЙНЫ	199
В. Кирилюк. В ВОЕННОМ НЕБЕ	240
Г. Цаур. ИЗ ЗАПИСОК МЛАДШЕГО ОФИЦЕРА	304

Массово-политическое издание

БОЙЦЫ ВСПОМИНАЮТ

Редактор **М. Науменко**
Художник **В. Верхоланцев**
Художественный редактор **С. Можаява**
Технический редактор **В. Чувашов**
Корректор **Л. Крамаренко**

ИБ № 2019

Сдано в набор 24.05.90. Подписано в печать 22.11.90. Формат 70×108¹/₃₂. Бум. офс. кн.-журн. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 16,10. Усл. кр.-отт. 16,52. Уч.-изд. л. 17,039. Тираж 5000 экз. Заказ № 390. Цена 95 к. Пермское книжное издательство, 614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30. Книжная типография № 2 Управления издательств, полиграфии и книжной торговли, 614001, г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57.

Б 77 Бойцы вспоминают. — Пермь: Кн. изд-во, 1991. — 366 с.

ISBN 5-7625-0181-7

Сборник воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны.

Б 1304010000—8 12—91
М152(03)—91

ББК 63.3(2)722.78